

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2016

№ 6 (44)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.).

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).
Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».
Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Бакшт Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации	5
Жерлицына Н.А. «Защитник угнетенного Марокко»: освещение Рифской войны в Советском Союзе в 1920-х гг.	11
Корноухова Г.Г. Деятельность Высшей аттестационной комиссии в довоенный период сталинизма	18
Шереметьева Д.Л. Профессор без образования: социальные лифты российского социума первой половины XX в. в карьере Д.И. Розенберга	29
Иванов А.Г., Безродный К.Э. Судьба генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова в эмиграции в Болгарии	38
Корениук В.М., Суслов А.Б. Военная повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области)	44
Столетова А.С. Роль библиотек в организации культурно-досуговой сферы населения Европейского Севера России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей)	53

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Вакулев С.А. Особенности восточной политики Рима во II в. до н.э.	60
Митюрёва Д.С. К вопросу о преемственности идей Ж. Бодена в трактате Д. Уира	65
Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933–1935 гг.)	70
Макутчев А.В. Опыт решения проблемы мавританских беженцев в долине реки Сенегал	79
Белов В.Б., Колесова О.В., Поморина И.В., Оплаканская Р.В. «Town and gown»: университет в городском социально-экономическом и культурно-историческом пространстве Европы (на примере Великобритании, Германии, Франции и Польши)	87

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Митько О.А., Николаева Т.А. Особенности погребального обряда Таштыкского населения (по данным антропологического анализа захоронений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II)	98
Чеха А.Н. Каменные индустрии слоя 3 стоянки Устье реки Кутарей в Северном Приангарье	106
Чеха А.М. Палеолитические местонахождения с бифасами в Северном Приаралье: проблемы хронологии и периодизации	114
Рощупкин А.Ю. Елецкая крепость на южных рубежах Московского государства в конце XVI – первой половине XVII в. (строительство, восстановление, реконструкция)	120
Проценко А.С., Сатаев Р.М. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры	125
Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Фетиши <i>Ас</i> и <i>Тилег тӧс</i> 'ы в мировоззрении и обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.)	134
Текеева Л.К. Анимистические представления тюркоязычных народов Северного Кавказа	140

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Baksh D.A., Rumyantsev P.P. "The Gendarme supervision" of a private gold mining in Siberia (1870–1880-ies): his essence, forms and problems of realization	5
Zherlitsina N.A. "Defender of oppressed Morocco": treatment of the Rif War question in the Soviet Union in the 1920th	11
Kornoukhova G.G. The Higher Attestation Commission activities during the pre-war period of Stalinism	18
Sheremetyeva D.L. Professor without education: social lifts of the Russian society during the first half of the XX century in the D.I. Rosenberg's career	29
Ivanov A.G., Bezrodny K.E. The fate of lieutenant-general N.E. Bredov in emigration in Bulgaria	38
Koreniuk V.M., Suslov A.B. Everyday life of children of "enemies of the people" during the Great Patriotic War: The case of the Molotov region	44
Stoletova A.S. The role of libraries in the organization of cultural and leisure spheres of the population of European North of Russia in 1950–1960 (On the example of the Arkhangelsk and Vologda regions)	53

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Vakulev S.A. Features of the eastern policy of Rome in II century A.D.	60
Mityuryova D.S. On the question of continuity of ideas of Jean Bodin in a treatise by Degory Wheare	65
Morozov S.V. To the question of military-political cooperation between Poland and Germany against the USSR (1933–1935)	70
Makutchev A.V. Experience in solving problems of Mauritanian refugees in Senegal River Valley	79
Belov V.B., Kolesova O.V., Pomorina I.V., Oplakanskaya R.V. «Town and gown»: University in the city of socio-economic and cultural-historical space of Europe (for example of Great Britain, Germany, France and Poland)	87

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND SOCIAL ANTHROPOLOGY

Mit'ko O.A., Nikolaeva T.A. Especially of the burial rite Tashtyk' population (From anthropological analysis of cremated bones of Tashtyk monuments under stone plates in site Markelov Mys II)	98
Chekha A.N. The stone industries of layer 3ust – Kutarey site in North Angara region	106
Chekha A.M. Paleolithic sites with biface in Northern Aral region: problems of chronology and periodization	114
Roschupkin A.Yu. Yelets fortress at the southern boundaries Moscow state at the end to the XVI first half of the 17 th centuries. (Construction, restoration, reconstruction)	120
Procenko A.S., Sataev R.M. On the question of media vital basics Kara-abyzskoy archaeological culture	125
Burnakov V.A., Tsydenova D.T. Fetishes – As and Tileg tös'es in outlook and rituals of Khakases (end XX - middle of XX century)	134
Tekeeva L.K. Animistic concepts of Turkic peoples of the North Caucasus	140

Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В.	
Этнодемографические процессы в Западной Сибири в постсоветский период (1989–2010 гг.)	144
Кривоногов В.П. Этнические процессы у кетов в начале XXI в. (опыт интервальных исследований)	152

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Крестьянников Е.А. Рецензия : Кононенко А.А. Тюмень на рубеже веков: город и его жители в 1900–1917 гг. Тюмень : ИД «Титул», 2014. 132 с.: 4 ил.	162
Чуркин М.К. Рецензия : Запороженченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в.: поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / отв. ред. А.А. Николаев ; Ин-т истории сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Новосибирск : Сибпринт, 2015. 540 с.	164
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	167

Dashinamzhilov O.B., Lygdenova V.V.	
Ethnical demographic processes in Western Siberia in post-Soviet period (1989–2010)	144
Krivanogov V.P. Ethnic processes among of Kety at the beginning of the XXI century (Interval research experience)	152

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Krestyannikov E.A. Review : Kononenko A.A. Tyumen turn of the century: the city and its inhabitants in 1900–1917. Tyumen: Publishing house «Title», 2014. 132 p.: 4 ill.	162
Churkin M.K. Review : Zaporozhchenko G.M. Of urban consumer cooperation in Siberia in the early XXth century: the search for identiti and the experience of civil self-government / ed. by. A.A. Nikolaev; Institute of history of Siberian branch of RAS. Novosibirsk : Sibprint, 2015. 540 p.	164
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	167

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(571)

DOI 10.17223/19988613/44/1

Д.А. Бакшт, П.П. Румянцев

«ЖАНДАРМСКИЙ НАДЗОР» ЗА ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В СИБИРИ (1870–1880-е гг.): ЕГО СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-01018.

Рассмотрен вопрос существования и содержания «жандармского надзора» за частной золотодобывающей отраслью в период активного реформирования системы императорской политической полиции. В качестве форм осуществления «надзора» были выделены сбор данных об отрасли и подготовка итогового годового отчета; осуществление инспекции в местах золотодобычи; прием прошений (заявлений). Было определено, что к факторам, ослабляющим деятельность офицеров Отдельного корпуса жандармов, относились нерегулярность и второстепенность «надзора»; недостаточное нормативное регулирование; отсутствие административно-процессуальных полномочий; высокая степень коррупционности отрасли. Был сформулирован вопрос о сущности «надзора». В результате историко-правового исследования было сделано заключение о том, что осуществляемая жандармами деятельность имела место, но была не отдельной функцией, а частью общего жандармского «наблюдения» за территорией.

Ключевые слова: корпус жандармов; золотопромышленность; Сибирь; политическая полиция; рабочий вопрос; надзор; прииски.

Исторические и историко-правовые исследования в области нормативного регулирования экономической сферы в Российской империи, помимо обобщающих трудов, нуждаются в детальных исследованиях частных случаев и истории осуществления отдельных функций государственного управления. Так, например, функция по осуществлению надзора за частной золотодобывающей отраслью сибирскими территориальными органами Отдельного корпуса жандармов (губернскими жандармскими управлениями – ГЖУ) не достаточно освещена в отечественной историографии.

Ранее был исследован процесс учреждения жандармского надзора за частной золотопромышленностью на сибирских землях в 1830–1840-х гг. [1]. К 1870-м гг. произошли существенные изменения: в 1858 г. были ликвидированы должности «приисковых» жандармских офицеров, в 1867 г. – значительно изменена структура Корпуса жандармов (с 1875 г. – Отдельного корпуса жандармов, ОКЖ), а в 1870 г. из Устава о частной золотопромышленности исчезло понятие «жандармский надзор».

Однако в ходе проведенного нами исследования обнаружилось значительное количество материала, свидетельствующего об осуществлении «жандармского надзора» за частной золотопромышленностью в Сибири в период рубежа 1870–1880-х гг.

Было сформулировано следующее проблемное поле:

– во-первых, была ли это инициатива конкретного территориального органа ОКЖ, решившего воспользоваться своими специфическими полномочиями?

– во-вторых, каковы были правовые формы осуществления жандармского надзора за частной золотодобывающей отраслью в рассматриваемый период времени?

– в-третьих, соответствовали ли действия должностных лиц, осуществлявших рассматриваемую в настоящем исследовании функцию?

Российская империя в рассматриваемый период являлась неограниченной монархией, поэтому правовое поле формировалось на основании как указов императора, так и нормативных правовых актов, выработанных органами государственной власти. Поэтому зачастую происходили противоречия между различными нормативными актами или нарушение определенных порядков.

В Сибири имущественные права на землю и недра принадлежали государству или императорской семье. В результате введения ряда норм 1820–1830-х гг. была легализована частная золотопромышленность, в отношении которой была сформирована система государственных контрольно-надзорных органов. В 1841–1870 гг. в российском имперском законодательстве сложилось три вида административного надзора за частным сектором золотодобывающей отрасли [2. С. 445]:

1) горный надзор, осуществляемый Министерством финансов и подчиненными ему органами в вопросах, связанных с землеотводом и недропользованием;

2) полицейский надзор, осуществляемый провинциальной администрацией посредством подчиненного ей полицейского аппарата;

3) жандармский надзор.

Последний был закреплен во втором разделе Устава горного (О частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири). Императорские указы от 9 мая 1841 г. и 9 мая 1842 г., которые вводили нормы о жандармском надзоре в Западной и Восточной Си-

бири [3, 4], были закреплены в качестве статьи 2528 Устава горного.

В других частях империи подобного нормативного оформления жандармский надзор не получил, хотя и практиковался в виде специальных расследований в рамках отдельных командирований или в составе специальных комиссий. Например, в 1850 г. на приисках Южного Урала действовал жандармский капитан Колонийцев с целью расследования незаконного оборота золота на частных приисках. В том же году была образована межведомственная следственная комиссия по этому предмету [5. С. 115].

В дальнейшем, в 1858 г. специальные должности на золотых приисках были сокращены, а их обязанности перераспределены на штаб-офицеров, находившихся в Томске, Красноярске и Иркутске [6. С. 492]. Были изданы новые секретные инструкции по осуществлению данных полномочий. Из Устава горного исчезла норма о «жандармском надзоре». Поскольку их полномочия сохранились через перераспределения между должностными лицами путем императорского указа, то правомерно говорить о «жандармском надзоре» и после 1858 г.

В 1870 г. на основании мнения Государственного совета, подписанного великим князем Константином Николаевичем 24 мая 1870 г. и утвержденного императором Александром II 6 июня 1870 г., был введен в действие Устав о частной золотопромышленности. В нем главным органом государственной власти, в предмет которого включен административный надзор за частным сектором золотодобывающей промышленности, стало Министерство финансов. Полицейский надзор, осуществляемый губернаторами силами общей полиции, согласно ст. 18, регулировался инструкцией, выработанной МВД совместно с Министерством финансов. Жандармский же надзор как отдельный вид административного надзора за отраслью был исключен из текста Устава о частной золотопромышленности 1870 г.

Поскольку этот период времени характеризуется значительным возрастанием влияния Третьего отделения императорской канцелярии за счет личностных качеств его главы – графа П.А. Шувалова, возникает закономерный вопрос: почему жандармский надзор исчезает из основного нормативно-правового акта, регулирующего одну из ключевых отраслей российской экономики того времени?

В этом вопросе следует учитывать главное обстоятельство, что в этом историческом периоде право и государственные интересы уступали личностным интересам представителей элиты империи. Так, доходы с сибирских золотых приисков имели главы Третьего отделения императорской канцелярии – А.Х. Бенкендорф и А.Ф. Орлов. Известен случай неудачного конфликта последнего с княгиней С.А. Мадатовой в 1849–1852 гг. по вопросу о принадлежности прав на добычу на одном из месторождений в Енисейской губернии [7. С. 258; 8.

С. 71]. Поэтому было бы заблуждением выводить административные реформы в Российской империи из соображений целесообразности или развития публично-правовой практики.

Несмотря на невключение в Устав о частной золотопромышленности 1870 г. жандармского надзора указа 1858 г. и разъясняющей секретной инструкции начальникам сибирских жандармских управлений, функция надзора продолжала осуществляться.

В результате проведенного исследования можно выделить следующие формы надзора, существовавшие в 1870-х – начале 1880-х гг.

1. Сбор данных об отрасли и подготовка итогового годового отчета. Такая форма являлась наиболее формализованной, поскольку, как свидетельствуют материалы, жандармские должностные лица ограничивались запросом статистического материала из иных ведомств. Такая цикличная и нерегламентированная деятельность, поддерживаемая авторитетом жандармерии, фиксируется на достаточно продолжительном временном отрезке. Например, в Иркутской губернии полковник Дувиг собирал данные с 1864 г. [9. С. 30]. В диспозиции циркуляра начальника Сибирского жандармского округа от 28 ноября 1881 г. за № 179 указывалось на то, что отчеты начальников управлений содержат «одни цифры» [10. Д. 1. Л. 66].

2. Осуществление инспекции в местах золотодобычи. Такая форма надзора должна была содержательно наполнить отчеты начальников жандармских управлений. С 1858 г. ежегодное посещение ими мест добычи в летний сезон стало обязанностью, на которую отдельно выделялась целевая сумма (1 тыс. руб.) томскому, красноярскому и иркутскому жандармским офицерам [11. С. 780–786]. Однако далеко не все жандармские чины хорошо понимали свои обязанности и тем более были знакомы с царившими порядками и нравами на золотых промыслах в Сибири. Так, А.И. Баркова, жена одного енисейского золотопромышленника, привела следующий пример: «Жандармский штаб-офицер имеет обязанность следить за содержанием рабочих, за их помещением, за сроком работы, но и тут на деле выходило мало толка, ибо всякий золотопромышленник заранее знал в какой день посетит его начальство: разумеется, в этот день не кормили рабочих испорченным мясом, что зачастую случалось в другие дни, кончали работы рано, давали отдыхать, т.е. соблюдали свято все правила. <...> [Однажды] ловкий управляющий делами Зотова показал [жандармскому полковнику] новые казармы, где жили рабочие нашего прииска, соседнего с Зотовским, уверив его [жандарма], что это вновь построенные на площади Зотова, и полковник не догадался, что это же самое здание уже он видел дня четыре раньше, когда инспектировал наш прииск» [12. С. 184].

3. Прием прошений (заявлений) по обжалованию действий (бездействия) должностных лиц представителями золотопромышленных компаний и заявлений ра-

бочих по обжалованию действий (бездействия) представителей золотопромышленных компаний.

Такая форма работы в пределах своих полномочий осуществлялась по различным предметам. Это могли быть разбирательства по гражданским делам. Например, в декабре 1875 г. Енисейским ГЖУ было принято прошение от Е. Оборотова, сына купца второй гильдии, который после восьмилетней службы на Аннинском прииске компании Зотовых (р. Шаарган, Енисейский округ Енисейской губернии) выехал с места добычи, оставив приобретенное за свой счет имущество. Суть спора заключалась в том, что имущество присвоил себе еврей С. Дегтярев, арендатор прииска, отказавшись возвращать или выплачивать денежную компенсацию (140 руб.). В прошении Е. Оборотов указал, что тяжба за имущество длилась около года [13. Д. 1185. Л. 1–4 об.].

Прошение Е. Оборотова принял адъютант Енисейского ГЖУ, А.А. фон Гроссгейм, временно исполнявший обязанности начальника управления. Он направил документ с сопроводительным письмом от 12 ноября 1875 г. за № 1024 на имя губернатора без вынесения каких-либо позиций органа. Енисейское губернское управление рассмотрело прошение в пятидневный срок, передав его в Енисейское окружное полицейское управление с распоряжением объявить Е. Обухову, что дело оставлено без последствий.

В данном случае жандармский орган не проявил какого-либо участия в разрешении дела, лишь направив его в губернское управление вместо одной из сторон. Более того, жандармское управление не имело законных полномочий вмешаться в гражданский процесс, производимый губернскими органами, посредством запроса: действовавшие еще тогда в Сибири Законы гражданские регулировали порядок разбирательств и оспариваний по данной категории дел. Кроме того, предмет разбирательства был незначителен для органа политического сыска, что влекло нецелесообразность вмешиваться в работу губернатора и его органов.

Единственное, что мог сделать жандармский офицер, это проконсультировать просителя, что на основании ст. 28 Законов гражданских он вправе в установленные сроки обжаловать вынесенное решение в Сенате [14. С. 8]. Однако, скорее всего, этого не было сделано. Во-первых, это требовало от жандармского офицера должного знания гражданско-процессуального законодательства. Во-вторых, для консультирования необходима была повторная явка просителя в жандармское управление.

Другой пример связан с разбирательством относительно уголовно наказуемого деяния. В ноябре 1883 г. была подана жалоба на имя начальника Енисейского губернского жандармского управления от некой Шишариной, жены отставного чиновника, по предмету поджога на Царево-Александровском прииске (Енисейская губерния, Ачинский уезд) [13. Д. 3259. Л. 1–21]. В уголовно наказуемом деянии

потерпевшая обвиняла своего компаньона, некоего мешанина Михайлова.

Реакцией жандармского органа стали два донесения с приложением копии прошения Шишариной: одно – енисейскому гражданскому губернатору, другое – восточносибирскому генерал-губернатору. Однако это было не просто формальное сопроводительное письмо, в документе была дана позиция органа в отношении ситуации, сложившейся на этом прииске. Из комментария полковника М.П. Кузьмина, начальника ЕГЖУ, следует, что Шишарина впервые обратилась к нему лично осенью 1883 г. во время организованного «выхода» рабочих с приисков Ачинского уезда. При обращении жандармского офицера к горному исправнику Смирнову выяснилось, что у последнего имелись «хорошие отношения» с Михайловым. По выводу ЕГЖУ вследствие бездействия представителя горной полиции и произошел поджог на прииске.

Донесение начальника Енисейского ГЖУ губернатору от 28 ноября 1883 г. за № 1821 возбудило административный процесс. Однако, как видно из материалов дела, уездные органы исполнительной власти всячески затягивали дело под формальными предлогами. Только вмешательство чиновника по особым поручениям Александровича заставило ускорить повторное внесение дела на рассмотрение Ачинской городской ратуши лишь в феврале 1886 г.

Данный пример показывает несколько аспектов. Во-первых, Жандармское управление не вмешалось в процессуальное производство на какой-либо стадии, лишь ограничившись его инициированием. Фактически здесь жандармерия подменила собой надзор пореформенной прокуратуры, которой еще не было в Сибири. Во-вторых, свою позицию орган высказал еще и потому, что к горному исправнику Смирнову имелись претензии, о которых начальник ЕГЖУ «докладывал ранее» [Там же. Л. 4].

Наибольший интерес представляют прошения, поданные в жандармский орган по предмету разбирательств между работодателями и приисковыми рабочими. Например, в октябре 1880 г. 5 ссыльнопоселенцев Частоостровской волости Красноярского округа (уезда) Енисейской губернии обратились в ЕГЖУ. Претензия сводилась к факту недополучения ими заработанных средств от промышленника дворянина Александра Рогонова и фальсификации последним записей в отчетной документации во время работ в Енисейском округе Енисейской губернии в 1880 г. [13. Д. 6673. Л. 1–1 об.].

По всей видимости, горная полиция затянула сроки рассмотрения разбирательства, так как начальник жандармского управления сделал предписание горному исправнику по этому предмету уже 22 апреля 1881 г. [Там же. Л. 4]. Переписка исправников и губернского управления завершилась лишь в декабре 1881 г. из-за смерти Рогонова. Дело о взыскании средств было передано в окружное полицейское управление.

С 1874 по 1884 г. было зафиксировано несколько подобных дел [15. Д. 17; 13. Д. 607, 697, 1185, 2078, 2347]. Сходство между ними было в том, что жандармерия на официальном уровне не вмешивалась в разбирательство. Однако даже инициирование этих дел значительно усложняло их взаимоотношения с должностными лицами губернской администрации и полиции.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что главной слабостью жандармского «надзора» в частной золотопромышленности являлось отсутствие каких-либо процессуальных полномочий. Если бы начальник управления при обнаружении правонарушения мог выписать предписание (постановление или иной акт) или привлечь к ответственности, то это была бы «полноценная» надзорная функция. Не было и разрешительных полномочий в этой отрасли, какой в дальнейшем будет обладать жандармская железнодорожная полиция в отношении допуска рабочих посредством выдачи справок о политической благонадежности.

Следует отметить, что недостаточное регулирование надзорной функции приводило к фактам коррупции. На это намекал в своих воспоминаниях ссыльный Л.Ф. Пантелеев, служивший в 1870-х гг. в золотодобывающей компании Базилевского [16. С. 609–611]. Другой источник, анонимный корреспондент газеты «Сибирская жизнь», также указывал на то, что в северной части енисейской тайги золотопромышленники вынуждены платить местным горным и ревизионным властям, в том числе и местному жандармскому офицеру, для последнего по 1 руб. с каждого рабочего (журналист, умножая эту цифру на общее число работников, привел достаточно внушительную сумму, 4 062 р.) [17. С. 729].

Несмотря на то что внутренняя проверка опровергла эту информацию [10. Д. 9. Л. 12–12 об.], случай взятки на местах добычи золота был зафиксирован в том же 1884 г. на государственном прииске, когда жандармский штабс-капитан Бурлей взял 590 р. у политического ссыльного А. Бочаловского, обещав ему включить в список амнистируемых лиц [18. Д. 1055а, Л. 3–38; 19. С. 5].

Однако если задаться вопросом о сущности такого «надзора», то необходимо обратиться к подзаконным актам, значение которых в функционировании императорских спецслужб было более высоко, чем законодательных актов. Одним из таких документов был приказ шефа жандармов П.А. Шувалова от 14 февраля 1875 г. за № 17, разъясняющий функции Корпуса и сохранивший свою силу вплоть до 1917 г. [20. С. 311]. Первая главная функция жандармерии, согласно приказу, – это

предупреждение и пресечение «государственных» преступлений на основании поправок 1871 г. к Уставам уголовного судопроизводства 1864 г.

Вторая функция – это «всестороннее наблюдение» в целях сбора материала для возбуждения дознания. Следовательно, если учитывать этот концептуальный акт, то «надзор» в сфере частной золотопромышленности с 1870-х гг. становится разновидностью «наблюдения», не развиваясь в самостоятельную надзорную функцию. О том, что об этом приказе были проинформированы и руководствовались сибирские штаб-офицеры, свидетельствует письмо начальника управления Сибирского жандармского округа начальнику ЕГЖУ от 13 апреля 1888 г. № 167 [10. Д. 3. Л. 131–131об.].

Вторым основным доводом в пользу этой гипотезы будет служить указание на территориальную юрисдикцию «надзора». Определение горных округов, отнесение приисков к лабораториям, территория деятельности сезонных казачьих команд – не совпадали с административно-территориальным делением сибирских губерний и округов (уездов). Жандармская деятельность, согласно Положению о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г., была привязана к «географии власти» (по выражению А.В. Ремнева): юрисдикция управлений полностью совпадала с границами губерний и зависела от изменения последних. То обстоятельство, что специальная деятельность по наблюдению за частными приисками совпадала с территорией юрисдикции губернских жандармских управлений, сближало ее с общим жандармским «наблюдением» за регионом.

Таким образом, 1860–1880-е гг. можно считать переходным временем, когда обновлялось и укреплялось правовое поле пореформенной России (которая нуждалась в таком укреплении, в особенности в экономической сфере) в рассматриваемой области. Наличие жандармского «надзора» за частной золотодобывающей отраслью было такой переходной формой.

Отрывочные сведения доказывают его существование в 1870–1880-х гг. Однако в данный период это не было эффективным по ряду причин: нерегулярность и второстепенность «надзора»; недостаточное нормативное регулирование; отсутствие административно-процессуальных полномочий; высокая степень коррупционности отрасли. Требуют дальнейшего исследования конкретные формы «надзора» в более раннее время, а также выяснения исчезновения данной формы деятельности из практики сибирских жандармских органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибилов Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
2. Свод законов Российской империи издания 1857 года. Т. 7. Уставы Горный, Монетный и соли. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1857.
3. Именной указ, объявленный шефу жандармов Военным министром «О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири» (9 мая 1841 г.) [№ 14537] // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1842. Т. XVI. Отд. 1-е.

4. Именной указ, объявленный управляющему военным министерством шефом жандармов «О назначении особого штаб-офицера Корпуса жандармов для наблюдения за золотыми приисками в Восточной Сибири» (9 мая 1842 г.) [№ 15621] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1843. Т. XVII. Отд. 1-е.
5. Вишев И.И. Становление и развитие золотопромышленности на Южном Урале в XIX веке : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 249 с.
6. Именной, объявленный Комиссариатскому Департаменту Военного Министерства Военным министром указ «О возложении на Жандармских Штаб-Офицеров наблюдения за золотыми промыслами в Сибири» (23 апреля 1858 г.) [№ 33049] // ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1860. Т. XXXIII. Отд. 1-е.
7. Карцов В.Г. Деятельность петрашевца Р.А. Черносвитова в Сибири (Из истории сибирской золотопромышленности) // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1969.
8. Смирнов В.В. Золото Сибири: Исторические очерки о людях, добывающих золото в сибирской тайге. Красноярск, 2011. 300 с.
9. Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика // Гуманитарный вектор. Сер.: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 29–35.
10. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 827. Оп. 1.
11. Штаты русских регулярных местных, запасных, учебных и дисциплинарных войск военного министерства, округов, местностей и военноподчиненных управлений и Корпуса жандармов со всеми впоследствии к ним дополнениями по май 1880 г. / собр., доп. и изд. подполк. Мартыновым. Одесса, 1880.
12. Баркова А.И. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 168–185.
13. ГАКК. Ф. 595. Оп. 17.
14. Свод законов Российской империи 1857 года. СПб., 1857. Т. 10. Ч. II. Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских.
15. ГАКК. Ф. 595. Оп. 11.
16. Пантелеев Л.Ф. Воспоминания / вступ. ст., под. текста и прим. С.А. Рейсера. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. 848 с.
17. Сибирская газета (Томск). 1884. № 29.
18. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 3.
19. Сибирь (Иркутск). 1884. № 39.
20. Хронологический указатель циркуляров [1911 г.] // Государственный музей политической истории России. Ф. 2. Инв. № 45798.

Baksh Dmitrii A. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: baksh@mail.ru; *Rumyantsev Peter P.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: petroom@mail.ru

"THE GENDARME SUPERVISION" OF A PRIVATE GOLD MINING IN SIBERIA (1870–1880-IES): HIS ESSENCE, FORMS AND PROBLEMS OF REALIZATION.

Keywords: gendarmes; gold mining; Siberia; political police; labor problem; supervision; gold mines.

The article was completed as an intermediate result on the research project "The gendarme supervision on the private gold mining. 1841–1893". The article was done as an interdisciplinary historical and legal research. The article examines the question of the existence and maintenance of the "gendarme supervision" on private gold mining industry during the period of active reformation of the system of imperial political police in the late 1870s – the first half of 1880s. The author had formulated the problem field of the following questions: whether the "supervision" was a particular initiative of the territorial authority of Special Corps of Gendarmes? If the "supervision" had normative regulation, what forms of gendarme supervision on private gold mining took place in period under review? The main sources of research were unpublished documents of local regional archives, acts of central and local authorities, aimed at establishing a surveillance system over private gold mining in Siberia, materials of Siberian periodical press of XIX century. In the present study it was shown that thanks to two imperial edicts of 1841 about special gendarme posts in the mines, the Mining Charter marked three types of "supervision" on private gold mining: "mining supervision", carried out by the Ministry of Finance of its departments; "police supervision", carried out by the provincial administration through its subordinate staff; and "gendarme supervision". However, the entity, forms of "supervision", the powers of the territorial gendarme officers were not revealed. On the basis of the identified materials of gendarme practice as a form of performing a "supervision" were identified: data collection and preparation of the final annual report; carrying out inspections in the field of gold mining; receiving petitions (applications). It was determined that the factors weakening the activity of officers of Special Corps of Gendarmes were irregularity and minority of "supervision"; lack of regulatory control; lack of administrative and procedural powers; the high degree of corruption in the industry. The question about the essence of "supervision" was formulated. As a result of the historical and legal research, it was concluded that the supervision activity carried out by gendarmes on private gold mining in Siberia took place, but it was not a separate function, but a part of the overall gendarme "overseeing" of the territory.

REFERENCES

1. Bibikov, G.N. & Baksh, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841-1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 16-24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
2. Russia. (1857) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii izdaniya 1857 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire in 1857]. Vol. 7. St. Petersburg: Second Division of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
3. Russia. (1842) Именной указ, об"явленный шефу жандармов Военным министром "О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири" (9 мая 1841 г.) [№ 14537] [Imperial Edict № 14537 announced to the Chief of the Gendarmes by the Defense Minister "On the appointment of the gendarme staff officer to oversee the procedure in private gold mines in Siberia" (May 9, 1841)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 16. St. Petersburg: [s.n.].
4. Russia. (1843) Именной указ, об"явленный управляющему военным министерством шефом жандармов "О назначении особого штаб-офицера Корпуса жандармов для наблюдения за золотыми приисками в Восточной Сибири" (9 мая 1842 г.) [№ 15621] [Imperial Edict № 15621 announced to Deputy Minister of Defense by the Chief of the Gendarmes "On the appointment of a special staff officer of the gendarmerie to monitor gold mines in Eastern Siberia" (May 9, 1842)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 17. St. Petersburg: [s.n.].
5. Vishev, I.I. (2002) *Stanovlenie i razvitiye zolotopromyshlennosti na Yuzhnom Urale v XIX veke* [Formation and development of gold mining in the South Urals in the 19th century]. History Cand. Diss. Chelyabinsk.
6. Russia. (1860) Именной, об"явленный Комиссариатскому Департаменту Военного Министерства Военным министром указ "О возложении на Жандармских Штаб-Офицеров наблюдения за золотыми промыслами в Сибири" (23 апреля 1858 г.) [№ 33049] [Imperial Edict № 33049 announced to the Department of the Military commissariat by the Ministry of War "On assigning a gendarme staff officer monitoring of gold mining in Siberia"]

- (April 23, 1858)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 33. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].
7. Kartsov, V.G. (1969) Deyatel'nost' petrashevtsa R.A. Chernosvitova v Sibiri (Iz istorii sibirskoy zolotopromyshlennosti) [The activities of the Petrashevsky Circle Member R.A. Chernosvitov in Siberia (From the history of the Siberian gold mining)]. In: Chudinova, T.N. (ed.) *Ekonomika, upravlenie i kul'tura Sibiri XVI–XIX vv.* [Economics, Management and Siberian culture of the 16th – 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
 8. Smirnov, V.V. (2011) *Zoloto Sibiri: Istoricheskie ocherki o lyudyakh, dobyvayushchikh zoloto v sibirskoy tayge* [The gold of Siberia: Historical essays about people producing gold in the Siberian taiga]. Krasnoyarsk: RASTR
 9. Kalmina, L.V. & Plekhanova, A.M. (2015) Gold Mining in Western Transbaikalia in 1880–1920: Regional Specific Features. *Gumanitarnyy vektor. Ser.: Istoriya, politologiya – Humanitarian Vector. History, Political Sciences.* 3(43). pp. 29-35. (In Russian).
 10. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. Fund 827. List 1.
 11. Ministry of Defense. (1880) *Shtaty russkikh regul'yarnykh mestnykh, zapasnykh, uchebnykh i distsiplinarnykh voysk voennogo ministerstva, okrugov, mestnostey i voenno-narodnykh upravleniy i Korpusa zhandarmov so vsemi vspovedovavshimi k nim dopolneniyami po may 1880 g.* [The Russian regular local, spare, training and disciplinary forces of the Ministry of Defense, districts, localities and people's military departments and the Corps of Gendarmes with all additions to them by May 1880]. Odessa: Staff of the Odessa Military District.
 12. Barkova, A.I. (1887) Vospominaniya o sibirskoy zolotopromyshlennosti [Memories of the Siberian gold mining]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 168-185.
 13. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. Fund 595. List 17.
 14. Russia. (1857) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii 1857 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire in 1857]. Vol. 10(2). St. Petersburg: [s.l.].
 15. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. Fund 595. List 11.
 16. Panteleev, L.F. (1958) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
 17. *Sibirskaya gazeta*. (1884) 29.
 18. *The State Archives of Irkutsk Region*. Fund 24. List 3.
 19. *Sibir'*. (1884). 39.
 20. The State Museum of Political History of Russia. (1911) *Khronologicheskiy ukazatel' tsirkulyarov* [Chronological index of circulars]. Fund 2. Inventory № 45798.

УДК 94,325.83,32.019.51
DOI 10.17223/19988613/44/2

Н.А. Жерлицына

«ЗАЩИТНИК УГНЕТЕННОГО МАРОККО»: ОСВЕЩЕНИЕ РИФСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1920-х гг.

Исследуются особенности освещения Рифской войны в Советском Союзе. Движение сопротивления двенадцати племен горного района Риф в Марокко французскому и испанскому колониализму привлекало особое внимание как руководства СССР, так и советской прессы по политическим и идеологическим причинам. Анализ советской позиции по безусловной поддержке освободительной борьбы марокканцев показывает наличие противоречий и идеологических натяжек. Основой для данного исследования стали работы руководителей страны того периода, документы Коминтерна и публикации востоковедной и идеологической прессы СССР 1920-х гг.

Ключевые слова: СССР; Марокко; Рифская война; антиколониальная борьба; идеологическая печать.

Рифская война 1921–1926 гг., одна из самых кровавых и жестоких в период между двумя мировыми войнами, представлялась событием мирового масштаба из-за калибра сил, вовлеченных в противостояние, и вероятных разрушительных последствий для западной колониальной системы. Движение сопротивления берберских племен Северного Марокко под руководством Мухаммада ибн Абд-аль-Карима аль-Хаттаби испанскому и французскому колониальному присутствию привело к созданию в 1921 г. военно-территориального союза двенадцати рифских племен, получившего название Рифской республики. В течение пяти лет самопровозглашенная берберская республика вела победоносную войну против Испании, под протекторатом которой находился горный район Риф. Вмешательство Франции, которая не только мобилизовала против маленького народа 200-тысячную армию, оснащенную современным вооружением, но и сумела благодаря оккупации бассейна р. Уэрги – житницы Рифа – подвергнуть восставших угрозе голодной блокады, было решающим фактором, определившим ряд поражений рифских войск и, в конечном счете, капитуляцию Абд-аль-Карима в 1926 г.

За событиями в далеком Марокко внимательно следили в молодом советском государстве. Большевистское руководство СССР, нацеленное в своей политике в 1920-е гг. на идею мировой пролетарской революции, связывало ее с ростом революционного движения на Востоке. Союз большевиков с «угнетенными народами Востока», которые бы вместе противостояли мировой империалистической системе, представлялся возможным и даже необходимым. Пробуждение народов Азии и Африки к активной политической жизни и национально-освободительная борьба, развернувшаяся в колониальных странах, подтверждали, казалось, теории коммунистических идеологов и ставили перед Советским государством новые политические задачи. Первое послеоктябрьское десятилетие стало временем появления в СССР новой востоковедческой литературы и публицистики. Востоковедение приобрело необычайную актуальность. Изменилась его методологическая

база – ею стал так называемый марксизм-ленинизм, и практические задачи – власть требовала от ученых уделять главное внимание вопросам национально-освободительного движения народов Востока.

На протяжении всех 1920-х гг. публикации, посвященные марокканской тематике, занимали на страницах новых востоковедных, военных и идеологических журналов, таких как «Новый Восток», «Восток и колонии», «Борьба классов», «Военный вестник», «Военная мысль и революция», «Большевик» и «Красная новь», видное место. Скрупулезное внимание со стороны советских специалистов ко всем деталям разворачивавшегося в Северной Африке конфликта было связано с серьезными международными осложнениями и, не в последнюю очередь, надеждами, которые возлагали в Москве на разрастание революционного движения на арабском Востоке: «Марокко может стать исходным пунктом, базой повстанческо-революционного движения, которое из Марокко перекинется в Алжир, из Алжира в Тунис, из последнего в Триполи, чтобы слиться с сильным революционным движением в Египте» [1. С. 46]. Свидетельством особого внимания к ситуации в Марокко со стороны властей СССР стала публикация в 1925 г. книги «Европейские цивилизаторы и Марокко», автором которой был М. Мирский (псевдоним видного советского государственного деятеля, одного из крупных военачальников Красной Армии М.В. Фрунзе) [2]. Эта работа во многом задала идеологические и научные стандарты, в соответствии с которыми отечественные ученые и журналисты подходили к трактовке событий в Северной Африке.

Безусловно, поддерживая борьбу рифского народа за освобождение от колониальной зависимости, советские авторы, руководствуясь идеологическими догмами, исходили из постулата об «антиимпериалистическом» и «национально-освободительном» характере войны в Рифе. «Героическая борьба маленького народа рифов против целых полчищ французского и испанского империализма составляет одну из наиболее ярких страниц революционно-освободительной борьбы в колониях» [3. С. 2]. «Борьба рифов внесла ценный вклад

в искусство вооруженного восстания колониальных народов в эпоху империализма и пролетарских революций и еще раз подтвердила основные марксистско-ленинские принципы вооруженного восстания», — писал автор «Военно-исторического журнала» [4. С. 147]. Однако такая оценка сформировалась далеко не сразу и имела много слабых мест. Прежде всего потому, что речь шла о стране, находившейся на более ранней фазе исторического развития, не предусматривающей наличия условий, которые, согласно учению марксизма-ленинизма, считались необходимыми для зарождения революционного движения. Феодално-патриархальное Марокко не обладало ни мало-мальски развитой промышленной экономикой, ни наличием национальной буржуазии и пролетариата; сопротивление колонизаторам оказывали кочевники и крестьяне, а возглавляла это движение родоплеменная знать в лице местного аристократа — вождя племени бени-уригель Абд-аль-Карима.

Особенно бурные дискуссии развернулись среди членов Французской Коммунистической партии, которая возглавила антивоенное движение в Европе. Французские коммунисты спорили, следует ли поддерживать Абд-аль-Карима, ведь он «представляет совершенно иные социальные слои и преследует совершенно иные цели» [5. С. 74]. Члены «правого крыла» Компартии, Социалистическая партия Франции выступали против пораженческих лозунгов и эвакуации Марокко, называя войну, которую ведёт марокканский народ, реакционной, а Абд-аль-Карима — «вождём-феодалом, а не революционером», которому можно оказывать лишь условную, ограниченную поддержку «в той мере, в какой он проявляет подлинную революционность» [6. С. 76]. В ответ на это генеральный секретарь ФКП П. Семар парировал: «Мы поддерживаем не лично Абд-аль-Карима, а лишь в его лице вождя, стоящего во главе национального движения, направленного против французского империализма. Когда этот период борьбы с французским империализмом будет окончен, мы будем бороться с этим вождем-феодалом. Но это будет лишь тогда, когда он не будет более бороться с нашими империалистами, в том случае, если его власть тяжело ляжет на рифских крестьян» [7. С. 137].

Чтобы пресечь ослабляющие коммунистическое движение разногласия, его руководству — Коминтерну — пришлось принять специальную резолюцию на VI пленуме Исполнительного комитета Коминтерна. Она дала ответ на вопрос о характере войны в Рифе: «Без сомнения мы должны бороться с социальными и религиозными предрассудками, с панисламизмом колониальных народов и содействовать развитию у них массового рабоче-крестьянского движения. Но когда воинственные племена восстают против империализма метрополий и воюют за свою независимость, мы должны вести борьбу не против их вождей, хотя им и свойственны некоторые предрассудки, а против империализма» [5. С. 74]. Коминтерн и Крестинтерн опубликовали воззвание «К рабочим Франции, Испании и Италии», в котором характер рифской войны был четко определен: «Это — империалистическая война; она направлена против угнетенного народа» [8. С. 82].

Позиция Коминтерна, несомненно, отражала взгляды высшего партийного руководства Советского Союза: Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин неоднократно в речах и статьях называл войну в Рифе «национальным восстанием против империализма» и указывал, что задачей коммунистов является содействие «созданию единого национального фронта против империализма» даже в такой стране, как Марокко, которое «совершенно неразвито в промышленном отношении и не имеет своего рабочего класса» [9. С. 145].

Противоречивая картина складывалась на страницах советских журналов и когда речь заходила о деятельности французской Компартии по противодействию военной кампании в Марокко. В Москве горячо поддерживали как выдвинутые французскими товарищами лозунги — незамедлительную эвакуацию Марокко, немедленный мир, признание независимости республик рифов, так и тактику их действий — работу в парламенте, на страницах партийной печати, среди рабочих и солдат, организацию «комитета действия» и забастовок. Факт начала репрессий французских властей против членов Компартии за антивоенные выступления и запрет на распространение рупора Компартии газеты «Юманите» в Марокко также расценивались в советской прессе как свидетельство действительности шагов, предпринятых французскими коммунистами. «Коммунистическая пропаганда оказала свое влияние в том отношении, что, разоблачив истинный характер войны с рифами, она убила всякий энтузиазм в солдатской массе. Солдаты сражались с рифами из-под палки под угрозой расстрела и нередко были случаи, когда французские отряды бежали перед горстью рифских партизан», — такова была типичная оценка на страницах советского журнала [10. С. 10].

Однако ниже тот же автор М.П. Павлович, между прочим первый ректор Московского института востоковедения и создатель журнала «Новый Восток», вынужден признать, что антивоенные настроения не получили во Франции широкого распространения: «Народные массы Франции еще не доросли до идеи добровольного отказа от колоний. <...> Миллионы французских крестьян и рабочих уверены в том, будто их жизненные интересы самым тесным образом связаны с сохранением могущества Франции как колониальной империи» [Там же. С. 12]. Неудачу Компартии Франции по организации общенационального антивоенного фронта разбирали на пленуме Исполкома Коминтерна весной 1926 г. Основной ошибкой партии была названа недостаточная борьба с «правой опасностью».

Советский Союз настойчиво и последовательно отстаивал интересы народа Рифа в вопросе определения

сути происходившего в Марокко конфликта. Французская, а вместе с ней и вся другая западная пресса называла происходящее «полицейской экспедицией» против «повстанцев», усмирением «банд дикарей». «Официальные сообщения французского правительства рисуют дело как “противодействие набегу банд рифиотов”. Мы настаиваем на слове война, и вдобавок, такая, где применяются все современные технические средства борьбы», – заявлял советский «Военный вестник» [11. С. 33]. С точки зрения советского государства, всякая война между народом-поработителем и народом-угнетаемым (в частности, в колониях) являлась, безусловно, войной в международно-правовом смысле, и рифы самым фактом восстания получали право на международное признание.

Еще одним важным идеологическим моментом, обеспечивавшим поддержку народа Рифа со стороны Советского Союза, было то, что марокканское движение сопротивления французским и испанским колонизаторам не носило явного религиозного характера. Несомненно, ислам играл важную роль в сплочении восставших, но не религия определяла политику Рифской республики. «Движение Абд-аль-Карима так же далеко стояло от “борьбы за торжество ислама”, как французские карательные экспедиции от “борьбы за цивилизацию”», – отметил Д. Лебедев, чей труд «Республика Риф» был написан на основе мемуаров вождя рифского народа [3. С. 5]. Абд-аль-Карим настойчиво подчеркивает в своих мемуарах, что целью борьбы были освобождение от колонизаторов и независимость республики [Там же. С. 16]. Примечательно, что в оценке восстания в Рифе как движения национального советские специалисты были солидарны со своими французскими коллегами. Корреспондент французского офицера «Тан» Р. Канн писал: «Пропаганда Абд-аль-Карима носит современный характер. Она не имеет целью вызвать антихристианское движение. <...> Их деятельность носит национальный характер, а не религиозный. На этой струне наигрывает властитель Рифа, чтобы изгнать сперва испанцев, а затем нас» [12].

Советские специалисты в военной области и международных отношениях вполне объективно оценивали неравные силы и шансы противников – «маленького геройского народца» и «полчищ французского и испанского империализма» [3. С. 2]. В период подготовки военной операции против мятежного Рифа в 1925 г. французы увеличили свою армию в Марокко с 80 до 220 тыс. человек, перевели в Марокко 1/5 своих авиационных сил, перебросили большое количество танков, горных орудий, пулеметов. Испанцы высадили 100-тысячную армию. Таким образом, против небольшой армии Абд-аль-Карима – от 50 до 60 тыс. человек – выступала «вооруженная до зубов» армия в 340–360 тыс. войск [13. С. 31]. В советских публикациях отмечалось, что Франция – «самая сильная военно-сухопутная держава в мире» и поэтому война марокканских кабиллов – «геройская, но безнадежная» [14.

С. 31]. «Французы не раз одерживали успехи в борьбе с рифиотами и в дальнейшем быть может окончательно задушат своих противников. Но победами эти успехи назвать нельзя: они – результат численного и технического превосходства, и лишены того, что дает истинную победу – качественного превосходства бойцов одной стороны над другой», – рассуждал военный специалист Ланговой в «Военном вестнике» [15. С. 50].

Для прессы молодой Советской республики, страны, жившей в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции, особый интерес представляло изучение форм, средств и методов ведения военных действий как со стороны «культурных» армий Франции и Испании, так и со стороны «диких» повстанцев с их партизанской тактикой. Помимо превосходства в силе были и другие причины французской победы в Марокко: будучи опытными колонизаторами, французы умело устанавливали связи с местными элитами, давая им возможность обогащения. Они склоняли на свою сторону вождей племен путем предоставления привилегий, например земельных участков. Племена, оставшиеся верными французам и участвовавшие в боевых действиях против отрядов Абд-аль-Карима, обогатили свои селения на тысячи голов скота, не говоря о другой военной добыче. Некоторые советские авторы называли эту французскую политику «экономического стимулирования» подкупом.

По мнению советских международников, народ Рифа имел шанс на завоевание свободы только в случае разрастания антиколониальной борьбы на весь Магриб: «Единственная помощь рифам может прийти со стороны угнетенных колониальных народов и международного пролетариата» [12. С. 37]. Надежду на такое развитие событий давала и политика самого Абд-аль-Карима, вызывавшего к солидарности арабов Магриба. В августе 1925 г., накануне высадки французских и испанских войск в Марокко, вождь рифского народа обратился с прокламацией к населению Алжира и Туниса: «Мусульмане Алжира и Туниса! Настал момент для всех мусульманских народов порвать цепи рабства, прогнать насильников и освободить свою территорию. Воспользуйтесь этим благоприятным обстоятельством и восстаньте вместе с нами, чтобы освободить всю нашу территорию! ... О, мои алжирские и тунисские братья, час нашего освобождения от ига Франции настал... Сплотимся вместе, и мы будем достаточно сильны, чтобы прогнать наших врагов. Таким образом, создается республика, в состав которой войдут все страны Северной Африки...» [10. С. 15].

Действительно, героическое сопротивление рифов под руководством Абд-аль-Карима дало сильный толчок росту национально-освободительного движения среди мусульманского населения Алжира и особенно Туниса, где партия «Дустур» выставила требования полной независимости страны и создания единого фронта со сражающимися Марокко и Сирией. Абд-аль-Карим угрожал стать национальным вождем всего

освободительного движения в Северной Африке. Борьба рифов против европейских колонизаторов вызвала необычайное брожение во всех французских колониях Северной Африки. Как сообщал корреспондент «Тан» в корреспонденции из Туниса в мае 1925 г., тунисские националисты желают поражения французских войск. Власти метрополии знали об этих настроениях и стремились «покончить с восстанием в Испанском Марокко и потушить здесь костер, искры от которого могут зажечь пожар во всем мусульманском мире» [14]. Генеральный резидент Франции маршал Лиотэ даже запретил распространение во французском Марокко наряду с коммунистической «Юманите» газет «Зора» и «Нада» из Туниса, «Тред-юнион» из Алжира, «Эль-Абрам» и «Эль-Лива аль-Акбар» из Каира, «Вадиниль» из Александрии [12. С. 37]. Однако ни в Алжире, ни в Тунисе это движение поддержки рифов не привело к каким-либо активным выступлениям, которые могли бы повлиять на исход франко-рифской войны. В Тунисе, как и в Египте, в Триполи, в Алжире дело помощи движению Абд-аль-Карима выразилось лишь в распространении соответствующих прокламаций, в сборе пожертвований в пользу рифов. Надежды противников мирового империализма на энергичное вмешательство французского и испанского пролетариата в войну с рифами также оправдались лишь в небольшой степени. Имелись случаи перехода туземных солдат из французской армии на сторону Абд-аль-Карима, некоторые племена французского Марокко сражались под знаменем Рифской республики. Однако всеобщего восстания в Алжире, Марокко и Тунисе, восстания, которое бы могло привести к изгнанию французов из Северной Африки, не произошло. «Судьбу Рифа могло решить иначе только всеобщее восстание народов Северной Африки, но оно не было еще подготовлено ходом истории», – с сожалением заключил Д. Лебедев [3. С. 16].

В значительной степени интерес в СССР к событиям в Марокко был связан с международной напряженностью, возникшей вследствие восстания Рифа. Марокко, утратившее независимость гораздо позднее соседних Алжира и Туниса, только в 1912 г., долгие десятилетия было и в 1920-х гг. оставалось предметом вожделений мировых «империалистических хищников». Упорное соперничество Франции, Великобритании, Германии и Испании привело к компромиссному разделу Марокко, лишившему страну не только независимости, но и целостности: Франция получила наибольшую зону (до 80% площади Марокко), Испании достались небольшие территории на крайнем юге и севере страны, а город Танжер был выделен в особую международную зону. Но этим соглашениям, как и ряду последующих, не удалось ликвидировать так называемый «марокканский вопрос». Марокко не перестало являться предметом споров и очагом конфликтов: «Марокко всегда было одним из больных мест мирового империализма. <...> События, вспыхивавшие в этом небольшом уголке северо-западной Африки, не раз уже гро-

зили зажечь пламя мирового пожара», – отмечал М.В. Фрунзе [2. С. 7].

«Одна из международных болячек» – так была озаглавлена статья, посвященная Марокко, в газете «Известия» в 1925 г. [16]. Причину непрекращающегося противоборства ведущих европейских держав за Марокко советские авторы объясняют прежде всего его важным стратегическим положением. Географически страна господствовала над двумя великими путями – путем в Средиземное море через Гибралтар и над другим путем, идущим вокруг Африки, мимо мыса Доброй Надежды в Индию. В геополитическом смысле Гибралтар считался в начале XX в. наиболее важным из всех европейских проливов: после строительства Суэцкого канала значение Гибралтара еще более возросло, так как он охранял не только доступ к Средиземному морю, но также к Индийскому и Тихому океанам. Борьба за Марокко и особенно его северную часть с Танжером была борьбой за преобладание в международном морском пространстве и выходила за рамки регионального противоборства, что могло привести к конфликтам международного масштаба. Советские авторы того времени так характеризовали ситуацию: «Мароккский вопрос сыграл большую и зловещую роль в истории мировой войны, являясь одним из узлов империалистических противоречий» [17. С. 111]. «В течение периода, предшествовавшего Первой мировой войне, Марокко играло роль кнопки электрического провода к торпедо, подложенной под Европу» [14. С. 24].

«В Марокко все дороги ведут в Танжер», – эту марокканскую поговорку привел в «Новом Востоке» М.П. Павлович [12. С. 32]. Как и большинство советских специалистов-международников, он отмечал особое значение Танжера как важного стратегического пункта, очага военных конфликтов между империалистическими державами за гегемонию в западной части Средиземного моря. Танжер вполне мог служить базой для подводных лодок, которые в случае военных действий способны были запереть вход в Средиземное море и перерезать военно-морской путь. Его международный статус был выгоден прежде всего Великобритании, рассчитывавшей не допустить усиления ни одной из конкурирующих держав в регионе. Пусть Франция остается в Марокко, но не трогает Гибралтарского пролива и не подходит к нему слишком близко – такова была английская позиция. Ни Франция, ни немцы, с точки зрения Англии, не должны были господствовать на южном берегу Гибралтарского пролива. Слабой Испании предназначалась в Марокко роль буфера. Франция же стремилась к пересмотру международных договоренностей, к «округлению» своих североафриканских владений. Журнал «Международная летопись» приводил слова чиновника французского МИД Перетти делла-Рока: «Танжер – открытые ворота Марокко в Европу. Отказать в Танжере Франции, взявшей на себя заботу о Марокко, –

значило бы отказать ей в ключе от занимаемого ею дома» [18. С. 75].

Французские власти пытались устранить дипломатию других держав от участия в разрешении данного вопроса, утверждая, что восстание рифов является не международной проблемой, а проблемой внутренней французской. В 1920-х гг. к конкурирующим державам присоединилась Италия, считавшая, что прежние международные договоренности по разделу Марокко не учли ее интересы. Таким образом, «марокканский вопрос» оставался одним из неразрешимых и уязвимых вопросов международной политики. В Советском Союзе считали, что покончить с ним можно, только уничтожив мировую империалистическую систему: «Марокканский вопрос – это порочный круг... Только меч революции способен его разрешить» [19. С. 208].

По единодушному мнению советских специалистов, рифская проблема приобрела международный характер после победы в 1921 г. объединения племен под руководством Абд-аль-Карима над испанской армией под Монт-Арруи. «Война с рифскими кабилами имеет мировое значение: тот, кому подчинен Риф, владеет и лежащей левее Джебалой, а кто владеет Джебалой, тому принадлежит и Гибралтарский пролив», – делали выводы в журнале «Международная летопись» [20. С. 130].

Нарушение регионального статус-кво возродило как опасения, так и надежды конкурирующих европейских держав на изменение ситуации вокруг Марокко. И эти изменения они пытались обратить себе на пользу: развивающийся в Рифе конфликт каждая из держав пыталась использовать, чтобы ослабить противника. На первом этапе войны, когда рифы сражались с Испанией, оружие и боеприпасы им тайно продавали англичане и французы: «Империализм всех цветов пытался использовать Абд-аль-Карима. В 1922 г. Англия снабжала Риф через Гибралтар оружием и солью, операции велись сугубо «частными» лицами», – писал Д. Лебедев [3. С. 54].

В ходе боевых действий с Испанией обнаружилось, что «туземцы оказались прекрасно вооружены и стояли на значительной высоте современных требований военной техники» – обстоятельство, которое могло явиться лишь в результате содействия, оказанного какой-либо из «нейтральных» сторон [21. С. 238].

Французские газеты обвиняли Берлин в поддержке восставшего Рифа, намекали, что Рим и Лондон также принимали участие в антифранцузской пропаганде. В мае 1925 г. один из руководителей французской Социалистической партии П. Ренодель, выступая во французском парламенте, заявил: «Я был бы очень удивлен, если бы Германия не следила с вниманием и симпатией за деятельностью Абд-аль-Карима» [5. С. 77].

Французские журналисты писали, что германское правительство находится в постоянной связи с рифами, причем тайный представитель последних находится в Берлине. Даже тот факт, что рифы прибегали к некоторым европейским военным методам, использовался

европейской прессой, чтобы скомпрометировать восставших: «Окопы рифиоты строят по-европейски, что, конечно, дает повод пустить версию о переодетом немецком офицере в должности начинжа Абд аль-Карима» [11. С. 35].

Самого вождя мятежного Рифа газеты европейских держав называли то германским, то большевистским агентом, намекая на получение им денег английских, итальянских, турецких и даже американских. При всей симпатии к личности Абд-аль-Карима советские журналы также сообщали о связях правительства Рифской республики с мировыми империалистическими центрами. Уважаемая газета «Известия» писала: «За последние годы Республика рифов успела тесно связаться с Англией. Она имела в Лондоне полномочного представителя-англичанина, обладавшего широкими полномочиями, между прочим, для раздачи концессий в Республике рифов. Этот английский представитель Абд-аль-Карима обращался и к советскому полпредству в Лондоне с предложениями концессий в Республике рифов. Не удивительно, что при такой близости к Англии Республика рифов приобрела от нее оружие» [16].

Открытая официальная позиция Советского Союза по моральной поддержке восставших рифов вызывала в европейских столицах очевидное противодействие на уровне пропаганды. И Мадрид, и Париж были склонны объяснять собственные промахи и поражения в Марокко вмешательством «руки Москвы». Председатель правительства Испании Примо-де-Ривера заявлял, что «рифский бунт был спровоцирован большевистскими агентами» [10. С. 9]. Депутат французского парламента утверждал, что «большевизм стремится проводить националистическую пропаганду среди колониальных народов всего мира, чтобы расширить свое влияние» [5. С. 77].

Доставалось и французским коммунистам, которые боролись за прекращение войны в Марокко: их парижская пресса называла «изменниками родины, подкупленными Москвой». Д. Лебедев упоминает, что в мемуарах Абд-аль-Карима есть эпизод, когда французский корреспондент спрашивает вождя рифов, правда ли они получают «московскую дотацию». Такое предположение было Абд-аль-Каримом со смехом опровергнуто [3. С. 54]. Газета «Известия» прямо и резко подтверждала, что никаких связей, кроме моральной поддержки, между Советским Союзом и Республикой Риф не существовало: «Для французских генералов Советская республика – весьма удобный козел отпущения. Свои неудачи в кампании против рифов они объясняют нелепой сказкой о мнимой помощи СССР Абд-аль-Кариму. Это детская выдумка. При малейшем знакомстве с фактами становится ясно, что СССР не имеет никаких сношений с Республикой рифов» [16]. Следует полагать, что советское руководство весьма трезво оценивало отсутствие идеологического потенциала в политике Абд-аль-Карима и не питало иллюзий на его счет.

Советский Союз был готов отстаивать интересы марокканского народа дипломатическими средствами. В 1926 г., когда борьба европейских держав вокруг Марокко достигла наивысшего накала, возникла идея созыва новой международной конференции для пересмотра Альхесирасских договоренностей, приглашения рассылались всем державам, представители которых присутствовали на исторической конференции в 1906 г. Правительство СССР в связи с предполагавшейся международной конференцией 10 августа 1926 г. обратилось с нотой к правительствам Англии, Франции, Италии и Швеции, содержащей протест против игнорирования прав советского правительства, которому не было послано приглашение на эту конференцию. СССР требовал себе права присутствия на конференции. «Не для захвата территории марокканских племен явились бы представители Советского Союза на конференцию, не для участия в грабеже этой несчастной колонии, а для внятной защиты этих племен от хищных аппетитов империализма. Царское правительство выговорило себе долю в размере 2% общей суммы вкладов в “Государственном Банке Марокко”. Советские представители не для торга и переторжек прибыли бы на конференцию, а как защитники угнетенного Марокко против стаи империалистических шакалов» [22. С. 68].

Капитуляция рифских племен под руководством Абд-аль-Карима в 1926 г. под натиском европейской военной мощи была для Москвы событием ожидаемым, но встреченным с большим сожалением. Она расценивалась как «начало нового стремительного наступления мирового империализма на страны Востока». При этом специалисты отмечали, что победа французского империализма в Марокко не принесла Франции желаемых территориальных приращений.

Риф оставался в зоне влияния Испании и под испанским протекторатом. Франция должна была вывести оттуда свои войска. Французская буржуазия была крайне недовольна исходом кампании. «Неужели Франция пожертвовала 15 тысяч солдат и 2 миллиарда франков только в интересах испанского короля?» – с раздражением спрашивали французские буржуазные газеты [5. С. 68]. Таким образом, Марокко продолжало оставаться яблоком раздора для европейских держав и источником военной опасности для континента.

В то же время советская пресса выражала уверенность в будущем освобождении марокканского и других арабских народов от ига колониализма в том, что борьба рифов, являвшаяся частью общей борьбы арабских народов за независимость, была прологом к достижению общей цели: «Блестящие победы Абд-аль-Карима дают неслыханной силы толчок национально-освободительному движению всех колониальных народов. Во всем мусульманском мире имя Абд-аль-Карима окружено ореолом и является символом расцветающих надежд на грядущее освобождение от ига империалистов» [2. С. 23]. Бескомпромиссная, прямая поддержка Советским Союзом борьбы марокканцев за свободу, несомненно, воодушевляла восставших. Один из сподвижников Абд-аль-Карима заявил в интервью для французской газеты «Эвр»: «Россия освободилась от угнетателей, и мы идем по ее пути. Через десять лет вся Африка будет независимой» [14. С. 31]. Объективно прогрессивная и гуманная позиция Советского Союза по поддержке правой борьбы марокканцев, несомненно, внесла вклад в становление советско/российско-арабских дружественных отношений на последующих исторических этапах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев В.И. Борьба за Марокко. Л., 1926.
2. Мирский (Фрунзе) М. Европейские цивилизаторы и Марокко. М.: Изд-во журнала «Военный Вестник», 1925.
3. Лебедев Д. Республика Риф. М.; Л., 1931.
4. Ковалев А. Диссертация о войне в Марокко // Военно-исторический журнал. 1939. № 4.
5. Тарханов О. Рифская освободительная война // Борьба классов. 1931. № 8–9.
6. VI расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет. 1926.
7. Луцкая Н.С. Борьба французских коммунистов против колониальной войны в Марокко // Вопросы истории. 1951. № 9.
8. Ходоров А.Е. Китай и Марокко. Л.: Плановое хозяйство, 1925.
9. Сталин И.В. О политических задачах университета народов Востока: речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т. 7.
10. Павлович М. Капитуляция Абд-эль-Керима и трагедия Риффа // Новый Восток. 1926. № 13–14.
11. Ланговой. Новая колониальная война в Марокко // Военный вестник. 1925. № 21.
12. Kann R. La situation au Maroc // Le Temps. 23 août 1925.
13. Китайгородский П. За Марокко – Сирия // Военный вестник. 1925. № 29.
14. Thibau J. Disposition des esprits en Tunisie // Le Temps. 16 mai 1925.
15. Ланговой. Боевые действия в Марокко в 1925 г. // Военный вестник. 1926. № 3.
16. Франция и Марокко. Одна из международных болячек // Известия. 1925. № 150 (2483), 4 июля.
17. Дандиг Б. Фашистская Германия и Марокко // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 12.
18. Танжерский вопрос // Международная летопись. 1924. № 1.
19. Китайгородский П. Марокко как объект колониальной политики // Плановое хозяйство. 1925. № 7.
20. Гедин С. За кулисами войны в Марокко // Международная летопись. 1925. № 12.
21. Мсернанц М. Испания в Марокко // Военная мысль и революция. 1924. № 6.
22. Китайгородский П. Перегруппировка сил в западном секторе Средиземного моря // Большевик. 1927. № 2.

Zherlitsina Natalia A. Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: ns_inafr@mail.ru

"DEFENDER OF OPPRESSED MOROCCO": TREATMENT OF THE RIF WAR QUESTION IN THE SOVIET UNION IN THE 1920TH.

Keywords: USSR; Morocco; Rif War; anti-colonial struggle; ideological press.

The article considers the peculiarities of treatment of the Rif War question in the Soviet Union. Struggle of tribes of the mountainous region of Rif in Morocco against the French and Spanish colonialism in 1921–1926 was widely covered by the Soviet press; it was the subject of research in the scientific works and articles of Soviet statesmen. The aim of this research was to identify the reasons of great interest in the USSR to the events in North Africa; to carry out the analysis of ideological postulates on which the Soviet position was based; to define the main questions drawing attention of the Soviet researchers of Morocco of that period; to consider the international reaction and consequences of the position on unconditional support of liberating fight of Moroccans taken by the Soviet Union. This research is based on articles of heads of the countries of that period, Comintern documents, publications in Oriental, ideological and military press of the Soviet Union in 1920th, in such magazines as “Novyy Vostok [New East]”, “Vostok i kolonii [East and colonies]”, “Bor'ba klassov [Class Struggle]”, “Voenny vestnik [Military Herald]”, “Voennaya mysl' i revolyutsiya [Military thought and revolution]”, “Mezhdunarodnaya letopis' [International chronicle]” and “Bolshevik”. Fastidious attention of some Soviet specialists to all the details unfolding in the North African conflict was due to the serious international complications and, not least, the expectations in Moscow on the growth of the revolutionary movement in the Arab East. Supporting the struggle of the Rif tribes for liberation from colonial rule, Soviet authors, guided by ideological dogmata, based on the postulate about the “anti-imperialist” and “national liberation” war. However, this assessment had many weaknesses. Feudal and Patriarchal Morocco did not fit the role of the country in which could happen the proletarian revolution. Due to the ensuing discussions, the question of the nature of the war in the Rif was discussed at the Plenum of the Executive Committee of the Comintern. The heads of the young Soviet Republic also identified their position. Special attention in the USSR was devoted to such aspects of the Rif war, as the lack of a clear religious nature of the movement under the leadership of Abd al-Karim; the possibility of escalation of the war in Morocco in the pan-Arab uprising in North Africa and international consequences of this confrontation. The open position of the Soviet Union for moral support for the rebels reefs caused in European capitals obvious opposition in the level of propaganda. Madrid and Paris were inclined to explain their own failures and defeats in Morocco by the intervention of the “hand of Moscow”. Although there are no ties, in addition to moral support, between the Soviet Union and the Republic of the Rif existed, the USSR was ready to defend the interests of the Moroccan people by diplomatic means. Main conclusions: although the analysis of the Soviet position in support of the liberation struggle of Moroccans shows the presence of some contradictions and ideological exaggeration, but objectively progressive and humane position of the Soviet Union undoubtedly contributed to the formation of the Russian-Arab friendly relations.

REFERENCES

1. Yakovlev, V.I. (1926) *Bor'ba za Marokko* [The struggle for Morocco]. Leningrad: State Publ.
2. Mirskiy, M. (1925) *Evropeyskie tsivilizatory i Marokko* [European civilizing and Morocco]. Moscow: Voenny Vestnik.
3. Lebedev, D. (1931) *Respublika Rif* [Republic of the Rif]. Moscow; Leningrad: State Social and Economic Publ.
4. Kovalev, A. (1939) Dissertatsiya o voynе v Marokko [Dissertation on the war in Morocco]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 4.
5. Tarkhanov, O. (1931) Riffskaya osvoboditel'naya voyna [The Rif Liberation War]. *Bor'ba klassov*. 8–9.
6. *The Sixth Enlarged Plenum of The Executive Committee of the Communist International*. (1926).
7. Lutsкая, N.S. (1951) Bor'ba frantsuzskikh kommunistov protiv kolonial'noy voyny v Marokko [French Communists fighting against the colonial war in Morocco]. *Voprosy istorii*. 9.
8. Khodorov, A.E. (1925) *Kitay i Marokko* [China and Morocco]. Leningrad: Planovoe khozyaystvo.
9. Stalin, I.V. (1952) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow.
10. Pavlovich, M. (1926) Kapitulyatsiya Abd-el-Kerima i tragediya Riffa [The surrender of Abd el-Kerim and Rif tragedy]. *Novyy Vostok*. 13–14.
11. Langovoy. (1925) Novaya kolonial'naya voyna v Marokko [The new colonial war in Morocco]. *Voenny vestnik*. 21.
12. Kann, R. (1925) La situation au Maroc [The situation in Morocco]. *Le Temps*. 23rd August.
13. Kitaygorodskiy, P. (1925) Za Marokko – Siriya [Syria after Morocco]. *Voenny vestnik*. 29.
14. Thibau, J. (1925) Disposition des esprits en Tunisie [Disposition of the spirits in Tunisia]. *Le Temps*. 16th May.
15. Langovoy. (1926) Boevye deystviya v Marokko v 1925 g. [Fighting in Morocco in 1925]. *Voenny vestnik*. 3.
16. Anon. (1925) Frantsiya i Marokko. Odnа iz mezhdunarodnykh bolyachek [France and Morocco. One of the international sores]. *Izvestiya*. 150(2483). 4th July.
17. Dantsig, B. (1937) Fashistskaya Germaniya i Marokko [Nazi Germany and Morocco]. *Mirovye khozyaystvo i mirovaya politika*. 12.
18. Anon. (1924) Tanzherskiy vopros [The issue of Tangier]. *Mezhdunarodnaya letopis'*. 1.
19. Kitaygorodskiy, P. (1925) Marokko kak ob'ekt kolonial'noy politiki [Morocco as an object of colonial policy]. *Planovoe khozyaystvo*. 7.
20. Gedin, S. (1925) Za kulisami voyny v Marokko [Behind the scenes of the war in Morocco]. *Mezhdunarodnaya letopis'*. 12.
21. Mseriants, M. (1924) Ispaniya v Marokko [Spain in Morocco]. *Voennaya mysl' i revolyutsiya*. 6.
22. Kitaygorodskiy, P. (1927) Peregrupirovka sil v zapadnom sektore Sredizemnogo morya [Regrouping of forces in the western sector of the Mediterranean Sea]. *Bol'shevik*. 2.

УДК 93/94(47). 084.6
DOI 10.17223/19988613/44/3

Г.Г. Корноухова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД СТАЛИНИЗМА

Рассматривается роль Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в проблеме обеспечения научно-техническими кадрами научных и высших учебных учреждений в эпоху сталинской модернизации довоенного периода, анализируется трансформация структуры системы аттестации научных и научно-педагогических кадров, устанавливается соотношение идеологического и научно-практического компонентов в работе членов ВАК. Автор приходит к выводу, что для советской системы аттестации научно-педагогических кадров в первые годы ее существования не была характерна строго централизованная структура, которая начала формироваться во второй половине 1930-х гг. В период 1933–1935 гг. в ее функционировании заметным было присутствие общественно-научного компонента, отсутствовала и явно выраженная функция идеологического контроля за наукой, уступая место практической задаче обеспечения научных и высших учебных заведений необходимыми специалистами.

Ключевые слова: Высшая аттестационная комиссия; сталинизм.

Существующая в настоящее время система аттестации научных и научно-педагогических кадров является предметом обсуждения с точки зрения ее модернизации, в рамках которой речь заходит также и о лишении Высшей аттестационной комиссии его нынешних функций, передав право присваивать степени и звания ведущим отечественным вузам. ВАК при этом рассматривается как наследие тоталитарной системы, осуществлявшей в СССР идеологический контроль за наукой и в современной демократической России, воспринимающей как лишней, переживший свое время механизм [1]. В качестве же примера для подражания предлагается западноевропейская модель аттестации [2].

Вероятно, более близкое знакомство с историей деятельности ВАК позволит лучше понять значимость ее существования для современного общества и даст ответ на вопрос, в какую сторону необходимо осуществлять реформирование ныне существующей системы аттестации, актуальность чего, действительно, является очевидной.

В отечественной историографии советского периода история ВАК затрагивалась в рамках истории подготовки научных и научно-педагогических кадров [3–5].

Современные исследования уже не имеют подобной ориентированности, но, к сожалению, большинство из них по-прежнему не содержит научного анализа, ограничиваясь фактографическим освещением нормативной базы присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий [6–9]. Заметным исключением в этой связи являются работы А.С. Сониной, В.С. Парсамова и А.В. Шалаевой, пожалуй, первыми приступивших к научно-историческому изучению деятельности ВАК. В.С. Парсамов и А.В. Шалаева, рассматривая работу ВАК в 1930-е гг., обращают внимание на необходимость осуществлять изучение нормативных актов, касающихся научной аттестации в контексте политической истории страны. Они показывают, что ВАК с самого начала была задумана не только как структура, присваивающая ученые степени и звания, но и как ме-

ханизм управления наукой со стороны государства [10]. А.С. Сонин, анализируя деятельность комиссии в послевоенные годы, говорит о ВАК как об идеологическом фильтре, представлявшем собой «последний рубеж обороны от идеологической и политической крамолы» в случае, если сомнительные в идейном плане диссертации все же принимались к защите учеными советами [11. С. 63].

В настоящем исследовании также будет затронута проблема присутствия идеологического компонента в принятии решений ВАК и влияния политического фактора на характер ее деятельности. Однако, помимо этого, в работе будет рассмотрен материал с целью определения роли ВАК в процессе сталинской модернизации страны, что в современной историографии еще не получило своего освещения.

Проблема модернизации довоенного периода сталинизма осложнялась тем, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. развернулись массовые репрессии против «буржуазной» научной интеллигенции, по отношению к которой правительство выражало недоверие [12. С. 146–162, 462–475]. В результате в стране искусственно был создан острейший кадровый дефицит в вопросе обеспечения научных и высших учебных заведений необходимыми специалистами. Этот количественный недостаток, помимо прочего, вызвал необходимость отказаться от начатой в 1930 г. практики разукрупнения вузов и, напротив, приступить к частичному слиянию нескольких учебных заведений в одно. В 1932 г. Нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе передал служебную записку следующего содержания: «Секретно Председателю СНК тов. Молотову. Сообщаю Вам, что слияние Горного, Машиностроительного и Химического институтов в один ВТУЗ вызвано необходимостью обеспечения их материальной базой и профессорско-преподавательскими кадрами, на основе новых программ, общих для первых курсов всех трех ВТУЗов. Каждый институт в отдельности испытывает острую нужду в профессорских кадрах, причем не только в области специальных дисциплин. Но в осо-

бенности в области общенаучных и технических. Таким образом, объединение этих вузов, бесспорно, значительно смягчает этот недостаток» [13. Л. 37].

Кафедры многих вузов «оголились», и необходимо было в срочном порядке обеспечить их новыми кадрами. Между тем существовавшая система аттестации явно не справлялась со стоявшей задачей. В начале 1930-х гг. вопрос присвоения званий находился в ведении квалификационных комиссий наркоматов. Однако если звание доцента они утверждали самостоятельно, то в отношении звания профессора ими давалось лишь заключение, которое направлялось на утверждение во Всесоюзный комитет по высшей технической школе (ВКВТШ) ЦИК СССР под председательством Г.М. Кржижановского, переименованный 17 октября 1933 г. во Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (ВКВТО) при ЦИК СССР. Он осуществлял общее руководство высшим техническим образованием и контроль за качеством подготовки высших технических кадров по отношению ко всем высшим учебным заведениям Союза ССР как союзной, так и республиканской подчиненности [14. Л. 53]. Однако за неимением специально созданного подразделения направленные квалификационными комиссиями дела здесь откладывались, оставаясь без рассмотрения. Для осуществления работы, связанной с научной аттестацией кадров высшей школы, при президиуме ВКВТО была создана Высшая аттестационная комиссия под председательством Г.М. Кржижановского, первое заседание которой состоялось 13 октября 1933 г. Отметим, что ВАК с этого момента не превращалась в монопольную организацию по присуждению степеней и званий. Помимо нее это могли также делать более 50 организаций, из них 25 имели право присуждения докторской степени и звания профессора [10. С. 18].

Фраза о направленности ВАК на обеспечение «потребности промышленности в кадрах» была зафиксирована уже в «Протоколе № 1 заседания Высшей аттестационной комиссии Комитета по ВТО при ЦИК СССР от 13 октября 1933 г.» [15. Л. 5]. Она была сказана председателем Комиссии Г.М. Кржижановским, который сам имел к ней прямое отношение, являясь в 1921–1930 гг. руководителем Госплана и приняв участие в составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. При дальнейшей работе проблема кадрового дефицита была основным лейтмотивом обсуждений участников заседаний ВАК. При этом качественный состав кандидатов нередко был недостаточно высок для присуждения им профессорского звания. Это обстоятельство ставило членов комиссии перед дилеммой — делать уступки объективной необходимости в вопросе пополнения профессорского состава или придерживаться принципиальной позиции и требовать от кандидатов выполнения всех условий, предусмотренных для присуждения звания и присвоения степени.

В частности, сложная ситуация существовала в сфере развития отопления и вентиляции. Г.М. Людвиг

констатировал, что со смертью профессоров Чаплыгина и Кочкарева в стране вообще не осталось специалистов в этой области, и при составлении планов и программ приходится «ограничиваться ассистентами и доцентами». В ходе заседания ВАК возникло решение обратиться в Наркомтяжпром с заявлением, что в Союзе нет соответствующих специалистов и, может быть, следовало бы их импортировать [16. Л. 12, 14].

В сложившихся обстоятельствах кандидат на профессорское звание Б.М. Аше рассматривался как единственный возможный претендент, несмотря на его, по общему признанию, скромные научные изыскания. «Действительно, крупных специалистов в этой области нет и может быть. Аше является из них самым крупным, как это может быть не печально, — выразил мнение большинства членов комиссии Б.Г. Галеркин. — Поэтому, так как он единственный, на которого можно опереться, то приходится его утвердить» [Там же. Л. 13]. Позицию сторонников бескомпромиссных членов Комиссии выразил Я.Н. Шпильрейн, внесший свое предложение: «Мне кажется, что если такая область не имеет по Союзу достаточно авторитетного руководителя, это, однако, не может служить основанием, что мы человека недостаточно квалифицированного утвердили в звании профессора. Можно присоединить эту дисциплину к другой родственной кафедре и на это время иметь доцента, который потом вырастит» [Там же].

Сложность вопроса заставила членов комиссии отказать от немедленного принятия решения и отложить обсуждение кандидатуры Аше до получения дополнительных отзывов. Одновременно было принято постановление «обратить внимание Президиума ВКВТО и Наркомтяжпрома на отсутствие работников по данной специальности.

В ходе обсуждения проблемы члены комиссии попытались разобраться в истоках сложившейся ситуации. В результате пришли к выводу, что в то время, «когда происходило деление механического и строительного институтов, то кафедра отопления и вентиляции из механического была изъята, а в строительном этого нет. Поэтому не вырастают новые люди. Потому что нет ни лабораторий, ни институтов. Строители все-таки интересуются другим вопросом — они интересуются строительной частью приспособлений отопления к небольшим агрегатам, а объединяющей кафедры сейчас нет» [Там же. Л. 14]. Следовательно, предложение Я.Н. Шпильрейна при таком разборе проблемы выглядело ошибочным, и очевидной становилась необходимость создания именно отдельной кафедры по специальности «отопление и вентиляция».

При присвоении профессорского звания комиссия обращала внимание на соответствие сферы научных интересов кандидата специальности кафедры, на которой он работал и по ходатайству которой его дело было направлено на рассмотрение в ВАК. Показательным является случай В.Н. Кузнецова, представлявшего ка-

федру гидравлики, но при этом все его работы были связаны с математической областью. «Даже когда он написал работу о задачах гидравлики – “О фильтрующем слое грунта”, – констатировал И.И. Куколевский, – то он сразу же переводит инженерные соображения в математическую часть работы... Но для кафедр гидравлики там ничего нет».

Таким образом, работы В.Н. Кузнецова по общему признанию членов Комиссии были лишены практического уклона. Однако мнения разделились по вопросу о том, стоит или нет удалять кандидата профессорского звания. Часть из них выступала за положительное решение вопроса и настаивала на том, что если в научном отношении эти работы солидные, то кандидата нельзя лишать звания профессора только потому, что они не имеют практического уклона. Другая часть, представлявшая большинство, отстаивала подход, при котором обязательным является рассмотрение кандидата на фоне того учебного заведения, в котором он работает. В случае с В.Н. Кузнецовым «...мы имеем такой уклон, – указывал А.Д. Архангельский, – что когда он даже пытается решить совершенно практическую задачу, то уходит только в математические рассуждения. Такой человек едва ли пригоден для того, чтобы работать в таком практическом институте, как институт водного хозяйства и мелиорации» [17. Л. 15].

Примиряющим стало решение Г.М. Кржижановского отправить запрос в «Свирьстрой» инженеру Графтию на предмет того, были ли им практически полезны расчеты В.Н. Кузнецова [Там же].

Что касается идеологического компонента в работе комиссии, то очевидным является его слабое присутствие на начальном этапе деятельности ВАК. Здесь необходимо указать на то, что в ВАК первого состава не присутствовали специалисты по гуманитарным дисциплинам и она не занималась присвоением званий по социально-гуманитарным наукам, которые в наибольшей мере предполагали идеологический контроль. Эта практика была введена только с 1938 г. и сопровождалась включением в состав ВАК представителей исторической науки Б.Д. Грекова и специалиста по литературе А.М. Еголина. До наступления этого момента для присвоения звания в данной научной области инструкции Комитета по высшему техническому образованию ЦИК СССР о порядке применения Постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. была предусмотрена уполномоченность квалификационных комиссий наркомпросов союзных республик, Президиума Академии наук СССР (и академий наук Союзных республик), Президиума Комакадемии [18].

Что касается технических наук, то их идеологическая составляющая не столь существенна, но даже если члены ВАК с ней сталкивались, то она, очевидно, не была решающей при утверждении кандидатуры.

Показательным в этом смысле может быть пример В.Н. Старовского, выдвинутого от кафедры статистики.

При рассмотрении его дела сразу же возникли вопросы, связанные с отсутствием серьезных научных публикаций. Анализ списка работ произвел А.М. Беркенгейм: «В этом случае мы, наконец, видим список трудов, но тут такое курьезное обстоятельство: трудов 15, но, например, № 5 и № 7 – это буквально одно и то же – “О материалистическом оформлении индексных показателей”». Дальше еще есть повторение того же самого. Дальше № 6 “Разбор работы Фишера” – какая же это научная работа? “Лекции по статистике заочных курсов”. Там ведь всякую дрянь пишут, это ведь зло – самая идея заочных курсов, эти лекции пишутся отвратительно по всем специальностям. Тут все повторения, все некрупные вещи...» [19. Л. 26].

В защиту В.Н. Старовского выступил Ястремский, указавший на то, что «Разбор работы Фишера» является статьей, достоинство которой имеет политический характер и связано с реконструкцией статистической науки в советском формате и развенчанием авторитета бывших ее корифеев так называемого буржуазного образца: «В той борьбе, которую нам всем пришлось вести, необходимо было прежде всего эту каменную гору в виде Ирвина, Фишера с тем подголоском, который был у этого Фишера со стороны работников некоторых, необходимо было это преодолеть и “Разбор теории Фишера” является крупной работой, потому что там было сказано, чего стоят эти буржуазные построения в области теории индекса» [Там же. Л. 29].

Далее Ястремский дал пояснение по вопросу причины повторения содержания ряда работ В.Н. Старовского: «В процессе борьбы, когда приходится опрокидывать старые кумиры и создавать новую науку не сразу все хорошо сформулируешь. В частности, доклад его, который был в Коммунистической Академии, – это были тезисы, которые представляли первую попытку оформить разрозненные попытки опрокинуть старый кумир. Потом в дальнейшем этот доклад был оформлен в виде статьи и получил законченный вид. В тех работах, которые дальше упоминаются, этой работе придан характер методический для того, чтобы сделать ее учебником» [Там же. Л. 30].

Статистическая наука в СССР в начале 1930-х гг. нуждалась, по словам Я.Н. Шпильрейна, в «первоначальном накоплении», и при том положении, когда «фронт <...> очевидно очень ограничен и можно всех перечислить по пальцам одной руки», кафедры статистики в советских ВТУЗах остро нуждались в новой профессуре при ситуации, когда так называемая «старая» профессура больше не соответствовала новому утверждавшемуся формату статистической науки. Будучи доцентом, В.Н. Старовский руководил сразу двумя кафедрами в двух учебных заведениях – в Плановой Академии и в Институте красной профессуры. Указанные обстоятельства настойчиво диктовали решение в пользу утверждения В.Н. Старовского в звании профессора. Однако за утверждение В.Н. Старовского в профессорском звании проголосовали только три члена Комиссии [Там же. Л. 26].

Главной целью создания советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров в целом и ВАК как ее составляющей было решение не идеологической, а практической задачи – аттестация кадров, необходимых для подготовки ими специалистов, отвечающих требованиям социалистической реконструкции народного хозяйства – инженерно-технического, строительного, механико-машиностроительного, технологического, сельскохозяйственного и других промышленно-хозяйственных профилей.

Еще одной особенностью работы ВАК первого состава является интернациональная ориентированность членов комиссии, открыто и с большой готовностью поощрявших международные связи советских ученых с зарубежными коллегами. Публикации на иностранных языках высоко ценились, а их наличие в ряде случаев становилось определяющим аргументом при принятии положительного решения. В частности, при рассмотрении кандидатуры математика В.К. Туркина член Комиссии Я.Н. Шпильрейн заявил: «О том, что его работы имеют большое научное значение, свидетельствует помещение их в заграничной печати, в частности, в органе Парижской академии наук» [20. Л. 17].

Анализ протоколов заседаний ВАК за 1934 г. показывает, что авторами иностранных публикаций были, в подавляющем большинстве случаев, молодые кандидаты в возрасте от 21 до 35 лет. Основным языком публикаций являлись немецкий и французский при некотором приоритете первого. Так, у представителя от кафедры «термическая обработка, металлография» В.С. Меськина насчитывалось всего 17 работ, из которых 7 статей были напечатаны на немецком языке. Основной считалась его монографическая работа, изданная в Берлине в 1932 г. [21. Л. 67].

Представитель кафедры «Физической и коллоидной химии» Е.Н. Гапон имел 70 работ, из которых 10 были также на немецком языке [Там же. Л. 59].

Наглядное представление о соотношении иностранных языков в научном использовании может дать список публикаций представителя кафедры истории архитектуры Архитектурно-строительного института г. Москвы Алпатова, который в 31 год после окончания филологического факультета МГУ в 1921 г. успел побывать в заграничных командировках в таких странах, как Турция, Германия, Франция и Италия. Из его 34 научных публикаций 13 работ были представлены на немецком языке (две из них – монографии, изданные в Германии), 4 работы изданы на французском и 2 – на английском языках [Там же. Л. 85].

Таким образом, говоря о первых годах деятельности ВАК (с 1933 по 1935 г.), необходимо отметить, что для советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров не была характерна строго централизованная структура. В ее функционировании заметным было присутствие общественно-научного компонента, при котором право на присвоение ряда званий и степеней было предоставлено советам высших учеб-

ных и научно-исследовательских учреждений либо полностью самостоятельно, либо при утверждении квалификационных комиссий соответствующих народных комиссариатов. Высшая аттестационная комиссия занималась только присвоением звания профессора и присуждением степени доктора.

Также о Высшей аттестационной комиссии первого состава можно говорить как о демократической модели. Это относится и к самой советской науке данного периода, которая носила интернациональный и открытый характер, выражавшийся в активной публикации научных статей ее представителей в международных журналах и осуществлении заграничных научных командировок.

Ситуация стала постепенно меняться с 1936 г. Технически ВАК перешла в ведомство Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете народных комиссаров СССР, в то время как ВКВТО был ликвидирован, а ее председатель Г.М. Кржижановский был отстранен от должности. Его место занял Иван Иванович Межлаук, который в своей программной речи на заседании ВАК 2 декабря 1936 г. настойчиво призывал членов Комиссии к проявлению политической бдительности при аттестации научных и научно-педагогических кадров [22. Л. 81]. Начавшийся поиск внутренних врагов привел к закрытию доступа к получению степеней и званий для так называемых неблагонадежных лиц. В качестве примера можно привести кандидатуру С.П. Фридолина, чье дело должно было рассматриваться на заседании ВАК 5 марта 1937 г. Однако 24 февраля этого года в газете «Правда» была опубликована статья, посвященная злодеяниям немцев в годы Гражданской войны на Украине, и С.П. Фридолин был представлен в ней как коллаборационист. Основанием стал документ за его подписью о поставках скота немецким захватчикам [23. Л. 39].

Кандидатуру С.П. Фридолина с рассмотрения сняли, также был поставлен вопрос о возможности его дальнейшей работы в высшей школе. Резкое порицание вызвало в связи с этим делом поведение директора сельскохозяйственного института, принявшего С.П. Фридолина на работу, и Совета института, который ранее провел его профессором и кандидатом наук без защиты диссертации. Главное обвинение этих последних фигурантов так называемого «дела Фридолина» – отсутствие проявления бдительности при знакомстве с биографией С.П. Фридолина. Продолжительное выступление по этому поводу сделал зам. Председателя ВАК Волынский: «Дело в том, что вся эта история приобретает совершенно особый привкус в связи с тем, как это выяснилось сейчас и как это несложно было выяснить и раньше о человеке, который в свое время входил в соглашение с оккупантами и продавал свою собственную родину. Принимая во внимание это обстоятельство, я позволил себе снять это дело с рассмотрения экспертной комиссии, поскольку здесь экспертиза не нужна, но мне кажется, что нам нужно

сделать некоторые выводы. Во-первых, в отношении директора института, который пригласил человека такой квалификацией. Совет провел его профессором и кандидатом наук без защиты диссертации, что является совершенно недопустимым, поскольку Совет должен был поинтересоваться его научными работами и, само собой разумеется, несколько поинтересоваться его биографией. <...> Если бы бдительность заключалась только в том, чтобы читать анкеты, то ни одного врага не осталось бы. Все-таки директору сельскохозяйственного института <...> неудобно не понимать этого, и я даже убежден, что он это понимает. Но он мимо этого дела пошел и не заглянул в самые элементарные анкеты. А поинтересоваться можно было...» [23. Л. 39–40].

Несколько изменилось отношение членов ВАК к заграничным публикациям кандидатов. Если в 1934 г. длинный список работ, изданных на иностранном языке, однозначно оценивался как положительная характеристика научного авторитета автора, то при работе ВАК под председательством И.И. Межлаука предпочтение иностранных издательств отечественным стало вызывать нескрываемое раздражение. (Таким образом, изменение отношения к заграничным публикациям произошло не в 1938 г. как на это указывают В.С. Парсамов и А.В. Шалаева [10. С. 34], а уже в 1937 г.)

Показательным в этой связи является обсуждение представленного Физико-техническим институтом г. Ленинграда М.П. Бронштейна, у которого не оказалось ни одной работы на русском языке. Во время заседания было озвучено, что подобное положение характерно для всей физико-технической группы данного института. И в целом для всех физиков является «распространенным в категорической форме убеждение, что стоит публиковать работы только в иностранных журналах» [24. Л. 81].

По поводу оценки факта наличия активного издания советскими исследователями за границей своих работ членов ВАК объединяло полное единодушие в необходимости повлиять на подобное положение законодательным путем. А.Д. Архангельский высказался за наложение полного запрета на подобного рода публикации. Л.К. Мартенс занял несколько более сдержанную позицию, порекомендовав официально указать на необходимость «прежде всего печатать работы у нас, а потом уже переводы за границей» [Там же].

Всеобщее возмущение поставило получение М.П. Бронштейном искомой степени под угрозу. Заключение в конце заседания сделал председатель комиссии И.И. Межлаук, выразив общее мнение коллег: «Можно сделать такое замечание и в публикации протокола нашего заседания в ЗКП (законопроекте. – Г.К.) и указать, что степень дана, но обращаем внимание молодняка, что этого делать не нужно» [Там же. Л. 82].

Сталинская политика 1937 г. отразилась на характере деятельности ВАК с точки зрения стремления ее членов очистить научно-преподавательское сообще-

ство от инертных элементов. В рамках решения этого вопроса существенно изменилось отношение членов комиссии к старым специалистам, имевшим значительные заслуги перед обществом в прежнее время, но утратившим свою научную активность в настоящем.

Так, развернулись активные споры вокруг кандидатуры Б.И. Угримова, представленного Нефтяным институтом им. Академика Губкина и Инженерно-экономическим институтом города Москвы с ходатайством о присвоении степени доктора технических наук без защиты диссертации.

На протяжении своего почти 40-летнего стажа работы в области электротехники Б.И. Угримов занимал высокоставленные посты: 1921–1923 гг. – заместитель председателя Государственной комиссии по электрофикации России (ГОЭЛРО), 1931–1932 гг. – начальник технического отдела и заместитель главного инженера «Уралэнергостроя», 1933–1934 гг. – консультант «Наркомвоенмора».

Что касается педагогической деятельности, то она также была чрезвычайно активной, начавшись еще в 1900 г. Относительно нее следует добавить, что Б.И. Угримов являлся пионером в области насаждения в Московских вузах электротехники, начав первым преподавание электротехники в Москве. Его научные работы могут считаться в ряде случаев положившими основу для развития электротехнических устройств, имевших важное значение в электротехнике. Так, удостоенная на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. серебряной медали модель «Электрический котел» (с дуговым подогревом) получила дальнейшее развитие и широкое применение в котлах с электрическим подогревом [23. Л. 158].

Вместе с тем среди членов комиссии не было единодушного мнения по поводу рассматриваемой кандидатуры. Это было связано с прекращением Б.И. Угримовым прежней активной научной деятельности. В решении Энергетической группы ГУМС за 1935 г., которое было передано ВАК, констатировалось, что за последние 15–20 лет Б.И. Угримов не дал оригинальных научных работ, а его труды по изданию учебников, которые при переизданиях не претерпели капитальных обновлений, в значительной степени утратили то значение, которое они имели в свое время [Там же. Л. 159].

А.М. Беркенгейм обратил внимание комиссии на то, что в прошлом Б.И. Угримов считался одним из передовых людей, и в возрасте 67 лет к нему не следует предъявлять требования, как к 40-летнему. Но даже Беркенгейм признал, что в настоящее время Б.И. Угримов «действительно, бездельничает». В том же духе выступил Я.Н. Шпильрейн, в завершении указав на потерю квалификации кандидата к настоящему времени: «Борис Иванович получил звание профессора – перестал работать и его даже нельзя считать образованным электриком. У нас нет никаких оснований его обижать и если мы в мягкой форме отклоним его

утверждение доктором, то ничего страшного не будет. <...> Со мной говорил один декан, у которого Угримов работает, что трудно с ним работать, потому что он очень отстал» [23. Л. 21–22].

В результате было решено, что «советская степень – это советская степень и давать ее за старые заслуги нельзя, – тогда проще было бы переименовать старые степени». Также было обращено внимание на опасность, которую может представлять собой инертный человек, оказавшись на начальственной должности, что послужило еще одним аргументом против присуждения Б.И. Угримову докторской степени. Данную позицию выразил Б.А. Келлер, заявив: «Часто люди, перестающие работать, тем не менее занимают ответственные кафедры и фактически омертвляют их. Я считаю, что остановка роста для ученого – это по существу смерть, а когда мертвый человек занимает высокий пост в науке, то он может быть только вредным. Наша задача в основном выдержать принципиально правильную линию. Конечно, при этом будут обиды» [Там же. Л. 23].

Об естественности кадровой ротации, обратившись к зарубежному западному опыту, сказал С.Б. Волынский, указав на то, что «на кафедры в большинстве стран избирали на определенные сроки, а после этих сроков вновь объявляли конкурс» [Там же].

В условиях форсированной модернизации всякое замедление и стагнация воспринимались членами Комиссии довольно остро и в вопросе научного развития надежды стали связываться прежде всего с молодежью. Очевидно, что для членов ВАК звание воспринималось не как средство вознаграждения за былые заслуги, а как инструмент для стимулирования к дальнейшему развитию научного творчества ее обладателя. «Ученая степень в наших условиях никак не может быть премией за отсталость», – заметил С.Б. Волынский. Далее он заявил о недопустимости присуждения степени за прошлые заслуги в том случае, если кандидат перестал проявлять научную активность и предложил обратить их в пользу той молодежи, которая демонстрирует необходимый научный потенциал и энергичность. Противная ситуация, с его точки зрения, являлась недопустимой: «Получается такое положение: рядом стоит человек, который только что сделал крупную работу и продолжает делать дальше, а тут человек, который остановился полтора десятка лет тому назад. С точки зрения науки этого нельзя допускать, не говоря уже об интересах воспитания молодежи, не с точки зрения интересов государства и общества мы не можем закрепить ту отсталость, которая там есть. <...> В отдельных случаях, там, где имеется отсталость, так как мы докторские степени не даем, то преимущество будет иметь какой-нибудь молодой доктор» [Там же. Л. 23–24].

Таким образом, присуждая степень одним и отказывая в ней другим, члены аттестационной комиссии принимали свое посильное участие в процессе модер-

низации страны, руководствуясь в качестве критерия отбора готовностью самого кандидата активно участвовать в модернизационном процессе.

Повышение внимания к качественной стороне вопроса было связано с тем, что, «залатав бреши» в вопросе обеспечения высших учебных заведений необходимыми кадрами, члены Комиссии осознавали: высшая школа продолжает по-прежнему находиться на недостаточно высоком уровне своего развития при ситуации, когда, по признанию С.Б. Волынского, 75% кафедр заняты малоквалифицированными людьми [25. Л. 38]. Представители ВАК выражали обеспокоенность тем фактом, что проникновение в вузы большого числа посредственных преподавателей оказывало пагубное влияние на преподавание дисциплин и уровень подготовленных выпускников, поскольку низкое качество работы таких «сереньких преподавателей», со слов Б.А. Келлера, «снижает работу высшей школы, когда человек сам не владеет наукой» [23. Л. 28].

Тем не менее, хотя в целом ВАК наметила тенденцию в сторону ужесточения требований к кандидатам, по отношению к отдельным специальностям ей приходилось по-прежнему придерживаться пониженных критериев, присуждая звание профессора без защиты докторской диссертации. Так, представленный кафедрой сопротивления материалов Индустриального института города Горький кандидат Н.А. Семенов получил шесть лет назад звание исполняющего обязанности профессора с обязательством в течение двух лет выполнить докторскую работу. Н.А. Семенов данное обязательство не выполнил, предоставив комиссии ряд работ, которые оказались не соответствующими уровню докторской диссертации [26. Л. 266].

Это заставило членов ВАК задуматься о стратегии своих действий в подобных случаях. Были предложены две линии поведения, различные по уровню своей жесткости по отношению к кандидату – отклонить или пойти на повторное утверждение. В пользу первого решения было высказано опасение в продолжение снижения эффективности присвоения этого звания как инструмента к побуждению написания докторских диссертаций.

Противоположная позиция опиралась на факт сохранения острого кадрового дефицита по отдельным специальностям. Эту позицию ярко представил заместитель председателя Ш.М. Дволайцкий: «Нам приходится все-таки сообразоваться с обстоятельствами. Если речь идет о математиках, которых у нас более-менее достаточно. В одной Москве столько математиков, что можно обслужить половину наших учебных заведений или несколько малых стран. Но когда мы сталкиваемся с сопоставлением материалов, то у нас исключительные трудности. Пройдет еще несколько лет, и эта кафедра подготовит, сейчас этих людей недостаточно и нам приходится следить за тем, чтобы преподавали люди достаточно квалифицированные и грамотные, хотя бы даже у них не было самостоятельных работ,

т.е. доценты или и.о. Если через два года народ подрастет, мы тогда будем нажимать на категорию и.о., если нет – придется продлевать, потому что нельзя оставлять кафедру пустой, когда есть человек, который может преподавать» [26. Л. 266].

Последующие размышления коллег по поводу преодоления стоящей проблемы в сфере сопротивления материалов были лишены какого-либо оптимизма, что связывалось с отсутствием прочной экспериментальной базы наподобие той, которая уже существовала к этому времени в физике. «Если вы обратитесь к физике: откуда появилось такое огромное количество докторов физики?», – задал резонный вопрос Б.Г. Галеркин. И сразу на него ответил: «Физики появились только на почве экспериментальной. Пока в области сопротивления материалов и строительной механики не будет настоящей экспериментальной базы, до тех пор ожидать, что мы получим приличных профессоров в большом количестве, нельзя. Конечно, у нас есть несколько и будет, безусловно, больше, чем сейчас, потому что кое-что делается в этом отношении, но ожидать большего количества нельзя. Нужно отдавать себе ясный отчет, что мы крайне бедны в отношении экспериментальной базы, т.е. у нас положительно нет этой базы, потому что те лаборатории, которые у нас имеются, они еле дышат, а построить лаборатории крайне дорого» [Там же. Л. 268].

В итоге Б.Г. Галеркин внес радикальное по своему характеру заявление, предложив и вовсе отказаться от требования предоставления диссертационных исследований по рассматриваемой и подобной специальностям, восстановив, по сути, отмененное дореволюционное звание адъюнкт-профессора: «Мы должны, конечно, требовать большего уровня, но все-таки мы должны отдавать себе отчет, чего мы можем ожидать и что можно получить. В отношении звания и.о. профессора я давно пришел к заключению, что эти и.о., которые мы даем, это, по существу, вечные и.о. Я стою на точке зрения, что их нужно освободить от этого мучительного состояния <...> и не требовать от них большего» [Там же].

Признав тяжелое положение по указанной специальности и приняв решение об утверждении Н.А. Семенова в звании и.о. профессора, Комиссия, тем не менее, решила оказать на него некоторое давление и постараться побудить к написанию диссертации: написать личное письмо от имени Комитета по высшей школе с просьбой дать объяснение, что ему мешает сделать эту работу [Там же].

Сталинские «чистки» затронули также и членов Высшей аттестационной комиссии. В первую очередь, самому И.И. Межлауку было предъявлено обвинение во вредительстве, разрушении экономики и подрыве обороноспособности страны. 1 декабря 1937 г. он был арестован, а 25 апреля 1938 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. В газете «Правда» развернулась кампания по обви-

нению ВАК при председательстве И.И. Межлаука в излишнем либерализме, что привело к сокращению численности комиссии с 33 до 23 человек. В 1938 г. численность ВАК вновь увеличилась и достигла 35 человек. Таким образом, была совершена частичная ротация состава Комиссии. Показательно, что при ее обновлении в новый состав вошел Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский, который с 1933 по 1938 г. выступал государственным обвинителем на крупнейших судебных процессах, в том числе по делам «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» (1936 г.), «параллельного троцкистского центра» (1937 г.), «объединенного антисоветского правотроцкистского блока» (1938 г.). [27. С. 6].

В конце 1937 г. ВКВШ и ВАК ВКВШ возглавил Сергей Васильевич Кафтанов. Главной тенденцией в 1938 г. становится все большая централизация системы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Так, постановлением СНК СССР от 26 апреля 1938 г. были упразднены квалификационные комиссии наркоматов, и их функции были переданы экспертным комиссиям ВАК ВКВШ, куда дела поступали с определенным поручением ВАК о присвоении того или иного звания или степени [28. Л. 62].

Таким образом, наркоматы утратили право самостоятельного утверждения звания доцента и рассмотрения кандидатур на звание профессора, передав эту функцию экспертным комиссиям ВАК. К тому же, согласно этому постановлению, решения советов высших учебных заведений и НИИ о присуждении ученой степени кандидата наук являлись окончательными, а решения о присуждении ученой степени доктора наук теперь уже представлялись на утверждение ВАК [29. С. 190].

Судя по документам, первоначально экспертные комиссии пытались проявлять некоторую инициативность. Однако в 1939 г. состоялся инцидент, который способствовал установлению системы жесткой подчиненности экспертных комиссий ВАК. 5 февраля комиссия рассматривала апелляцию группы профессоров-математиков Академии наук СССР на решение ВАК от 28.09.1935 г. об утверждении М.М. Гернет в ученом звании профессора по кафедре теоретической механики Томского индустриального института. Ей предшествовала громкая кампания в печати. В частности, в газете «Правда» было заявлено о том, что степень кандидата наук присвоена М.М. Гернет обманным путем, а в статье, опубликованной в Вестнике Академии наук, последний и вовсе был назван «очковтирателем» [28. Л. 69, 76, 368].

Предварительно (без поручения со стороны ВАК) дело М.М. Гернет было рассмотрено на экспертной комиссии по теоретической механике, которая постановила, что не находит основания к присуждению М.М. Гернету ученой степени кандидата технических наук, а также присвоения ему ученого звания профессора в связи с полным отсутствием выполненных самостоятельных работ [Там же. Л. 371]. Таким образом, экс-

пертная комиссия выступила с инициативой лишить М.М. Гернета имеющихся у него звания и степени.

В этот день члены ВАК провели тщательное расследование инцидента, заслушав как представителей экспертной комиссии, так и самого М.М. Гернета. В результате выяснилось, что развернувшаяся кампания была инициирована академиком Бермонтом, с которым у М.М. Гернета был продолжительный конфликт на научной и педагогической почве. Комиссия ознакомилась также с материалами, которые характеризуют в научном отношении самого Бермонта, и на основе этого приняла решение поставить вопрос о лишении его профессорского звания. Этот конфликт двух математиков Комиссия решила использовать в назидательных целях: обществу было продемонстрировано, насколько небезопасно выступать против решения ВАК: обструкции были подвергнуты члены экспертной комиссии по теоретической механике за нарушение сопряженности ВАК – экспертная комиссия, согласно которой дела должны поступать в порядке от первого к последнему, а не наоборот.

Показательно, что заключительное и весьма продолжительное по времени выступление принадлежало А.Я. Вышинскому, который сказал следующее: «Если мы будем придерживаться иного пути, то ранее вынесенное решение, правильные по составу и без элементов злоупотребления, – будут ежедневно ставиться на ревизию. Что же получается? А получается то, что достаточно 3–4... 23-м лицам <...> возвестить о том, что решение авторитетного органа, каким является ВАК, неправильно, как будет предоставлена для этого печать, страницы газет и т.д.

Я считаю, что ВАК должна поставить вопрос перед соответствующими органами о таком легкомысленном отношении к переоценке решений ВАКа по присвоению ученых степеней и званий. Иначе это многих может поставить на путь весьма тяжелых осложнений: на путь, когда нам придется потерять людей, которые могли бы быть соблюдены для нашей отчизны, для нашей родины» [Там же. Л. 100–101].

Подобное действие, очевидно, должно было способствовать укреплению авторитета Высшей аттестационной комиссии. Однако одновременно оно несло в себе также тенденцию к снижению активности взаимодействия государственного и общественно-научного компонентов.

Большая строгость стала предъявляться к претендентам на получение званий и степеней. 23 сентября 1938 г. ВКВШ была утверждена инструкция «О порядке применения постановления СНК СССР от 20 марта 1937 г. и 26 апреля 1938 г. “Об ученых степенях и званиях”». В качестве диссертации могли быть предоставлены опубликованная или неопубликованная работа или высококачественный учебник для высшей школы. Но при существовании данных допущений ВАК при возможности все же пыталась побудить кандидатов выходить на защиту. На одном из заседаний член комиссии Крыленко поставил прямой вопрос: «Что такое

доктор без защиты диссертации? Либо это ввиду особых обстоятельств, исключительных трудов, либо другое: когда у вас имеется достаточно оснований, но исключена объективная возможность защиты (возраст и пр.). Но, если нет ни первого ни второго, то принципиально должна быть одна установка: всякая новая диссертация или даже старая, но защищенная, – есть всегда плюс» [30. Л. 54].

Также ВАК продолжила работу по выявлению инертных в научном отношении людей, отказывая им в получении искомой степени или звания. Ярким примером здесь может быть персону В.Ф. Боброва, которого Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе выдвинул на звание профессора. В личном деле В.Ф. Боброва было указано на солидный производственный стаж кандидата и восемнадцатилетний педагогический стаж, был дан перечень работ и заявлено о разработке им ряда проектов. За ним закрепился авторитет «крупнейшего инженера» по вопросам планирования авиационного производства [28. Л. 45].

Если бы ВАК имела в своем распоряжении исключительно формальное представление о В.Ф. Боброве в виде печатных листов из его дела, то шансы получить звание у него были достаточно большие. Однако в комиссии состояли представители, которые сами непосредственно работали в МАИ, и они сумели опровергнуть претензии этого кандидата на профессорское звание. Оказалось, что на деле указание на наличие педагогического стажа не имело под собой основания, поскольку за все время работы В.Ф. Бобров в институте не прочел ни одной лекции по своему курсу, приглашая для этого дополнительно специалистов.

Что касается производственного стажа, то все перечисленные должности по факту не содержали в себе настолько серьезной ответственности, как это представлял кандидат. Присутствовавший на заседании представитель экспертной комиссии по самолетостроению Б.М. Земский следующим образом разоблачил производственные достижения В.Ф. Боброва: «С 1911 по 1913 г. он был дежурным инженером на Киевском Водопроводе. Так как этот водопровод был только что построен, делать было там нечего. В военное время т. Бобров был мобилизован и работал на авиационной базе: значительного ремонта самолетов в то время не производилось, и эта авиационная база занималась лишь транспортировкой самолетов на фронт и с фронта» [Там же].

Опубликованные работы В.Ф. Боброва также не представляли никакой научной ценности. Его книга «Основы производства самолетов», изданная в 1921 г., состояла из ряда статей отдельных авторов, и В.Ф. Бобров был ее основным редактором. Но в любом случае эта книга не имела отношения к современному самолетостроению конца 1930-х гг.

Характеристика В.Ф. Боброву была отрицательная: «Получается следующая картина. Человек долгое время работал в вузах и занимал ряд ответственных долж-

ностей, но в то же время ничего не дал. <...> В этом деле у нас борются два начала: с одной стороны, человек имеет необычайно профессорскую внешность, но когда подходишь к этому вопросу объективно <...>, то приходишь к выводу, что те прорывы, о которых говорил в своей работе М.М. Каганович, а именно, что студенты не умеют работать на станках, не знают, как обращаться с инструментом и т.д. и т.п., — имеют корни именно здесь» [28. Л. 49].

К концу обсуждения кандидатуры В.Ф. Боброва члены комиссии пришли к выводу, что последний не только не имеет основания на получение звания профессора, но и продолжение его пребывания на посту заведующего кафедрой «основы производства» МАИ является для института крайне вредным. Решение о судьбе В.Ф. Боброва было вынесено в следующей манере: «Мы, конечно, можем пожалеть Боброва и дать ему звание доцента, но вместе с тем мы должны пожалеть и МАИ, потому что, если Бобров останется там работать, имея звание доцента, то толку от этого не будет; будет лишь один вред. И поэтому мы решили пожалеть... МАИ!» (в зале смех) [Там же].

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что в довоенный период существования Высшей аттестационной комиссии, когда от ее решений во многом зависело развитие науки и высшей школы страны, а следовательно, результаты процесса модернизации, ее члены не ограничивались формальным отношением к возложенным на них обязанностям. Анализ протоколов заседаний показал, что представители Комиссии часто выходили за рамки обсуждения дела конкретного кандидата и затрагивали массу проблем, решение которых влияло не только на эффективность научной работы, но и на организацию структуры высшей школы. ВАК сопровождала свою непосредственную деятельность предложениями по созданию или упразднению определенных кафедр, улучшению качества подготовки конкретных специалистов и т.д. Обо всех выявленных недочетах ВАК сообщала наркоматам и Совнаркому, что позволяло корректировать модернизационный процесс, обеспечивая его требующимся контингентом специалистов. При этом члены Комиссии были избавлены от предубеждений, связанных с молодостью исследователя в случае проявления им незаурядных способностей. Само звание или степень рассматривались членами ВАК в первую очередь как инструмент для стимулирования научной активности ее обладателя, а не в качестве признания былых заслуг. Страна находилась в процессе форсированной модернизации, и аттестационная система воспринималась членами ВАК как инструмент для поддержания необходимого высокого темпа ее проведения.

Можно говорить о том, что задачи, которые решала ВАК в период с 1933 по 1936 г. и с 1937 по 1940 г., несколько отличались друг от друга. В первые годы основная проблема заключалась в создании и утверждении правовой основы аттестационной системы, при-

званной обеспечить «первоначальное накопление» профессорско-преподавательского состава в научных учреждениях и высших учебных заведениях. На втором этапе важнейшей становится задача повышения качества исследований и научно-преподавательских работников, перевода количественных показателей в качественные. Эти изменения отразились в требованиях, которые комиссия предъявляла к кандидатам. На начальном этапе они отличались своей мягкостью, ВАК шла на многочисленные уступки и компромиссы при присуждении степеней и званий, признавая, что многие из тех, кто получил квалификационные отличия, им просто не соответствуют. В Положения были введены исключения, дающие, например, право на получение степени без написания и защиты диссертации.

Во второй половине 1930-х гг. возникла потребность в повышении качества научно-педагогических кадров, что привело к повышению требований к кандидатам на получение степеней и званий. Одновременно шел процесс освобождения научного сообщества от «инертных элементов», т.е. специалистов, утративших свою квалификацию и научную эффективность. В данном свете ВАК служила инструментом в борьбе за «очищение рядов» строителей социализма от сомнеющихся и отстающих, от тех, кто тормозил движение страны к светлому будущему.

Для советской системы аттестации научно-педагогических кадров в первые годы ее существования не была характерна строго централизованная структура, которая начала формироваться позже — во второй половине 1930-х гг. На первом этапе значительную роль в деле квалификации высших научно-педагогических кадров играли наркоматы, при которых были созданы квалификационные комиссии. Низовой инстанцией, выдвигавшей кандидата, во всех случаях являлись советы вузов. Однако при присуждении звания доцента и степени кандидата квалификационные комиссии принимали окончательное решение, а при присвоении звания профессора и степени доктора они становились промежуточными организациями, передавая дела на окончательное утверждение ВАК.

Отсутствовала и явно выраженная функция идеологического контроля за наукой, будучи ориентированная на выполнение практической задачи по обеспечению научных и высших учебных заведений необходимыми специалистами. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод об ошибочности представления о государственно-централизованной модели советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров как инструмента «тоталитарного» режима на начальном этапе ее существования. О движении в эту сторону можно говорить начиная с 1936 г.

Также необходимо подчеркнуть, что, будучи связана с наркоматами промышленности, ВАК выступала в качестве действенного связующего звена между наукой и промышленностью, что, очевидно, является утраченным в настоящее время.

Начиная с 1936 г. характер деятельности ВАК начал меняться: новой функцией для нее становится идеологический контроль за наукой. С 1937 г. ВАК больше внимания стала уделять присвоению ученых званий. С 1938 г. все профессорско-доцентские звания и докторско-кандидатские степени перешли под юрисдикцию ВАК, а квалификационные комиссии были упразднены. Вместо них были созданы экспертные комиссии, которые уже не подчинялись наркоматам, а работали по поручению ВАК. Таким образом, правительство превратило аттестационную систему в стройный, подчиненный Совнаркому механизм, значительно урезав долю участия в принятии решений научного сообщества и общественных представителей.

Советская система аттестации научных и научно-педагогических кадров уже успела продемонстрировать свою высокую эффективность в деле развития экономики страны. И именно с этой точки зрения нам представляется первостепенно полезным обращение к собственному опыту, нежели к западноевропейским образцам, к той первоначальной системе аттестации научных и научно-педагогических кадров 1933–1935 гг., которая в дальнейшем была значительно видоизменена и утратила свой демократический общественно-научный характер, который мы пытаемся вернуть за счет обращения к моделям западных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грудцына Л.Ю. Вопросы реформирования системы аттестации научных и научно-педагогических кадров // Правовая инициатива. 2013. № 1. URL: <http://49e.ru/ru/2013/1/11>, свободный (дата обращения: 15.05.2016).
2. Даргын-Оол Ч.К., Захаров Н.В. Об обучении науке: о статусе кандидатских и докторских диссертаций в российском и западном образовании // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 158–166.
3. Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Сов. наука, 1950. 236 с.
4. Заузолков Ф.Н. Коммунистическая партия – организатор создания научной и производственно-технической интеллигенции. М., 1973. 125 с.
5. Гусев К.В., Розов Б.С. Кадры советской науки (К 50-летию советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров). М., 1982. 64 с.
6. Климов А.Ю. История кандидатских экзаменов в нормативных правовых актах России (1804–2004) : дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 246 с.
7. Выскуб В.Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М.: Логос, 2005. 256 с.
8. Ишанова М.В. Регулирование порядка присуждения ученых степеней в дореволюционный и советский период: Сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2007. 209 с.
9. Кулькина И.В. Правовое регулирование деятельности Высшей аттестационной комиссии СССР в сфере присуждения ученых степеней (1934–1991 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2010. 254 с.
10. Парсамов В.С., Шалаева А.В. ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы. Итоги и перспективы изучения. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2014. 40 с.
11. Сонин А.С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // Вопросы истории, естествознания и техники. 2004. № 1. С. 18–63.
12. Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1991. 560 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8060. Оп. 4. Д. 1.
14. ГАРФ. Р-8060. Оп. 4. Д. 2.
15. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 11.
17. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 15.
18. Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы. URL: <http://www.nir.ru>, свободный (дата обращения: 15.05.2016).
19. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 17.
20. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 10.
21. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 18.
22. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 115.
23. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 132.
24. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 127.
25. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 130.
26. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 123.
27. Материалы к библиографии трудов ученых СССР: Андрей Януарьевич Вышинский / сост. В.Е. Кузятин. М.: Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1941. 32 с.
28. ГАРФ. Р-9506. О. 1. Д. 233.
29. Летопись Министерства образования в области законодательства о порядке подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в России: 1724–2002 : в 4 т. / под ред. Е.А. Корсакова ; сост.: В.Н. Гавва, А.А. Казначеев, Е.А. Корсаков, В.И. Эйдельмант, А.Н. Якушев, Т.А. Якушева. Невинномысск : НГГТИ, 2002. Т. 3, Ч. 1. 340 с.
30. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 177.

Kornoukhova Gadilya G. Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: kornouh@mail.ru

THE HIGHER ATTESTATION COMMISSION ACTIVITIES DURING THE PRE-WAR PERIOD OF STALINISM.

Keywords: Higher Attestation Commission (VAK); stalinism.

The article deals with the Soviet system of attestation of scientific and scientific-pedagogical staff of pre-war period through the activities of the Higher Attestation Commission (abbreviated as VAK), which was established in 1933 and controlled the awarding of advanced academic degrees and academic ranks in all of the USSR. This revising of VAK history is caused by the topicality of its modernization. Presently West European model of attestation is being extensively discussed in Russian society as more effective and democratic compared with currently existing. We think Soviet experience also deserves to be more carefully examined as a further alternative. The reviewed material has lead to the conclusion that the Soviet system of attestation of scientific and scientific-pedagogical personnel staff was not used as some kind of tool of “totalitarian” regime of Stalinism at the initial stage of its existence. That trend began to ap-

pear since 1936. With regard to period of 1933–1936 years we can consider the system of attestation as a rather democratic model. That also can be referred towards the Soviet science of that period when scientists actively published their scientific articles in international journals and made foreign scientific work trips. During the short period of 1933–1935 years the presence of public and scientific component was notable in the functioning of the attestation system. At that period of time the right of assignment of a number of titles and degrees was granted to councils of higher education institutions and research institutions either completely independently or with the approval of the qualification commissions of adequate People's Commissariats. In this case the Higher Attestation Commission acted as the highest court of cassation, and did not participate at first-hand in the process of assigning of titles and degrees except for doctoral degree and professor rank. What should be particularly emphasized is the role as coordinating center that played VAK in the Soviet era, coupling science with industry. VAK detected scarce specialties and aimed to provide the national economy with experts of economic and industrial sections. This feature has been obviously lost by now. As a result, high-tech sectors of the economy did not receive sufficient quantity of specialists, and scientific researches did not find an entry into the national economic market. In this lost peculiarity of VAK the author sees the main advantage of the Soviet system of certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of the Soviet period, which was also free from the ideological component in the short period of 1933–1935 years.

REFERENCES

1. Grudtsyna, L.Yu. (2013) Voprosy reformirovaniya sistemy attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov [Questions of reforming the system of attestation of scientific and pedagogical personnel]. *Pravovaya iniciativa*. 1. [Online] Available from: <http://49e.ru/ru/2013/1/11>. (Accessed: 15th May 2016).
2. Dargyn-Ool, Ch.K. & Zakharov, N.V. (2004) Ob obuchenii nauke: o statuse kandidatskikh i doktorskikh dissertatsiy v rossiyskom i zapadnom obra-zovanii [About teaching science: on the status of masters and doctorate in Russian and Western education]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 158-166.
3. Sinetskiy, A.Ya. (1950) *Professorsko-prepodavatel'skie kadry vysshey shkoly SSSR* [The professorial in the USSR higher school]. Moscow: Sovetskaya nauka.
4. Zauzolkov, F.N. (1973) *Kommunisticheskaya partiya – organizator sozdaniya nauchnoy i proizvodstvenno-tekhnicheskoy intelligentsia* [Communist Party - the organizer of the creation of the scientific and industrial and technical intelligentsia]. Moscow: [s.n.].
5. Gusev, K.V. & Rozov, B.S. (1982) *Kadry sovetskoy nauki (K 50-letiyu sovetskoy sistemy attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov)* [Personnel of Soviet science (the 50th anniversary of the Soviet system of attestation of scientific and pedagogical personnel)]. Moscow: Znanie.
6. Klimov, A.Yu. (2004) *Istoriya kandidatskikh ekzamenov v normativnykh pravovykh aktakh Rossii (1804–2004)* [The history of PhD exams in the normative legal acts of Russia (1804–2004)]. History Cand. Diss. Pyatigorsk.
7. Vyskub, V.G. (2005) *Rossiyskaya obshchestvenno-gosudarstvennaya sistema attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshey kvalifikatsii* [Russian social and state system of certification of scientific and pedagogical personnel]. Moscow: Logos.
8. Ishanova, M.V. (2007) *Regulirovaniye poryadka prisuzhdeniya uchenykh stepeney v dorevolutsionnyy i sovetskiy period: Sravnitel'no-pravovoy analiz* [Regulation of the order of awarding of academic degrees in the pre-revolutionary and Soviet Period: Comparative legal analysis]. Law Cand. Diss. Elets.
9. Kulikina, I.V. (2010) *Pravovoe regulirovaniye deyatel'nosti Vysshey attestatsionnoy komissii SSSR v sfere prisuzhdeniya uchenykh stepeney (1934–1991 gg.)* [Legal regulation of the activities of the USSR Higher Attestation Commission in the awarding of academic degrees (1934–1991)]. Law Cand. Diss. Pyatigorsk.
10. Parsamov, V.S. & Shalaeva, A.V. (2014) *VAK i problemy nauchnoy attestatsii v SSSR v 1930-e gody. Itogi i perspektivy izucheniya* [Higher Attestation Commission and the problem of scientific validation in the USSR in the 1930s. Results and prospects of the study]. Moscow: HSE.
11. Sonin, A.S. (2004) VAK SSSR v poslevoennyye gody: nauka, ideologiya, politika [The USSR Higher Attestation Commission in the post-war years: Science, ideology, politics]. *Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 18-63.
12. Yaroshevsky, M.G. (ed) (1991) *Repressirovannaya nauka* [Repressed Science]. St. Petersburg: Nauka.
13. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-8060. List 4. File 1.
14. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-8060. List 4. File 2.
15. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 1.
16. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 11.
17. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 15.
18. Kozlova, L.A. (2001) "Bez zashchity dissertatsii...": Statusnaya organizatsiya obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935 gody ["Without the protection of the thesis ...": The status the organization of the social sciences in the USSR, 1933–1935]. [Online] Available from: <http://www.nir.ru>. (Accessed: 15th May 2016).
19. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 17.
20. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 10.
21. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 18.
22. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 115.
23. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 132.
24. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 127.
25. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 130.
26. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 123.
27. Kuzyatina, V.E. (ed.) (1941) *Materialy k bibliografii trudov uchenykh SSSR: Andrey Yanuar'evich Vyshinskiy* [Materials for bibliographies of Soviet scientists: Andrey Vyshinsky]. Moscow: All-Union Book Chamber.
28. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 233.
29. Korsakov, E.A. (2002) *Letopis' Ministerstva obrazovaniya v oblasti zakonodatel'stva o poryadke podgotovki nauchnykh kadrov i prisuzhdeniya uchenykh stepeney v Rossii: 1724–2002 : v 4 t.* [Annals of the Ministry of Education in the field of legislation on the procedure for the preparation of the scientific staff and the awarding of academic degrees in Russia: 1724–2002. In 4 vols]. Vol. 3(1). Nevinnomyssk : NGGTI.
30. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 177.

УДК 316.344.24(092)
DOI 10.17223/19988613/44/4

Д.Л. Шереметьева

ПРОФЕССОР БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. В КАРЬЕРЕ Д.И. РОЗЕНБЕРГА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Статья посвящена жизненному пути Д.И. Розенберга, который после неудач на политическом поприще сделал стремительную карьеру в системе образования и науки, став признанным знатоком марксизма, профессором, членом-корреспондентом Академии наук СССР. На основе широкого круга источников показаны основные факторы и направления социальных передвижений Розенберга в условиях самодержавия, революции, контрреволюции и советской власти. Прослежены изменения в функционировании таких социальных лифтов, как политические партии и система образования в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций в России первой половины XX в.

Ключевые слова: Д.И. Розенберг; социальный лифт; социальная мобильность; политические партии; система образования.

В первой трети XX в. в России в условиях войн, революций и радикальных трансформаций государство безжалостно перекраивало общество, ломало старые социальные границы и лифты и создавало новые. Шансы людей на стремительный подъем по социальной лестнице и опасность падения многократно увеличивались. Преуспеть в жизни и при этом дожить до старости удалось немногим. Среди них Давид Иохелевич Розенберг, родившийся в 1879 г. в нищей многодетной семье в еврейском местечке на западе Российской империи и ставший крупным советским политэкономистом, профессором, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Успешная индивидуальная мобильность в революционную эпоху представляет особый интерес, является призмой, позволяющей проследить изменения в механизмах социальных перемещений и понять, как складывались высшие этажи новой социальной иерархии.

В одной из первых специальных статей о Розенберге, опубликованной во втором издании «Большой советской энциклопедии», описан жизненный путь якобы безукоризненного коммуниста и выдающегося ученого. С тех пор этот образ транслируется в изданиях энциклопедического характера [1. С. 394; 2, 3 и др.]. Однако существуют основания для его корректировки. Отдельные сведения, свидетельствующие о неоднозначном, зигзагообразном жизненном пути Розенберга, были приведены исследователями, изучавшими еврейскую диаспору [4, 5 и др.] и Гражданскую войну в Сибири [6. С. 146, 189–190]. При этом основные факторы и направления социальных передвижений Давида Иохелевича в условиях самодержавия, революции, контрреволюции и советской власти не ясны.

Социальное происхождение, или так называемый приписанный социальный статус, имеет принципиальное значение в жизни человека. Согласно наблюдениям социологов, пол, национальность и социальный статус семьи определяют положение индивида в обще-

стве, задают координаты его движения по общественной лестнице.

В анкетах Розенберг про себя фиксировал – «мужчина», «еврей», «безотцовщина» [7. Л. 2]. Принадлежность к мужскому полу предполагала ориентацию на высокую общественную активность и социальную мобильность. Однако родиться в еврейской семье на западе Российской империи означало быть ограниченным в правах на собственность, образование, выбор профессии, жить в черте оседлости в местечках с низким уровнем благосостояния, постоянно сталкиваться с проявлениями антисемитизма.

Законодательно обусловленное положение «человека второго сорта» усугублялось низким социальным статусом семьи Розенберга. В жизнеописании, составленном в 1935 г., Давид Иохелевич единственный раз относительно подробно описал своих родителей: «Отец определенной профессии не имел, а занятия менял от случая к случаю, – жил случайными заработками. Мать долгие годы работала в качестве поденщицы, служила домашней работницей» [Там же. Л. 4]. Интересно, что, будучи к тому времени признанным знатоком марксизма, Розенберг не использовал классовую терминологию и сообщал о занятиях отца туманно, вероятно, скрывая прошлое семьи.

Шанс вырваться из неблагополучной социальной среды Розенбергу давала система еврейского религиозного образования. Многовековая традиция всеобщей грамотности и собственная система религиозного образования у евреев обеспечивали относительно высокий интеллектуальный потенциал. Розенберг успешно учился в хедере за счет благотворительности, затем поступил в ешибот для подготовки к званию раввина.

Однако в 1899 г., в возрасте 20 лет, Розенберг радикально поменял образ жизни. Он уехал в Одессу, один из крупнейших городов Российской империи, начал изучать русский язык и готовился к экзамену на «аттестат зрелости». Горизонтальная мобильность и попытка ассимилироваться в огромном русскоговоря-

щем социуме открывали новые жизненные перспективы. При этом социальное положение оставалось низким, зарабатывать приходилось частными уроками.

Тяжелые условия жизни, волна революционных настроений и эгалитарная социал-демократическая идеология подтолкнули Розенберга к политике. В 1904 г. он примкнул к рабочему движению, вступил во Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд) и во время Первой русской революции «усиленно изучал марксистскую литературу» [7. Л. 4]. Выбор партии был осмысленным и логичным, так как именно Бунд предлагал программу решения социальных и национальных проблем беднейшего еврейства. К тому времени партия сложилась как социальный институт, имевший внутреннюю иерархию и влиявший на отношения власти-подчинения среди революционеров.

После революции Розенберг пытался продолжить образование. Ему удалось экстерном сдать экзамены и получить диплом о среднем образовании. Он даже намеревался учиться на юридическом факультете [Там же]. Но пройти сквозь фильтр системы образования ему не удалось. Вместо этого в свои 30 лет Розенберг стал активистом рабочего движения, маргиналом без определенной профессии и постоянного места жительства. Последовали аресты и в 1914 г. ссылка в Нарымский край.

В сибирской ссылке Розенберг жил до конца 1916 г., пока затянувшаяся мировая война не вынудила правительство Российской империи призывать в армию политически неблагонадежных. В январе 1917 г. в числе прочих политических ссыльных Розенберг был мобилизован в армию и зачислен в 18-й запасной полк Томского гарнизона. Однако армия изменила социальный статус Розенберга лишь формально. Казарма вскоре стала для него очередной трибуной для политической пропаганды.

Февральская революция положила начало слоому социальной системы Российской империи, стала точкой бифуркации для всего российского общества. Розенберг, как и многие другие оппозиционеры, революционеры, подпольщики, представители дискриминируемых ранее национальных меньшинств, получил шанс поднять свой социальный статус и даже попасть в новую политическую элиту.

Весной 1917 г. были парализованы административные органы власти и обозначились новые центры притяжения общественно-политических сил – комитеты общественного порядка и безопасности, советы депутатов, политические партии и народные собрания. Их роль и место во властной иерархии не были закреплены, структуры, функции, полномочия и направления деятельности менялись.

Политическую карьеру в условиях революции Розенберг начал с того, что было лично ему наиболее близко и понятно. В марте 1917 г. он принял участие в учреждении Томской организации Бунда, создании

при ней партийного клуба и библиотеки. «Это было на третий день по получении известий о перевороте. В небольшой уютной комнате собрались шесть человек, все старые знакомые <...> спаянные крепкими узами товарищества. Они уже были бундовцами <...> но не было организованной бундовской работы» [8. 1917. № 1. С. 3–4]. Бунд оказался новинкой для Томска. Активисты еврейской социал-демократии были «пришлыми», из политических ссыльных и высланных, и занимали скромные позиции в обществе. Это были солдат Д.И. Розенберг, конторщик И.Л. Магун, учительница Е.С. Лапицкая и др. Социальную базу местной организации Бунда составляли рабочие и ремесленники из беженцев.

В Томске Розенберг успешно выступал на митингах, читал популярные лекции [5. С. 30] и явно выделялся как яркий агитатор и пропагандист, подкованный в марксизме. Его личные политические успехи превосходили достижения еврейского социал-демократического движения в Томске. Численность местных бундистов достигла своего максимума в мае 1917 г., составив всего 55 членов организации и около 40 членов клуба [Там же. С. 27–28]. Летом интерес к Бунду пошел на спад, самостоятельное общественно-политическое значение организация имела лишь в качестве оппозиции сионизму внутри местного еврейского сообщества.

Вполне естественно, что Розенберг стремился расширить сферу деятельности. Весной 1917 г. он принял участие в работе Томского совета солдатских депутатов. Одно из первых политически значимых выступлений Розенберга состоялось в конце апреля 1917 г. на совместном заседании совета солдатских депутатов и совета рабочих депутатов. По вопросам об отношении к Временному правительству, войне и «Займу свободы» Розенберг с оборонческих позиций оппонировал основному докладчику большевику И.Н. Смирнову. Итогом дискуссии стала компромиссная резолюция с выражением условной поддержки Временному правительству [9. 1917. 4 мая].

В мае 1917 г. Розенберг был избран в исполнительный комитет Совета солдатских депутатов Томского гарнизона [Там же. 14 мая] и стал журналистом газеты «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона». Тогда же он был избран в комитет Томской организации РСДРП, в котором до осени 1917 г. сосуществовали большевики и меньшевики, и взял на себя ответственность за «пропагандистско-агитаторскую работу» [10. 1917. 3 июня].

Летом – осенью 1917 г. основным занятием Розенберга стала политическая публицистика. В июне – октябре 1917 г. он был сотрудником крупной сибирской социал-демократической газеты, органа Томского совета солдатских и рабочих депутатов «Знамя революции». Более того, на первой сибирской конференции Бунда, прошедшей в августе 1917 г. в Иркутске, была поддержана его инициатива по учреждению

журнала «Сибирский вестник Бунда» [10. 1917. 12 авг.]. К осени Розенбергу удалось наладить выпуск журнала.

Розенберг не имел опыта писательской работы, но стал выдавать сразу большое количество текстов. Под незамысловатыми подписями «Роз», «Розенберг», «Розенберг Д.», свидетельствовавшими об открытости автора, почти в каждом номере «Знамени революции» и «Сибирского вестника Бунда» публиковались произведения Давида Иохелевича.

Он был представителем той революционной волны журналистов, которых профессиональный литератор, этнограф, путешественник, либерал А.В. Адрианов считал безграмотными дилетантами, заполонившими провинциальную прессу [11. С. 17]. Конкретно Розенберга А.В. Адрианов высмеивал как «не владеющего русской речью» [12. 1918. 11 авг.]. Розенберг, действительно, уступал корифею сибирской журналистики по уровню образования и владения русским литературным языком. В статьях большое количество ошибок, опечаток, газетных штампов, нередко встречаются такие фразы: «в стране разложение всякой власти пошло сильными шагами вперед» [10. 1917. 20 июня], «солидный кадр опытных работников» [Там же. 27 авг.] и др. Розенберг постоянно пояснял используемые им в статьях расхожие слова и выражения, обнажая пробелы в собственном образовании и трудности в написании текстов. При этом Розенберг умело пользовался политическими аргументами и делал выводы, логично вытекавшие из текста.

Выступления в прессе, на митингах и собраниях обеспечили Розенбергу известность в Сибири. Ему, по-видимому, удалось зарекомендовать себя в качестве профессионального революционера и убежденного социал-демократа. Это было одним из важнейших составляющих успешной политической карьеры в условиях революции и способствовало повышению политического статуса.

В конце сентября 1917 г. Розенберг участвовал в выборах в Томскую городскую думу по списку местной организации РСДРП. Он был кандидатом под номером три, сразу после председателя городского народного собрания Н.С. Васильева и члена городского народного собрания М.Е. Минца [12. 1917. 27 сент.]. На победу в городских выборах меньшевики не рассчитывали и остались довольны, когда в результате упорной борьбы им удалось собрать 1 371 (5,8%) голос и вырвать целых шесть депутатских мандатов у популярных в Томске большевиков, эсеров и кадетов [8. 1917. № 3. С. 6–7].

Розенберг стал депутатом Томской городской думы, но на этом поприще себя не проявил [5. С. 50; 9. 1917. 28 сент., 3–6 окт.; 10. 1917. 17 сен.; 13. 1917. 28 сен.]. Судя по публицистике, лекциям и выступлениям на митингах, собраниях и заседаниях, он претендовал на более высокое положение в политической

иерархии, мыслил в масштабах государства, а не отдельного муниципалитета.

Осенью 1917 г. Розенберг сосредоточился на пропаганде идеи Всероссийского Учредительного собрания [10. 1917. 10–25 окт., 10 нояб.] и стал кандидатом в депутаты от РСДРП. В списке партии по Томскому избирательному округу он значился шестым, уступив не только обязательному кандидату от ЦК, приват-доценту Н.А. Рожкову, но и члену исполнительного комитета Томского губернского народного собрания В.П. Денисову, члену Новониколаевского городского народного собрания, редактору газеты «Голос Сибири» Н.А. Гудкову, служащему Кустарного комитета Томской и Алтайской губерний К.И. Замараеву и члену правления Мариинского союза кооперативов И.С. Гвиздону [14. 1917. 29 окт.]. Розенберг был рекомендован избирателям как солдат 18-го полка. Выборы в Учредительное собрание в Томске прошли в ноябре 1917 г., за меньшевиков отдали голоса 1 008 (5%) избирателей [15. С. 213]. С такими результатами партийная организация не получила представительства во Всероссийскую конституанту.

В ноябре 1917 г. Розенберг шел по списку Бунда первым кандидатом от Западной Сибири на Всероссийский еврейский съезд. На этот раз в списках были указаны все его реальные политические статусы – председатель Томской организации Бунда, гласный Томской городской думы, редактор «Сибирского вестника Бунда» [8. 1917. № 6; 10. 1917. 21 нояб.]. В январе 1918 г. на выборах в Западной Сибири Бунд набрал 629 (13%) голосов и не получил ни одного мандата [5. С. 86].

Розенберг не прошел ни в одно представительное собрание всероссийского уровня. Партийная принадлежность «бундовец и меньшевик» не сулила стремительной политической карьеры в крестьянской Сибири. Однако представления социал-демократов о развитии общества, государства и революционного процесса в России все же подпитывали надежду на близкий политический рывок.

После Октябрьской революции Розенберг занял компромиссную позицию в отношении устанавливавшейся и укреплявшейся советской власти. В докладе «Переживаемый политический момент» 1 ноября 1917 г. на общем собрании членов Томской организации Бунда он критически высказался о большевиках и одновременно заявил, что бороться против захвата власти советами под руководством большевиков недопустимо. По его мнению, необходимо было «примкнуть к движению», «превратив его в общереволюционно-демократическое» [8. 1917. № 5. С. 11; 10. 1917. 5 нояб.]. Через три дня в газетной статье он призывал к созданию единого революционного демократического фронта против потенциальной угрозы контрреволюции [10. 1917. 4 нояб.].

Однако выдержать такую позицию не удалось. Советская власть строилась вопреки демократическим принципам. Дискриминационно-репрессивная полити-

ка большевиков сужала возможности легальной политической оппозиции. Атмосфера гонений довлела даже над социал-демократами [16. 1918. 14 апр.]. При этом меньшевики не считали возможным встать на путь вооруженной борьбы с большевиками. Розенберг, в частности, с декабря 1917 г. лишь последовательно критиковал политику советского правительства [5. С. 80–82].

В Иркутске в апреле 1918 г. Розенберг был избран членом Сибирского областного комитета Бунда, но следов его деятельности в этом качестве пока не обнаружено. В это время он прекратил издание «Сибирского вестника Бунда», обосновывая свое решение «плохой распространяемостью» журнала, «отсутствием в Сибири широких еврейских трудящихся масс», «слабым освещением партийной жизни» и «резким вздорожанием типографского тарифа» [8. 1918. № 5. С. 15]. С тех пор Розенберг перестал писать статьи на столь близкие ему ранее темы борьбы с антисемитизмом и еврейского рабочего движения. Национальность все меньше определяла его жизненный выбор.

В условиях разгоравшейся Гражданской войны Розенберг тесно связал свою деятельность с меньшевиками. Бюро Сибирского объединения организаций РСДРП 10 апреля 1918 г. приступило к выпуску общественно-литературной газеты «Заря» под редакцией А.А. Богданова, Д.И. Розенберга и С.К. Неслуховского. Главной задачей издания была пропаганда «старых заветов революционного марксизма» [16. 1918. 10 апр.]. Основной массив публикаций составляли статьи, освещавшие текущие политические события и теоретические вопросы строительства социализма, а также заметки о жизни рабочих. Розенберг продолжал критиковать политику большевиков, пророча скорое падение их власти [Там же. 17. 21 апр.].

Антибольшевистский переворот в конце мая – августе 1918 г. в очередной раз изменил «политический ландшафт» в Сибири. Меньшевики практически не принимали участия в свержении советской власти, и с переходом высшей власти на освобожденной от большевиков территории к Временному Сибирскому правительству положение Розенберга принципиально не изменилось. Он с оговорками поддержал переворот и условно признал Временное Сибирское правительство, но, опасаясь восстановления «позорных старых порядков» [Там же. 22 июля], вскоре оказался в привычной ему роли оппозиционера.

Основным инструментом политической борьбы для Розенберга оставалась пресса. До октября 1918 г. он был бессменным членом редколлегии и автором в меньшевистской газете «Заря». С 21 июня 1918 г. до 31 марта 1919 г. Давид Иохелевич возглавлял орган Томской губернской земской управы «Народная газета». К тому же с 1 июля 1918 г. Розенберг сотрудничал в еженедельной газете профессионального союза служащих, мастеровых и рабочих Томской железной дороги «Железнодорожник».

В июле 1918 г. на заседании Частного совещания членов Сибирской областной думы был рассмотрен мандат Розенберга, выданный Западно-Сибирским областным комитетом Бунда. Однако «партии в областной думе специального представительства не имели», поэтому самого Розенберга на заседания не допустили [6. С. 146]. На второй сессии Сибирской областной думы 10 сентября 1918 г. мандат рассматривался комиссией по проверке полномочий депутатов и снова был отклонен [5. С. 110]. Розенбергу в очередной раз не удалось попасть в представительный орган.

В чрезвычайных условиях Гражданской войны политический режим контрреволюции быстро эволюционировал от первоначально декларируемого народоправства к авторитаризму. Во все сферы жизни общества проникало влияние военных, укреплялась административная властная вертикаль. Уже осенью 1918 г. в Сибири наглядно проявилась тенденция к ограничению гражданских свобод. Эсеров и социал-демократов-меньшевиков постепенно выдавливали из легального политического пространства, основным их «прибежищем» становились органы городского и земского самоуправления.

В октябре 1918 г. было остановлено издание газеты «Заря». Розенберг, в арсенале которого оставалась только «Народная газета», приспосабливался к ограничению свободы слова. В декабре 1918 г. на Томском губернском земском собрании Давид Иохелевич охарактеризовал газету как «беспартийную» [17. 1918. 17 дек.], а в объявлении о подписке на 1919 г. пояснил, что издание, «являясь органом беспартийным, отстаивающим интересы широких народных масс, стоит на страже полного народовластия, защищая областное устройство Сибири и вместе с тем единство и неделимость России», беспристрастно «освещает политическую жизнь страны и стремится внедрить в сознание населения чувства гражданственности, долга перед родиной и порядка» [18. 1919. 3 янв.]. При этом в январе – марте 1919 г. в многочисленных статьях Розенберг по-прежнему отстаивал мысль, что все пути к справедливому обществу ведут к социализму [Там же. 27 фев.], и осторожно критиковал «и советскую, и не-советскую власть» в России за «уничтожение остатков народного хозяйства» [Там же. 9 марта].

Томская губернская земская управа 31 марта 1919 г. приостановила «Народную газету» из-за «трудностей с типографией» [19. Л. 103]. Для Розенберга это означало потерю работы и возможности влиять на общественное мнение и власть. Депутат Томской городской думы – вот единственный политический статус, который ему удалось сохранить и подтвердить на очередных выборах в июле 1919 г. [9. 1919. 19 июля]. При этом в думе он по-прежнему не вел никакой заметной работы.

В декабре 1919 г. в Томске в результате вооруженного антиколчаковского восстания была установлена советская власть. Сорокалетний социал-демократ,

марксист с опытом партийной и журналистской деятельности снова оказался перед выбором. 19 декабря на общем собрании томской организации меньшевиков Розенберг призывал к отказу от программы-минимум и строительству социализма. Собравшиеся приняли решение о всемерной поддержке советской власти как единственной революционной силы, ведущей активную борьбу с реакцией. Однако учрежденный большевиками Томский революционный комитет подверг резкой критике умеренных социалистов и запретил им легальную политическую деятельность. Организация местных меньшевиков распалась. Некоторые из них вступили в ряды РКП(б), другие отошли от активной партийной работы, а часть снова ушла в политическое подполье [20. С. 54–55].

Розенберг пошел по пути активной интеграции в нарождавшийся советский социум. В феврале 1920 г. он вступил в РКП(б). Первая публикация Розенберга-коммуниста появилась в газете «Знамя революции» 1 мая 1920 г. Замаскировавшись псевдонимом «Рид», он подобострастно писал об «истинных социалистах», «искренне борющихся за освобождение пролетариата». Более того, Розенберг перенял идейно-политические установки, фразеологию и двойные стандарты большевиков, отказавшись от исповедуемых им ранее принципов народовластия, плюрализма, свободы выбора и слова: «Ясно теперь, что все так называемые демократические принципы и демократические завоевания имеют ценность постольку, поскольку они дают возможность борющемуся за власть пролетариату шире развернуть свой размах, доставляют ему новые позиции для более удачных и верных обстрелов. При диктатуре же пролетариата за эти принципы цепляется побитая буржуазия» [10. 1920. 1 мая]. С тех пор Розенберг строго следовал политической линии коммунистической партии и стал апологетом советской власти.

С точки зрения социальной мобильности, вступление в РКП(б), взявшую на себя роль основной несущей конструкции советского государства, сулило Розенбергу выгоды. В условиях дефицита кадров бывший меньшевик, полностью подстроившийся к идеологии и политике коммунистической партии, мог стать «строителем советской власти». Тем более что большевики объявили себя защитниками малых наций и широко использовали малообразованные массы российского еврейства в переустройстве страны [21. С. 60].

Вероятно, с согласия председателя Сибирского бюро ЦК РКП(б) и председателя Сибирского революционного комитета И.Н. Смирнова в мае 1920 г. Розенберг был избран в Томский совет рабочих и красноармейских депутатов [11. 1920. 4 мая] и стал членом бюро Томского губернского комитета РКП(б) [22. Л. 1]. В его ведение предполагалось передать вопросы агитации, пропаганды, национальных меньшинств и профсоюзов [Там же. Л. 7]. Однако Розенберг, по сути, не был допущен к власти. В Томске его хорошо знали как

бывшего меньшевика. Поэтому в Сиббюро уже в июне 1920 г. поднимался вопрос о переводе Розенберга в Омск [23. Л. 64]. В конце июня 1920 г. Давид Иохелевич уже выбыл из состава губбюро при невыясненных обстоятельствах.

Не позднее августа 1920 г. Розенберг переехал в Омск, хотя формально он был отозван из Томска в распоряжение Сиббюро только в сентябре 1920 г. [24. Л. 31]. В Омске устроиться удалось редактором журнала «Сибирский путь», издававшегося совместно с Сибирским политическим управлением путей сообщения, Сибирским округом путей сообщения, Сибирским районным комитетом профессионального союза железнодорожников и Сибирской комиссией по водному транспорту. Почти на год Розенберг стал «заложником» пропагандистской работы в маломощных сибирских профсоюзах, переживая там «военный коммунизм».

Новая экономическая политика отчасти «примирила» бывших меньшевиков с советской властью, открыв для них поле деятельности в сфере организации экономической жизни страны. Почувствовав изменение политической конъюнктуры, Розенберг уже в мае 1921 г. попытался перейти на более перспективную должность. 5 мая 1921 г. бывший меньшевик, заведующий экономическим отделом Сибирского революционного комитета И.М. Майский ходатайствовал в Сиббюро ЦК РКП(б) о переводе Розенберга в экономический отдел и назначении в редакционный коллектив экономического журнала «Жизнь красной Сибири». Однако Сиббюро ЦК РКП(б) оставило Розенберга на «профсоюзной работе», разрешив «в порядке совместительства работать в экономическом отделе Сибревкома» [25. Л. 63]. Всего три недели спустя Розенберг выступил с предложением об организации в Сибири еврейской коммунистической секции и сделал доклад о печальном состоянии производственной пропаганды. Сиббюро ЦК РКП(б) отклонило предложение о евсекции, а на доклад о производственной пропаганде последовала вялая неопределенная реакция [Там же. Л. 82]. Политическая карьера Розенберга явно не складывалась.

В июне 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) «прикрепило» Розенберга «в качестве лектора к Сибпартшколе» [Там же. Л. 99]. С сентября он начал преподавание в созданном для подготовки коммунистов к организационно-партийной и агитационно-пропагандистской работе Рабоче-крестьянскому коммунистическому университету Сибири (КУС). К профессиям Розенберга как журналиста, редактора и пропагандиста добавилась еще одна — преподаватель. Отсутствие диплома о высшем образовании не помешало Розенбергу разработать курс по политической экономии и успешно читать лекции намного менее образованным, чем он, слушателям. Новая работа отвечала способностям, знаниям и интересам Розенберга. Однако система партийного образования в Сибири только

начинала формироваться, финансировалась по остаточному принципу и не сулила продвижения по социальной лестнице.

«Материальная нужда, а с другой стороны – внутренняя тяга к газетной работе принудили» Розенберга одновременно с преподаванием в университете ввязаться в издание органа Омского губернского комитета РКП(б) и исполкома «Рабочий путь» [26. Л. 128]. В этой газете с сентября 1921 г. Розенберг был членом редколлегии, в апреле – июне 1922 г. работал ответственным редактором, затем до июня 1923 г. писал политико-экономические обзоры. Статьи и заметки он писал клишированно, копируя тематику и стиль центральных партийных и советских изданий.

Летом 1923 г. Розенберг подводил итоги своей преподавательской работы. По результатам первого выпуска слушателей Рабоче-крестьянского коммунистического университета он написал праздничную статью и сделал умеренно позитивный вывод: «Медленно, но неуклонно, КУС становится высшим рассадником коммунистического просвещения в Сибири» [27. 1923. 24 июня]. Слушатели, преимущественно рабочие и крестьяне, ценили Розенберга за «ясный логический подход к каждому вопросу» [26. Л. 129].

Убедившись, что партийно-политическая карьера для него невозможна, а преподавательская работа вполне по силам и пробелы в образовании ей не препятствуют, Розенберг решил добиваться перевода на более выгодное с точки зрения социального статуса и карьерных возможностей место. Перестраивавшаяся система образования требовала новых, лояльных власти кадров и открывала широкие перспективы перед большевиками-марксистами. При этом Розенбергу разумно было покинуть Сибирь, где его хорошо знали и помнили о его меньшевистском прошлом.

В сентябре 1923 г. Розенберг уехал из Омска в Москву [7. Л. 4]. В столицу традиционно рвались самые амбициозные представители всех слоев общества, в особенности интеллектуалы и представители творческих профессий. Именно в Москве концентрировались политическая элита и обслуживавшие ее функционирование социальные институты.

В Москве Розенберг начал работу в 1924 г. с должности преподавателя политической экономии в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской, где готовили преподавателей средних учебных заведений и руководящих работников народного образования. Уже через год, в 1925 г., Давид Иохелевич был назначен председателем кафедры политической экономии, писал учебные пособия для преподавателей и студентов. В 1926 г. он был утвержден в звании профессора политической экономии [28. Л. 1], пополнив формировавшийся слой коммунистической профессуры.

Первая знаковая научная публикация Розенберга появилась в 1929 г. в журнале экономической секции Коммунистической академии «Проблемы экономики»

в «Дискуссионном отделе» [29]. В 1929–1933 гг. результатом многолетнего политического и научного освоения трудов К. Маркса стали комментарии Розенберга к трем томам «Капитала». Профессор относительно стройно изложил основы экономической теории К. Маркса, обозначил контекст развития европейской экономической мысли, но не вдавался в критику. «Комментарии...» удачно вписались в политическую конъюнктуру, стали подспорьем для широкого внедрения марксизма в систему высшего образования и науки. «Комментарии...» Розенберга внимательно прочел И.В. Сталин [30]. Впоследствии они трижды переиздавались и были переведены на несколько иностранных языков.

Апология марксизма и защита идейно-политических основ складывавшейся в СССР экономической системы сыграли важнейшую роль в выживании Розенберга, шансы на которое в условиях судебного процесса «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» и расправы над бывшими меньшевиками были сомнительными.

Карьерный рост Розенберга в научно-образовательной сфере продолжался. В 1931–1936 гг. Розенберг руководил кафедрой политэкономии в Институте красной профессуры, готовившем идеологов ВКП(б) и преподавателей общественных наук для вузов. Одновременно Розенберг работал старшим научным сотрудником Института экономики Коммунистической академии.

По таким характеристикам, как членство в ВКП(б), уровень образования и трудовой стаж, Розенберг органично вписывался в коллектив сотрудников Комакадемии. В секции теоретической экономики в 1933 г. работали 12 старших научных сотрудников. Все поголовно состояли в партии. Только у пятерых из них было высшее образование, трое учились в аспирантуре. Траектории профессиональной мобильности старших научных сотрудников названной секции были разнообразны, но большинство имели опыт агитационно-пропагандистской, организационно-партийной и преподавательской работы. Научной или околонушной деятельностью из них занимались ранее только четверо, остальные восемь, включая заведующего секцией В.М. Шурыгина, не имели к ней ранее никакого отношения [31]. На этом фоне Розенберг оказался выдающимся ученым и в 1934 г. Президиум Коммунистической академии присвоил Давиду Иохелевичу ученую степень доктора экономических наук.

Новый социальный статус для Розенберга означал и особую заботу правительства. В 1934 г. ему удалось стать подопечным Комиссии содействия ученым при СНК СССР и обзавестись относительными жилищными удобствами – отдельной квартирой в Москве, площадью около 40 кв. м, с электричеством и уборной [28. Л. 3–4].

В 1936 г., после слияния двух экономических институтов, Розенберг устроился в Институте экономики

Академии наук СССР. К тому же с 1937 г. он был профессором Московского университета. Розенберга как ценного специалиста, укреплявшего идеологические основы режима, миновала волна Большого террора. В 1939 г. ему было присвоено звание члена-корреспондента АН СССР.

В 1941 г. Розенберг был эвакуирован в Казань, где до 1943 г. работал профессором в местном университете, а также читал популярные лекции по политэкономии социализма. В публичных выступлениях Розенберг профессионально транслировал идейно-политические установки коммунистической партии, пересказывал «Историю ВКП(б). Краткий курс». Советскую власть профессор-коммунист называл «нашей» и отстраненно повествовал о неких бывших буржуазных партиях эсеров и меньшевиков [32. Л. 9].

После войны Розенберг благополучно вернулся в Москву. В 1945–1948 гг. он работал старшим научным сотрудником Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ), в 1947–1950 гг. был профессором кафедры истории народного хозяйства и экономических учений в Московском университете.

Однако в 1948–1949 гг. в СССР формировалась новая идеологическая парадигма, соединившая лозунг борьбы с «низкопоклонством» и антисемитизм. Борьба с евреями превращалась в важное орудие государственной политики [33. С. 389]. Над Розенбергом, никогда не скрывавшим свою национальность, сгущались тучи. В 1948 г. он сдал в печать объемную рукопись «История экономического учения Маркса», но при жизни автора она не увидела свет. В том же году он потерял работу в ИМЭЛ. В 1950 г. семидесятилетний «крупнейший знаток теории марксизма-ленинизма» не выдержал нового витка борьбы за вы-

живание и социальный статус. По свидетельству современников, он умер прямо на лекции, отказало сердце [34. С. 59–60]. Некрологов не было, а его последняя книга опубликована только после смерти И.В. Сталина.

Жизненный путь Розенберга определили национальная государственная политика, системы образования и политические партии. Пока способному еврейскому мальчику из бедной семьи удавалось получать образование, он учился. Но, когда стало очевидным, что этот «лифт» в Российской империи не приведет его к повышению социального положения, Розенберг стал революционером. Партийно-политическая карьера шла трудно и зигзагообразно: бундовец, меньшевик, затем член РКП(б), он так и не получил доступа к власти. Складывавшаяся в годы нэпа система партийного просвещения позволила ему, недоучившемуся в «прошлой жизни», уже в зрелом возрасте начать научно-преподавательскую карьеру. Подчеркнутая преданность коммунистической партии, выбор профессии «пропагандиста от науки» и неординарные способности стали залогом выживания и слагаемыми личного успеха Розенберга в советском обществе. В революционную эпоху гротескный образ кухарки, управляющей государством, воплощался в жизнь. Сыну еврея-поденщика удалось выбиться в научную элиту советского общества и попасть в анналы политэкономии марксизма. Социальные фильтры Российской империи по параметрам «национальность», «бедность», «партийность», «отсутствие образования» закрывали Розенбергу почти все возможности улучшить статус в обществе, а революция и политика советской власти в 1920–1930-х гг., напротив, способствовала взлету по социальной лестнице.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия Московского университета. Экономический факультет / ред. В.П. Колесова. М., 2004.
2. Слудковская М.А. Розенберг Давид Иохелевич // Московская энциклопедия. Лица Москвы. Диск 3: Н-Р. М., 2011.
3. Розенберг Давид Иохелевич // Сайт Архива РАН. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=83E1AFD6-5E32-A327-14C7-7E4527329A5D>.
4. Нам И.В. Сибирские организации Бунда в Сибири в 1917 году // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны : сб. ст. / отв. ред. И.М. Разгон. Томск, 1982.
5. Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора в Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003.
6. Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2653.
8. Сибирский вестник Бунда (Томск).
9. Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона.
10. Знамя революции (Томск).
11. Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919.
12. Сибирская жизнь (Томск).
13. Голос свободы (Томск).
14. Путь народа (Томск).
15. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995.
16. Заря (Томск).
17. Голос Сибири (Томск).
18. Народная газета (Томск).
19. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 38.
20. Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 46–56.
21. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001.
22. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 86.
23. ГАОНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2.
24. ГАОНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3.

25. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 18.
26. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 954.
27. Рабочий путь (Омск).
28. ГАРФ Ф. Р-4737. Оп. 2. Д. 1912.
29. Розенберг Д.И. Производительные силы и производственные отношения в марксистской политической экономической науке // Проблемы экономики. 1929. № 7/8. С. 136–142.
30. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 588. Оп. 3. Д. 301, 302, 303.
31. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 350. Оп. 3. Д. 136.
32. АРАН. Ф. 644. Оп. 1. Д. 39.
33. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2013. С. 389.
34. Галкин Д.С. В тени сталинских высоток. Исповедь архитектора. М., 2015.

Sheremetyeva Darya L. Institute of History of the Siberian branch of Russian academy of science (Novosibirsk, Russia). E-mail: dalas83@yandex.ru

PROFESSOR WITHOUT EDUCATION: SOCIAL LIFTS OF THE RUSSIAN SOCIETY DURING THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY IN THE D.I. ROSENBERG'S CAREER.

Keywords: D.I. Rozenberg; social lift; social mobility; political parties; education system.

The aims of this study are to trace a path of a marginal to the elite and to identify factors of social ascent in a particular case of David Rosenberg (1879–1950). The goals can be achieved by studying representative sources – a compendium of personal and office documents, journalistic, educational and scientific literature. Social discrimination against the Jews in the Russian Empire pushed the Jewish youth to political radicalism. Like many others, Rosenberg could not get an education and a prestigious profession. In 1904 he joined the Bund, led the anti-government agitation among workers and in 1914 he was exiled to Siberia. In the years of the Revolution and the Civil War Rosenberg was a Menshevik, the party publicist and editor of political newspapers in Tomsk. In 1920 Rosenberg changed political orientation and joined RCP(b), the Russian Communist Party of the Bolsheviks. He was in the personnel reserve of the Siberian Bureau of the RCP(b). However as a former Menshevik he could not make a political career. During the New Economic Policy (NEP) Rosenberg-communist had a wide range of other possibilities. The transformation of educational system, an acute shortage of staff allowed him, a dropout in the «past life», to begin scientific and teaching career. In the 1920s Rosenberg taught political economy, he became a communist professor and wrote “A commentary on Marx’s ‘Capital’”. It successfully fit into the political situation and helped with a widespread introduction of Marxism into higher education and science. In the 1930s Rosenberg continued successful scientific and teaching career at institutes and universities in Moscow. As a very valuable specialist who strengthened ideological foundations of the regime he escaped the Great Terror. In 1939 Rosenberg was awarded the title of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. In 1945–1948 he worked as a senior researcher at the Marx-Engels-Lenin (MEL) Institute of the Central Committee of the ACP(b), All-Union Communist Party of the Bolsheviks. An underlined dedication to the Communist Party, the choice of specific profession of “political propagandist in science” and extraordinary abilities were key to Rosenberg’s survival and successful career in the Soviet society. However, because of the formation of a new ideological paradigm based on antisemitism in the Soviet Union in 1948–1953 Rosenberg was unable to publish his new book and lost his job at the MEL Institute. In 1950 the seventy-year-old expert on Marxism-Leninism could not bear a new round of struggle for survival and social status. The author of the article concluded, that a successful individual mobility during the revolutionary age is of particular interest. It highlights an emergence of the higher levels of the new social hierarchy on the ruins of the old society. During wars, revolutions and radical transformations in Russia in the first half of the XX century this process was extremely controversial and rapid.

REFERENCES

1. Kolesov, V.P. (ed.) (2004) *Entsiklopediya Moskovskogo universiteta. Ekonomicheskij fakul'tet* [Encyclopedia of Moscow University. Faculty of Economics]. Moscow: Moscow State University
2. Sludkovskaya, M.A. (2011) Rozenberg David Iokhelevich [Rosenberg David Iokhelevich]. In: Luzhkov, Yu.M. (ed.) *Moskovskaya entsiklopediya. Litsa Moskvy* [The Moscow Encyclopedia. Moscow Faces]. Disk 3: N-R. Moscow: Moskvovedenie.
3. *The Russian Academy of Science Archives*. (n.d.) Rozenberg David Iokhelevich [Rosenberg David Iokhelevich]. [Online] Available from: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=83E1AFD6-5E32-A327-14C7-7E4527329A5D>.
4. Nam, I.V. (1982) Sibirskie organizatsii Bunda v Sibiri v 1917 godu [Siberian Bund organization in Siberia in 1917]. In: Razgon, I.M. (ed.) *Voprosy istorii obshchestvenno-politicheskoy zhizni Sibiri perioda Otyabrya i grazhdanskoy voyny* [Questions of history of social and political life of Siberia between October and the Civil War]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2003) *Evreyskaya diaspora v Sibiri v usloviyakh smeny politicheskikh rezhimov (mart 1917 – fevral' 1920 gg.)* [The Jewish diaspora in Siberia in terms of political regime change (March 1917 – February 1920)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
6. Shishkin, V.I. (2013) *Sibirskiy predparlament: Chastnye soveshchaniya chlenov Vremennoy Sibirskoy oblastnoy dумы (iyun' – avgust 1918 g.)* [Siberian Pre-parliament: Private meeting of the members of the Provisional Siberian Regional Duma (June - August 1918)]. Novosibirsk: Parallel'.
7. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund R-7668. List 1. File 2653.
8. *Sibirskiy vestnik Bunda* (Tomsk).
9. *Izvestiya Soveta soldatskikh deputatov Tomskogo garnizona*.
10. *Znamya revolyutsii* (Tomsk).
11. Adrianov, A.V. (1919) *Periodicheskaya pechat' v Sibiri. S ukazatelem izdaniy v 1918 g.* [Periodical Press in Siberia. With the index of publications in 1918]. Tomsk: [s.n.].
12. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk).
13. *Golos svobody* (Tomsk).
14. *Put' naroda* (Tomsk).
15. Larkov, N.S. (1995) *Nachalo grazhdanskoy voyny v Sibiri. Armiya i bor'ba za vlast'* [The beginning of the Civil War in Siberia. The army and the struggle for power]. Tomsk: Tomsk State University.
16. *Zarya* (Tomsk).
17. *Golos Sibiri* (Tomsk).
18. *Narodnaya gazeta* (Tomsk).
19. *The State Archives of Tomsk Region (GATO)*. Fund R-1. List 1. File 38.

20. Larkov, N.S. (2011) The Events of December 1919 in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). pp. 46-56. (In Russian).
21. Kostyrchenko, G.V. (2001) *Taynaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm* [Stalin's Secret Policy: Power and anti-Semitism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
22. *The State Archives of Novosibirsk Region (GANO)*. Fund P-1. List 1. File 86.
23. *The State Archives of Novosibirsk Region (GANO)*. Fund P-1. List 3. File 2.
24. *The State Archives of Novosibirsk Region (GANO)*. Fund P-1. List 3. File 3.
25. *The State Archives of Novosibirsk Region (GANO)*. Fund P-1. List 3. File 18.
26. *The State Archives of Novosibirsk Region (GANO)*. Fund P-1. List 1. File 954.
27. *Rabochiy put'* (Omsk).
28. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund R-4737. List 2. File 1912.
29. Rozenberg, D.I. (1929) *Proizvoditel'nye sily i proizvodstvennyye otnosheniya v marksistskoy politicheskoy ekonomicheskoy nauke* [The productive forces and relations of production in the Marxist political economics]. *Problemy ekonomiki*. 7/8. pp. 136-142.
30. *The Russian State Archives of Socio-Political History*. Fund 588. List 3. Files 301, 302, 303.
31. *The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN)*. Fund 350. List 3. File 136.
32. *The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN)*. Fund 644. List 1. File 39.
33. Khlevnyuk, O.V. (2013) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. The life of a leader]. Moscow: Corpus.
34. Galkin, D.S. (2015) *V teni stalinskikh vysotok. Isповед' arkhitektora* [In the shadow of Stalin's skyscrapers. Confessions of an architect]. Moscow: Litres.

УДК 94(47), 94(497.1), 94(497.2)
DOI 10.17223/19988613/44/5

А.Г. Иванов, К.Э. Безродный

СУДЬБА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Н.Э. БРЕДОВА В ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРИИ

Исследованы обстоятельства жизненного пути, общественной деятельности в эмиграции в Болгарии и вероятной гибели осенью 1944 г. генерал-лейтенанта русской армии Н.Э. Бредова. Приведены сведения по истории русской диаспоры в Болгарии, вновь открытые архивные материалы, уточняющие события Гражданской войны на Юге России, Бредовского похода, деятельности органов военной контрразведки СССР Смерш и спецслужбы Народно-освободительной армии Югославии – ОЗНА на территории Болгарии и Югославии.

Ключевые слова: Бредовский поход; Болгария; Общество русских офицеров Генерального штаба; Отдел защиты народа (ОЗНА); Русское зарубежье; Смерш; Югославия.

История активной жизни русской послереволюционной эмиграции в Болгарии длилась с 1919 по 1944 г. Около 35 тыс. тысяч беженцев [1. С. 56], в основном бывших офицеров и нижних чинов Вооруженных сил юга России (ВСЮР) и их семей, нашли приют в близкой по культуре стране, многие жители которой хранили благодарную память о событиях Русско-турецкой освободительной войны. Стремясь к сохранению общности, языка и культуры, а зачастую и просто чтобы выжить, эмигранты вступали в различные организации русского зарубежья, объединялись в местные общества и союзы [2. С. 202]. В стране действовали болгарское (третье) отделение Русского общеоинского союза (РОВС), насчитывавшее до 1 600 человек, Союз русских инвалидов в Болгарии, структуры Общеказачьего национального освободительного движения, Корпуса императорской армии и флота, Союза российских профессоров, Союза русских студентов и многих других [3. С. 51]. В отделение скаутской Национальной организации русских разведчиков входили порядка 600 детей. Общее количество только зарегистрированных в Дирекции полиции Болгарии с 1920 по 1944 г. различных профессиональных, культурно-просветительских, благотворительных русских эмигрантских организаций превышало 100 [4]; они издавали 85 газет и журналов [1. С. 17].

Для Советского Союза каждый из участников этих организаций заведомо был врагом (что выглядит достаточно обоснованным, например, для членов РОВС или «Русской фашистской партии») или, по крайней мере, лицом, подозреваемым во враждебных намерениях.

Спустя четверть века после событий 1917 г. русская диаспора Болгарии вместе с народом этой страны вновь пережила социалистическую революцию, сопровождавшуюся вступлением в страну частей Советской Армии, и для многих из тех, кто избежал смерти в вихре восстаний и прошел через битвы Гражданской войны, встреча с соотечественниками оказалась роковой.

В их числе был генерал-лейтенант Николай Эмильевич Бредов, потомственный боевой командир, сын ветерана Русско-турецкой освободительной войны, окончивший Николаевскую академию Генерального

штаба и отдавший военной службе более 30 лет жизни. Во время Русско-японской войны за два года прошел путь от старшего адъютанта штаба 9-й пехотной дивизии до врид начальника штаба 10-го армейского корпуса. В его послужном списке отмечено личное участие в 28 боях, разведывательном походе на территории Манчжурии. В сентябре 1905 г. в 31 год произведен в подполковники «за отличие в делах против японцев» [5].

Первую мировую войну прошел с августа 1914 г. по январь 1918 г. в должностях начальника штаба 33-й пехотной дивизии, командира 166-го пехотного Ровненского полка, генерал-квартирмейстера в штабе 11-й армии и штабе Главнокомандующего армией Северного фронта, и.д. начальника штаба Киевского военного округа, командующего 6-й Финляндской стрелковой дивизией, командующего 21-м армейским корпусом.

Годы службы Н.Э. Бредова в Российской Императорской армии отмечены десятью боевыми орденами и Золотым оружием «За храбрость».

Во время Гражданской войны ему был вручен один наградной знак, в названии которого звучит его же фамилия.

Крест «За поход отряда генерала Бредова» был учрежден в феврале 1922 г. приказом Главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля «в воздаяние верности долгу и понесённых тяжёлых трудов и лишений чинами отряда, <...> с боями пробившимися в студёную зимнюю пору из Тирасполя в Польшу».

Командуя дивизией Добровольческой армии, участвовавшей во взятии Царицына, Полтавы, Киева и Чернигова, в конце января 1920 г. Н.Э. Бредов возглавил группу отступающих из района Одессы частей Вооруженных сил Юга России. Под перекрестным огнем красноармейцев и румынских войск группа генерала Бредова вышла из «мешка» и в течение трех недель, сохраняя боевой порядок, продвигалась пешим 600-километровым маршем от Приднестровья до Польши. Часть солдат отряда, интернированного польскими властями, в августе 1920 г. последовала за своим командиром в Крым, где участвовала в боях до эвакуации армии Врангеля [6. С. 83].

В конце 1920 г. получивший отставку 48-летний генерал-лейтенант через Константинополь выехал в г. Варну. На смену военной службе пришла уравнивающая чины и звания жизнь в эмиграции.

Знания и опыт прошлой жизни послужили основой успешной адаптации ученых, преподавателей, коммерсантов и промышленников, нижних чинов – крестьян и казаков, но не профессиональных военных. В начале 1920-х гг. Н.Э. Бредов был одним из руководителей «Общества единения русских в Болгарии» – организации, пытавшейся облегчить условия жизни русских эмигрантов в начале их пути в чужой стране [7]. В течение 17 лет бывший генерал-лейтенант Генерального штаба был «наблюдателем» на железобетонном строительстве, рабочим на фабрике, землемером, кассиром. Основным источником средств существования его семьи стали выполняемые им чертежные работы.

В 1937 г. Н.Э. Бредов был назначен заведующим приютом Красного Креста для престарелых, больных и хроников русских беженцев на Шипке и проработал на этой должности 5 лет, оставив ее за год до своего 70-летия.

8 сентября 1944 г. передовые части 3-го Украинского фронта при поддержке Черноморского флота вступили в Болгарию, а на следующий день в ходе подготовленного болгарской компартией восстания власть в Софии перешла к антифашистскому правительству К. Георгиева.

25 октября 1944 г. Н.Э. Бредов был арестован советскими военными в доме своего зятя, управляющего шахтой Твердица в районе г. Стара-Загора. Различные источники сообщают, что впоследствии он был вывезен в СССР и погиб в лагерях. Однако в информационных массивах Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел Российской Федерации, содержащих сведения о всех, кто был осужден, подвергался уголовному преследованию, находился в местах лишения свободы, никаких упоминаний о нем найти не удалось.

Судьба тех, кто пропал без вести не во время боевых действий, а в сопровождении вооруженного конвоя, не оставив даже фиктивного извещения о вынесенном приговоре к «десяти годам без права переписки», – не «белое пятно», а скорее черная метка, скорбное отсутствие вырванной страницы истории. Личности и жизнь исчезнувших определяют стремление установить обстоятельства их гибели. Так, длительное время историки пытаются найти следы пропавшего в 1944 г. в Венгрии шведского дипломата Р. Валленберга, спасшего десятки тысяч человек от отправки в нацистские лагеря уничтожения.

Трудно определить, сколько жизней сохранил Бредовский поход. При оставлении Одессы в январе 1920 г. часть гарнизона была заблокирована войсками Красной армии. Решение старших офицеров не прорываться на соединение с отрядом Бредова и отходить на территорию Румынии оказалось фатальным. По пере-

ходившим Днестр вели пулеметный огонь румынские войска; спасавшиеся преследовались и грабились местным населением, замерзали и совершали самоубийства, не видя выхода из тупика. По различным оценкам, общее количество отступавших военных и гражданских лиц (в числе которых был, в частности, состав учащих и преподавателей Одесского кадетского корпуса) составляло от 12 до 16 тыс. человек, из которых спаслось от нескольких сотен до 1 800 [6. С. 280, 325, 328; 8. С. 58]. Не позже мая этого же года в Одессе были расстреляны до 1 200 офицеров, сдавшихся противнику и оставшихся в городе [9. С. 383].

Отряд генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова, прибывший на территорию Польши, насчитывал 15 тыс. находившихся в строю офицеров и рядовых, около 2 тыс. раненых и больных и от 5 до 7 тыс. гражданских беженцев [6. С. 28, 344].

История не всегда справедлива, но отсутствие даже приблизительных сведений о времени и месте гибели человека, оставившего о себе добрую память, требует приложить силы к их установлению.

Задолго до Великой Отечественной войны русская диаспора Болгарии была предметом пристального внимания разведывательных и контрразведывательных служб как СССР, так и многих других стран. Борьба за умы и сердца людей велась с обоюдным успехом. С начала 1920-х гг. в Болгарии действовали такие сочувствующие молодой республике организации, как «Совнарод» (Союз возвращения на Родину), в который входило до половины проживающих в стране русских, Русская коммунистическая группа при Болгарской коммунистической партии, Общеказацкий крестьянский союз [1. С. 75; 3. С. 72]. В исторической и художественной литературе описана история вывода в Болгарию и успешной работы там в течение 7 лет агента НКВД «Ворона» – оставшегося после революции в СССР сына главы РОВС в Болгарии генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова. Предметом споров исследователей является степень участия НКВД и Коминтерна в подготовке и проведении болгарской революции [10. С. 443].

В то же время именно Болгария стала одним из мест сбора белоэмигрантов, стремившихся к продолжению вооруженной борьбы с СССР. По данным штаба РККА на 1927 г., из общего количества рассеянных по миру участников военных белогвардейских организаций (около 60 тыс. человек) в Болгарии проживали 14 тыс. (больше только во Франции и Бельгии – 20 тыс.) [11].

В 1930-е гг. разведслужбами Германии были установлены контакты с возглавляемой капитаном К.А. Фоссом «Внутренней линией» – особой организацией в составе РОВС, выполнявшей функции спецслужбы. После начала Великой Отечественной войны часть живших в Болгарии белогвардейских офицеров вступила в формируемый вермахтом «Русский корпус», насчитывавший к 1944 г. 12 тыс. личного состава [12. С. 27] – второе по численности после армии Вла-

сова русское воинское соединение, участвовавшее в боевых действиях на стороне Германии.

В связи с этим розыск органами контрразведки Смерш Действующей армии СССР германской агентуры в среде русских эмигрантов после вступления советских войск в Болгарию осуществлялся в качестве одной из основных задач и охватывал широкие круги русского населения.

В спецсообщении начальника управления контрразведки Смерш 3-го Украинского фронта руководству Военного совета фронта от 15 ноября 1944 г. указано об аресте 60 человек из числа руководящего состава белоэмигрантских организаций. В отношении 13 из них приведены конкретные эпизоды враждебной деятельности – работа на разведывательные службы Германии и ее союзников, в том числе на оккупированных территориях СССР, участие в фашистских, националистических организациях и воинских формированиях или оказание им какого-либо содействия [13. Л. 19–26].

Н.Э. Бредов в документе назван одним из руководителей РОВС в Болгарии, которые участвовали в формировании «Русского корпуса». Конкретных фактов его участия в этой работе, наличия контактов с представителями немецких органов, иных данных, прямо или косвенно свидетельствующих о причастности генерала к действиям каких-либо разведслужб или «Русского корпуса», в спецсообщении не приведено, хотя к этому времени он находился в руках контрразведчиков больше трех недель. Не найдено таких сведений и в других доступных архивных материалах 3-го Украинского фронта.

Протокол допроса Н.Э. Бредова от 18 ноября 1944 г. [Там же. Л. 3–18] дает основание полагать, что до этого времени следственные действия в его отношении не проводились. Сведения о предъявлении ему какого-либо обвинения в документе отсутствуют. Тем не менее участие задержанного в Гражданской войне, военное время и место составления протокола («Действующая армия») вряд ли вызывали у следователя сомнения в основаниях содержания ветерана под стражей. Об оценке ситуации допрашиваемым можно лишь догадываться по его ответам, заверенным четкой росписью на каждом листе, с указанием сделанных поправок и уточнений.

Согласно протоколу, допрос был начат с выяснения обстоятельств, предшествовавших эмиграции. По показаниям Н.Э. Бредова, 17 октября 1917 г. он, будучи начальником штаба Киевского военного округа, получил звание генерал-лейтенанта и назначение на должность командира 21-го армейского корпуса. После Октябрьской революции подал в отставку и жил в Киеве до конца 1918 г. С началом формирования частей армии под командованием генерала Деникина прибыл в Екатеринодар и был назначен начальником 7-й пехотной дивизии, стоявшей в г. Царицыне.

Ключевые обстоятельства Бредовского похода, яркие описания которого сохранились в воспоминаниях

его участников, описаны в документе кратко, но исчерпывающе подробно.

«...В июне месяце 1919 г. моя дивизия была перебросена на ст. Иловайская для прикрытия левого фланга добровольческой армии генерала Май-Маевского, действовавшей в направлении Орел-Москва. Со ст. Иловайской дивизия наступала на Киев, который нами был занят 18 августа 1919 г. В Киеве дивизия получила пополнение, насчитывала это время личного состава 20 тыс. человек и была переименована в Полтавский отряд (по случаю взятия дивизией города Полтава). В Киеве отряд стоял до 6 декабря 1919 г., и затем город был сдан войскам Красной Армии <...> моему отряду была поставлена задача отойти через г. Фастов и ст. Знаменка с тем, чтобы прикрыть Одессу с севера. В это время носил название войск Киевской области, я же был назначен командующим этими войсками и подчинялся генералу Шиллингу.

В связи с наступлением Красной Армии с востока и возникающей вместе с этим опасностью для Одессы началась эвакуация из последней войск белых армий в Крым. Войскам, которыми командовал я, в эвакуации было отказано, так как английское командование не имело в наличии достаточного количества судов.

По приказу генерала Шиллинга я отошел на г. Тирасполь, имея намерение выйти к морю через Румынию. Несмотря на то, что англичане обещали обеспечить эту операцию, румыны отказались пропустить войска через свою территорию. Я вынужден был со своими войсками двинуться по Днестру на север до Польши. Там войска были интернированы и заключены в лагеря. В июле 1920 г. по договоренности генерала Врангеля с польским правительством я и мне подчиненные войска были освобождены и через Галац-Реми и Тульчу эвакуированы в Крым» [Там же. Л. 4–6].

Беседа на исторические темы, о семье генерала, его жизни в Болгарии была прелюдией к интересовавшим контрразведчиков сведениям об антисоветских эмигрантских организациях, в первую очередь «Общество русских офицеров Генерального штаба», членом которой он состоял.

По тексту вопросы становятся более частыми, а ответы – краткими и аккуратными, как штабные справки по существу неполной информации, где каждое слово может оказаться лишним. Тем не менее на принципиальный вопрос о жизненной позиции членов своей организации генерал-лейтенант Бредов дал прямой и ясный ответ.

«...Общество русских офицеров Генерального штаба возникло вместе с РОВСом. В него входили офицеры, которые имели академическое образование. В начале в обществе насчитывалось до 20 человек, в последнее же время не более 10 членов.

– Кто руководил обществом?

– Руководителем общества являлся председатель, которого выбирали из своей среды сами члены обще-

ства сроком на один год. В разное время общество возглавляли генерал-лейтенант Рерберг, генерал-майор Зинкевич, мой брат – генерал-майор Бредов Федор Эмильевич и я.

– Когда вы были председателем общества?

– Председателем общества я был в 1933–35 гг. и в 1943 г.

– Каковы были ваши обязанности как председателя общества?

– Я был обязан направлять жизнь общества, следить за его работой.

– Какова практическая деятельность общества?

– Общество большей частью было занято тем, что организовывало военно-исторические доклады внутри самого общества и даже для более широких эмигрантских кругов. Иногда доклады приходили слушать и болгарские офицеры. Когда появился новый устав Красной Армии, общество занималось изучением этого устава.

После Киевских маневров Красной Армии мы делаем разбор этих маневров.

– Для чего нужно было обществу изучение устава Красной Армии и разбор ее маневров?

– Изучение устава Красной Армии, разбор Киевских маневров и другие аналогичные доклады для нас, военных людей, представляли чисто профессиональный интерес. Это ничто иное, как стремление держать себя в курсе событий в Советской России.

– Доклады на политические темы слушались в обществе?

– Да, случалось, что мы слушали доклады на политические темы. Помню, например, Зинкевич как-то делал доклад о государственном устройстве Советского Союза.

– Надо полагать, что Зинкевич освещал тему своего доклада с антисоветских позиций?

– Да, это, безусловно, так. Иначе и не могло быть, потому что и сам Зинкевич, и все общество к советской действительности относились отрицательно» [13. Л. 10–12].

Со слов допрашиваемого, вместе с ним и его братом в обществе состояли генерал-лейтенанты Абрамов Федор Федорович, Рерберг Федор Сергеевич, Знов Александр Иванович; генерал-майоры Арцишевский Александр Владиславович, Зинкевич Михаил Михайлович, Никольский Владимир Павлович; полковники Ясевич Петр Константинович, Бородаевский Петр Александрович, Петренко Антон Пименович.

Как отмечено в спецсообщении от 15 ноября, П.К. Ясевич к этому времени уже был арестован. Ответы Н.Э. Бредова на вопросы следователя об оставшихся 9 членах общества кратки и поверхностны. Особых внешних примет допрашиваемым не отмечено, их местонахождение ему не известно, за исключением 85-летнего Ф.С. Рерберга, проживавшего в г. София в инвалидном доме¹.

Допрос прерван, согласно отметке на последнем листе протокола, в 2 часа ночи 19 ноября, после вопросов

о председателе РОВС генерал-лейтенанте Абрамове и главе «Внутренней линии» Фоссе. Возможно, ответы о редких бытовых встречах и формальном знакомстве с ними привели следователя к выводу об отсутствии перспектив дальнейшей работы с задержанным.

Продолжения допроса, вероятно, не последовало. Н.Э. Бредов мог быть направлен в Москву и осужден, как полковник Ясевич² и многие другие представители белой эмиграции, задержанные в странах Восточной Европы. Однако этого не случилось.

К протоколу допроса приложен тетрадный лист с рукописным текстом: «Расписка. Приняты Бредов, Удовичский, Гуцин, Гротто-Слепиковский и К***³ их документы и личные разные вещи. Претензий не заявлено. 24/XI 44. Нач. ОЗН-а Отдел защиты народа г. Вршац» (далее неразборчивые подписи).

Вршац – югославский город. В поиске сведений о Н.Э. Бредове возникают новые координаты.

В отличие от Болгарии, избежавшей активного участия во Второй мировой войне, соседняя Югославия с 1941 г. стала зоной масштабных боев. Многочисленные отряды Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) развернули партизанскую войну против оккупировавших страну немецких войск и их сателлитов – итальянских и венгерских частей, хорватских сепаратистов – усташей. С 1942 г. ряды противников НОАЮ пополнили их бывшие боевые товарищи, «четники» командующего Королевской армией Драгана Михайловича. Вступление в сентябре 1944 г. в Югославию частей 3-го Украинского фронта решило исход войны, но и после капитуляции Германии кровопролитие на Балканах не прекратилось.

Приказом Верховного главнокомандующего НОАЮ Иосипа Броз Тито в мае 1944 г. были созданы Отделы защиты народа (ОЗН, ОЗНА) – особые вооруженные формирования, на основе которых впоследствии были созданы спецслужбы Югославии. В 1944–1945 гг. одним из основных видов деятельности ОЗНА были массовые бессудные репрессии, сведения о которых были преданы гласности лишь в 2010 г. по итогам деятельности созданной правительством Сербии Государственной комиссии по поиску и установлению могил расстрелянных после 12 сентября 1944 г.

На основании изучения опубликованных комиссией документальных материалов истории стран бывшей Югославии называют цифру в 70 000 казненных только на территории Сербии и Воеводины. Среди установленных жертв – военнопленные, коллаборационисты, «четники», монархисты, проживавшие в Югославии немцы и венгры, участники некоммунистических общественных движений и многие другие [14], в том числе и «классово чуждые» белоэмигранты.

В составленном в январе 1945 г. Управлением контрразведки Смерш 3-го Украинского фронта списке участников белогвардейских организаций, арестованных и задержанных на территории Болгарии и Югославии, из 175 человек 25 значатся подследственными,

32 отмечены фразой «передан в ОЗН», 13 – «передан в ОЗН, где расстрелян» [13. Л. 32–50]. У остальных, включая Н.Э. Бредова, правовой статус и местонахождение не указаны. Фамилии Удовичкий, Гущин, Грото-Слепиковский в списке не значатся. Нет в нем и многих из тех, кто числился арестованным в спецсообщении от 15 ноября.

При наличии проработанной и контролируемой системы учета арестованных и задержанных в органах НКВД вопрос о расхождении в составе лиц, упоминаемых в документах, остается открытым. Можно предполагать, что обстановка в ходе военных действий позволяла оперативно решать вопросы, одновременно укрепляя взаимодействие с местными союзными структурами, но не способствовала точному документальному фиксации всех проводимых мероприятий.

При отсутствии достоверной информации о том, что генерал-лейтенант Н.Э. Бредов был жив после ука-

занных событий, изученные архивные документы и имеющиеся сведения о деятельности ОЗН в 1944–1945 гг. позволяют сделать достаточно обоснованное предположение о месте и времени завершения его жизненного пути – Югославия (ныне Сербия), г. Вршац, конец 1944 г.

...На реверсе креста «За поход отряда генерала Бредова» указан девиз – «Верные долгу». Долг офицера и солдата – сражаться, уничтожить врага или погибнуть с честью в неравном бою.

Участники Бредовского похода не только сохранили воинскую честь, но и спасли жизни тысяч людей, пусть на долю процента, но уменьшив кровавую статистику самоуничтожения народа в братоубийственной гражданской войне.

Через 25 лет их командир ушел в неизвестность под грохот новой гражданской войны, развернувшейся в чужой стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В ряде источников отмечается, что Ф.С. Рерберг умер после 1933 г.

² П.К. Ясевич длительное время находился в заключении и умер в Мордовии в 1969 г.

³ Фамилия, возможно, читается Куманев или Кулфанев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы. М.: Русский путь, 2008. 312 с.
2. Косик В.И. Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. 636 с.
3. Анастасова Е. Русские в Болгарии // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.) / отв. ред. Т.А. Покивайлова. М.: Индрик, 2009. 248 с.
4. Кюсева Ц. Русские эмигранты в Болгарии. URL: <http://www.istpravda.ru/digest/1882>.
5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 1. п/с 157–850. Л. 14–25.
6. Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 10. Б.А. Штейфон. Бредовский поход. В.В. Корсак. Великий исход. В.В. Шульгин. 1920 год. Ф. Штейнман. Отступление от Одессы. М.: РГГУ, 2003. 361 с.
7. Алексеева Е.В. Общество единения русских в Болгарии – 1920–1924 гг. // Новый исторический вестник. 2001. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-edineniya-russkih-v-bolgarii-1920-1924-gg>, свободный.
8. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М.: Гей, 1998. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Книга первая. Исход. 432 с.
9. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 508 с.
10. Димитрова П. Иван Стаменов – полномочный министр Болгарии и/или советский агент // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. 636 с.
11. Струков Б.Г. В начале противостояния: российская политическая эмиграция и советские спецслужбы после окончания гражданской войны // Исторические чтения на Лубянке. Проблемы истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. М., 1998. URL: <http://ricolor.org/history/re/adaptation/25>, свободный.
12. Русский корпус на Балканах. 1941–1945 гг. / под ред. Д.П. Вертепова. М.: Вече, 2008. 416 с.
13. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 39.
14. Masovna streljanja 1944–1945 (массовые расстрелы 1944–1945) // Centar za istraživačko novinarstvo Srbije (CINS) (Центр журналистских расследований в Сербии). URL: <http://www.cins.rs/srpski/news/article/masovna-streljanja-1944-45-oznine-knjige-streljanih>, свободный.

Ivanov Alexander G. Russian military-historical society (Omsk, Russia). E-mail: cba1010@mail.ru; Bezrodny Konstantin E. Russian military-historical society (Omsk, Russia). E-mail: rzev42@mail.ru

THE FATE OF LIEUTENANT-GENERAL N.E.BREDOV IN EMIGRATION IN BULGARIA.

Keywords: Russian White army emigrants; Bredov's campaign; Bulgaria; Jugoslavia; SMERSH; Society of Russian General Staff officers; OZNA (Otdel Zashchity Naroda - Department of Nation Security).

The circumstances of the lifepath of the participant of Russian-Japanese war and World War I, general lieutenant Nikolay Emilievich Bredov are observed in the paper. It is underlined that he went down in history of the Civil war as a head of "Bredov's March" (an ordered retirement of his troops from Transnistria to Poland on February 1920). As a result of it, nearly 20 thousand men were saved from death. The materials of researches on Russian diaspora in Bulgaria which was one of the most representative, consisting mainly of ex-officers and rank-and-file members of White armies, and new-founded archive documents are considered. The information about N.E. Bredov's fate after the Soviet Army entered the country and the Revolution of 1944 has been verified. It remained unknown before. Any information about any repressions used against him are absent in the archives of Federal Security Service and Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. Regarding Bulgaria as the place of concentration of Russian emigrants looking forward to continuing an armed struggle against the USSR, and as the field of active counteraction between the secret services of the USSR and Germany, the archive materials of the military counterintelligence (SMERSH) of the Soviet Army troops acting in Bulgaria in 1944 were studied. Based on the documents found, it was stated that N.E. Bredov was detained by the officers of SMERSH service of the 3rd Ukrainian

forefront on the 25th of October, 1944. The record of his interrogation that took place on the 18th of November, 1944 contains the details about the events of the Civil war in the South of Russia, Bredov's March, an information about the staff and activities of one of the Russian organizations in Bulgaria – Society of Russian General Staff officers. There are not any grounds for accusing N.E. Bredov presented in the considered materials, except for his acknowledgement that he and his fellows from Society of Russian General Staff officers had negative opinion about the Soviet reality. There is an information in archive documents that the SMERSH in the field work on the territory of Bulgaria and Yugoslavia collaborated with OZNA (Otdel Zashchity Naroda – Department of Nation Security, special service of Yugoslavia), in particular, transported some of the arrested Russian emigrants to them. The same happened to N.E. Bredov, who was delivered to OZNA members from Vršhaz (Yugoslavia) on the 24th of November, 1944. Taking into account the fact that OZNA practiced mass shootings without any trial at that time, one can suggest that he was executed at the end of 1944.

REFERENCES

1. Keseva, Ts. (2008) *Bolgariya i russkaya emigratsiya. 1920–1950-e gody* [Bulgaria and Russian emigration. 1920–1950s]. Moscow: Russkiy put'.
2. Kosik, V.I. (2010) Khorosha strana Bolgariya, a Rossiya luchshe vsekhd [Bulgaria is a good country, but Russia is the best]. In: Grishina, R.P., Valeva, E.L. & Volokitina, T.V. (eds) *Rossiya – Bolgariya: vektory vzaimoponimaniya. XVIII–XXI vv.* [Russia – Bulgaria: The vectors of mutual understanding. The 18th – 21st centuries]. Moscow: Institute of Slavic Studies.
3. Anastasova, E. (2009) Russkie v Bolgarii [The Russians in Bulgaria]. In: Pokivaylova, T.A. (ed.) *V poiskakh luchshey doli. Rossiyskaya emigratsiya v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.)* [In search of a better life. Russian emigration to the countries of Central and South-Eastern Europe (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Indrik.
4. Koseva, Ts. (n.d.) *Russkie emigranty v Bolgarii* [Russian emigrants in Bulgaria]. [Online] Available from: <http://www.istpravda.ru/digest/1882>.
5. *The Russian State Military History Archives*. Fund 409. List 1. p/s 157–850.
6. Shteyfon, B., Korsak, V., Shulgin, V. & Steinman, F. (2003) *Beloe delo. Izbrannye proizvedeniya : v 16 kn.* [The White Work. Selected works: In 16 vols]. Vol. 10. Moscow: Russian State University for the Humanities.
7. Alekseeva, E.V. (2001) Obshchestvo edineniya russkikh v Bolgarii – 1920–1924 gg. [The Russian Community in Bulgaria in 1920–1924]. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 3. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvo-edineniya-russkikh-v-bolgarii-1920-1924-gg>.
8. Basik, I.I., Avdeev, V.A. & Alekseev, Yu.A. (1998) *Russkaya voennaya emigratsiya 20-kh – 40-kh godov. Dokumenty i materialy* [Russian military emigration of the 1920s – 1940s. Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Geya.
9. Volkov, S.V. (2001) *Tragediya russkogo ofitserstva* [The tragedy of the Russian officers]. Moscow: Tsentrpoligraf.
10. Dimitrova, P. (2010) Ivan Stamenov – polnomochnyy ministr Bolgarii ili sovetskiy agent [Ivan Stamenov – Minister Plenipotentiary of Bulgaria and \ or a Soviet agent]. In: Grishina, R.P., Valeva, E.L. & Volokitina, T.V. (eds) *Rossiya – Bolgariya: vektory vzaimoponimaniya. XVIII–XXI vv.* [Russia – Bulgaria: The vectors of mutual understanding. The 18th – 21st centuries]. Moscow: Institute of Slavic Studies.
11. Strukov, B.G. (1998) *V nachale protivostoyaniya: rossiyskaya politicheskaya emigratsiya i sovetskie spetssluzhby posle okonchaniya grazhdanskoy voyny* [At the beginning of the confrontation: Russian political emigration and the Soviet secret service after the Civil War]. [Online] Available from: <http://ricolor.org/history/re/adaptation/25>.
12. Vertepov, D.P. (2008) *Russkiy korpus na Balkanakh. 1941–1945 gg.* [The Russian corps in the Balkans. 1941–1945]. Moscow: Veche.
13. *The Archive of FSB of Russia in Omsk Region*. Fund 78. List 1. File 39.
14. Cvijić, V.Z. (2011) *Masovna streljanja 1944-45: Oznine "Knjige streljanih"* [Mass shootings 1944–1945]. [Online] Available from: <http://www.cins.rs/srpski/news/article/masovna-streljanja-1944-45-oznine-knjige-streljanih>.

В.М. Кореньюк, А.Б. Суслов

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТЕЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РОДИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ МОЛотовСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматриваются особенности повседневной жизни детей, родители которых стали жертвами политических репрессий. Объект изучения – три наиболее значимых категории «социально опасных» детей: тех, чьи родители были осуждены по политическим мотивам, тех, кто вместе с родителями был выслан на спецпоселение до и во время войны, и мобилизованные в трудовую армию несовершеннолетние, принадлежавшие к народам, признанным «враждебными СССР». У каждой изучаемой категории детей формировался свой образ жизни, обусловленный особенностями репрессивной части биографии. Исследуются особенности социально-бытового обустройства изучаемых социальных групп. Особое внимание уделяется выявлению отношения местного населения к «чужакам», получившим государственное клеймо «враг народа», «спецпоселенец» и т.п., а также особенностям ментальной повседневности детей, чьи родители были поражены в правах.

Ключевые слова: дети; повседневность; Великая Отечественная война; репрессии.

Проблематика истории повседневности все больше привлекает внимание историков. Повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны пока еще не становилась самостоятельным предметом изучения ученых, несмотря на то что имеется относительно большое количество исследований, затрагивающих как детство и детскую повседневность в данное время, например работы А.И. Назарова [1], М.В. Ромашовой [2], В.М. Кореньюк [3] и других авторов, так и советскую репрессивную политику, которая отражалась на детях, например работы В.Н. Земскова [4], П.Н. Поляна [5], А.Б. Суслова [6] и др. Тем не менее особенности повседневной жизни детей, которые получили негативную социальную маркировку вследствие репрессий их родителей, в военные годы заслуживают специального рассмотрения. Дети, поневоле вовлеченные в водоворот повседневных практик массовых репрессий, по-особенному вспоминают тот период, запомнив его как яркое, наполненное неизвестностью событие в их жизни, которому тогда они не всегда могли дать объяснение.

В первую очередь следует отметить, что речь идет о трех наиболее значимых категориях «социально опасных» детей: тех, чьи родители были осуждены по политическим мотивам, тех, кто вместе с родителями был выслан на спецпоселение до и во время войны, и о мобилизованных в трудовую армию несовершеннолетних, принадлежавших к народам, признанным «враждебными СССР».

Массовые депортации, развернувшиеся в годы войны, стали продолжением политики разделения общества на «своих» и «чужих». Е.Р. Ярская-Смирнова провела социокультурный анализ нетипичности и пришла к выводу, что в России чужой – это символ неизвестного, нерешительного, опасного для социальной жизни человека. Понятия «мы» и «они» получают смысл из разделительной черты, которую они обслуживают. Чужаки нарушают это разграничение. Можно сказать, что они представляют оппозицию оппозиции. Чужак – это

не незнакомец, скорее, наоборот. Примечательной чертой чужаков как раз и является то, что они до определенной степени знакомы. Чужаки – не близки и не далеки от понятных всем людям. Они не являются ни частью «нас», ни частью «их». Они – не друзья, не враги. Поэтому они вызывают растерянность и беспокойство, тревогу [7. С. 14].

Заметим, что к «чужакам» на территории Молотовской области относили и эвакуированное население, людей, прибывших из других областей. В этом случае можно говорить о естественном формировании слоя «чужаков» в обществе, который со временем стирался, и «чужаки» превращались в «своих». Но можно заметить и искусственное, навязанное государством, деление общества на «своих» и «чужих». «Чужаками» становились те, кто получал государственное клеймо «враг народа», «спецпоселенец» и т.п.

Особенно сильно отторгалось обществом депортированное нерусское население. Новые категории депортированных начали прибывать в Молотовскую область с 1943 г. в дополнение к 56 317 трудпоселенцам, зарегистрированным на 1 января 1943 г., учтенным как «бывшие кулаки». Новые спецпоселенцы были, главным образом, из числа проживавших в Крыму народов, признанных «враждебными СССР» (крымские татары, греки, болгары, армяне), а также из семей реальных и мнимых участников сопротивления на Западной Украине, поставленные на спецучет как «оуновцы». На 1 апреля 1945 г. в Молотовской области насчитывалось 47 556 «бывших кулаков», 19 847 спецпереселенцев из Крыма и 1 043 «оуновцев»; в их числе более трети (25 655 чел.) были детьми [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 119. Л. 74; Д. 254. Л. 167, 186, 191, 234].

Прежде чем добраться сюда, многим семьям приходилось преодолевать большие расстояния. Дорога до Молотовской области для многих детей становилась настоящим испытанием. «Дорога на Урал оказалась очень тяжелой, – вспоминает В.К. Архипов. – Не хватало воды, пищи. По-летнему одетых людей не могла

обогреть единственная стоявшая посредине вагона буржуйка. Как стирали, как меняли пеленки, готовили пищу, ходили в туалет – я до сих пор не понимаю» [9].

«Врагов народа» собирали на станциях, усаживали в вагоны, порой предназначенные для скота, с грязным от навоза полом. В.П. Черногор запомнил это так: «Приказали лезть в вагон и набили его полным лишенными прав людьми: взрослыми и детьми. Ехали очень долго, спали на навозном полу в несколько рядов по очереди, стелили на пол верхнюю одежду, и кто что взял с собой. Товарный вагон наглухо закрывали. И открывали один раз в сутки, чтобы попить, поесть и сходить в туалет. В результате такой перевозки дети и взрослые заболели, не хватало и еды. От сильного жара и духоты начали умирать дети и взрослые. Когда открывали вагон, то было видно людей без движения, т.е. мертвых, их выносили на очередной остановке поезда. Это нужно было увидеть и пережить» [10. С. 23].

Формально спецпоселенцы обладали всеми правами граждан СССР кроме свободы передвижения. Однако практически каждый, побывавший на спецпоселении, отмечал, что реальная дискриминация касалась не только свободы передвижения. Это могло касаться снабжения, предоставления каких-либо социальных услуг, оказания медицинской помощи и т.д.

Сказывалось и всеобщее усугубление жилищно-бытовых тягот населения в военное время. Для депортированных ситуация усугублялась тем, что они еще не успели обустроиться на новом месте и часто имели возможность получать всё жизненно необходимое только на предприятиях, куда их направили. Однако на более-менее удовлетворительное питание могли рассчитывать только работающие. Иждивенцы, в первую очередь дети, не могли получить какое-либо дополнительное питание, помимо основных карточек. А на карточный паек прожить было невозможно. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась на предприятиях лесной промышленности. Так, в трестах «Комипермлес» и «Уралзападолес» в 1944 г. иждивенцы, в том числе дети, не получали ничего, кроме 200 г хлеба, поскольку карточки по другим продуктам почти не отоваривались из-за отсутствия продуктов в леспродторгах [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 120].

Положение спецпоселенцев Западного Урала было скорее типичным, чем исключительным. М.Н. Игнатова описывает примерно такую же ситуацию, сложившуюся в Республике Коми. Найденные ею документы свидетельствуют, что в спецпоселках часто не было даже хлеба и картошки, а о молоке, которое по нормативам полагалось детям, говорить не приходилось. Дети переселенцев питались только черным хлебом и горячей водой, как, например, в спецпоселках Прилузского района в 1944 г. Формально ответственность за питание ложилась на лесозаготовительные организации, в распоряжение которых поступали семьи спецпереселенцев. Однако лесозаготовительные тресты при распределении фондов для снабжения спецпересе-

ленцев не брали в расчет детей и нетрудоспособных (иждивенцев). Рабочие же в 1944 г. получали на месяц 1,8 кг мяса или рыбы, 0,4 кг жиров и 1,2 кг крупы и этим делились со всей семьей. Хорошо, если в семье было несколько работающих. А если работал один, а семья большая, то еды не хватало. От недоедания люди не только болели, но и умирали [11].

Депортированные, в том числе дети, были вынуждены жить в условиях скученности в малых пространствах, в плохо отапливаемых землянках и бараках, при нехватке лекарств, медикаментов и квалифицированных медицинских кадров. Доклады начальника Молотовского отдела спецпоселений за 1944 г. свидетельствуют об ужасающих материально-бытовых условиях жизни спецпоселенцев, депортированных в годы войны. Даже работающие крайне скудно снабжались одеждой, обувью, мылом и другими товарами первой необходимости. Иждивенцы же от предприятий не получали никаких промтоваров, одежды и обуви. По этой причине дети работников таких предприятий, как Соликамский бумкомбинат, тресты «Кизелшахтстрой», «Молотовнефтьстрой» и др., не могли посещать школы [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 121]. Следует добавить, что детскими вещами предприятия не обеспечивали и работающих спецпоселенцев. Детскую одежду можно было сшить только из вещей для взрослых.

Большая часть депортированных проживала в спецпоселках, отдельно от местного населения. Однако многих отправляли на проживание в колхозы и совхозы или даже расселяли среди колхозников при наличии свободного жилья. Даже проживавшие в спецпоселках не были полностью изолированы от местного населения, особенно дети, которые ходили в общие школы, испытывая неприязнь части окружающих к чужакам, тем более с ярлыком «оуновец» и т.п.

Другой группой отверженных были «дети изменников Родины». Такое зловещее словосочетание вошло в повседневный оборот еще с середины 1930-х гг. Часть таких детей после ареста родителей попала в детские дома. По оперативному приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. объектом репрессий становились жены «изменников родины» и их дети [12]. Жены «изменников родины» подвергались аресту на 5–8 лет. Дети старше 15 лет, признанные социально-опасными и способными к совершению антисоветских действий, размещались в лагерях, исправительно-трудовых колониях НКВД или в домах особого режима Наркомпроса. Грудные дети вместе с осужденными матерями направлялись в лагерь, по достижению одного года они передавались в детские дома и ясли. Детей в возрасте от одного года до 3 лет также размещали в детских учреждениях Наркомздравов республик в пунктах для осужденных. Детей в возрасте от 3 полных лет и до 15 направляли в детские дома Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и дальше от Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Мин-

ска, приморских и пограничных городов. В отношении детей старше 15 лет вопрос следовало решать индивидуально: все зависело от возраста, возможностей самостоятельного существования собственным трудом или возможностей проживания на иждивении родственников [13].

В годы войны появилась новая директива – секретное Постановление ГКО № 1926сс (т.е. «совершенно секретно») «О членах семей изменников родины» от 24 июня 1942 г., предусматривавшее, в частности, арест и ссылку в отдаленные местности СССР для семей «лиц, заочно осужденных к высшей мере наказания <...> за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории» [14].

Реальные и мнимые изменники выявлялись повсеместно. Так, пермский историк Е.А. Кобелева проанализировала 80 дел военного времени на «членов семей изменников родины», отложившихся в Информационном центре УВД Пермского края. По этим делам прошли и были осуждены Особым совещанием при НКВД 101 человек, в том числе 85 женщин. 58 из них имели несовершеннолетних детей, которые подлежали высылке вместе с матерями в Сибирь [15].

На «социально опасных» детей, достигших 16-летнего возраста, заводились следственные дела. В зависимости от выявленной степени опасности и возраста дети осужденных «изменников Родины» могли направляться в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД.

В отношении детей из семей «врагов народа», выявленных в годы войны, выстраивалась особая политика. В частности, они не имели возможности проживать в центральных городах страны и на приграничных территориях. Даже пребывая далеко от центральных городов и приграничных территорий, например на территории Молотовской области, эти дети находились под постоянным наблюдением со стороны НКВД. Со всех несовершеннолетних детей, родители которых признаны «изменниками Родины», районные отделы брали подписку о невыезде. Часто, подписывая документы, дети не понимали, что именно они подписывают, а некоторые дети порой не знали русского языка или не умели читать. Бывало и так, что дети сталкивались с давлением со стороны работников районных отделов НКВД, которое не в силах были выдержать. Так, З.Г. Диркс вспоминает: «Я пришла и на меня начали кричать, стучать кулаками, топтать ногами. Было их 4 или 5 человек. Давали подписывать какие-то бумажки и постоянно торопили. Только спустя несколько лет я узнала, что тогда подписала приговор, по которому я попадала на каторгу без суда и следствия»¹.

Направленные в детские дома проходили свои «круги ада». Дети «врагов народа» вспоминают о том, как происходило их распределение в детских приемниках. В.З. Шевченко вспоминает: «В г. Сталино в детском приемнике-распределителе было ужасно. Весь очень большой двор был забит детьми, сидящими на

чемоданах. В помещениях детского приемника помещались только совсем маленькие. Стоял сплошной вой, так как въезжающие машины отправляли детей по разным детским домам, причем так, чтобы не попали вместе братья и сестры. Вот поэтому и ревели разлученные дети» [16. Ф. 2. Оп. 131. Д. 1. Л. 3].

Трофимова вспоминает о детприемнике так: «Высокое, почти трехметровое здание, метровый забор, охрана с собакой. Вот такое помещение, это даже не помещение, это ограда была. Там и было общежитие. Комната девичья была, в которой помещались и уголовные, как их тогда называли, и политические. Комната человек на 15»². Чаще всего такие дети отправлялись на обучение в школы ФЗО, ремесленные училища, распределялись в колхозы.

Кроме того, довольно часто дети, родители которых были признаны изменниками Родины и арестованы, переходили на попечение к родственникам, если те не боялись взять в свою семью такого ребенка. Принадлежность к ЧСИР (Член семьи изменника Родины) старались тщательно скрывать, но не всегда это удавалось. Тяжелее всего приходилось детям, которые не могли ничего сказать о своих настоящих родителях. «От всех окружающих сведения о моих родителях тщательно скрывались, никто не знал, что я сын репрессированных «врагов народа», – свидетельствует Е.А. Мочилин. – Я был сыном Гольдштейн Сарры Ефимовны, тети Сарры, а отца своего не помнил. Такая версия излагалась во всех написанных мною автобиографиях и заполненных анкетах. Это был тяжкий крест, который приходилось нести во избежание различных ущемлений и репрессий» [17]. Особой категорией детей, получивших социальную метку «врагов», стали 16–17-летние трудармейцы. На их долю выпало тяжелое испытание: жить и работать в тех же условиях, что и взрослые, чаще всего в отрыве от своих семей. С 1942 г. начались трудовые мобилизации советских граждан тех национальностей, которые официально были признаны враждебными советскому народу. Большую часть из них составили советские немцы, меньшую – финны, румыны и калмыки. Подавляющее их большинство ранее было депортировано за Урал. В отличие от многочисленных трудовых мобилизаций военного времени эти проводились под эгидой НКВД. Мобилизации подлежали трудоспособные мужчины и женщины начиная с 16-летнего возраста. На территории Молотовской области в годы войны трудились более 40 тыс. трудмобилизованных. Только на 1 января 1944 г. здесь числились 33 787 «мобилизованных немцев» [6. С. 233].

Приблизительное представление о доле детей в составе трудмобилизованных дает анализ выборки из 1 149 трудармейцев, содержащихся в Усоллаге. 2,7% от этой выборки составили несовершеннолетние [Там же].

Условия труда и быта трудмобилизованных зависели в первую очередь от предприятий, где использовался их труд. Проживали трудармейцы в бараках на зонах

при предприятиях, часть – в лагерях НКВД, отдельно от заключенных. Охрана состояла из самих мобилизованных и не была вооружена.

Показательно, что в снабжении трудармейцы уравнивались с заключенными. Так, приказ НКВД от 12 января 1942 г. предусматривал обеспечение мобилизованных питанием и промтоварами «по нормам, установленным для ГУЛАГа» [8. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 110. Л. 10 об]. Тот же подход, уравнивающий питание «свободных» трудармейцев с заключенными, подтверждался инструкцией НКВД от 4 марта 1944 г., устанавливающей, что «питание мобилизованных немцев производится по дифференцированным нормам лагерных контингентов в соответствии с действующими приказами НКВД СССР» [Там же. Д. 171. Л. 111].

Предприятия, куда были направлены трудармейцы, относились к ним в первую очередь как к рабочей силе, часто не проявляя заботы о жизненно важных потребностях людей, не разбирая их пол, возраст и т.д. Вот только несколько примеров из многочисленных сводок неблагополучия, наглядно характеризующих быт трудармейцев в Пермской области в августе–сентябре 1943 г. На Югокамском заводе Наркомнефти из 550 немцев половина не имели сменной одежды, 27 выходили на работу босыми, накалывали ноги, что при отсутствии медицинской помощи вело к постоянным нарывам; мыла мобилизованные не получали пять месяцев, карточки отоваривались на 60%, неумолимым следствием чего становилось истощение. Мобилизованных на Кунгурский машзавод разместили в неотстроенном бараке, где через щели в стенах задувал ветер, постельных принадлежностей и одеял не выдали, поэтому люди вынуждены были укрываться платками, пальто и телогрейками, многие ходили без обуви. 463 немцы, мобилизованные на секретный завод № 260 Наркомата боеприпасов, разместились в необорудованных землянках с протекавшими крышами, многие из них спали на голых нарах или подстилали под себя рабочую одежду [Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 1, 2, 3, 19, 20].

Бесчеловечное обращение с трудармейцами иногда дополнялось явной дискриминацией, связанной с созданным «образом врага». Так, в августе 1943 г. в столовой лесозавода Соликамского бумкомбината обеды немцам отпускали в последнюю очередь и без вторых блюд. Начальник второго стройучастка Марговский раздавал талоны на дополнительное питание, предназначившиеся для немцев, другим рабочим и заключенным, заявляя: «Вам, немцам, дополнительное питание не полагается» [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 21]. Руководитель Баскаковской геологоразведочной партии Шунькин выдавал продкарточки и спецодежду только вольнонаемным, отказывая голодающим и мокнувшим в неутепленных палатках трудармейцам [Там же. Л. 1]. Депортированные немцы остро чувствовали несправедливость и унижение. Они ощущали, что к социальной дискриминации добавляется и национальная. Пе-

реселенная из Крыма в Коми АССР Э.Ф. Мешалкина вспоминает: «Жители приняли нас недоброжелательно: немцы приехали!»³.

И.И. Моярд, мобилизованный в трудармию в 15-летнем возрасте, встречался с разным отношением: «Мастера относились к нам с пониманием. Потому что их самих в 1932 г. раскулачили <...>, поэтому и понимали нас. В отличие от местных. Некоторые из них были, как звери. Кричали нам: “Эй ты, фашист! Воюешь против нас!” Не понимали: я же в Советском Союзе родился! <...> Для них мы были фашистами» [18].

Поразительно, что идейная обработка населения оказывала на часть трудмобилизованных настолько сильное влияние, что позволяла нивелировать ощущение несправедливости и забыть о лишениях. Характерны воспоминания Ф.К. Графа, которая описывает, как мобилизованные в трудармию молодые немцы на следующий день после приезда к месту работы в г. Краснокамск в необустроенном бараке «устроили собрание, на котором приняли решение, что будем работать так, как наши бойцы воюют на фронте, покажем, на что мы способны» [19].

Дети «врагов народа» по-особенному воспринимали город и пространство, в котором они проживали. Как и у других детей, в их памяти о городе отложились воспоминания о бараках и коммуналках, о дворовых компаниях, о местах, где проживали их друзья. Но для детей «врагов народа» воспоминания о городе связаны также со сценами обысков и арестов близких родственников и местами заключения родителей. Г.П. Закарая рассказывала о том, как ходила каждый день к тюрьме НКВД (ныне – Театр кукол) посмотреть на своего отца. «Я ходила к этому театру с мамой смотреть на папу, как он там что-то строил»⁴. Л.Я. Казенович вспоминает об этом же месте: «Все, что я помню, – это высоченный забор, где Театр кукол сейчас, высоченный под два метра, а то и выше. Каждый раз, когда мы там были, я заглядывала туда через дырку в заборе, посмотреть, что там происходит»⁵.

Отсутствие нормальных дорог в городе, недостаток общественного транспорта – этого нет в детских воспоминаниях. Дети «врагов народа» об улицах города вспоминают лишь так: «на улицах города никакого транспорта, кроме как “воронков”-то и не было»⁶.

Жизнь детей «врагов народа» в сельской местности, если их родителей отправляли туда для работы в колхозах, складывалась спокойнее по сравнению с городом. Однако в памяти респондентов сохранились и болезненные воспоминания. Например, А.В. Бушуева рассказывает об этом так: «Дети принимали нас как изгоев... Мы стояли у стеночки, каждый деревенский подошел, дернул за форму: “Ой-ой”. Мы были городские, деревня раньше очень отличалась от города. Разница была очень большая между городскими и деревенскими жителями. Так вот эти деревенские, они в лаптях все были, ходили в лаптях» [20. С. 258]. Судя по всему, в данном случае отторжение детей было связано

не с клеймом «враг народа», а с существовавшими колоссальными социокультурными различиями между городским и сельским населением. Судя по ряду воспоминаний, в деревне быстро распространялась информация о прибывших спецпоселенцах и о семьях, причисленных к «врагам народа», однако стойкого неприятия со стороны населения к таким семьям в деревнях и поселках не было.

Как и все, дети из «социально опасного контингента» должны были получать образование. Проживающие на территории спецпоселений дети имели возможность посещать школу. Правда, она часто располагалась довольно далеко от спецпоселков. На это, в частности, обращает внимание В.П. Черногор: «Начальную школу закончили на спецпоселении, так как школа при бараках рассчитана была на четыре класса. В пятый класс мы пошли в селе Красное, находившееся в семи километрах. В то время машин не было и нам приходилось пешком добираться до школы, переезжая через реку с помощью лодки» [10. С. 23].

В школе дети «врагов народа» зачастую испытывали неприязнь как со стороны учителя, так и со стороны учащихся. Их часто садили на заднюю парту. В.П. Черногор на себе испытала подобное отношение. «Я плохо видела, очков не было, – вспоминает она. – Я просилась, чтобы меня пересадили с последней парты на первую. Однако к моим мольбам учителя не прислушивались. Мне приходилось после уроков переписывать то, что записывали на классной доске» [Там же]. Л.Ф. Горбач вспоминает, что ей приходилось во время уроков стоять в конце класса, и только за хорошее поведение им разрешали сесть за последнюю парту⁷. Н.М. Мальцева рассказывала: «Учились мы в административном поселке вместе со свободными ребятами. Я была единственная такая девочка в классе, меня звали вражинкой. Я еще долго не понимала почему, у мамы спрашивала» [21].

Преподаватели порой очень явно демонстрировали свое негативное отношение к детям «врагов народа», употребляя оскорбления и обвинение по отношению к ним как в военный, так и послевоенный период. Так, Б.П. Дроздов поделился таким воспоминанием об учителе: «Запомнилось, как в 9-м классе одна очень “деятельная” учительница (парторг школы) пыталась обвинить меня в распространении антисоветской агитации» [22. С. 32].

Однако сама возможность продолжать обучение многими детьми воспринималась как подарок судьбы, хотя многие респонденты о первых годах обучения вспоминают как о трудном адаптационном периоде. Некоторые сталкивались и с языковым барьером, так как, побывав за годы войны в разных республиках, не успевали выучить новые языки, но при этом стали забывать свой родной. В итоге дети иногда испытывали затруднения не только в общении, но и в подборе слов. «В голове возникала путаница, – вспомнила З.Г. Диркс. – Я хотела отпроситься в туалет, вместо

этого отпросилась в “аботреск”. Видимо, произнесла одно и то же слово на разных языках. Надо мной очень долго смеялись»⁸.

Питание детей «врагов народа» вне территории спецпоселков зависело от места проживания семьи и ее доходов. Семьи, в которых имелся собственный приусадебный участок, могли выращивать продукты питания самостоятельно. В сельской местности люди могли держать скотину, которая позволяла им пережить военные тяготы. Дети «врагов народа», проживавшие в городе, вспоминают о том, как их жизнь зависела от продуктовых карточек. Так, Л.Ф. Адашева рассказывает: «Когда я карточку потеряла, боже мой, какой был кошмар!»⁹. Однако отоварить карточки было не так просто. Часто в магазинах отсутствовали крупы, макароны, керосин. Выданную норму хлеба некоторым семьям приходилось «растягивать». Далеко не все дети могли понять, зачем сохранять кусочек хлеба до вечера, когда так хочется есть. «Мама дает кусочек хлеба и говорит, хочешь сейчас ешь, хочешь на потом оставь, а брат: “Я щас все съем!”», – рассказывает Г.П. Закарая¹⁰. Многие респонденты вспоминают о том, что приносили хлеб и булочки из школьной столовой, чтобы порадовать и накормить своих близких. Так, З.Г. Диркс вспоминает о свежих, хрустящих, ароматно пахнущих булочках, которые им выдали в школе в честь Дня Победы, которые она с невероятным трепетом завернула в носовой платок и отнесла домой, чтобы со всеми поделиться¹¹.

Одежда детей была простой. Как отмечают респонденты, несмотря на наличие журналов с разделами о моде и шитье, никакой детской моды не было, многие дети были вынуждены носить ту одежду, которая имела в семье. Часто одежда передавалась от старших братьев и сестер, перелицовывалась из старой одежды или подручных материалов. Например, рубашка трудармейца могла послужить основой нового детского платья, которое оставалось только покрасить. Из старого одеяла могли сшить детское пальто, украсив его кусочками цветной ткани¹².

С обувью, как и с одеждой, возникали проблемы не только у детей «врагов народа». Обеспеченность одеждой и обувью не зависела от числа репрессированных, работающих на предприятии. А если учесть, что обуви не хватало всему населению Молотовской области, то приходилось самостоятельно валять для своих детей валенки или брать обувь у других. Среди воспоминаний респондентов встречается мнение, что некоторые элементы одежды и прически приближали их к миру взрослых. Конечно, это было детское восприятие, которое объяснялось изменениями их внешнего облика. Н.Г. Бардина вспоминает: «Надела новенькое ситцевое платье, которое мы сшили вместе с мамой. И босоножки одела коричневые, новенькие, на невысоком каблучке, в то время их называли венскими. И еще надела нитку кораллов. Свои пышные густые волосы я не заплела в косу на этот раз, а сделала большой узел на

затылке. Во время войны мы почувствовали себя взрослыми, и я уже несколько раз делала прическу» [16. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 6].

Ментальная повседневность детей, чьи родители были поражены в правах, имела определенные особенности. В отличие от других категорий детей, дети «врагов народа» боялись не только войны и того, что с ней связано (в этом они не отличались от респондентов других категорий), они боялись потери близких из-за преследования властей, испытывали страх быть наказанными. Большое количество воспоминаний связано со страхами, вызванными переживаниями во время ареста родных. Так, К.К. Белоусова отмечает, что ей до сих пор трудно вспоминать арест отца: «Это люди, они же приходят ночью. Было три человека. Возятся, какие-то бумаги летят, кошка лезет от страха на окна, мы трое плачем. Так страшно!»¹³.

Арест родителей накладывал отпечаток на дальнейшую жизнь детей, во многом отражаясь на их психическом состоянии. Дети становились более замкнутые, пугливые, испытывали постоянный страх наказания и презрения со стороны общества. И это объяснимо. В одночасье они становились «вне советского общества», многие были вытеснены из привычного круга общения из-за клейма «враг народа».

В своем исследовании Ю.В. Щербатых пришла к выводу, что люди, столкнувшись с серьезным конфликтом, стремились выжить любой ценой. При социальном и биологическом конфликте (а война требовала постоянной борьбы человека за выживание биологического вида как такового), конфликт переживался еще более сильно. Человек, переступая через социальные стандарты, чувствовал себя некомфортно и униженно, что являлось разрушительным для человека» [23. С. 234].

В отличие от других детей, «дети врагов народа» чувствовали, что могут понести наказание не только за плохую учебу или плохое поведение, что являлось совершенно нормальной повседневной практикой для ребенка. Наказание со стороны властей их пугало гораздо больше. Этот страх наказания формировала атмосфера террора. Так, К.К. Белоусова обратила внимание, что в детстве она очень боялась быть наказанной. Это ощущение навевала жизнь в городе. В своих воспоминаниях она подчеркивает, что «уже в сентябре 1937 г. было арестовано 200 тыс. человек»¹⁴. Явно завышенные представления о масштабе репрессий, противоречащие известной сегодня статистике, свидетельствуют о невероятном страхе быть наказанной и оказаться среди колоссального числа виновных. Также она отметила, что чувство страха не давало ей спокойно спать ночью, так как все время ждала, что вот-вот появится «воронок».

Дети, прибывшие на территорию Молотовской области, видевшие своими глазами устрашающие картины войны, имели совершенно иное о ней представление. Испуг, пережитый ими до этого, оказывал влияние

на их дальнейшую жизнь. Дети видели военную технику, поезда, оружие, т.е. все то, чего они до этого никогда не видели. Так, в памяти З.Г. Диркс запечатлелось железное чудовище, которого тогда 5-летняя девочка испугалась: «В Стульнево я увидела «железное чудовище» – вагон и железную дорогу. Я была очень напугана этим зрелищем, да и шумом едущего паровоза тоже». Не меньшее впечатление на нее произвел танк: «Под вечер въехали три танка. Нам не разрешали выходить, а мы как увидели красные звезды, то под крик «Ура!» побежали. И тут дуло танка начало медленно направляться на меня. Внутри все замерло, было очень неприятное ощущение»¹⁵.

Военные реалии открывали для детей совершенно новый и очень жестокий мир. Человеческие взаимоотношения искажены войной. Человек словно потерял свой человеческий облик. «Биологическое» брало верх над «социальным», порождая насилие, жестокость по отношению как к «врагам», так и к «своим». Военные годы оголили перед детским взором жестокость взрослых. З.Г. Диркс вспоминает: «Было много насилия. Помню, как мамину сестру изнасиловали. И все следующие сорок лет она думала о том, что у нее будет ребенок. Было психологическое расстройство. После того, как она умерла, мы нашли детское приданое, которое она готовила для своих детей»¹⁶.

В.М. Дементьев пишет, что в военные годы «видел и ничем не оправданную жестокость и изуверство», и общее ожесточение проникало в подростковую среду. Он описывает эпизод, за который ему «до сих пор стыдно»: «Во время войны пригнали на “трудовой фронт” узбеков (так мы их называли) и разместили их в бараках в Ладейном логу. Мы, мальчишки, их презирали за то, что они копили деньги, продавая свою и без того маленькую пайку хлеба, а как следствие многие опухали с голоду и умирали, оставляя деньги спрятанными в цветных халатах. (Мы не понимали, что они думали о родных, собирая деньги, надеясь помочь им). Развлекались пацаны, натягивая поперек их дороги проволоку, а они, опухшие от голода, запинаясь за нее и падали на землю... Мы, дети “врагов народа”, сироты, пользовались предоставленной свободой, а в округе были зоны, лагеря с заключенными...» [24].

Как замечают И.Т. Касвин и С.П. Щавелев, крайней и последней формой антиповседневности выступает смерть человека [25. С. 95]. Именно воспоминания о смерти пронизывают рассказы респондентов военного и послевоенного времени. Однако среди детей «врагов народа» наблюдается довольно нестандартное отношение к смерти. Если все остальные дети говорили, что боялись смерти и трупов, то для некоторых детей «врагов народа» смерть воспринималась как неотъемлемая часть жизни. Так З.Г. Диркс помнит, «как она радовалась красивому, фиолетовому платишку: «Целый день я проходила в нем, и только вечером меня уговорили его снять. Я его сняла и испугалась... Все тело было синим. Я спросила у мамы: “Я что, умираю?” Надо

мной очень смеялись и долгое время подшучивали: «Зельма, ты еще не умираешь?»¹⁷. Н.Г. Бардина вспоминает: «Мне волосы были дороги. Жизнь – нет, а вот волосы было жаль... Было какое тупое безразличие и нечто вроде любопытства – убьют или нет?» [16. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 15, 18]. Подобный вызов смерти мог быть обоснован психологическим напряжением, вызванным войной. И это отражается в эмоциях очевидцев событий, Н.Г. Бардина делится своими ощущениями: «Моя жизнь была спрессована до предела, и оттого страха возможно близкой смерти – не было» [Там же. Л. 18].

У некоторых детей смерть вызывала нездоровый интерес. Так, один из респондентов, просивший не называть свое имя, отметил, «что они с мальчишками тайком бегали к железной дороге, чтобы посмотреть на трупы»¹⁸. Конечно, родители пытались уберечь детей от подобных зрелищ. Но дети, так или иначе, сталкивались с подобными картинками. Именно поэтому в воспоминаниях респондентов мы можем встретить страх перед мистическими историями о призраках умерших людей, о боязни заглянуть в гроб, где покоится, например, их родственник или друг семьи.

Ф. Арьерс заметил, что если «умирание представляет собой процесс или, по крайней мере, акт, вокруг которого неизбежно складывается некий социокультурный контекст, то и у смерти получается своя страшная, но и величественная, трагическая повседневность» [26. С. 93]. Именно с такой трагической повседневностью сталкивались семьи «врагов народа». Многие до сих пор не знают, где похоронены их родители, и это представляет для многих семей настоящую трагедию. Тем, кому удалось это узнать, по мнению ряда репрессированных, «несказанно повезло». Смысл этого везения К.К. Белоусова передала фразой: «Я могу приехать к нему»¹⁹.

Для семьи «врага народа» признание смерти их родственника имело большое значение. Поиски мест захоронения многими семьями продолжают до сих пор. Причину подобного желания объясняет философ М. Мамардашвили: «Есть, например, смерть. И есть мертвая смерть. Между ними большая разница. Любой уход из жизни должен быть публичным, публично названным и известным. Тогда эта смерть, участвующая в жизни. Ведь даже из отрицательного можно что-то извлечь, зерно для души и смысла. А вот из неназванного ничего сделать нельзя. Это разрушает созна-

ние и души даже больше, например, чем война» [27. С. 63]. Именно поэтому для многих детей тогда и сейчас поиск своих близких становится смыслом жизни.

Охарактеризовать внутренний мир ребенка, передать его восприятие мира позволяет анализ не только его страхов, но и его мечты. Дети погружались в мир фантазий, представляя то, чего им не хватало в реальности. Особое место занимали мечты об окончании войны. Дети «врагов народа» вкладывали в ее завершение особый смысл. Они верили, что с окончанием войны их близких оправдают и они смогут начать жить новой жизнью. Для большинства детей мечта об их реабилитации в обществе, возвращении доброго имени их семье и им самим перерастала в цель всей жизни. Для большинства детей, потерявших родителей, было крайне важно их найти. Конечно, мечты о воссоединении семьи занимали умы многих детей и не только детей «врагов народа».

Анализируя повседневные реалии детей «врагов народа», можно выделить несколько специфических особенностей, отличающих их от жизненных реалий других категорий детей. Клеймо «враг народа» влияло на получение образования, общение со сверстниками и взрослыми. Жизнь таких детей была пропитана страхом наказания, так как они были под постоянным контролем со стороны государства. Возникающие проблемы при общении со сверстниками и взрослыми, частый отказ от близкого общения провоцировали у таких детей выработку комплекса неполноценности. Дети сталкивались с искусственно созданным образом врага, в результате чего клеймо «враг народа» разделило для них общество на две группы: тех, кто не боялся преступить через официально установленные границы дозволенного, и тех, кто принимал решение о самосохранении и защите своей семьи путем наименьшего сопротивления государству.

Бытовые же реалии детей «врагов народа» отличались лишь незначительно от других категорий. Как и у всего населения, уровень жизни детей зависел от финансовых возможностей семьи, наличия или отсутствия своего приусадебного участка и места проживания. Наконец, несмотря ни на что, дети оставались детьми. Как вспоминал о жизни детей в спецпоселке В.М. Дементьев, «несмотря на военное время, мы жили своей жизнью и радовались, что живем: летом целыми днями пропадали на реке Косьва, рыбачили... купались» [24].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервью с З.Г. Диркс. Записано В.М. Коренюк. Сентябрь 2007 // Личный архив В.М. Коренюк.

² Интервью с Трофимовой. Записано И. Островской. Ноябрь 2005 // Личный архив И. Островской.

³ Интервью с Э.Ф. Мешалкиной. Записано А.М. Калихом // Личный архив А.М. Калиха.

⁴ Интервью с Г.П. Закараей. Записано В.М. Коренюк. Май 2008 // Личный архив В.М. Коренюк.

⁵ Интервью с Л.Я. Казенович. Записано В.М. Коренюк. Ноябрь 2009 // Личный архив В.М. Коренюк.

⁶ Интервью с К.К. Белоусовой. Записано И.А. Астаховым. Август 2010 // Архив Центра устной истории и визуальной антропологии ПГГПУ.

⁷ Интервью с Л.Ф. Горбач. Записано В.М. Коренюк. Июнь 2008 // Личный архив В.М. Коренюк.

⁸ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.

⁹ Интервью с Л.Ф. Адашевой. Записано И.А. Астаховым. Август 2009 // Архив Центра устной истории и визуальной антропологии ПГГПУ.

¹⁰ Интервью с Г.П. Закараей. Указ. соч.

¹¹ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.

- ¹² Там же.
¹³ Интервью с К.К. Белоусовой. Указ. соч.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.
¹⁸ Интервью с N (имя не называется по просьбе респондента). Записано В.М. Коренюк. Апрель 2013 // Личный архив В.М. Коренюк.
¹⁹ Интервью с К.К. Белоусовой. Указ. соч.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 205 с.
2. Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: Государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 211 с.
3. Коренюк В.М. Изменение повседневной жизни детей в городах Молотовской области в годы Великой Отечественной войны // Успехи современной науки. Белгород, 2016. № 2 (1). С. 91–95.
4. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2003.
5. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
6. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) М. : РОССПЭН, 2010. 424 с.
7. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ).
9. Архапчев В.К. Потому и выжили. URL: <http://kniga.pmem.ru/6-16-potomu-vyzhili.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
10. Книга памяти репрессированных. Лангепас : Пресс-Информ ТВ, 2005. 50 с.
11. Игнатова М.Н. Социально-бытовое устройство спецпереселенцев «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. URL: http://www.pokayanie-komi.ru/martiolog/martiolog_t1/ignatova_soc_byt_ustroystvo, свободный (дата обращения: 25.04.2016).
12. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370815.htm>, свободный (дата обращения: 12.06.2015).
13. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. Россия XX век. Документы. Состав.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Научный редактор: В.Н. Шостаковский. Международный фонд «Демократия», 2000. URL: <http://lib.rus.ec/b/266726>, свободный (дата обращения: 12.06.2015).
14. Постановление ГКО от 24 июня 1942 года № ГКО-1926сс «О членах семей изменников Родины» // Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М. : МФД, 2002. С. 379–380.
15. Кобелева Е.А. Члены семей «изменников Родины» в Молотовской области 1941–1945 гг. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/ast/af/evs/kie/3.htm#1>, свободный (дата обращения: 12.06.2015).
16. Архив Международного общества «Мемориал».
17. Мочилин Е.А. Судьба и жизнь. URL: <http://kniga.pmem.ru/2-8-sudba-zhizn.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
18. Мюрд И.И. Во всем виновата фамилия? URL: <http://kniga.pmem.ru/2-31-vo-vsem-vinovata-familiya.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
19. Краснокамская звезда. 1991. 31 авг.
20. Дорогами войны. Воспоминания ветеранов фронта и тыла, дети войны : сб. интервью / сост. Л.М. Андреева, Т.А. Гаузова, Г.Д. Селянинова. Пермь, 2010. Вып. 2.
21. Мальцева Н.М. Меня звали вражешкой. URL: <http://kniga.pmem.ru/1-26-menya-zvali-vrazhinkoj.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
22. Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий. URL: <http://kniga.pmem.ru/2-50-hozhdenie-po-mukam.htm>, свободный (дата обращения: 08.08.2016).
23. Щербатых Ю.В., Ивлева И.Е. Психологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж, 1998.
24. Дементьев В.М. Невольники двадцатого века. URL: <http://kniga.pmem.ru/1-7-nevolniki-dvadcatogo-veka.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
25. Касвин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.
26. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
27. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. СПб., 2011.

Koreniuk Valentina M. School № 9 (Perm, Russia). E-mail: loskina_tina@mail.ru; *Suslov Andrei B.* Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia). E-mail: absuslov@gmail.com

EVERYDAY LIFE OF CHILDREN OF "ENEMIES OF THE PEOPLE" DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE CASE OF THE MOLOTOV REGION.

Keywords: everyday life; children; Great Patriotic War; repression.

The article focuses on the features of the everyday life of children whose parents were victims of political repression. Chronological framework of the study is limited to the period of the Great Patriotic War (1941–1945). The study was mainly conducted on the materials of the Molotov region (Perm region nowadays). The objects of the study are the three most significant categories of “socially dangerous” children: those whose parents were convicted for political reasons, those who with their parents were deported to special settlements before and during the war, and mobilized to the labor army minors, belonged to peoples, recognized as “hostile to the USSR”. The authors discuss the features of the welfare of the social groups in question, in particular, providing them with food, clothing and other vital things. Special attention is paid to identifying local attitudes towards “outsiders”, that have received the state stigma of “enemy of the people”, “deportees”, etc. The authors present numerous facts of discrimination against children of “enemies of the people”. The authors also draw attention to features of the perception of those children in cities and the countryside where they lived. In particular, it is stated that their life in the countryside generally was quieter than in the city. Special attention is paid to the mental peculiarities of everyday life of children whose parents were suppressed in their civil rights. Unlike other categories of children, the children of “enemies of the people” were afraid not only of the war and that was connected with it. They were also afraid of losing loved ones because of the persecution of the authorities. A large number of memories associated with fear were caused by experiences during the arrest of relatives. Children “of enemies of the people” were afraid to be punished. Unlike other children, they felt that they may be punished not only for poor schoolwork or bad behavior. Punishment from the authorities frightened a lot more. This fear of punishment was formed by the atmosphere of terror. In addition, the authors draw attention to the impact of frightening pictures of war seen by the children on their perception of the world. Analyzing the everyday realities of the children of “enemies of the people” in wartime, the authors

identify some specific features that distinguish them from the realities of other children's life. The stigma of "enemy of the people" affects the education, communication with peers and adults. The life of these children was impregnated with the fear of punishment, since they were under constant control by the state. Problems in communication with peers and adults, frequent failure and preach provoked such children developing an inferiority complex. The children were faced with an artificially created image of an enemy, with the result that the stigma of "enemy of the people" divided their society into two groups: those who are not afraid to break through the officially established boundaries, and those who made the decision on self-preservation and protecting his family with least resistance to the state.

REFERENCES

1. Nazarov, A.I. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' molodezhi v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941 – 1945 gg. (na materialakh Tambovskoy oblasti)* [The daily life of young people in the Soviet rear during the Great Patriotic War 1941–1945. (A case study of Tambov Region)]. History Cand. Diss. Tambov.
2. Romashova, M.V. (2006) *Sovetskoe detstvo v 1945 – seredine 1950-kh gg.: Gosudarstvennye proekty i provintsial'nye praktiki (po materialam Molotovskoy oblasti)* [Soviet childhood in 1945 – the mid-1950s: State projects and provincial practices (a case study of Molotov Region)]. History Cand. Diss. Perm.
3. Korenyuk, V.M. (2016) *Izmenenie povsednevnoy zhizni detey v gorodakh Molotovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Changing the daily life of children in the cities of Molotov Region during the Great Patriotic War]. *Uspekhi sovremennoy nauki – Modern Science Success*. 2(1). pp. 91-95.
4. Zemskov, V.N. (2003) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Deportees in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka.
5. Polyan, P. (2001) *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not by choice . . . History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow: OGI-Memorial.
6. Suslov, A.B. (2010) *Spetskontingent v Permskoy oblasti (1929–1953 gg.)* [Special contingent in the Perm region (1929–1953)]. Moscow: ROSSPEN.
7. Yarskaya-Smirnova, E.R. (1997) *Sotsiokul'turnyy analiz netipichnosti* [A sociocultural atypicality analysis]. Saratov: Saratov State Technical University.
8. *The State Archives of the Russian Federation* (GARF).
9. Arkhapchev, V.K. (n.d.) *Potomu i vyzhili* [That is why we survived]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/6-16-potomu-vyzhili.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
10. Tkachenko, G.A. (ed.) (2005) *Kniga pamyati repressirovannykh* [The Book of Memory of the Repressed]. Langepas: Press-Inform TV.
11. Ignatova, M.N. (n.d.) *Sotsial'no-bytovoe ustroystvo spetspereselentsev "byvshikh kulakov" v seredine 1930-kh – 1950-e gg.* [The social and domestic organization of special settlers from "former kulaks" in the mid-1930s – 1950s]. [Online] Available from: http://www.pokayanie-komi.ru/martiolog/martiolog_t1/ignatova_soc_byt_ustroystvo. (Accessed: 25th April 2016).
12. The People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR. (1937) *Operativnyy prikaz narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR № 00486 ot 15 avgusta 1937 g.* [Operation Order of People's Commissar of Internal Affairs of the USSR № 00486 of August 15, 1937]. [Online] Available from: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370815.htm>. (Accessed: 12th June 2015).
13. Shostakovskiy, V.N. (2000) *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey), 1917–1960* [GULAG (Main Camp Administration), 1917–1960]. [Online] Available from: <http://lib.rus.ec/b/266726>. (Accessed: 12th June 2015).
14. Vilenskiy, S., Kokurin, A., Atmashkina, G. & Novichenko, I. (eds) *Deti GULAGa. 1918–1956* [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow: MFD. pp. 379-380.
15. Kobeleva, E.A. (n.d.) *Chleny semey "izmennikov Rodiny" v Molotovskoy oblasti 1941–1945 gg.* [The members of the "traitors" families in Molotov Region, 1941–1945]. [Online] Available from: <http://www.booksite.ru/fulltext/ast/afi/evs/kie/3.htm#1>. (Accessed: 12th June 2015).
16. The Archive of the International Society "Memorial".
17. Mochilin, E.A. (n.d.) *Sud'ba i zhizn'* [The fate and life]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/2-8-sudba-zhizn.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
18. Moyard, I.I. (n.d.) *Vo vsem vinovata familiya?* [The surname is to blame?]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/2-31-vo-vsem-vinovata-familiya.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
19. *Krasnokamskaya zvezda*. (1991) 31st August.
20. Andreeva, L.M., Gauzova, T.A. & Selyaninova, G.D. (eds) (2010) *Dorogami voyny. Vospominaniya veteranov fronta i tyila, deti voyny* [Roads of War. Memories of veterans of front and rear, children of war]. Perm: Perm State Pedagogical University.
21. Maltseva, N.M. (n.d.) *Menya zvali vrazhinkoy* [They called me a little enemy]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/1-26-menya-zvali-vrazhinkoj.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
22. Droszdov, B.P. (n.d.) *Khozhenie po mukam* [The Road to Calvary]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/2-50-hozhdenie-po-mukam.htm>. (Accessed: 8th August 2016).
23. Shcherbatykh, Yu.V. & Ivleva, I.E. (1998) *Psikhologicheskie i klinicheskie aspekty strakha, trevogi i fobiy* [Psychological and clinical aspects of fear, anxiety and phobias]. Voronezh: Istoki.
24. Dementiev, V.M. (n.d.) *Nevol'niki dvadtsatogo veka* [Slaves of the twentieth century]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/1-7-nevolniki-dvadcatogo-veka.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
25. Kasvin, I.T. & Shchavalev, S.P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [The analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+.
26. Arers, F. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [Man facing death]. Translated from French by V. Ronyan. Moscow: Progress, Progress-Akademiya.
27. Mamardashvili, M. (2011) *Soznanie i tsivilizatsiya* [Consciousness and civilization]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

УДК 930.2
DOI 10.17223/19988613/44/7

А.С. Столетова

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ СФЕРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1950–1960-е гг. (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341

«Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания».

Рассматривается процесс численного роста контингента читателей массовых библиотек в 1950–1960-е гг. на примере Архангельской и Вологодской областей. Определяется число пользователей областных, городских, районных и сельских библиотек, приводятся сведения о читательской активности. Характеризуются основные категории читателей библиотечных учреждений. Делается вывод о том, что к концу 1960-х гг. основу читательской массы составляли специалисты различных отраслей народного хозяйства, науки и культуры, обслуживанию которых уделялось особое внимание. Устанавливаются причины трудностей в организации работы с населением в сельской местности, а также пути их решения. Описываются формы работы персонала библиотек с читателями, раскрывается содержательная сторона культурно-массовой деятельности.

Ключевые слова: библиотека; читатель; литература; культура; культурно-массовая работа.

В советском государстве одними из важнейших задач были привлечение читателей в библиотечные учреждения и увеличение спроса на книгу. Советская литература была призвана к содействию в воспитании трудящихся «в духе высокой идейности и преданности коммунизму», выполнению производственных планов и социалистических обязательств, укреплению трудовой дисциплины, а также должна была способствовать повышению производительности труда, культурного роста граждан, тем самым обеспечивая развертывание промышленности, строительства, подъем сельского хозяйства. Поэтому расширение сети библиотек, пополнение их фондов, разнообразие форм пропаганды книги были нацелены на усиление притока читателей. В соответствии с указаниями государственных органов в стране была развернута работа по доведению книги до каждой рабочей и колхозной семьи, до каждого грамотного [1. Оп. 10. Д. 9. Л. 97, 98; Оп. 11. Д. 22. Л. 6, 8; 2. С. 6–8]. В данной статье мы остановимся на рассмотрении деятельности городских, районных и сельских государственных массовых библиотек, подведомственных Министерству культуры РСФСР и составляющих основу библиотечной сети региона. Сеть культурно-просветительных учреждений также включала колхозные, специальные, профсоюзные, ведомственные библиотеки, однако их работу проследить сложнее ввиду происходивших процессов по реорганизации, упорядочению и объединению учреждений. Источниковая база позволяет определить численный состав указанных элементов системы и тенденции их развития, но не охарактеризовать возможности обслуживания населения, что в свою очередь является предметом для дальнейших изысканий.

Изучение читателей библиотек следует начать с рассмотрения проблемы эволюции их численного состава. Для подъема библиотечного дела, усиления ру-

ководства сетью массовых библиотек, книгоизданием, книготорговлей и всеми культурно-просветительными учреждениями 15 марта 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об объединении министерств и ведомств» было образовано союзно-республиканское Министерство культуры СССР [1. Оп. 10, 11. С. 1; 3].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 апреля 1953 г. «Об образовании министерств РСФСР и преобразовании некоторых органов государственного управления РСФСР» было образовано Министерство культуры РСФСР [4]. В составе всех массовых библиотек большинство представляли библиотеки Министерства культуры. В 1950–1960-е гг. число читателей самостоятельных массовых библиотек Министерства культуры РСФСР возросло. К примеру, если в 1950 г. в библиотеках республики состояли 14,9 млн, то в 1965 г. – 34,6 млн человек [5. С. 490]. Тенденция была характерна и для рассматриваемого региона. Количество читателей библиотек системы Министерства культуры в Архангельской области в 1951 г. составляло 201,5 тыс., в 1960 г. – 296,2 тыс. человек. В Вологодской области в те же годы насчитывалось 298,1 и 475,6 тыс. читателей [6. Оп. 3. Д. 165. Л. 21; 7. Оп. 1. Д. 488. Л. 121; 8. Оп. 1. Д. 3297. Л. 21, 31].

Среди всех массовых библиотек региона высокие показатели интенсивности чтения, активности посещения библиотеки, степени использования фонда в рассматриваемый период наблюдались у областных, а самые низкие – у сельских библиотек [8. Оп. 1. Д. 3124. Л. 7, 8; 9. Оп. 7. Д. 29. Л. 18–19]. В областных библиотеках региона в начале 1950-х гг. состояли от 14 до 18 тыс. читателей, а во второй половине 1960-х гг. – до 18–25 тыс. В крупных городских библиотеках региона в начале 1950-х гг. были учтены 10–12 тыс. человек, в 1965–1967 гг. их число возросло до 16–20 тыс. В иных

городских библиотеках, в том числе детских, как правило, читателями значились от 1 до 10 тыс. человек. Районные библиотеки охватывали от 1 до 3 тыс., сельские – до 1 тыс. читателей [6. Оп. 3. Д. 165. Л. 40–41; 8. Оп. 1. Д. 125. Л. 3; Оп. 1. Д. 4713. Л. 3; Оп. 1. Д. 4719. Л. 5; 10. Оп. 17. Д. 131. Л. 38; 11. Оп. 2. Д. 1139. Л. 12; 12. С. 55, 65]. Однако в городской и сельской местностях каждый пользователь библиотеки прочитывал до 20–30 книг в год [6. Оп. 3. Д. 165. Л. 40; 11. Оп. 2. Д. 1139. Л. 12].

Основными группами читателей массовых библиотек на протяжении исследуемого периода являлись служащие, учащиеся, рабочие. Архангельскую областную библиотеку им. Н.А. Добролюбова в 1950–1960-е гг. посещали школьники, студенты, учителя, рабочие, инженеры, служащие, специалисты различных областей знаний, научные работники и моряки [8. Оп. 1. Д. 120. Л. 10; 13. С. 3; 14. С. 2]. Так, в 1953 г. было обслужено 2 190 специалистов и научных работников, 2 671 служащий, 10 829 учащихся, 1 615 рабочих [8. Оп. 1. Д. 120. Л. 10]. При проведении анализа годовых отчетов Вологодской областной библиотеки было установлено, что численно преобладающими группами читателей на протяжении исследуемого периода были служащие, учащиеся, рабочие, имеющие, как правило, среднее образование. Так, в 1952 г. библиотеку посещали 5 629 служащих, 5 757 учащихся, 1 954 рабочих. В 1960 г. читателями областной библиотеки являлись 6 104 учащихся, 5 801 служащий, 4 957 рабочих [8. Оп. 1. Д. 3124. Л. 9; Оп. 1. Д. 125. Л. 4].

Со второй половины 1960-х гг. сотрудниками библиотек уделялось большое внимание обслуживанию преобладающей среди других категории специалистов. В отчете Архангельской библиотеки за 1965 г. отмечалось, что обслуживание читателей велось дифференцированно, были выделены 3 группы: специалисты (всех возрастов), молодежная (студенты, учащиеся, другие 16–25-летние), общая (рабочие и служащие и другие категории, старше 25 лет). Группа рабочих составляла 18%, специалистов – 24,2% [8. Оп. 1. Д. 4713. Л. 4, 5, 7].

В конце 1960-х гг. основное внимание коллектива библиотеки было направлено на обслуживание специалистов: врачей, учителей, инженеров, юристов [15. С. 4]. К концу 1960-х гг. специалисты народного хозяйства, науки и культуры становятся основой читательской массы Вологодской областной библиотеки, среди них динамично возрастало число инженерно-технических работников. Активно посещали библиотеку рабочие промышленных отраслей народного хозяйства, учителя и культпросветработники. Молодежь численно преобладала среди категорий читателей. В 1970 г. библиотекой были обслужены 5 914 специалистов различных отраслей народного хозяйства и культуры, 3 588 рабочих, 4 765 учащихся [8. Оп. 1. Д. 125. Л. 4, 5; Оп. 1. Д. 3124. Л. 9, 29; 9. Оп. 7. Д. 29. Л. 18–19, 22, 28–29; Оп. 7. Д. 33. Л. 22; Оп. 10. Д. 24. Л. 9–10;

Оп. 10. Д. 45. Л. 4–6, 22, 24–25; Оп. 10. Д. 66. Л. 6, 49; Оп. 10. Д. 69. Л. 2; 16. С. 12].

Колхозники, рабочие районов и сел региона значились читателями библиотек не повсеместно, что определялось их занятостью, малой укомплектованностью фондов библиотек, уровнем организованности библиотечной сети [8. Оп. 1. Д. 3124. Л. 9; 9. Оп. 10. Д. 66. Л. 6, 49]. Между тем многие районные библиотеки интенсивно работали над вопросом привлечения читателей. Так, в районной библиотеке Пришекснинского района Вологодской области к 1950 г. насчитывалось 1 136 читателей [10. Оп. 17. Д. 131. Л. 38]. В Каргопольской районной библиотеке Архангельской области к началу 1952 г. состояло 3 188 читателей [17. С. 1]. В Лешуконской районной библиотеке Архангельской области к 1952 г. читателями значились 2 504 человека, им выдавалось за год 68 828 книг, т.е. читаемость достигала 27 книг [6. Оп. 3. Д. 165. Л. 40]. «К началу 1953 г. в читальном зале Исакогорской районной библиотеки Архангельской области собиралось много посетителей. Они читали свежие газеты, журналы, прослушивали лекции на различные темы», – отмечал корреспондент газеты «Правда Севера» С. Прихидный [18. С. 2].

По сведениям корреспондента газеты «Сталинская молодежь» М. Котова, в Белозерской районной библиотеке Вологодской области книги брали лекторы и пропагандисты, агитаторы, учащиеся школ и техникумов, рабочие, служащие и интеллигенция. Автор писал: «Не только из города приходят сюда читатели, но и из дальних сел. Токарь Белозерских судоремонтных мастерских В. Горин являлся активным читателем. Он интересовался художественной, технической, сельскохозяйственной, географической, медицинской, педагогической, политической литературой. Читатель Ухорядин получал книги по межбиблиотечному абонементу». К 1954 г. читателями библиотеки значились 2 тыс. человек [19. С. 2]. Улучшала обслуживание Коношская районная библиотека Архангельской области. В 1957 г. зарегистрировано 1 417 читателей, в 1958 г. их число возросло до 2 011 человек [20. Оп. 3. Д. 306. Л. 37]. Услугами Карпогорской районной библиотеки Архангельской области к 1962 г. пользовались 800 человек. За 1961 г. было сделано свыше 26 тыс. книговыдач. Читаемость составила 33 книги [21. С. 4].

Некоторые сельские библиотеки Вологодской и Архангельской областей уже на начало исследуемого периода имели значительное количество читателей. К примеру, в сельских библиотеках Пришекснинского района Вологодской области в 1950 г. числилось 3 200 читателей [10. Оп. 17. Д. 131. Л. 38]. В отчете о работе культурно-просветительных учреждений Архангельской области за 1952 г. отмечены лучшие по показателям библиотеки. Например, Мошинская сельская библиотека Архангельской области в 1952 г. имела 689 читателей, которым за год было выдано 14 264 книги, читаемость составляла 20 книг, обращаемость книжного

фонда – 3,6, средняя посещаемость каждым читателем – 14 раз. Федьковская сельская библиотека Черевковского района Архангельской области привлекла 564 читателя, которым было выдано 11 653 книги, один читатель прочитывал 21 книгу в год. В Григоровской сельской библиотеке Емецкого района Архангельской области читателями значились 517 человек, число книговыдач достигало 10 тыс. книг, читаемость составляла 19 книг в год [6. Оп. 3. Д. 165. Л. 40–41].

Тем не менее большинство сельских библиотек недостаточным образом решали задачу – иметь читателя в каждой колхозной семье [7. Оп. 1. Д. 488. Л. 117]. В 5 сельских библиотеках Великоустюгского района на 1 мая 1952 г. числилось 1 257 читателей, из них только 322 колхозника. На территории Тимонинского сельсовета Белозерского района проживали более 130 колхозных семей, а сельской библиотекой пользовались только 54 колхозника. Абонементом Пришекснинской районной библиотеки пользовались всего 24 колхозника, Лежской районной – 12, а в Белозерской не было ни одного читателя колхозника, хотя на территории районного центра имелся колхоз. В сельской библиотеке Усть-Кубинского района Вологодской области в 1953 г. состояли 407 читателей, из них: учащихся – 220, колхозников – 101, служащих – 56, рабочих – 30. Причины тому, как объясняли представители бригады Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР В. Кессених, И. Вайсман, – невнимание библиотечных работников к вопросам организации обслуживания сельского населения книгой, недостаточное развитие сети передвижных библиотек и книгоношества [Там же. Л. 4–5; 22. С. 14–15].

В Архангельской области сложилось аналогичное положение. В Ненецком округе Архангельской области Оксинская библиотека к 1952 г. имела 470 читателей, абонементом пользовались 296 человек, из них 4 колхозника [6. Оп. 3. Д. 163. Л. 41]. По данным от 23 районных библиотек Архангельской области, в число читателей к 1952 г. было вовлечено 4 577 колхозников, что составляло 10% к количеству читателей этих библиотек [Там же. Д. 165. Л. 23]. Среди 879 читателей Сольвычегодской районной библиотеки Архангельской области в 1958 г. значилось 16 читателей из колхозов [Там же. Л. 108].

Выполнение задачи увеличения читательского контингента проводилось путем организации подворного обхода колхозных домов работниками библиотек, передвижек, пунктов выдачи книг и книгоношества. Например, 86 районных и сельских библиотек Вологодской области в 1952 г. организовали 143 выдачных пункта, которые обслужили до 2 тыс. читателей. Всеми библиотеками было привлечено 800 книгонош, организовано 880 передвижек, из которых большинство направлялось в колхозы и на лесоучастки [7. Оп. 1. Д. 488. Л. 109].

В периоды проведения месячников книги количество читателей библиотек, как правило, возрастало.

К примеру, в Архангельской области с 10 июня по 10 июля 1951 г. в Вилегодском районе число читателей в районной библиотеке увеличилось на 84, а в сельских библиотеках – на 65 человек [20. Оп. 2. Д. 1209. Л. 27]. За 9 месяцев 1958 г., в период Всероссийского общественного смотра культпросветучреждений, в библиотеки Архангельской области было записано 218 655 человек против 208 867 за этот же период 1957 г., в том числе 52 189 рабочих, 28 222 колхозника [Там же. Оп. 3. Д. 306. Л. 35].

В деятельности библиотек применялись как традиционные виды работы – читательские конференции, обзоры, выставки, так и качественно новые формы деятельности – дни специалиста, дни поэзии, дни библиографии, индивидуальные и коллективные информации. Наиболее полно данный перечень видов массовой работы применялся в деятельности областных и городских библиотек, которые с течением времени увеличивали число проводимых мероприятий. Так, если в 1952 г. Архангельская областная библиотека провела 162 книжные выставки, 7 читательских конференций, 6 литературных вечеров, то в 1960 г. было организовано 205 книжных выставок, 9 читательских конференций, 11 литературных вечеров. В Вологодской областной библиотеке в 1951 г. было оформлено 170 выставок, 6 вечеров, 110 обзоров, а в 1969 г. – их число увеличилось более чем в 2 раза (359, 9 и 254 мероприятия соответственно) [8. Оп. 1. Д. 120. Л. 3, 33; Оп. 1. Д. 869. Л. 30; Оп. 1. Д. 3118. Л. 2, 45; Оп. 1. Д. 3124. Л. 13; 9. Оп. 7. Д. 36. Л. 19; Оп. 10. Д. 24. Л. 11; Оп. 10. Д. 66. Л. 3–4].

Сельские культурно-просветительные учреждения в проведении массовой работы с населением преимущественно использовали «громкие читки», беседы, викторины, выставки, организацию докладов и лекций, вечеров, оформление лозунгов, плакатов. Периодически проводились читательские конференции и литературные вечера [10. Оп. 17. Д. 131. Л. 59; 23. Оп. 1. Д. 238. Л. 17, 41; 24].

В содержании культурно-массовой работы особое место отводилось политическим, хозяйственным и культурным событиям жизни страны. В результате идеологического воздействия чаще всего обсуждались и предлагались к прочтению популярные, отмеченные государственной премией произведения, в том числе местных авторов. Как правило, они отражали темы героического подвига, передовой работы, колхозной жизни, коммунистической морали. Установившаяся практика находила отклик в читательской среде и мотивировала на последующее прочтение рекомендуемой литературы. Также среди читателей формировался спрос на книги о земляках, современниках, рабочих и происходивших в родных краях событиях [6. Оп. 3. Д. 165. Л. 28, 32–33]. Приведем некоторые примеры. В 1952 г. в Архангельской городской библиотеке им. М.В. Ломоносова была проведена читательская конференция по роману

Г. Николаевой «Жатва», на ней присутствовали 60 человек. Выступали бригадиры, агрономы, механизаторы сельского хозяйства. Они сравнивали жизнь своих колхозов с колхозом, описанным в произведении [6. Оп. 3. Д. 163. Л. 9; Оп. 3. Д. 165. 32–33].

Как писал Б. Пономарев, роман Н.Н. Никитина «Северная Аврора», освещающий борьбу против американских, английских и французских оккупантов 1918–1920-х гг. на территории Архангельской губернии, в 1950-е гг. нашел у архангелогородцев «живой и горячий отклик». В областной библиотеке им. Н.А. Добролюбова, в Архангельской городской библиотеке им. М.В. Ломоносова, во всех районных были проведены конференции читателей, посвященные обсуждению произведения [6. Оп. 3. Д. 163. Л. 9; Оп. 3. Д. 165. Л. 28, 32; 25. С. 122].

Книга А. Морозова «М.В. Ломоносов», нашедшая широкий отклик у советской общественности и удостоенная Сталинской премии второй степени, также вызвала большой интерес у читателей Архангельской областной библиотеки, – сообщал заместитель директора Архангельской областной библиотеки С. Клюев в статье журнала «Библиотекарь» в 1952 г. Конференция прошла активно, выступил автор книги, участники отметили ее познавательное и воспитательное значение [26. С. 39–40]. В 1961 г. в Центральной библиотеке Череповца была проведена читательская конференция по книге Т.И. Осьминского и Н.В. Озерина «Очерки по истории края», которую посетили городская интеллигенция, студенты, краеведы. В январе 1965 г. читатели Череповецкой городской библиотеки обсудили книгу А.С. Бланка и А.В. Катаникова «Череповец». Там же была проведена конференция по книге А. Яшина «Вологодская свадьба», – сообщает Э.М. Прыгова [12. С. 59, 60].

В областных и городских библиотеках часто проводились встречи с местными писателями. В читальном зале Вологодской областной библиотеки в 1950–1960-е гг. выступали П.П. Вершигора, К.И. Коничев, А.Я. Яшин, С.В. Викулов, В.С. Железняк и др. [27. С. 32]. «Литературные вечера кипели от народа – желающих попасть не вмещал зал областной библиотеки», – вспоминал поэт А. Романов [28. С. 480].

Важное место в работе библиотек в 1950–1960-е гг. занимали вопросы улучшения индивидуального руководства чтением и дифференцированного обслуживания читателей. Возрастал интерес читателей библиотек к вопросам науки и техники [29. С. 2].

Как отмечалось в отчете о работе Вологодской областной библиотеки, в начале 1950-х гг. был установлен особый «стол» выдачи книг для производственной молодежи [9. Оп. 7. Д. 36. Л. 5]. В 1960-е гг. в Вологодской областной библиотеке появились залы технических, точных и экономических наук. Также были образованы сектор обслуживания работников сельского хозяйства, сектор музыкально-нотной литературы, детский сектор [16. С. 34, 36].

Повышение уровня работы библиотек по пропаганде технической литературы являлось отражением общесоюзных тенденций. В рассматриваемый период обращалось большое внимание на помощь библиотек рабочим массовых профессий [1. Оп. 11. Д. 22. Л. 9]. К примеру, в Череповецкой городской библиотеке организовывались выставки технических книг: «В помощь металлургу», «В помощь токарю», «В помощь плотнику и столяру» и т.д. Наглядные материалы, подготовленные библиотекой за 1953–1954 гг., посвящались пропаганде литературы по истории техники, проблемам технического прогресса, основам промышленного производства [30. С. 12, 15].

Особую направленность имели мероприятия на селе. Так, в Чебсарском районе Вологодской области в 1950 г. были проведены читательские конференции по книгам В. Вильямса «Основы земледелия» [10. Оп. 17. Д. 131. Л. 69]. Одна из конференций начала 1950-х гг., прошедшая в Березниковской районной библиотеке Архангельской области, как отмечал Ю. Кожухов, была посвящена обсуждению брошюры Героя Социалистического Труда холмогорской доярки А. Коробовой «Как я добиваюсь высоких удоев». На конференции присутствовали колхозники и агитаторы [24].

Как сообщал И. Полуянов, конференции по книгам «Как закалялась сталь», а также обсуждения произведений В.А. Кочетова «Журбины», Ф.А. Трофимова «Наша лесная сторона», Н.Е. Шундика «Быстроногий олень», М. Горького «Мать» прошли в середине 1950-х гг. в библиотеке рабочего комитета Березниковского леспромхоза Архангельской области [31. С. 12].

По сообщению начальника Архангельского Управления культуры В. Пузанова, в Коношской районной библиотеке Архангельской области в 1957 г. вечера, диспуты, читательские конференции и обсуждения книг проводились на темы: «Что ты читаешь?», «Образ лесоруба в художественной литературе», «Дадим Родине больше продуктов животноводства» и др. [20. Оп. 3. Д. 306. Л. 37].

А. Михайлов в 1958 г. писал, что во многих сельских библиотеках различных районов Архангельской области прошли обсуждения повести Н. Жернакова «Восход». Читатели, участники и свидетели создания первых колхозов единодушно отмечали, что коллективизация в повести была изображена так, как она проходила в их районе, в их селе. Читательские конференции по повести в сельских и колхозных библиотеках перерастали в большой разговор о положении дел в своем колхозе, бригаде, на ферме [32. С. 58].

По художественным произведениям во многих библиотеках районов региона устраивались так называемые «громкие читки». По сведениям С.В. Клюева, в начале 1950-х гг. в Черевковской районной библиотеке Архангельской области в созданных группах коллективного чтения книгу В. Пановой «Спутники» читали в течение восьми вечеров, А. Гончара «Знаменосцы» – семь вечеров, Е. Кошевой «Повесть о сыне» – пять ве-

черов, С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» – шесть вечеров, Ю. Смолича «Они не прошли» – на дому у колхозников – пять вечеров. «Тихий Дон» М. Шолохова прочли коллективно в МТС за 23 вечера [33. С. 29]. В Пришекснинском районе Вологодской области в 1950 г. было организовано 611 читок, в том числе по популярным книгам: М. Бубеннова «Белая береза», В. Гроссмана «Народ бессмертен», И. Козлова «В Крымском подполье», Д. Медведева «Это было под Ровно», А. Первенцева «Честь смолоду», Е. Мальцева «От всего сердца» [10. Оп. 17. Д. 131. Л. 37].

Следует отметить, что в организации работы с читателем на селе на протяжении 1950–1960-х гг. имелись проблемы. Например, в стенограмме Архангельского областного совещания культпросветработников от 3 июля 1952 г. обозначено, что культпросветработа проводилась непосредственно на территории сельского клуба или избы-читальни, которые находились в сельсовете. С отдаленными бригадами, колхозниками работа не велась, что являлось серьезным недостатком в культурном обеспечении населения в начале 1950-х гг. [6. Оп. 3. Д. 163. Л. 30].

Как указано в справке о деятельности культпросветучреждений Вологодской области за 1953 г., работа изб-читален, сельских библиотек не охватывала всю молодежь, проводилась в отрыве от насущных задач колхозов и хозяйственно-политической жизни [7. Оп. 1. Д. 488. Л. 12, 133–137]. Так, в Леоновской сельской библиотеке Верховажского района в 1956 г. отсутствовали рекомендательные списки, что читать дояркам, свинаркам, пастуху, по уходу за посевами. Библиотека не принимала необходимых мер по дополнительному вовлечению в число читателей взрослых колхозников. Многие имевшиеся читатели-колхозники не брали книги по 3–4 месяца [10. Оп. 30. Д. 61. Л. 60].

Усилению развертывания массовой работы библиотек способствовали месячники распространения книги и смотры культурно-просветительных учреждений. Как правило, в периоды их организации библиотеки проводили комплексы мероприятий, в том числе совместно с комсомольскими организациями, клубами, Домами культуры, радио и прессой, отделе-

ниями Союза писателей, книготоргами, театрами [11. Оп. 2. Д. 1305. Л. 1].

Резюмируя сказанное, отметим, что спецификой периода 1950–1960-х гг. стали осмысление значимости чтения и стремление библиотек к выполнению задач по широкому привлечению и удовлетворению запросов читателей. На протяжении исследуемого периода показатели проводимых форм массовой работы с читателем в регионе возрастали, все мероприятия были направлены на увеличение выдачи книг, идейное воспитание молодежи, расширение кругозора населения. Среди читателей формировался спрос на художественную литературу, на книги о войне, по истории советского государства, о «великих стройках», жизни советских школьников и труде учителей, деятельности колхозов, развитии сельскохозяйственной отрасли.

По мере усложнения производственной и учебной деятельности у пользователей библиотек вырабатывался интерес к научной и специальной литературе, в то же время и библиотеки уделяли большое внимание обслуживанию специалистов. В 1950–1960-е гг. акцентировалось внимание на роль книги в личной и общественной жизни. Поэтому деятельность библиотек, в частности, была направлена и на создание положительных и привлекательных образов читающего человека. В рассматриваемый период стали активно использоваться различные методы руководства чтением. На качество обслуживания читателей и повышение выдачи литературы эффективно повлияло введение в библиотеках региона в 1960-е гг. открытого доступа к фондам, т.е. свободного прохода к стеллажам и полкам с книгами, благодаря чему оно нашло широкое применение в стране [1. Оп. 11. Д. 22. Л. 11; 27. С. 32; 34. С. 4–5; 35. С. 2; 36. С. 3; 37. С. 4; 38. С. 4].

Таким образом, библиотечные учреждения в организации культурно-досуговой сферы населения 1950–1960-х гг. играли значительную роль, о чем свидетельствуют факты роста числа пользователей, усиления спроса на книгу, внедрения разнообразных форм библиотечной работы с читательским контингентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2329.
2. Руководящие материалы по библиотечному делу : справочник. 2-е изд. М. : Книга, 1968. 270 с.
3. Постановление Совета Министров СССР от 20 июня 1953 г. № 1565 «Об утверждении положения о министерстве культуры СССР» // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30709>, свободный (дата обращения: 1.05.2016).
4. Постановление Совета Министров РСФСР от 25 апреля 1953 г. № 425 «О структуре и штатах центрального аппарата Министерства культуры РСФСР и его местных органов» // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23717>, свободный (дата обращения: 1.05.2016).
5. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Статистический ежегодник / ЦСУ РСФСР. М. : Статистика, 1966. 616 с.
6. Государственный архив Архангельской области (ГАОО). Ф. 5790.
7. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 4794.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–501.
9. ГАВО. Ф. 635.
10. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522.
11. ГАОО. Ф. 5859.
12. Прыгова Э.М. История публичной библиотеки города Череповца: посвящается 225-летию г. Череповца и 130-летию Центральной городской б-ки им. В.В. Верещагина. Череповец : Полиграфист, 2002. 75 с.
13. Лиханова В. По заявкам читателей // Правда Севера. 1953. 31 мая.

14. Курилов С. Сокровищница знаний // Правда. 1965. 19 янв.
15. Курилов С. На службе у мысли... // Правда Севера. 1968. 24 сен.
16. Воробьева Л.М. Из истории вологодской областной библиотеки им. И.В. Бабушкина // Материалы Первой областной научно-практической конференции библиотечных работников. Вологда, 1970. С. 3–12.
17. Фадеев А. Передвижные библиотеки в лесопунктах и колхозах // Правда Севера. 1952. 6 янв.
18. Прихидный С. Забота о читателях // Правда Севера. 1953. 7 янв.
19. Котов М. Читатель и нужды районной библиотеки // Сталинская молодежь. 1954. 18 ноя.
20. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ГАОО. ОДСПИ). Ф. 296.
21. Щепоткин А. Идут читатели в библиотеку // Правда Севера. 1962. 3 июля.
22. Кессених В., Вайсман И. Нужен решительный перелом // Библиотекарь. 1952. № 10. С. 14–19.
23. ГАОО. Ф. 5932.
24. Кожухов Ю. В библиотеке села Семеновское // Правда Севера. 1951. 22 июня.
25. Пономарев Б.С. Литературный Архангельск: События, имена, факты, 1920–1980. Архангельск : Сев.-Зап. книжн. изд-во, 1982. 190 с.
26. Клоев С. Читатели обсуждают книгу о Ломоносове // Библиотекарь. 1952. № 5. С. 39–40.
27. Культура Вологды, XX век: История. Лица. События. Вологда : Полиграфист, Б. г. 80 с.
28. Романов А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. Вологда : Книжное наследие, 2007. С. 461–483.
29. Пелевина Р. Для вас, читатели областной библиотеки // Вологодский комсомолец. 1964. 5 мая.
30. Соболева Е. Пропаганда технической литературы в Череповецкой городской библиотеке. Вологда : Б.и., 1957.
31. Полуянов И.Д. Библиотека леспромпхоза и ее читатели. Архангельск : Архангел. книжн. изд-во, 1956. 19 с.
32. Михайлов А. Литературный Архангельск // Вопросы литературы. 1958. № 6. С. 51–67.
33. Клоев С.В. Черевковская районная библиотека. Архангельск : Архангел. обл. гос. изд-во, 1950. 50 с.
34. Богачев П.М. Об открытом доступе читателей к книжным фондам библиотек. Архангельск : Б.и., 1959. 27 с.
35. Гарин Н. В старейшей сельской // Красный Север. 1964. 29 дек.
36. Сергеев Н. В сельской библиотеке // Правда Севера. 1960. 22 ноя.
37. Шадхан З. У книг – новоселье // Правда Севера. 1960. 4 марта.
38. Щепоткин А. Идут читатели в библиотеку // Правда Севера. 1962. 3 июля.

Stoletova Anna S. Vologda State University (Vologda, Russia). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

THE ROLE OF LIBRARIES IN THE ORGANIZATION OF CULTURAL AND LEISURE SPHERES OF THE POPULATION OF EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1950–1960. (ON THE EXAMPLE OF THE ARKHANGELSK AND VOLOGDA REGIONS).

Keywords: library; reader; literature; culture; cultural-public work.

One of the most important objectives stated by the public authority to cultural institutions in the 1950–1960, was attraction of readers into the libraries. Therefore, the purpose of this research is to identify the dynamics of a composition of the readers of the libraries, consideration forms of cultural-mass works, organized by libraries, as well as the determination of their mission and role in the organization of cultural and leisure sphere of life of the population of the European North of Russia (on the example of the Arkhangelsk and Vologda regions). The source of the base of the research amounted to archive (data of the Russian State Archive of Literature and Art, the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of Arkhangelsk region, State Archives of Vologda Region) and published sources. The documents provide extensive information about the composition and categories of the users, the book fund and the intensity of the work of regional, municipal, district and rural libraries and the promotion of literature to the people, the organization of readers' conferences, the months of books and review of cultural-educational institutions. Legislative and regulatory legal acts of the authorities reflect the specific directions of the state policy in the field of library and book science. Materials of the state statistics and periodicals also were used for writing this research. The research provides data on the number and groups of readers of libraries of different levels, activities of institutions to service users. Characterized form of cultural-mass works, the specifics of its organization in urban and rural environments. Determined that the experts of various sectors of the economy, science and culture were the majority among the main groups of readers of libraries by the end of the 1960s. Attention was drawn to strengthening the work of urban libraries in the areas of development of individual guided reading and differentiated services to visitors. Established, gaps in the work of rural library institutions, related primarily to the very well organized library network and fully provided of funds. Showed the process of development of a network of mobile libraries and carry of the books aimed at increasing the readership of rural libraries. In this context, it demonstrates the value of reviews of cultural and educational institutions, and the month of the book. Revealed the content side and the subject of cultural and mass activity of library facilities. Provides the information on the formation of reader demand. On the basis of the presented data about the numerical growth of the readers, the varieties of readers' groups, the introduction of qualitatively new forms of cultural and mass work, the formation of stable interest to the life and work of the writers, in the article it concluded that the libraries played a significant role in the organization of cultural and leisure sphere of population 1950–1960.

REFERENCES

1. *The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)*. Fund 2329.
2. Lesokhina, V.S. (1968) *Rukovodyashchie materialy po biblioteknomu delu* [A Guidance on Librarianship]. 2nd ed. Moscow: Kniga.
3. The Council of Ministers of the Russian Federation. (1953a) *Resolution № 1565 of the Council of Ministers dated June 20, 1953, "On Approval of the Decision about the Ministry of Culture"*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30709>. (Accessed: 1st May 2016). (In Russian).
4. The Council of Ministers of the Russian Federation. (1953b) *Resolution № 425 of the RSFSR Council of Ministers dated April 25, 1953, "On the structure of the states and the central apparatus of the RSFSR Ministry of Culture and of the local authorities"*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23717>. (Accessed: 1st May 2016). (In Russian).
5. Central Department of Statistics. (1966) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1965 g.: Statisticheskiy ezhegodnik* [The national economy of the USSR in 1965: Statistical Yearbook]. Moscow: Statistika.
6. *The State Archives of Arkhangelsk Region (GAO)*. Fund 5790.
7. *The State Archives of Vologda Region (GAVO)*. Fund 4794.
8. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)* Fund A–501.
9. *The State Archives of Vologda Region (GAVO)*. Fund 635.

10. *Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI)*. Fund 2522.
11. *The State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO)*. Fund 5859.
12. Prygova, E.M. (2002) *Istoriya publichnoy biblioteki goroda Cherepovtsa: posvyashchaetsya 225-letiyu g. Cherepovtsa i 130-letiyu Tsentral'noy gorodskoy b-ki im. V.V. Vereshchagina* [The history of Cherepovets Public Library: Dedicated to the 225th anniversary of Cherepovets and the 130th anniversary of the Central City library]. Cherepovets: Poligrafist.
13. Likhanova, V. (1953) Po zayavkam chitateley [Upon readers's request]. *Pravda Severa*. 31st May.
14. Kurilov, S. (1965) Sokrovishchnitsa znaniy [Treasury of Knowledge]. *Pravda*. 19th January.
15. Kurilov, S. (1968) Na sluzhbe u mysli... [Serving the thought . . .]. *Pravda Severa*. 24th September.
16. Vorobieva, L.M. (1970) [From the history of the Vologda Regional Library]. *Proc. of the First Regional Conference of Librarians*. Vologda. pp. 3-12. (In Russian).
17. Fadeev, A. (1952) Peredvizhnye biblioteki v lesopunktakh i kolkhozakh [Mobile libraries in lumber camps and kolkhozs]. *Pravda Severa*. 6th January.
18. Prikhidnyy, S. (1953) Zabota o chitateleyakh [With care for readers]. *Pravda Severa*. 7th January.
19. Kotov, M. (1954) Chitateľ i nuzhdy rayonnoy biblioteki [The reader and the needs of the district library]. *Stalinskaya molodezh'*. 18th November.
20. *Department of documents of the social and political history of the State of Arkhangelsk Region (GAAO ODSPI)*. Fund 296.
21. Shchepotkin, A. (1962) Idut chitateli v biblioteku [Readers go to the library]. *Pravda Severa*. 3rd July.
22. Kessenikh, V. & Vaysman, I. (1952) Nuzhen reshitel'nyy perelom [We need a decisive turn]. *Bibliotekar'*. 10. pp. 14-19.
23. *The State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO)*. Fund 5932.
24. Kozhukhov, Yu. (1951) V biblioteke sela Semenovskoe [In the library of Semenovskoe]. *Pravda Severa*. 22nd June.
25. Ponomarev, B.S. (1982) *Literaturnyy Arkhangel'sk: Sobytiya, imena, fakty, 1920–1980* [The Literary Arkhangelsk: Events, names, facts, 1920-1980]. Arkhangel'sk: North-West Book Publ.
26. Klyuev, S. (1952) Chitateli obsuzhdayut knigu o Lomonosove [Readers are discussing the book on Lomonosov]. *Bibliotekar'*. 5. pp. 39-40.
27. Kirillova, E.A. & Zorina, K.P. (n.d.) *Kul'tura Vologdy, XX vek: Istoriya. Litsa. Sobytiya* [The Culture of Vologda, the 20th century: History. People. Events]. Vologda: Poligrafist.
28. Romanov, A. (2007) Narodnye korni literatury: iz istorii Vologodskoy pisatel'skoy organizatsii [The folk roots of literature: From the history of the Vologda writers' organization]. In: *Literaturnaya Vologda* [The Literary Vologda]. Vologda: Knizhnoe nasledie. pp. 461-483.
29. Pelevina, R. (1964) Dlya vas, chitateli oblastnoy biblioteki [For you, readers of the regional library]. *Vologodskiy komsomolets*. 5th May.
30. Soboleva, E. (1957) *Propaganda tekhnicheskoy literatury v Cherepovetskoj gorodskoy biblioteke* [Promotion of technical literature in the Cherepovets city library]. Vologda: [s.n.].
31. Poluyanov, I.D. (1956) *Biblioteka lespromkhoza i ee chitateli* [The library of the timber industry enterprise and its readers]. Arkhangelsk: Arkhangelsk Book Publ.
32. Mikhaylov, A. (1958) Literaturnyy Arkhangel'sk [The Literary Arkhangelsk]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 51-67.
33. Klyuev, S.V. (1950) *Cherevkovskaya rayonnaya biblioteka* [The Cherevkovo District Library]. Arkhangelsk: Arkhangelsk Regional State Publ.
34. Bogachev, P.M. (1959) *Ob otkrytom dostupe chitateley k knizhnym fondam bibliotek* [On the open access to the library book collections]. Arkhangelsk: [s.n.].
35. Garin, N. (1964) V stareyshey sel'skoy [The oldest rural]. *Krasnyy Sever*. 29th December.
36. Sergeev, N. (1960) V sel'skoy biblioteke [In the rural library]. *Pravda Severa*. 22nd November.
37. Shadkhan, Z. (1960) U knig – novosel'e [A housewarming for books]. *Pravda Severa*. 4th March.
38. Shchepotkin, A. (1962) Idut chitateli v biblioteku [Readers go to the library]. *Pravda Severa*. 3rd July.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(37)

DOI 10.17223/19988613/44/8

С.А. Вакулев

ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РИМА ВО II в. до н.э.

Рассматривается внешняя политика Римской державы во II в. до н.э. Именно в этот период отмечается стремительная экспансия Рима на эллинистический Восток. Хронологический период начинается с рубежа III и II вв. до н.э., который стал точкой отсчёта проникновения римлян на Восток, и заканчивается в 146 г. до н.э., когда пали основные средиземноморские державы того времени – Карфаген, Ахейский союз и Македония. Данный период вызывает неподдельный интерес историков, что и привело к появлению различных интерпретаций в западной историографии, анализ которых и дан в ключе развития основных событий того времени.

Ключевые слова: Римская республика; римский империализм; эллинизм; «divide et impera».

Могущество Рима состоит не в его военной мощи,
а в его способности разъединять противников.
Ганнибал, III–II вв. до н.э. [1. С. 329]

Целью данной работы является реконструкция формирования политики «divide et impera» во взаимоотношениях Рима с соседними державами во II в. до н.э. Именно второе столетие до нашей эры характеризуется феноменальным успехом Рима на восточном направлении. Поэтому возникает соблазн дать ему логическое обоснование. Задача данного исследования, учитывая существующую теоретическую историографическую базу, – проанализировать дипломатическую активность римлян в контексте формирования политики «divide et impera», а также дать объективную оценку происходящим на Востоке событиям. С момента написания Теодором Моммзеном знаменитого труда «Римская история» весь XX в. шла дискуссия о характере захватнической политики Римской республики, именованная «римским империализмом». Не потерял актуальности этот научный спор и сегодня. Поэтому в статье рассматриваются основные концепции природы римского империализма, а также проводится поэтапная реконструкция на основе источников внешней политики Римской республики во II в. до н.э.

Дипломатическая деятельность римлян может быть рассмотрена на основе письменных источников, как периода Республики, так и периода Империи. Одним из таких является «Всеобщая история» греческого историка Полибия [2]. Он был экстрадирован из Греции в качестве заложника в Рим, где образованный грек сблизился с семейством Сципионов, что позволило ему работать с документами римского Сената и быть очевидцем многих событий середины 50-х гг. II в. до н.э. Полибий старался объективно и беспристрастно подойти к анализу успехов римского оружия и дипломатии, ведя также параллельно рассказ о событиях, происходивших в других частях Ойкумены. Греческий историк был признан классиком уже в античное время, на него часто ссылались, что и позволяет восстановить

несколько утерянных книг. Некоторые выводы Полибия можно уже считать первыми попытками дать внятное объяснение успехам римлян на Востоке за столь короткий срок.

Следующий историк, чей труд заслуживает внимания, – Тит Ливий, написавший очень объёмный труд «История Рима от основания города» [3]. Тит Ливий жил в период правления Октавиана Августа, когда только устанавливалась имперская власть. Ливий был «оптиматом» – представителем аристократии, и представлял «сенатскую» интерпретацию событий, поэтому он даёт некоторым событиям и явлениям однобокую оценку. Особая же ценность Ливия в том, что он широко использовал сочинения других авторов, большая часть из которых до нас не дошла. Его данные и оценка событий очень ценны для анализа дипломатической составляющей римской внешней политики.

В работе широко использовалась «Римская история» египетского эллинистического историка Аппиана Александрийского, жившего на сто лет позже Полибия [4]. От «Римской истории» сохранилось лишь несколько книг, но эти немногие фрагменты позволяют восполнить пробелы в истории и восстановить утерянные данные из Полибия и Ливия. В частности, только у Аппиана мы найдём описание дипломатической подготовки Сирийской войны и политических перипетий войны между Нумидией и Карфагеном, приведших к падению последнего.

Следующих историков можно считать «имперцами» по убеждению. Таким представителем исторической мысли Античности следует считать Помпея Трога – современника Тита Ливия. Его труд до нас не дошёл, но существует конспект – эпитома, сделанный Марком Юстином в III в. н.э. [5]. Исследование Помпея Трога позволяет лучше ознакомиться с положением дел на Балканах и в Сирии, а также изучить ди-

пломатическую активность римлян на восточном направлении.

Небезынтересно мнение Аннея Флора, который в начале II в. н.э. составил эпитомы «Истории Рима» Тита Ливия [6]. Живший в эпоху наивысшего расцвета империи, он даёт свою оценку событиям, произошедшим во II в. до н.э.

Причины стремительной экспансии Рима во II в. до н.э. давно интересуют исследователей. Вследствие этого антиковедами выделены несколько гипотез. «Оборонительный империализм» – самая первая теория, долгое время остававшаяся основной в изучении истории римских войн. Основоположителем её является Теодор Моммзен [7]. Моммзен считал, что агрессия Рима против Македонии была продиктована лишь желанием обезопасить свои границы. «Лишь тупоумная недобросовестность в состоянии не признавать, что в то время (накануне второй римско-македонской войны) Рим вовсе не стремился к владычеству над государствами Средиземного моря и желал только одного – иметь в Африке и Греции безопасных соседей...» [Там же. Т. I С. 38]. Царство Селевкидов также представляло опасность, поскольку Антиох III восстановил державу почти в полном объёме и вряд ли собирался на этом останавливаться.

Теория Моммзена вдохновила антиковедов на дальнейшее изучение природы римского империализма. Следующая теория о причинах римской экспансии, которая возникла в зарубежной историографии, – «случайный империализм». Она прозвучала в исследованиях М. Кэри, М. Олло, Р. Эррингтона [8]. Её последователи считали, что благодаря уникальной международной внешнеполитической ситуации Римская республика просто воспользовалась ситуацией и «случайно» вмешалась в греческие дела. Причём эту теорию можно считать условной, поскольку она рассматривалась в контексте «оборонительного империализма».

Агрессивный империализм – сейчас наиболее популярная теория среди антиковедов. Её последователи, Э. Бэдиан, У. Харрис, Дж. Брискоу, считают, что римляне целенаправленно развязали конфликт с Филиппом и шаг за шагом продвигались к мировому господству [Там же. С. 44].

При всех преимуществах той или иной концепции следует сказать, что понятие «стратегия» как таковое во времена Античности ещё не существовало. Да и само понятие «внешняя политика» к Античности применять можно условно, поскольку этот термин появился гораздо позднее.

К началу III в. до н.э. Римская держава покоряет Италию. Взоры Сената обратились на Сицилию, плодородный и выгодно расположенный край. Это не могло не привести к столкновению с Карфагенской державой, которая тоже имела свои виды на этот остров. Исход этой войны, которая продлилась около 20 лет, несмотря на равенство сил, определила большая настойчивость и решимость римлян. Пунийцы попытались взять реванш,

что привело лишь к поражению и окончательному превращению Карфагена в страну «третьего мира».

Две войны были решены сражениями на поле боя – это был спор двух сверхдержав за первенство. Фактически Рим победил за счёт преимуществ в военной силе и большей выдержке, но в то же время это стоило больших потерь и затрат. В Италии начался аграрный кризис, который подорвал влияние демократических институтов на политику.

Однако мирное время для Рима продлилось недолго. К концу III в. до н.э. меняется внешнеполитическая ситуация на Востоке. Между державами диадохов после битвы при Рафии (218 г. до н.э.) установилось шаткое равновесие. Но вскоре Селевкидская империя во главе с не лишённым способностей Антиохом III восстанавливает свои силы, тогда как придворная камарилья, пришедшая к власти в Египте, подтачивала силы государства. Македония, хоть и потерпела ряд неудач в войнах с соседями, всё ещё оставалась мощным государством. Поэтому между Антиохом III и Филиппом V был заключён союз, подразумевавший раздел египетских владений.

Пергам и Афины отправили своих послов в Рим, чтобы любым способом вовлечь их в войну. Но и в самом Сенате уже созрели определённые настроения для новой войны. Создание мощного государства у своих границ не было на руку римлянам. Почти все античные историки говорят о недовольствии Сената политикой Филиппа V, его поддержкой Ганнибалу. Не могли забыть и Первую Македонскую войну. Римский разведчик, посланный в Македонию, доносил о могуществе и призывал начать войну, пока не стало слишком поздно [3. Т. 3. С. 3]. «Римляне после победы над пунийцами и Ганнибалом не опасались никаких других военных больше, чем македонских, памятуя, какое волнение произвёл в Италии Пирр со своим небольшим македонским отрядом, и какие подвиги совершили македоняне на Востоке» [5. С. 366].

Сенат санкционировал отправку своих послов в Грецию. Римляне хотели выступить защитниками эллинистических интересов и в то же время попытались стать посредниками в конфликте между греками и Филиппом, предлагая последнему заведомо неприемлемые условия. Македонский царь отверг их ультиматум, и сенатские послы отправились дальше, ко двору селевкидского царя.

Здесь римляне виртуозно сыграли на противоречиях и алчности, имевших место быть в лагере наследников диадохов. Сенат пообещал Антиоху невмешательство в селевкидско-египетский конфликт, а взамен – нейтралитет на время войны с Филиппом V. Таким образом, перспективный и опасный альянс был разрушен одними лишь обещаниями.

Полностью осуществить свой план – создать всегреческую коалицию – римлянам не удалось – греки заняли выжидательную позицию. И лишь после ряда поражений Филиппа к союзу, правда не без некоторых

колебаний, примкнули все значительные государства Эллады [9. С. 43].

Решающее сражение произошло в 197 г. при Киноскефалах. Филипп потерпел сокрушительное поражение. Римляне поступили мудро, предложив царю мягкие условия мира – надвигалась война с Антиохом III. Сенат всерьёз опасался селевкидского царя. В Риме ходили слухи о могуществе и богатстве его державы, а самого царя сравнивали с Александром Македонским. Уже при жизни Антиох получил прозвище «Великий».

Следующим шагом римлян стало закрепление на Балканах, где положение было весьма непрочным. Но завоевать симпатии греков оказалось куда проще. Греческие полисы устали от постоянных и бесцеремонных вмешательств македонских царей. И к тому же, чтобы помешать Антиоху III сплотить население Греции против Рима, Сенат издал эдикт, по которому Греция становилась независимой и свободной от податей и вражеских гарнизонов [Там же. С. 48]. Но это был лишь дипломатический трюк. Греция всё больше и больше становилась политически зависимой от Сената. Римские купцы и ростовщики начали подчинять себе весь рынок, опутывая местное население долговой кабалой, и прибирать к своим рукам ремесло и торговлю.

«По некоей случайности Азия тотчас же стала на место Македонии, и царя Филиппа заменил Антиох, словно у фортуны был умысел, чтобы империя продвигалась сначала из Африки в Европу, а потом – из Европы в Азию» [6. С. 129]. Так рассуждает в начале своей книги о причинах войны с царством Селевкидов римский историк Анней Флор. Ливий, на которого ссылался Флор, считает, что благодаря удачному стечению обстоятельств не пришлось воевать сразу с двумя царями ещё раньше: «В своё время Пуническая война закончилась как раз вовремя, чтобы не пришлось одновременно воевать и с Филиппом; но ещё удачнее вышло, что Филипп был уже побеждён к тому моменту, как в Сирии начал войну Антиох. <...> врагов и вообще легче одолевать поодиночке, чем, когда они соберут силы воедино <...>» [3. Т. 3. С. 88]. Разноречивая оценка практически в одном и том же труде объяснима тем, что в эпоху Ливия мыслили ещё республиканскими категориями, фактически агрессивный стиль внешней политики не до конца сформировался у только нарождающийся империи, тогда как во времена Флора Римская держава переживает апогей своего могущества и достигает максимального расширения. Но, так или иначе, в ходе войны с Сирией Филипп V, недавно ещё враг римлян, оказал им помощь, чем заслужил благодарность Сената и разрешение захватить некоторые территории Этолийского союза [5].

Антиох не смог одержать победу над римлянами и потерпел сокрушительное поражение. В 189 (190) г. война закончилась подписанием в 188 г. Апамейского мира, положившего конец Селевкидскому господству. Сирийская война стала переломным моментом в истории Античности. Последняя сильная эллинистическая держава была повержена.

Уже никто не мог помешать римлянам устраивать свой «миропорядок» на Востоке. Были значительно усилены Родос и Пергам, полностью преданные Риму, как противовес Македонии и Сирии. Для сдерживания Филиппа были усилены Ахейский союз и «прощён» Этолийский. Все эллинистические державы были серьёзно ослаблены. Больше всего потерял Египет, который и запросил помощи у Сената, – Птолемеи потеряли все свои Балканские территории.

В Греции же Рим перешёл к политике формирования проримских группировок в демократических институтах. Ставка была сделана на имущие слои населения. В Ахейский союз пришёл верный Сенату стратег Калликрат.

После разгрома главных своих противников Рим стремится занять в Малой Азии положение третейского судьи. Все серьёзные решения по региону принимались теперь не правительствами малоазийских государств, а в римском Сенате. Чтобы стать царём, отныне требовалось «благословение» сенаторов. Рим запретил вести в Малой Азии крупные войны, а все агрессивные действия могли быть обжалованы в Сенате. Проводя политику «умиротворения», римляне опирались на группу многим обязанных им государств – Пергам, Родос и Каппадокию, которые после Сирийской войны попали в орбиту Рима и стали проводниками его влияния на Востоке [10. С. 347].

Римляне выступали посредниками в вифино-пергамской и понтийских войнах. Главной победой римской дипломатии античные авторы Ливий и Полибий называют историю Антиоха IV, который в новой войне с Египтом почти уничтожил страну фараонов. Сенат был вынужден вмешаться, и посланник Сената Гай Попиллий очертил круг вокруг царя, сказав, что не выпустит его, пока тот не даст положительный ответ [3. Т. 3. С. 528]. Но и в отношении Египта Сенат придерживался политики искусственного поддержания распрей. «Понимая огромную силу Египта, римляне боялись, как бы он, получив искусного правителя, не предъявил неумеренных притязаний» [2. Т. 2. С. 361].

Единственным государством, которое могло бросить вызов Риму на Востоке, оставалась Македония. Новый царь, Персей, пытался заручиться поддержкой греков, ведя демагогическую политику, призывая восстать против Рима, но «оптиматы» уже были полностью на стороне Рима, и успеха македонский царь не сыскал. Новому царю не удалось изменить ход истории – потерпев сокрушительное поражение, он стал свидетелем, как Македония была поделена на четыре не связанные между собой части. По мнению Полибия, именно после этого Рим стал активно вмешиваться в дела других государств [Там же. Т. 3. С. 121].

Теперь, когда последний серьёзный соперник был уничтожен, настал черёд союзников. У Родоса были отняты территории и торговые привилегии – главным портом стал беспопыльный Делос. Пергаму чинили всевозможные препятствия, что в итоге привело к по-

тере им независимости в 133 г. до н.э. Ахейский союз, который оставался сильнейшим государственным образованием на Балканах, постоянно дестабилизировался внутренними противоречиями, которые охотно раздувал римский Сенат.

Создаваемый римлянами баланс оказался иллюзорным. В Греции и Македонии началось антиримское восстание, Карфаген попытался сопротивляться принудительному переселению, в Испании местные племена во главе с Вириатом создали угрозу римскому господству на Пиренеях. Только тогда римляне перешли к захвату и освоению провинций. Из Македонии и Греции была создана одна провинция, Аттал III завещал своё царство римскому народу, Карфаген был уничтожен, а его земли включены в провинцию Африка.

Как и отмечалось ранее, римляне, которые начали свой путь к мировому могуществу с войн с Македонией и Сирией, вряд ли были движимы одной лишь жадностью завоеваний. Не стоит забывать, что только что закончилась тяжелейшая война с Карфагеном. Аппиан, Ливий говорят о страхе перед Македонией, сравнивая Филиппа с Пирром. Столкновения с Пирром показали эффективность греческой военной тактики, которая не потеряла актуальность и во II в. до н.э., — македонская фаланга едва не сокрушила римлян в битве при Пидне (168 г. до н.э.). Ещё больше муссировались слухи о могуществе Селевкидского царства во главе с «новым Александром» — Антиохом III Великим, что повлекло со стороны римлян определённые действия. Не стоит забывать и действия посольств Ахейского союза и Пергама, которым жизненно необходимо было вовлечь Рим в свою коалицию. Создание на рубеже своей границы мощной коалиции эллинистических государств вряд ли входило в планы римлян. Благо для римлян, что противоречия были настолько сильны среди держав диадохов, что даже перед лицом военной опасности их вожди не смогли найти в себе силы для отпора Риму, хотя располагали всеми силами для этого.

Пропаганда, как эффективный способ создания выгодной ситуации, тоже имела место быть в дипломатических приёмах римского Сената. Если во Второй Македонской войне римляне использовали лозунг «освобождения Греции» от Филиппа V, то в Малой Азии внешняя политика проводилась под лозунгом защиты «слабых от сильного» [11. С. 282]. Во время Второй Македонской войны римляне использовали исторически сложившиеся разногласия внутри греческого мира, умело настраивая одних греков против других. В Сирийской войне римляне сами сформировали оппозицию Антиоху, пользуясь его даже небольшими ошибками и раздавая обещания.

На Востоке Сенату было выгодно создавать и поддерживать баланс между основными державами,

ослабляя их и создавая им противовес. Присоединять эти территории не было выгодно, поскольку создаваемые ими державы были не свободны в политическом отношении, но в то же время служили «буфером» от остальных, пока ещё не вошедших в соприкосновение с Италийской республикой. Тогда только нарождались Пергам, Персия и Армения. К 146 г. до н.э. нужда и в буферных государствах отпала.

Вскоре к власти в Сенате пришла партия Метеллов, которая прославилась своей жадностью и провальностью внешней политикой. На их правление приходится ряд дипломатических неудач, что фактически откатило Рим обратно, к той же политике, что предшествовала экспансии на Восток. Кризис показал неумение Сената руководить разросшейся империей. Римляне вернулись к этой тактике в I в. до н.э., когда схожими методами Помпей разгромил Понтийское царство и присоединил Сирию на правах провинции, а Цезарь в короткий срок захватил Галлию, но это были уже последние успешные войны угасающей республики.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: во II в. до н.э. римская внешняя политика «ковалась» под влиянием совокупности факторов. Международная обстановка второго столетия до н.э., когда появилась опасность со стороны эллинистических государств, т.е. возможное повторение «сценария» войн с Ганнибалом и Пирром, чего римлянам вряд ли хотелось. Слухи о могуществе эллинистических государств подогревались Пергамом и Египтом, которым было необходимо привлечь Рим на свою сторону. В этих условиях Рим не мог не вмешаться в греческие дела и не мог избежать столкновений с Филиппом и Антиохом. Поэтому характерной чертой римской внешней политики во II в. до н.э. стала гибкость и комбинация дипломатических приёмов, которая и позволяет говорить о «продуманной» политике римского Сената. «Divide et impera» сформировалась, в первую очередь, как ответ на внешние угрозы, для предотвращения создания антиримских коалиций и создания у своих границ враждебного государства.

Таким образом, Рим просто отвечал на внешние угрозы. Ключевыми маркерами процесса формирования этой политики стали усиление государств, которые были антагонистами ключевым игрокам — Сирии, Египту и Македонии, и одновременно ослабление последних. Но и чрезмерное усиление не приветствовалось и Сенат чинил всевозможные препятствия. На Востоке Рим пытался сформировать цепочку подконтрольных государств, создав некое подобие баланса, и Сенат активно вмешивался в любой локальный конфликт между таковыми странами, не давая уничтожить или чрезмерно ослабить. И только лишь после уничтожения Карфагена и Коринфа Рим перешёл к освоению и присоединению территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разин Е.А. История военного искусства. XXXI в. до н.э. — VI в. н.э. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 560 с.
2. Полибий. Всеобщая история : в 2 т. М. : АСТ, 2004.

3. Ливий Тит. История Рима от основания города. М. : Наука, 1991.
4. Аппиан Александрийский. Римская история. М. : Наука, 1998. 726 с.
5. Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 493 с.
6. Флор Анней. Две книги Римских войн // Малые римские историки ; сост. А.И. Немировский. М. : Ладомир, 1996. С. 91–199.
7. Моммзен Т. История Рима : в 4 т. Ростов н/Д : Феникс, 1997. Т. 1. 640 с.
8. Кашеев В.И. Первая римско-македонская война в интерпретации английских и американских антиковедов // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 7. С. 41–50.
9. Кашеев В.И. Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья // Античный мир и археология. Саратов, 1986. Вып. 6. С. 42–57.
10. Ковалёв С.И. История Рима : курс лекций. СПб. : Полигон, 2002. 864 с.
11. Международные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / под ред. И.А. Стучевского. М. : Наука, 1987. 317 с.

Vakulev Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vakulevs@gmail.ru

FEATURES OF THE EASTERN POLICY OF ROME IN II C. A.D.

Keywords: Roman Republic; roman imperialism; hellenism; “divide et impera”.

The aim of this work is to reconstruct the formation of policy “divide et impera” in relationship of Rome with neighboring powers in the 2nd century B.C. This era is noted by a triumphal entry of the Roman Republic to the world scene, ended with submission of the Hellenistic East. When studying this subject works of antique historians, such as Polibi, Tit Livy, Appian of Alexandria, Yustin and Annaeus Florus were actively applied (used). In the article the short review is given to the main concepts, characterizing foreign policy of the Roman power – a “defensive”, “aggressive” and “accidental” imperialism. In the article the short review of the main methods of carrying out in life of the well-known principle “divide and dominate” (“divide et impera”) is given. Two Punic wars showed Rome the inefficiency of direct military collision with the strong power alone. For this reason, preparation for war and creation of the coalitions became company line of Rome. For Antiochus did not “get” the Greek sympathy, Romans “freed” Greece. Exile of the Hellenistic powers from the Greek world allowed Rome to create groups of the pro-Roman influence of the most loyal citizens. Being afraid of appearance of the powerful rival, the Senate strengthened the small states for a counterbalance to the powerful Hellenistic states. Creation of balance was a main goal of Rome on east direction. After destruction of Macedonia, in Rome certain aggressive moods among the large capital, which were represented by Kato the Elder, ripened. Taught by bitter experience of semi centennial opposition with Carthage, Rome avoided more wars of attrition, following what cunning foreign policy activities for prevention of the large conflicts appeared. Thereof, Romans in every possible way counteracted strengthening of rivals, whether it was Egypt, Macedonia or the Seleucid Empire. The Italic state created new players for counteraction to kingdoms of successors of Diadochi. Therefore, accession of new provinces was not in the plans of the Senate. Eternal dissociation of Greece, discord in the camp of Diadochi favored to Romans. Only with “divide et impera” and with arrival to the power of usurers and slaveholders, the Roman republic began to attach new lands in Greece and Asia Minor.

REFERENCES

1. Razin, E.A. (1999) *Istoriya voennogo iskusstva. XXXI v. do n.e. – VI v. n.e.* [The history of the art of war. The 31st BC – 6th BC]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Polybius. (2004) *Vseobshchaya istoriya: v 2-kh t.* [The General History of Polybius. In 2 vols]. Moscow: AST.
3. Titus Livius. (1991) *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [The history of Rome from the founding of the city]. Moscow: Nauka.
4. Appian of Alexandria. (1998) *Rimskaya istoriya* [The Roman history]. Moscow: Nauka.
5. Yustin. (2005) *Epitoma sochineniya Pompeya Troga “Historiae Philippicae”* [Epitome of Pompey Trogus’ “Historiae Philippicae”]. Translated from Latin by A.A. Dekonsky, M. I. Rizhsky. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Annaeus Florus. (1996) *Dve knigi Rimskikh voyn* [The two books of the Roman wars]. In: Nemirovskiy, A.I. (ed.) *Malye rimskie istoriki* [Small Roman historians]. Moscow: Ladimir. pp. 91-199.
7. Mommzen, T. (1997) *Istoriya Rima: v 4-kh t.* [History of Rome. In 4 vols]. Vol. 1. Rostov-on-Don: Fenisk.
8. Kashcheev, V.I. (1990) *Pervaya rimsko-makedonskaya vojna v interpretatsii angliyskikh i amerikanskikh antikovedov* [The first Roman-Macedonian War in the interpretation of the English and American antiquity researchers]. In: Borukhovich, V.G. (ed.) *Antichnyy mir i arkhеologiya* [The ancient world and archeology]. Issue 7. Saratov: Saratov State University. pp. 41-50.
9. Kashcheev, V.I. (1986) *Lozung osvobodzheniya grekov v mezhdunarodnykh otnosheniyakh Vostochnogo Sredizemnomor'ya* [The slogan of the Greek liberation in the international relations of the Eastern Mediterranean]. In: Borukhovich, V.G. (ed.) *Antichnyy mir i arkhеologiya* [The ancient world and archeology]. Issue 6. Saratov: Saratov State University. pp. 42-57.
10. Kovalev, S.I. (2002) *Istoriya Rima* [The History of Rome]. St. Petersburg: Poligon.
11. Stuchevskiy, I.A. (ed.) (1987) *Mezhdunarodnye otnosheniya i diplomatiya na Drevnem Vostoke* [International relations and diplomacy in the Ancient East]. Moscow: Nauka.

УДК 94"04/15":321.011
DOI 10.17223/19988613/44/9

Д.С. Митюрёва

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙ Ж. БОДЕНА В ТРАКТАТЕ Д. УИРА

Проводится сравнительный анализ некоторых сюжетов, затронутых в работах французского юриста Жана Бодена и английского антиквара Дегори Уира. В период формирования национальных государств и национальной идентичности становятся актуальными вопросы об исторических корнях, которые выливаются в дискуссии об отношении к прошедшим эпохам. По политическим трактатам представителей разных стран можно сделать вывод о том, как политическая конъюнктура влияла на историописание.

Ключевые слова: национальное историописание; абсолютизм; антикваризм; суверенитет.

Юридическое оформление неписанных правовых норм, процессы трансформации социальных структур и общественных отношений, происходившие в раннее Новое время, вызвали увеличение интереса к истории и историческим сочинениям прошлых эпох. Отчасти это было связано с популяризацией гуманистами античного наследия, отчасти с формированием новой идентичности и связанным с ним поиском национальных корней. Лондонские антиквари, нередко демонстративно противопоставлявшие свои методы изучения прошлого континентальным традициям, органично вписывались в общеевропейское увлечение эрудитскими штудиями. Более того, изучение ранних периодов истории Британии, прежде всего эпохи римского господства, побуждало их к знакомству с сочинениями континентальных гуманистов [1. С. 9]. Библиотека Роберта Коттона, находившаяся в его особняке и служившая местом встреч ученых-антиквари, юристов и политических деятелей, содержала, помимо обширной коллекции книг и трактатов, экземпляры многих старинных манускриптов.

Свой интеллектуальный вклад в эти рассуждения внес и первый профессор истории в Оксфорде Дегори Уир. Трактат Дегори Уира «О природе и способе чтения истории» содержит обоснование самостоятельности истории как дисциплины, имеющей свой метод и использующей рациональные методы познания. Исторические произведения, а также методические рекомендации по их составлению и прочтению, как правило, отражают соответствующую времени появления политическую обстановку. Учитывая, что данное сочинение было написано в период политической нестабильности и регулярных дискуссий о праве, интересно посмотреть, как в нем отразилась идейно-политическая конъюнктура времени.

Современные историки не часто используют имя Дегори Уира в своих исследованиях. Большинство сообщений ограничиваются упоминанием о занимаемой им должности и о его трактате «О природе и способе чтения истории». Короткие мнения о его деятельности разделились. Чаще встречаются негативные комментарии относительно его работы. Британский

академик Генри Стюарт Джонс, в 1920–1927 гг. занимавший пост профессора древней истории в Оксфорде, написал историю этой должности. Он назвал сочинение Уира компиляцией, «совершенно без заслуг», потакавшей тенденциям современной политики [2]. Канадский историк Даниэль Вульф, составивший обзор историописания с древних времен до конца XX в., характеризует его как эрудированного классика, но «скучного педагога, который продолжал монотонно бубнить до своей смерти в 1647 г.» [3. Р. 329]. Однако следует обратить внимание на то, что современники Уира проявляли интерес к его сочинению. Между 1623 и 1710 гг. трактат был переиздан по меньшей мере 6 раз в латинской редакции (Oxford 1623, 1625, 1637, 1662; Cambridge 1664, 1684) и 4 раза в английском переводе (London 1685, 1694, 1698, 1710). Английский антиквар и автор оксфордских биографий Энтони Вуд писал о Уире как об «ученом и благородном человеке» [4. Р. 216].

За полвека до публикации сочинения Уира во Франции появился трактат Жана Бодена «Шесть книг о государстве», повлиявший на преобразование и становление политической науки во всей Европе. Трактат Бодена «Метод легкого познания истории» был написан еще на 20 лет раньше – в 1566 г. Эти работы демонстрировали сочетание эрудированности, исторического мышления и, главное, политически-практического склада ума их автора. Частота появления имени Жана Бодена в сочинениях английских мыслителей предреволюционного периода позволяет говорить о некоторой рецепции его идей в Англии. Однако это утверждение требует уточнения в случае с каждым конкретным автором. Важно понять, почему в некоторых сюжетах для Дегори Уира принципиально обратиться за аргументами именно к Бодену при наличии огромного массива политической литературы на эту же тему, написанной его соотечественниками. В данном сравнительном исследовании, несмотря на то что вклад Дегори Уира в становление истории как науки отрицать нельзя, его сочинение, так же, как и труды Бодена, будет рассмотрено в первую очередь как ответ на современные автору политические события.

Систематическое изучение тематики сообщений источника может многое сказать о самом источнике, о цели его создания, о картине мира и системе приоритетов его автора. Выявление сходств и различий между кругом событий, фиксировавшихся английскими и французскими авторами, может помочь лучше понять взаимодействие двух политических, и даже культурных, традиций, в ходе которых происходила кристаллизация новых общеевропейских понятий и властных институтов. Исследование рецепции в данном контексте предполагает не столько отображение того, как английским мыслителем воспринимались идеи Бодена, сколько анализ того, как эти идеи видоизменялись в его политико-правовых построениях.

В рамках данной статьи, в первую очередь, хотелось бы обратить внимание на два сюжета, в которых Уир дает ссылки на трактаты Бодена, а также комментирует его позицию, что встречается далеко не у всех английских авторов. Например, у таких авторов, как Джон Хейворд, Ричард Гукер, Уильям Принн, Джон Спелмен, Боден выступает лишь в качестве символа сильной монархической власти. Следует отметить, что, несмотря на очевидную параллель с трактатом Бодена «Метод легкого познания истории», работа Уира содержит идеи и из сочинения «Шесть книг о государстве». Это в очередной раз косвенно подтверждает содержание политической идеологии в рассуждениях о предмете и задачах истории, высказанных Уиром.

Первый сюжет связан с отношением Дегори Уира к теории четырех монархий [5. Р. 26–32]. Во втором сюжете содержится рекомендация относительно того, к каким авторам следует обращаться при изучении римской истории [Ibid. Р. 82–84].

В третьем параграфе первой главы Дегори Уир коротко рассказывает о теории четырех монархий, в основе которой лежит идея провиденциальной связи и преемственности великих цивилизаций. Периодизация истории по четырем монархиям в формулировке библейского автора пророка Даниила и посредством его комментатора св. Иеронима стала, по выражению немецкого историка Трибера, «краеугольным камнем исторического мировоззрения на протяжении всего средневековья» [6. С. 121].

В начале своих рассуждений Уир указывает на то, что Боден, будучи ученым человеком, ошибается, утверждая, что «знаменитое разделение царств старого мира на четыре монархии было придумано современной властью и скучной самонадеянностью некоторых поздних писателей» [5. Р. 30]. Здесь Уир не вполне точно передает слова Бодена, который, действительно критикуя теорию четырех монархий, пишет: «Долгое время господствовала ошибочная идея о четырех монархиях, получившая известность через авторитеты великих людей, которые ищут причины ее появления в столь давних временах, что теперь ее развенчание представляет трудности» [7. С. 260]. В основе этой авторской позиции – реалии современной ему политиче-

ской ситуации. В XVI в. эта концепция пользовалась большой популярностью у немецких мыслителей – Мартина Лютера, Филиппа Меланхтона, Иоганна Слейдана. Актуализация данного концепта связана с тем, что события Реформации и Крестьянской войны произвели коренной переворот в истории Германии, который привел в действие механизм становления национального государства, а также вызвал появление первых серьезных попыток обоснования существования Германской империи. В этом контексте задача Бодена заключалась в том, чтобы разрушить претензии германских государств на право носить статус империи на основании утверждения преемственности Римской и Германской империй. По мнению Бодена, именно по отношению к Галлии, которая раньше всех узнала слово «монархия» и достигала на всех этапах развития большего расцвета, чем Германия, справедливо было бы использовать это определение [Там же. С. 263].

Также Боден, в отличие от Уира, считающего, что римляне подняли свою империю до такой высоты, что «ни нынешний век, ни последующие века никогда не будут в состоянии превзойти их» [5. Р. 32], придерживается теории прямолинейного прогрессивного движения человечества. Он утверждает, что современное ему общество идет по пути избавления от жестокости и варварства, склоняясь к утонченности нравов и нормам, установленным обществом [6. С. 264]. Однако современные Бодену события свидетельствуют о не объективности автора: кровопролитные войны между католиками и гугенотами, на фоне которых складывалось мировоззрение Бодена, отличались невероятной жестокостью с обеих сторон. Общество времен гражданских войн неправомерно характеризовать как гуманное, однако Боден апеллирует к идеалам, которые были созданы деятелями эпохи Возрождения.

В Англии также были актуальны разговоры о римском прошлом. Дегори Уир включается в эту полемику интеллектуалов раннего Нового времени о том, были ли древние римляне и греки в культурном отношении более развиты, чем их современники. Автор выражает большее уважение к периоду римского завоевания Британии, чем его коллеги-современники. Чтобы лучше понять данную авторскую позицию, рассмотрим второй сюжет.

Шестнадцатый параграф I главы сочинения Дегори Уира открывает серию рассуждений о том, каких авторов и в какой последовательности надо читать при изучении римской истории. Первое место по точности и качеству изложения Уир отдает Дионисию Галикарнасскому. Ссылаясь на третью книгу «Шести книг о государстве», он пишет, что Жан Боден подтвердит его мнение [5. Р. 84].

Необходимо сразу отметить, что у Бодена тоже был рекомендательный список источников для изучения прошлого, анализ которого показывает, что история для него выступает основанием для построения политических теорий. Например, обращение к византий-

ским хронистам Агафию Миренейскому и Георгию Кедрину происходит на волне решения конкретного политического вопроса о наследовании престола в эпоху религиозных войн во Франции, когда власть королей из династии Валуа оспаривалась представителями различных политических группировок. Боден обращается за доказательствами своего тезиса к свидетельствам греческих авторов, рассуждая о политическом строе франков [8. С. 249–250].

Что касается Дионисия Галикарнасского, Жан Боден действительно часто обращается к нему и в «Метод», и в «Шести книгах», прежде всего когда дает определения правовым терминам, восходящим корнями к римской правовой традиции [9. Р. 121, 332–333, 393, 835]. Он пишет, что Дионисий Галикарнасский наряду с Полибием, Плутархом, Дионом, Тацитом далеко продвинулся в деле сопоставления всех существующих законов с целью создания наилучших [7. С. 135]. Боден отмечает, что Дионисий Галикарнасский доказательно и правдиво писал о римской истории.

Таким образом, оба сюжета объединяет одна идея – вопрос о римском прошлом и о том, в каком свете его представлять. Скорее всего, задача этих сюжетных линий заключается в формировании исторической памяти. В этот период появлялось достаточно много сочинений, авторы которых имели своей целью создание национально ориентированной истории. Мифологизированная традиция английских авторов восходила к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Она предполагала, что государственность и законы Англии были созданы бриттами и являются древнее любых конституций и законов римских императоров [10. С. 41–42]. Часть историков права и не пыталась оспаривать в своих сочинениях эти символы национальной гордости. По их версии, в Англии использовали право древнее римского, и христианство приняли раньше, чем в Римской империи. Согласно позиции большинства английских историографов, в исторической памяти Рим не должен был восприниматься единственной великой империей древности. Таким образом, активно формировавшиеся национальные претензии англичан порождали «конкуренцию» с Римской империей.

В отличие от ренессансной традиции восприятия прошлого, лишенного историзма, новое поколение историков, и историков права, в частности было намерено реконструировать ранние периоды истории Британии, следуя критическому подходу к историческим источникам, не допускающему пристрастных суждений и политической ангажированности. Благодаря деятельности антикваров и их тезису о необходимости очищать исторические труды от невероятных мифов и поэтических выдумок начинает распространяться другая интерпретация прошлого Британии. Культ исторического факта обязывал представителей антикварного сообщества критически относиться к легендарным свидетельствам. Для Дегори Уира Рим являлся воплощением могущества монарха. Однако его коллегами это

было воспринято как признание подчинения римскому господству, что, с их точки зрения, наносило удар по национальной гордости англичан. Да и «Римские древности» Дионисия Галикарнасского, расхваливаемого Уиром, не содержат никаких сведений о легендарном Бруте. Уир здесь выступает продолжателем традиции, заложенной Уильямом Кэмденом.

Тем не менее границы этой «объективной» истории у Дегори Уира не были устойчивыми. Некоторые исследователи отмечали, что он был хорошим автором стихов на латинском языке в случаях, требовавших лояльных настроений и формальных комплиментов [2]. Он, безусловно, тоже проводит некоторые параллели между событиями римской истории и современными ему политическими реалиями, подчиняя свой текст определенной задаче. Некоторые политические взгляды очевидны в его изложении. Со ссылкой на самый ранний период римской истории Уир одобрил необходимость присутствия сильного правителя в государстве, гарантирующего сохранение порядка в обществе, а затем он объясняет, что удержание власти несовместимо со стремлением народа к свободе. Уир планомерно проводил идею о верховенстве закона. Обсуждая природу монархии в своем трактате, он писал, что Бог создал эту форму правления, чтобы люди руководствовались законом, справедливостью и послушанием [5. Р. 38].

История в этот период неотделима от истории монархии, и избежать обзора проблем, связанных с монархической властью, было сложно. Из этих и других сюжетов вытекают вопросы об определении сущности монархии, полномочий государя и легитимности существующих институтов власти. Современные исследователи отмечают, что когда антиквари рассуждают о «ремесле историка», они оперируют терминами, которые очень напоминают те, что используются при рассуждениях о сути и функциях монархической власти: и монарх по отношению к своей стране, и историк по отношению к прошлому выполняют сходные функции: творят реальность путем ее упорядочивания [1. С. 121–123].

Таким образом, оба автора используют историческую мифологию в качестве аргументов для подтверждения своей политической концепции, хотя подобное обвинение предъявляют своим политическим и идейным оппонентам. Сходство политической ориентированности авторов позволяет предположить, что Дегори Уир подчерпнул некоторые идеи в трудах Жана Бодена. Или, по меньшей мере, в его текстах он нашел подтверждение своей, возможно уже сформировавшейся, позиции. Эти рассуждения были основой всей европейской науки того времени.

Задаваясь вопросом о том, к каким сюжетам обращались авторы сочинений, можно понять, в рамках каких культурных и интеллектуальных традиций прошлого они чувствовали себя комфортно. Представляется очевидным, что в актуализации исторических сюже-

тов, их подборе и трактовке отражаются социальные и политические запросы общества. Соответственно сравниваемые писатели, так или иначе связанные с деятельностью двора и парламента, несмотря на любые декларации о необходимости исторической объективности, не могли оставаться в стороне от обсуждения явлений и процессов, связанных с современной им действительностью. Таким образом, актуализация изложенных сюжетов связана прежде всего с необходимостью осмысления вопросов о форме управления государством.

Процессы, происходившие в формировании исторической науки, в Англии и на континенте были схожими, хотя англичане и настаивают на своей оригинальности в этом вопросе. В.В. Высокова отмечает, что работа Уира по сути была близка к эрудитской традиции континентального историописания [11. С. 124]. Рассмотренные сюжеты являются вполне типичными для английских интеллектуалов, однако широта и противоречивость сохранившихся свидетельств о прошлом позволяла каждому интерпретировать их в рамках своих представлений. Для Дегори Уира признание преемственности Римской и Английской «империй», с одной стороны, и создание параллелей между ними, с другой, не было оппозицией официальной историографической линии, а наоборот, должно было способствовать поднятию авторитета королевской власти. В этот период

политические деятели очень хорошо понимали, что никакая власть не может сохраняться в течение длительного времени без создания и укрепления мощных символических оснований своего режима.

Надо отметить, что именно в этом русле стало использоваться его сочинение в начале 1680-х гг., когда его начал переиздавать и комментировать Эдмунд Бохун, один из самых видных сторонников политики Карла II, защитник прав короны и противник доктрины сопротивления власти государя [12. Р. 32–33].

Не случайно Уир именно в вопросах, касающихся периода римского владычества на острове, ссылается на Бодена. Он строит свои аргументы аналогично тому, как Боден проводит параллели между Римом и современной ему Францией. Для них обоих «отождествление» современного государства с Римской империей приравнивается к утверждению о необходимости сильной власти. Для Уира в условиях существующей оппозиции важно сослаться на Бодена, в трудах которого проводится воспроизведение выработанного римской государственностью понятия *respublica* и концепция верховной власти монарха. И хотя его стремление выстроить государственную систему вокруг сильной фигуры короля сейчас очевидно, его учение было воспринято королевским домом Валуа с враждебностью. В этом сходство судеб многих политических писателей и их сочинений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестuartовской Англии. СПб., 2013.
2. The Foundation and History of the Camden Chair: lecture by Prof. H. Stuart Jones, 1922.
3. Woolf D.R. The Idea of History in Early Stuart England: Erudition, Ideology and the «Light of Truth from the Accession of James I to the Civil War». Toronto, 1990.
4. Wood A.A. Athenae Oxonienses. L., 1817. Vol. III.
5. Wheare D. The method and order of reading both civil and ecclesiastical histories... L., 1685.
6. Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры. Новосибирск, 2002.
7. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.
8. Баязитова Г.И., Митурёва Д.С. Источники знаний о прошлом в произведениях Жана Бодена: взгляд на историю в эпоху религиозной смуты // Переходные периоды во всемирной истории: трансформации исторического знания. М., 2012.
9. Bodin J. Les six livres de la République. P., 1579.
10. Кондратьев С.В. Антикваризм и юнионизм Джорджа Салтерна // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 14, № 8.
11. Высокова В.В. Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015.
12. The historical imagination in early modern Britain. History, rhetoric, and fiction, 1550–1800 / ed. by D.R. Kelley, D.H. Sacks. Cambridge, 1997.

Mityuryova Daria S. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: dmiturova@yandex.ru

ON THE QUESTION OF CONTINUITY OF IDEAS OF JEAN BODIN IN A TREATISE BY DEGORY WHEARE.

Keywords: national history; absolutism; antiquarian; sovereignty.

The aim of the article is to identify the mechanisms by which the political situation of different countries formed the historiography of early modern times. In particular, the article attempts to show how the political debate influenced the concept of history of Degory Whear. The article presents a comparative analysis of some subjects raised in the works of French jurist Jean Bodin and English Antiquaries Degory Whear. The main sources of the research are two treatises of Jean Bodin “Methodus ad facilem historiarum cognitionem” (1566) and “Les six livres de la République” (1576) and a treatise of Degory Whear “De ratione et methodo legendi historias (The Method and Order for Reading both Civil and Ecclesiastic Histories)” (1623). During the formation of national states in Europe it was especially important to study and analyze historical works. The intellectual contribution to this discussion has made Degory Whear. The treatise “The method and order of reading both civil and ecclesiastical histories” provides a rationale independence history as a discipline that has its own method and using rational ways of knowing. This treatise was written in a period of political instability and the regular discussions on the law. It is interesting to see how it affected the political situation. In this article the author would like to draw attention to two of the subjects, in which Whear gives links to treatises of Bodin. The first subject is related to the Whear’s attitude towards the theory of the four monarchies. The second subject contains a recommendation what authors should be addressed during the study of Roman history. Both subjects unite the question of the Roman past and how to represent it. Most likely, the task of these story-lines is the formation of historical memory. During this period, many works appeared in which the authors were aiming to create a na-

tional history. Mythological tradition of English authors assumed that the laws of England are more ancient than any of the constitutions and laws of the Roman emperors. Thus, the British national claims were turned into “competition” with the Roman Empire. Processes occurring in the formation of historical science in England and on the continent were similar. Political writers were well aware of that power cannot be stored for a long time without creating and strengthening the powerful symbolic bases of their regime. The above stories are typical for British intellectuals, but the inconsistency of surviving evidence of the past allows everyone to interpret them in their own way. Degory Wheare acknowledged the greatness of the Roman Empire. This could be perceived as a symbol of submission to the Roman domination and as a blow to national pride of Englishmen. But Wheare’s recognition of continuity of the Roman and British “empires” on the one hand, and the establishment of parallels between them, on the other hand, was not an opposition to the official historiography, but rather aimed to contribute to raising the authority of the royal power.

REFERENCES

1. Palamarchuk, A.A. & Fedorov, S.E. (2013) *Antikvarnyy diskurs v rannestyuartovskoy Anglii* [Antique discourse of the Early Stuart England]. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Jones, H. S. (1922) *The Foundation and History of the Camden Chair*.
3. Woolf, D.R. (1990) *The Idea of History in Early Stuart England: Erudition, Ideology and the “Light of Truth” from the Accession of James I to the Civil War*. Toronto: University of Toronto.
4. Wood, A.A. (1817) *Athenae Oxonienses*. Vol. 3. F.C. & J. Rivington; Lackington, Allen, and Company; T. Payne; White, Cochrane, and Company; Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown; Cadell and Davies; J. and A. Arch; J. Mawman; Black, Parry, and Company; R.H. Evans; J. Booth, London: and J. Parker, Oxford.
5. Wheare, D. (1685) *The method and order of reading both civil and ecclesiastical histories*. London: T.H.
6. Píkov, G.G. (2002) *Iz istorii evropeyskoy kul'tury* [From the history of European culture]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
7. Bodin, J. (2000) *Metod legkogo poznaniya istorii* [An easy method of learning history]. Translated from French by M.S. Bobkova. Moscow: Nauka.
8. Bayazitova, G.I. & Mityurëva D.S. (2012) *Istochniki znaniy o proshlom v proizvedeniyakh Zhana Bodena: vzglyad na istoriyu v epokhu religioznoy smuty* [The sources of knowledge about the past in the works of Jean Bodin: A look at the history of religion in the era of turmoil]. In: Bobkova, M.S. (ed.) *Perekhodnye periody vo vseмирnoy istorii: transformatsii istoricheskogo znaniya* [Transition periods in world history: the transformation of historical knowledge]. Moscow: RAS.
9. Bodin, J. (1579) *Les six livres de la République* [The six books of the Republic]. Paris: [s.n.].
10. Kondratiev, S.V. (2015) *Antikvarizm i yunionizm Dzhordzha Salterna* [Antiquarianism and unionism of George Saltern]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 14(8).
11. Vysokova, V.V. (2015) *Natsional'naya istoriya v britanskoy traditsii istoriopisaniya epokhi Prosveshcheniya* [National history in the British tradition of history description of the Enlightenment]. History Doc. Diss. Ekaterinburg.
12. Kelley, D.R. & Sacks, D.H. (1997) *The historical imagination in early modern Britain. History, rhetoric, and fiction, 1550–1800*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 94(438).081:94(430).086: 94(47).084
DOI 10.17223/19988613/44/10

С.В. Морозов

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПОЛЬШИ И ГЕРМАНИИ ПРОТИВ СССР (1933–1935 гг.)

Рассматривается тайное военно-политическое сотрудничество Польши и Германии против СССР в течение 1933–1935 гг. Неофициальный диктатор Польши Юзеф Пилсудский, стремясь к восстановлению Великой Польши, вопреки решениям Локарнской конференции и проекту «пакта четырех» заставил Гитлера включить Польшу в планы последнего завоевания «жизненно-го пространства» на Востоке. С одной стороны, началась реализация так называемого польско-германского «воздушного пакта», который курировал Геринг, а с другой – осуществлялось тесное взаимодействие Главного штаба Войска Польского и Генерального штаба рейхсвера под главенством генералов Фабрыцы и Райхенау. Процесс польско-германского военно-политического сотрудничества координировался лично Пилсудским.

Ключевые слова: Польша; Германия; СССР; Пилсудский; превентивная война; военно-политическое сотрудничество; воздушный пакт.

Фраза «Соседство может ко многому обязывать» вполне применима к отношениям между Польшей и Германией. С периода Средневековья польскому народу пришлось на себе ощутить сполна мощь и натиск германского «Дранг нах остен», одним из результатов которого стало создание Восточной Пруссии и потеря в начале XIV в. Гданьска¹. До XVIII в. это были отношения непрекращавшегося военно-политического противостояния. Одним из эпизодов стала знаменитая Грюнвальдская битва 1410 г., в которой, наряду с польскими и литовскими, принимали участие татарская конница, белорусские, украинские, смоленские, стародубские хоругви², подорвавшая мощь Тевтонского ордена и способствовавшая будущему восхождению Речи Посполитой. После трех разделов Польши Пруссия, ставшая одним из государств-разделителей, надолго превратила восприятие образа немца как врага.

Нахождение в течение длительного времени в составе трех различных государств наложило отпечаток на исторические судьбы поляков. В Первой мировой войне польские воинские подразделения воевали как в рядах Антанты, так и на стороне Тройственного союза. После возрождения польского государства в ноябре 1918 г. на первый план выдвинулась фигура Юзефа Пилсудского, 50-летнего патриота, прошедшего суровую школу революционера-подпольщика и возглавлявшего так называемые *польские легионы* в составе австро-венгерской армии³. В отличие от прочих польских политиков он располагал несоизмеримо большим авторитетом и важным преимуществом в виде незримого орудия власти – Польской военной организацией, выполнявшей роль его личной разведки и контрразведки. Осенью 1918 г. она была переформирована во II отдел Генерального штаба Войска Польского, в просторечии «двойку», агентами которой были нацелены все слои польского общества.

В 1922 г. маршал Пилсудский формально отошел от власти, но продолжал внимательно следить за событиями. Особое внимание он обращал на международную

арену с точки зрения возможных будущих перспектив воплощения его так называемых федералистских планов, в основе которых лежало возрождение «Великой Польши», т.е. в границах 1772 г. В соответствии с этими планами на ее восточных границах должна была появиться федерация в составе Финляндии, Эстонии, Латвии, Венгрии, Румынии, Армении и Грузии, составивших бы военно-политический союз, проект которого в исторической литературе зачастую называли «интермариумом», или «междуморьем». Одновременно в результате проведения особой политики, носившей название «прометеизм»⁴, предполагалось отделение от Советской России Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, а России предстояло «откатиться» за Урал [1. С. 139–158].

До 1925 г. международная обстановка была не слишком благосклонна исполнению этих планов, тем паче, что Раппальские соглашения 1922 г. вывели «восточного соседа» Польши из изоляции и способствовали его политическому и экономическому сближению с «западным». Однако уже через пару лет Берлину помогли посредством «плана Дауэса» международные «денежные тузы», которые добились от него (в качестве платы за это) подписания в 1925 г. Локарнских договоров и соглашений [2. С. 324]. В результате Берлин стал участником так называемого Рейнского пакта и была создана Версальско-Локарнская система, включавшая в себя *правовой механизм*, позволявший Германии при наличии политической воли начать движение на Восток, т.е. на Советский Союз.

Варшаву, в отличие от Берлина, не включили в Рейнский пакт, а предложили подписать с ним, среди прочего, арбитражный договор, по которому, в соответствии с 19-й статьей Устава Лиги наций, она была обязана участвовать в правовых мероприятиях, в том числе по изменению своей территории. Другими словами, ей предстояло готовиться к началу ревизии границ с Германией. 3 марта 1926 г. этот арбитражный договор был ратифицирован сеймом, а через три дня

подписан президентом Станиславом Войцеховским, после чего вступил в силу [3. С. 302–309]. Разочарованный глупостью и продажностью многих представителей государственных структур и не дожидаясь передачи этого арбитражного договора на регистрацию в секретариат Лиги наций, после чего документ стал бы частью международно-правового механизма, маршал Пилсудский произвел 10–15 мая государственный переворот, что позволило ему расставить на ключевые должности в государстве верных ему людей. Как и прежде, он не занимал ответственных государственных постов, однако получил возможность выстраивать внешнеполитический курс Польши *единолично*⁵. К тому моменту, когда в сентябре 1926 г. договор был передан в секретариат Лиги наций, новый, по-прежнему неформальный статус маршала позволял ему, используя своих людей и влияние, *вести собственную игру от имени Польши на международной арене*, противодействуя тем или иным усилиям ревизовать польские границы в пользу Германии.

Добровольно уступать часть польской территории, тем более Берлину, пусть и по воле западных держав, было несовместимо с польскими традициями и идеей создания Великой Польши. В течение нескольких лет польский вождь занимал выжидательную позицию, внимательно следя за событиями на международной арене и высматривая благоприятный момент. Почуввав приближение такового, он в ноябре 1932 г. поставил главой МИД своего давнего младшего соратника по легионам Юзефа Бека. Через месяц Франция, польский союзник, подписала так называемую «декларацию пяти держав», признававшую, среди прочего, право Германии на равенство в вооружениях. Вскоре стало известно, что Париж отказался возвращать военные долги Америке, и маршал, растолковав это как закулисный сговор, представляющий угрозу польским интересам, немедленно собрал закрытое совещание Совета министров и приближенных генералов, на котором было принято решение о негласной переориентации польской внешней политики с Франции на Германию [4. С. 173].

Кроме германофильства у маршала имелись другие весомые причины для своего выбора: во-первых, документы Локарно указывали на то, что Германии предстояло начать движение на восток, а во-вторых, у Польши на тот момент имелось трехкратное превосходство в военной силе. По условиям Версальского договора Веймарской республике позволялось иметь 100 тысяч солдат, а в рядах Войска Польского их насчитывалось более 300 тысяч [5. С. 128]. В случае несогласия Берлина рассматривать Варшаву в качестве союзника это обстоятельство можно было задействовать в качестве дополнительного аргумента. В Веймарской республике к подобному варианту развития событий относились весьма серьезно, ибо единственный мобилизационный план был заготовлен именно на польском направлении [6. С. 13].

Для начала германскому руководству было предложено заключить пакт о ненападении [7. Л. 13]. Однако Берлин, будучи включенным в Рейнский пакт, находился на более высокой ступени в иерархии международных отношений, и ему было не с руки предпринимать такой шаг в преддверии стоявшей на повестке дня ревизии польских границ *мирным путем*. Тогда маршал решил задействовать имевшееся на тот момент преимущество в силе, избрав хитроумную тактику угрозы *превентивной войны* в отношении Германии. Одновременно он демонстративно предлагал Парижу присоединиться к этому предполагаемому мероприятию. В течение января – апреля 1933 г. он обращался через сенатора Е. Потоцкого, а затем неоднократно посредством дипломатов к французским властям, но неизменно получал отказ [2. С. 471–472; 8. 11.01.1933; 9. Р. 451–453]. По мнению журналистки Ж. Табуи, эти предложения имели целью вызвать отказ Франции, который можно было бы использовать для политического сближения Польши с Германией [4. С. 176].

К тому моменту к власти в Германии пришли национал-социалисты во главе с А. Гитлером, стратегическая программа которого предполагала завоевание «жизненного пространства» на Востоке. Соответственно не следовало удивляться обнародованию 18 марта 1933 г. проекта создания так называемого «пакта четырех» держав в составе Великобритании, Франции, Италии и Германии, наделенного широкими полномочиями, в том числе ревизовать международные договоры и выступать в качестве некоего верховного арбитра в международных отношениях. Длительность действия договора устанавливалась в 10 лет, и он подлежал регистрации в секретариате Лиги наций [10. С. 57; 11. С. 10–11]. Берлин, вступив в этот клуб и тем самым еще более подняв свой статус, получал формальное право на рассмотрение вопроса об установлении нового, более престижного положения своих границ. Интересы Польши были вновь, как и во время Локарно, проигнорированы, более того, ее границы были поставлены под угрозу ревизии.

Используя глубокую озабоченность Советского Союза угрозой миру со стороны проекта «пакта четырех», маршал решил задействовать этот фактор в своих целях. 28 марта министр Бек передал английскому послу заявление о том, что лишенная возможности судить точно о проекте данного «пакта», так как текст ей не сообщен, Польша «считает этот проект противоречащим духу и букве пакта Лиги Наций» и оставляет за собой свободу действий». О границах трактовки этой свободы можно было судить из интервью польского вождя, данного 23 мая 1926 г. французской газете «Матэн», в котором он прямо заявил, что ради блага Польши готов на любые действия: «Если и могут быть какие-то колебания в выборе средств, когда хочется остаться в рамках легальности, то их нет там, где цель – спасение Польши» [12. С. 347]. С этой целью был предпринят очередной блеф. С одной стороны,

была создана видимость существования некоего тайного польско-советского антигитлеровского пакта, с другой – Главному штабу Войска Польского было дано указание разработать план войны против Германии, а в начале апреля в Польше была проведена учебная мобилизация [7. Л. 10; 12. С. 223, 484; 13. S. 55; 14. С. 347].

Блеф угрозы проведения *превентивной войны* в совокупности с блефом польско-советского тандема произвели настолько глубокое впечатление на Гитлера⁶, что через вице-канцлера фон Папена было публично заявлено об агрессивных замыслах Польши, однако официальная «Газета Польска» публично опровергла подобные намерения, напомнив о предложенном пакте о ненападении. Выдержав некоторую паузу, маршал сделал решительный шаг. 1 мая он в присутствии Бека принял советского полпреда В.А. Антонова-Овсеевко, с которым, однако, политические темы в разговоре не затрагивались, а 2 мая польский посланник А. Высоцкий поставил в ультимативной форме перед Гитлером вопрос о дальнейших польско-германских отношениях. Подобный демарш и в такой же форме произвел в Варшаве Бек в отношении германского посланника Г. Мольтке. Гитлеру не оставалось ничего, как ответить о готовности поддерживать и развивать отношения на «основе существующих договоров», что подтверждало соблюдение территориального статус-кво. Получив от германского канцлера желаемое, Пилсудский приказал передислоцировать войска с прусских границ к Вильно для проведения большого военного смотра. По мнению Антонова-Овсеевко, «Демаршем 2 мая Польша, уже используя улучшение с Советским Союзом, вступила на путь непосредственных переговоров с Германией» [7. Л. 13–14; 13. S. 55]. Таким образом, польский вождь, шантажируя фюрера угрозой «превентивной войны» и блефом польско-советского антигитлеровского пакта, предугадав уготованную версальско-локарнскими стратегами для Германии роль антисоветского тарана, вынудил того учитывать в этой сомнительной миссии и Польшу.

Напрямую польское руководство не могло заявить, что эта перспектива ему по сердцу, поэтому оно предприняло очередной хитрый ход. Сначала «Газета Польска» перепечатала передовицу из «Правды», ставившую вопрос о возможном партнерстве. Отметив в комментарии к ней, что Польша в своем выборе полностью самостоятельна, был предпринят второй шаг. Вскоре экс-глава МИД князь Э. Сапега, представитель близкой к пилсудчикам политической группировки земельных магнатов, тесно связанный с персонами, определявшими польскую внешнеполитическую линию, сделал доклад. В нем была, по сути, изложена программа превращения Польши в «великую державу путем колониального освоения территорий и природных богатств Советского Союза». В реализации такой программы любезно приглашали принять участие Европу, после чего докладчик резюмировал: «Реальной нашей зада-

чей должно быть договориться с нашим западным соседом» [15. С. 122].

Реакция Германии не заставила себя долго ждать. Глава МИД К. фон Нейрат во время сессии Совета и Ассамблеи Лиги наций передал предложение польскому коллеге Ю. Беку встретиться. Пилсудский и его единомышленники, которых принято называть пилсудчиками, могли ликовать. 25 сентября 1933 г. Бек встретился с Нейратом, а 26 сентября – с министром пропаганды Й. Геббельсом. Во время бесед выяснилось обоюдное стремление к дальнейшему сближению, которое должно было носить исключительно двусторонний характер. Не допускалось какое-либо привлечение к нему третьих стран или международных организаций. Хотя при первом свидании глав «санационного» и нацистского внешнеполитических ведомств вопрос о координации совместной деятельности на восточном направлении не был затронут, «заинтересованные правительства уже тогда рассматривали польско-германское сближение в ракурсе их планов в отношении СССР» [Там же. С. 130].

Пришла осень 1933 г., и польско-германское сближение вошло в русло своего осуществления: Берлин покинул посланник А. Высоцкий, а на его место вскоре был назначен начальник Западного отдела варшавского МИД Ю. Липский. Переговоры велись в глубокой тайне. Для многих профессиональных дипломатов и наблюдателей как гром среди ясного неба прозвучало известие о подписании 26 января 1934 г. Нейратом и Липским так называемой «Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы». В её преамбуле отсутствовала общепринятая в дипломатических документах такого рода констатация незыблемости существующих границ, а также ссылка на действующие договоры, что было несколько необычно. Этот документ предписывал обоим правительствам «непосредственно договариваться по всем вопросам, касающимся их обоюдных отношений, какого бы рода они ни были». Такое положение, а также отсутствие пункта о расторжении декларации в случае вовлечения одной из сторон в конфликт с третьей стороной дали повод некоторым наблюдателям, например бывшему польскому дипломату Эльмеру, утверждать, что пакт «Липский – Нейрат» является ничем иным, как завуалированным союзом [16].

В декларации действительно имели место некие моменты, наводившие на размышления. Например, в случае возникновения спорного вопроса, когда непосредственные переговоры не привели бы к его разрешению, оба правительства «в каждом отдельном случае на основании обоюдного согласия будут искать решения другими мирными средствами, не исключая возможности в случае необходимости применять методы, предусмотренные для такого случая в *других соглашениях, действующих между ними*» (курсив мой. – С.М.). [17. С. 69–70].

В связи с этим сразу же после заключения декларации от 26 января начали курсировать многочисленные догадки и слухи о существовании дополнительных секретных приложений и статей к ней, которые, однако, не были подкреплены доказательствами. В частности, этот слух озвучил как бы в шутку, но не опроверг сам министр Бек во время своего московского визита в середине февраля 1934 г. Во время неофициальной части предложения наркома М.М. Литвинова присоединиться Польше к платформе миролюбивых стран польский министр оставил без внимания [18. С. 133–134].

Предложение главы НКВД было связано с тем, что, учитывая возрастающую угрозу войны, к этому моменту на международной арене начала набирать силу советско-французская инициатива создания системы коллективной безопасности, получившая вскоре название Восточный пакт. Во Франции его наиболее горячим и последовательным сторонником стал новый министр иностранных дел Луи Барту, которому после ледяного душа, устроенного ему в апреле 1934 г. Пилсудским и главой МИД Беком в Варшаве, удалось сплотить вокруг этой инициативы представителей Малой Антанты – чехословацкого и румынского глав МИД – Э. Бенеша и Н. Титулеску. В июле Советский Союз вступил в Лигу наций и установил дипломатические отношения с ЧСР и Румынией. Однако, когда в Марсель 9 октября 1934 г. прибыл Александр Карагеоргиевич, король третьей участницы Малой Антанты Югославии, и он, и Барту были убиты [10. С. 165–224].

Общественность и многие представители государственных структур были потрясены. Официальные же круги Берлина и Варшавы произвели публичный жест, который, среди прочего, продемонстрировал, что эпоха Барту приказала долго жить. В конце октября – начале ноября 1934 г. германское и польское дипломатические представительства были возведены в ранг посольств [19. S. 146; 15. С. 230]. Гитлеровцы лихорадочно готовились к войне. 26 октября 1934 г. посол США У. Додд записал: «Ко мне в посольство приходил наш военный атташе полковник Уэст, который часто обзвевает территорию Германии с самолета, и рассказал о проводимых немцами военных приготовлениях. Он десять дней ездил по стране и теперь взволнован: “Война неизбежна, к ней готовятся повсюду”» [20. С. 244].

Однако Берлин не имел собственных источников нефти и транспортных средств для ее перевозки, из-за чего война была попросту невозможна. Консул США в Гамбурге Эрхардт доложил послу Додду о плане рейхсминистерства экономики, представленному в июле 1934 г. международным концерном («Стандард ойл», «Шелл», «Англо-першн»), по которому в Германию предполагалось ввезти 1 млн т нефтепродуктов в кредит на сумму около 250 млн долларов. Американский дипломат объяснил создание этого «национального резерва» – «на крайний случай или, говоря другими словами, на случай войны» [21. P. 323–325]. Поставку

нефти предполагалось осуществить в течение 4 месяцев после оплаты. Последняя стала возможна после 1 ноября 1934 г., когда в Берлине было подписано англо-германское соглашение, предоставившее Германии не-обходимые финансовые средства [22. С. 29]. Вскоре стало известно о том, что глава англо-голландской нефтяной компании «Ройял датч шелл» сэр Генри Детердинг намеревается приехать и повидаться с Гитлером. Гитлеровцы в этот период закупали вооружение и существенно активизировали подготовку к войне. 19 сентября Додд сообщал о крупных закупках третьим рейхом авиатехники в США, а 19 октября – о переговорах в Берлине представителей крупнейшего английского военно-промышленного концерна «Армстронг-Виккерс» о продаже Германии военного сырья [20. С. 251, 226, 238].

К середине февраля 1935 г. информированные наблюдатели до такой степени были уверены в том, что Гитлер с Пилсудским готовят войну против Советского Союза, что напрямую говорили об этом польским дипломатам. В частности, эту возможность не упустила 16 февраля 1935 г. известная журналистка Ж. Табуи при встрече с пресс-атташе польского посольства в Париже А. Узнанским. По мнению польского дипломата, ее оценки характеризовались необыкновенной откровенностью. Табуи подчеркнула, что после январской декларации 1934 г. широкие слои общественности, а также компетентные французские политические круги полностью перестали считаться с возможностью существенного улучшения взаимоотношений Франции с Польшей. В качестве одной из причин этих изменений очаровательная парижанка назвала некое тайное польско-германское соглашение, которое якобы было заключено в дополнение к декларации 26 января 1934 г., а также противодействие со стороны санационного МИД «во всех сферах французской политики». В качестве доказательства она привела неудачный исход по вине поляков миссии генерала Дебеньи, посредством которой предполагалось расширить польско-французский альянс, а также тайную германскую военную миссию, которая якобы действовала в Польше. Французская журналистка также упоминала о слухах, курсировавших во французском правительстве, о возможном совместном польско-германском нападении на СССР [23. К. 81–85].

Во второй половине марта по приглашению Гимmlера Берлин посетил директор Политического департамента польского МВД Х. Кавецкий, подписавший договор о сотрудничестве польских и германских служб безопасности, в том числе в сфере борьбы с коммунистическим движением [19. S. 248].

Нацисты и пилсудчики активно обрабатывали общественное мнение своих стран. Польская цензура не щадила статьи, критически освещавшие Гитлера и Германию: в конце марта – начале апреля 1935 г. был конфискован тираж газеты «Полония» за то, что там содержалось обвинение Гитлера в желании отторгнуть

от Польши Данцигский коридор⁷ [24. 6.04.1935]. Нацистская пропаганда приучала немцев к мысли, что польско-германское боевое содружество – это вполне приемлемая и взаимовыгодная вещь, если оно будет реализовано на советской территории. «Фелькишер беобахтер» откровенничала: «Лишь немногие политики в Польше понимают в настоящее время, что Германия имеет на востоке интересы, которые ни в какой мере не должны быть направлены против польских интересов. Вовсе не нужно, чтобы силы Германии и Польши были противоположны друг другу в обширном восточном пространстве; они вполне могут быть согласованы» [Там же. 15.02.1935].

Похоже, что приближался час взаимодействия между военными. 7 апреля 1935 г. газета «Эко де Пари» воспроизвела сообщение базельской «Националь цайтунг» о том, что в Варшаву в качестве военных инструкторов польской армии отправились 25 офицеров рейхсвера [Там же. 8.04.1935].

В рамках усиления военной стороны сотрудничества Берлина и Варшавы следует рассматривать тонкую игру по созданию польско-германского «воздушного пакта», которую в феврале – апреле 1935 г. затеял с пилсудчиками Гитлер. Растолковав по своему усмотрению лондонское соглашение от 1 февраля 1935 г.⁸, фюрер на обеде, проходившем 12 февраля у папского нунция Цезаря Орсениго, предложил германскому послу Ю. Липскому присоединиться к «воздушному пакту» [19. S. 162; 25. S. 234]. В Варшаве эта идея вызвала неподдельный интерес, после чего 21 февраля последний передал Нейрату «высокую оценку» Бека относительно «искреннего предложения канцлера рейха» и заверил в исключительно адекватном отношении Польши к Германии по этому вопросу [19. S. 165; 25. S. 483].

25 апреля 1935 г. проект создания польско-германского «воздушного пакта» взял под свое крыло командующий «люфтваффе» Г. Геринг, который пригласил Липского в свою охотничью резиденцию Шорфхейде. «Железный» Герман решительно заявил собеседнику, что фюрер поручил ему осуществление специальной опеки над польско-германскими отношениями. Заметив обеспокоенность гостя, хозяин терпеливо разъяснил, что дело вовсе не в недоверии Гитлера к Нейрату, а в том, что чиновники германского МИД «не слишком корректно проводят линию канцлера в отношении Польши». Он подчеркнул, что эта линия «продиктована отнюдь не тактическими соображениями, а следует из очень глубокой трактовки этой проблемы. На этом направлении канцлер не допустит каких-либо вывертов». Геринг напомнил об «опасности, грозящей Польше и Германии со стороны СССР», в связи с которой проблема «коридора» в польско-германских отношениях сходит на нет. В заключение собеседники пришли к выводу, что данный этап двусторонних отношений предполагает его обсуждение между Гитлером и Беком, а факт визита польского ми-

нистра в Берлин следует предать широкой огласке [19. S. 185–186; 25. S. 505]. Выбору фигуры Геринга для ведения «воздушного диалога» с Варшавой не следовало удивляться, так как к тому моменту он не только неоднократно приезжал в Польшу поохотиться с влиятельными персонами в польской политике, но и встречался с Пилсудским «с глазу на глаз» [26. С. 310, 396].

На первый взгляд утверждение о подготовке войны Гитлером и Пилсудским против Советского Союза в данный период может показаться нелепостью. Ведь ни Берлин, ни Варшава к долгосрочному конфликту были не готовы, однако и у Москвы тогда еще индустриально-промышленный комплекс за Уралом только начал создаваться, шла вторая пятилетка. Внести ясность в данный вопрос мог бы комплекс каких-либо новых первоисточников. Таковым стал «личный архив И.В. Сталина», сосредоточивший наиболее важные донесения советской разведки высшему политическому руководству страны, часть которых проливает свет на военно-политический аспект польско-германского сотрудничества антисоветской направленности в течение лета 1934 г. – весны 1935 г. В этих донесениях в подготовке агрессии против СССР наряду с Польшей и Германией фигурирует третий участник – Япония, однако в данной статье будет сосредоточено внимание на первых двух.

С июня 1934 г. в распоряжение высшего политического руководства страны стала поступать информация из иностранного отдела ОГПУ от агента из ближнего окружения маршала Пилсудского. Личность агента на настоящий момент доподлинно неизвестна, но информация, поступавшая от него вплоть до весны 1935 г., носила настолько серьезный и тревожный характер, что на первом донесении генсек И.В. Сталин своей рукой сделал пометку «Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе, Куйбышеву. Советую прочесть, чтобы потом обсудить с участием НКВД», а рядом их подписи, свидетельствующие об ознакомлении [27. Л. 28].

В обширнейшем донесении источник сообщал, что на европейской международной арене действуют влиятельные военно-политические и финансово-политические группировки, координирующие деятельность потенциальных агрессоров – Германии, Японии и Польши. Во Франции – это группировка «Тардые – Вейган», а в Англии – «Норман – Хейлшем»⁹. Первый тандем планировал явочным путем прийти к власти, отказаться от политики сближения с СССР и заключить пакт с Германией. Второй могущественный дуэт координировал из Лондона процесс франко-германо-польского сближения и кампанию натравливания Японии на советский Дальний Восток.

Наиболее подробно, называя фамилии офицеров Главного штаба¹⁰, агент описывал деятельность Ю. Пилсудского и его приближенных на ниве военного сближения с Германией. Будучи старым конспиратором, польский вождь не доверял никому и действовал грамотно. Поставив во главе секретной польско-

германской комиссии генерала К. Фабрыцы, он, являясь по существу главным координатором процесса, поручил проводить процесс сближения с Францией и Японией начальнику Главного штаба Войска Польского Я. Гонсиоровскому. На тот момент на германском направлении дело уже дошло до обсуждения вопросов «унификации вооружения обеих армий и о базировании вооружения польской армии не на французской военной промышленности, а на германской»¹¹.

На дипломатическом уровне контакты с представителем Гитлера и группировкой «Норман – Хейлшем» были доверены начальнику Восточного отдела МИД Т. Шетцелю, который даже специально для этого ездил в Лондон. Тайные деятели Туманного Альбиона тоже не дремали и для скорейшего натравливания Японии на СССР назначили послом в Токио «ярого советофоба Р. Клайва»¹². Одной из основных общих задач польской и германской дипломатии на текущий год была поставлена деятельность по срыву франко-советской инициативы, направленной на создание системы коллективной безопасности, то есть Восточного пакта. Для этого был разработан целый ряд различных мер, в частности: «Польша и Германия будут действовать так, чтобы ни в коем случае не допустить до военного союза между СССР с одной стороны – Францией и Малой Антантой, с другой стороны».

В середине июня в Варшаву приезжал министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс, который произвел на окружение Пилсудского большое впечатление, а от маршала удостоился специфического комплимента: «Сопливый, но умный». Это могло значить то, что колченогий визитер ему понравился. Еще бы, ведь гитлеровский министр подтвердил, что «Германия целиком разделяет точку зрения Пилсудского в русском вопросе, т.е. готова проводить политику дробления России». В заключение источник делал вывод, что, «по его мнению, возможность интервенции против СССР никогда не вырисовывалась так реалистично, как в настоящее время» [27. Л. 29–44].

Сентябрьское донесение свидетельствовало, что 27 июля между Пилсудским и Гитлером было заключено «джентельменское соглашение». Его первый пункт обязывал Польшу и Германию «не примыкать к Восточному пакту без предварительного взаимного согласования этого вопроса». В случае же заключения Восточного пакта без участия в нем Польши и Германии они принимали на себя обязательство заключить оборонительный военный союз против СССР и Франции. В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества Берлин и Варшава должны были заключить с Токио военно-оборонительные союзы. Четвертый пункт соглашения считал необходимым «вовлечь в сферу своего влияния Венгрию, Румынию, Латвию, Эстонию и Финляндию». 10 августа польское и германское правительства устно заверили японских посланников в

Варшаве и Берлине в том, что Польша и Германия не подпишут Восточного пакта.

Продолжалась строго законспирированная работа военных комиссий: польской – во главе с генералом К. Фабрыцы и германской – во главе с генералом В. Райхенау¹³. Польская работала в Берлине, германская – в Варшаве. Причем члены германской комиссии проживали в частном порядке на квартирах у офицеров польского Главного штаба. Так, например, Райхенау в начале августа прожил три дня на квартире у Фабрыцы. Имело место и взаимное изучение мощности военной промышленности обеих стран, пересмотр военного плана с ориентировкой на германскую военную промышленность и на унификацию польского и германского вооружений [Там же. Л. 80–95].

В октябрьском донесении источник бесстрастно информировал: «Польша верит в твердое положение Гитлера; она также уверена, что Гитлер справится с трудностями внутреннего характера и добьется осуществления своих планов в отношении присоединения к Германии всех земель, населенных немцами (Австрия, часть Швейцарии и Чехословакии). Польша будет поддерживать Германию в вопросе аншлюса и ревизии трактатов. В настоящий момент между Польшей и Германией в Берлине ведутся переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнений на Дальнем Востоке». Касательно Восточного пакта он сообщал, что Польша будет тянуть с ответом, желая как можно дольше скрыть свои истинные намерения [Там же. Л. 111–117].

В декабрьском донесении, среди прочего, содержалась весьма важная информация о том, что «англо-американские банки вскоре дадут Германии крупный заем, 100 млн зол. долларов, часть коего получит Польша», и что Бек на рождественские праздники выезжает к польскому посланнику в Копенгаген, где «будет иметь там совещание с представителями группировки Норман – Хейлшем и группы Тардые – Вейганд». «Гонсиоровский будет выжидать результатов переговоров Бека в Копенгагене и в зависимости от этого поедет в Берлин». Касательно Восточного пакта было сказано, что Польша не подпишет его «несмотря ни на какие обстоятельства», и процитированы слова Пилсудского, которые он якобы сказал Беку: «Пакт не подпишем ни при каких обстоятельствах».

Касательно сотрудничества с рейхсвером источник сообщал об опасениях Пилсудского, что Генеральный штаб рейхсвера может повернуть политику Гитлера на сближение с СССР. Однако вскоре в Варшаву пришло успокоение в связи с тем, что искоренением русофильской ориентации там занялись лично Гитлер и Геринг. «Влиятельных генералов и высших офицеров, имеющих восточную ориентацию, постепенно увольняют в отставку». Гитлер, в свою очередь, уверил Пилсудского, что советофилы из числа высших офицеров рейхсвера, в случае проявления какой-либо активности, будут безжалостно раздавлены, как генерал Шлейхер и

Рем¹⁴. По совету Пилсудского в Германии предполагалось организовать специальную комиссию по борьбе с просоветскими элементами, в состав которой должен был быть включен генерал Райхенау, «этот верный сторонник идеи создания франко-германо-польского блока и враг СССР» [28. Л. 31–50].

В донесении, датированном приблизительно весной 1935 г., агент сообщал, среди прочего, о декабрьском тайном визите министра Бека в Копенгаген и встрече с главой Английского банка М. Норманом, который обещал Германии и Польше выделить на антисоветскую интервенцию 500 млн долларов, треть из которых предназначалась Варшаве. Однако заем мог быть реализован лишь при условии реализации франко-германского сближения и в нем обязательно должен участвовать французский капитал.

Во время этой встречи Бек занял особую позицию: он соглашался во всем, за исключением момента начала интервенции, утверждая, что поляки лучше знают Россию, чем англичане. Он доказывал, что в Советском Союзе резко меняется политика и через два-три года страна неминуемо перейдет на рельсы национальной политики, которая родит патриотизм и воодушевление населения. Он предупреждал, что «Красная Армия превратится в национальную русскую армию, а следовательно, в этом случае может отпасть самый вопрос о разделе СССР на части, так как у Польши нет уверенности в том, что при этих условиях не только Франция, но и Германия откажутся от интервенции, так как мо-

гут быть заинтересованы в существовании сильной, единой России» [29. С. 22–30].

С учетом вышесказанного к концу апреля 1935 г. польско-германское военно-политическое сотрудничество осуществлялось по двум основным направлениям. С одной стороны, его воздушный аспект курировал рейхсмаршал Геринг, которому Гитлер лично поручил опеку над процессом создания так называемого польско-германского «воздушного пакта». С другой – полным ходом шло тайное сотрудничество между Главным штабом Войска Польского во главе с генералом Фабрыцы и Генеральным штабом рейхсвера во главе с генералом Райхенау, которое лично курировал маршал Пилсудский. Советское политическое руководство к весне 1935 г. обладало всей совокупностью информации стратегического значения, чтобы предпринять необходимые действия. Одним из его наиболее серьезных шагов стало предание 20 апреля широкой гласности секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., пятый пункт которого разрешал прохождение германских войск через польскую территорию. 2 мая состоялось подписание советско-французского договора о взаимопомощи, а 16 мая – аналогичного договора с Чехословакией [10. С. 211]. То, чего так опасался маршал Пилсудский и его единомышленники (советско-французский союз о взаимопомощи), стал реальностью, что в значительной степени дезавуировало внушительную часть усилий, потраченных нацистами и пилсудчиками на военно-политическое сотрудничество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1308 г. войска Тевтонского ордена изгнали оттуда все польское население и, несмотря на неоднократные попытки польских королей, пытавшихся, в частности, апеллировать к посредничеству Папы римского, Гданьск, или в немецком варианте Данциг, оставался под немецким влиянием до 1945 г. После победы Советского Союза над Германией по решению Потсдамской конференции 1945 г. Данциг стал Гданьском и был возвращен польскому народу.

² Хоругвь (в военном значении) – боевая единица, насчитывающая по разным оценкам от нескольких десятков до нескольких сотен воинов.

³ В период 1918–1922 гг. он был в Польше «человеком номер один» под титулом «начальник государства», в 1920 г. он согласился принять воинское звание «маршал».

⁴ «Прометеизм», среди прочего, предполагал всяческую поддержку II отделом российских эмигрантов – выходцев из Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, которые через агентуру в СССР должны были поднять мятеж с целью отпадения от Москвы.

⁵ Впоследствии период польской истории с мая 1926 по сентябрь 1939 г. получил название «режим санации».

⁶ Следует иметь в виду, что к тому моменту Пилсудский дважды использовал угрозу готовности применения военной силы: в июне 1932 г., когда в бухту Данцига несанкционированно проник польский эсминiec «Вихрь», у капитана которого был приказ открывать огонь в случае враждебных проявлений и в январе 1933 г., когда в данцигской бухте на полуострове Вестерплатте был высажен польский военный отряд.

⁷ Участок польской территории, вдоль р. Висла, обеспечивавший в соответствии с одним из 14 пунктов президента США Вильсона и Версальским договором выход Польши к морю, который был создан за счет бывшей германской территории.

⁸ Это соглашение, подписанное министрами иностранных дел Франции и Англии – П. Лавалем и сэром Д. Саймоном – предусматривало заключение так называемого воздушного пакта в рамках Локарно при условии возвращения Германии в Лигу наций. Гитлер возвращаться в Лигу не собирался и намеревался реализовать авиационное сотрудничество с Варшавой в «восточном направлении».

⁹ Андре Тардье – участник Первой мировой войны, помощник Жоржа Клемансо на Парижской конференции 1919 г. Трижды был премьер-министром. Вейган Максим – участник Первой мировой войны, с ноября 1917 г. член Высшего военного совета, а с марта 1918 г. – начальник штаба верховного главнокомандующего. В 1920–1922 гг. – глава военной миссии в Польше по обучению и снабжению польской армии. В 1930–1935 гг. – начальник Генштаба, вице-президент Высшего военного совета, инспектор армии. В 1937 г. участвовал в фашистском движении кагуляров. Монтегю Норман – английский банкир, управляющий Банком Англии в 1920–1944 гг. Норман специально посетил Берлин в мае 1934 г., чтобы договориться о тайной финансовой поддержке гитлеровского режима. Фюрер ответил Норману любезностью, назначив его близкого друга Я. Шахта министром экономики и президентом «Рейхсбанка». Дуглас Хогг (лорд Хейлшем) – один из виднейших английских адвокатов 1920-х гг., в 1931–1935 гг. – лидер Палаты лордов, военный министр.

¹⁰ К тому моменту Генеральный штаб Войска Польского был переименован в Главный штаб.

¹¹ Казимеж Фабрыцы – дивизионный генерал, один из основателей «Союза стрелцов», соратник Пилсудского по легионам во время Первой мировой войны. В июне 1934 г. был назначен инспектором армии с резиденцией во Львове. На тот момент бригадный генерал. Януш Гонсиоровский – бригадный генерал, доверенное лицо Пилсудского. Во время Первой мировой войны воевал в армии Австро-Венгрии на российском фронте, в том числе в должностях командира взвода, батареи, адъютанта батареи. В конце 1916 г. дезертировал и вскоре оказался в рядах Польской военной организации. В 1931–1935 гг. – начальник Главного штаба ВП.

¹² Тадеуш Шетцель – во время Первой мировой войны воевал в Легионах польских Пилсудского и был вовлечен в разведывательную деятельность. Затем был заместителем руководителя Начальной комендатуры [№] 3 Польской военной организации в Киеве. В 1919 г. прикреплен к штабу Пилсудского, после чего возглавил сектор разведки против России во II отделе Генерального штаба. В 1924–1926 гг. служил в качестве военного атташе в Константинополе. В 1926–1929 гг. был начальником II отдела Генерального (с 1928 г. – Главного) штаба. В 1931–1934 гг. возглавлял Восточный отдел МИД. В 1934–1935 гг. отметился в качестве вице-директора политического департамента МИД. Роберт Клайв – британский дипломат. Учился в оксфордских колледжах Хейльбери и Магдален. Поступил на дипломатическую службу в 1902 г. Генеральный консул в Баварии в 1923–1924 гг., в Марокко – в 1924–1926 гг. В 1926–1931 гг. – посланник в Персии. В 1933–1934 гг. – посланник при Святом Престоле. Вошел в Тайный совет Великобритании в 1934 г. В 1934–1937 гг. – посол в Японии.

¹³ Вальтер Райхенау – участник Первой мировой войны, затем служил в рейхсвере. С 1930 г. – начальник штаба военного округа, в 1933–1935 гг. – начальник отдела в министерстве рейхсвера, активно участвовал в создании вермахта. Один из наиболее фанатично настроенных нацистов среди генералитета. 10 октября 1941 г. издал печально известный приказ «О поведении войск в восточном пространстве», где говорилось, что в обязанности солдата на востоке входит больше, чем обычные военные задачи. Задачей солдата является искоренение азиатского и еврейского влияния на Европу. Солдат – не только боец за идеи национал-социализма, но и мститель «за зверства» против немецкого народа. Приказывалось любой ценой и без оглядки на потери среди мирного населения подавлять партизанское движение и на месте уничтожать захваченных партизан. Запрещалось делиться продовольствием с местным населением. Приказ разрешал считать советскими агентами всех, кто отказывался активно сотрудничать с оккупационными войсками.

¹⁴ Генерал Шлейхер и Рем, как и значительное количество других тайных противников Гитлера, были физически уничтожены 30 июня 1934 г. в так называемую «ночь длинных ножей».

ЛИТЕРАТУРА

- Maciejewski M. Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / pod red. Marszał M., Sadowskiego M. Wrocław, 2009.
- История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. Т. 3.
- Dziennik Ustaw. 1926. # 114. Poz. 662 // Internetowy system aktów prawnych. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662> (дата обращения: 27.06.2016).
- Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.
- Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. W., 1998.
- Lipski J. Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich // Sprawy Międzynarodowe. 1947. № 3.
- Архив внешней политики РФ. Ф. «Референтура по Польше». Оп. 17. Д. 28. Папка 167-а.
- Le Temps. 1933.
- Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. 1. T. 2. P., 1966.
- Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.
- Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934. Вып. VI.
- Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.
- Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI.
- Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
- Михутина И.В. Советско-польские отношения. 1932–1935. М., 1977.
- Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 22. Оп. 1. 1934. Д-19, 1-а.
- Климовский Д.С. Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). Минск, 1968.
- Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. XVII.
- Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań, 1965.
- Дневник посла Додда. М., 1961.
- Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. II. Washington, 1951.
- Десятков С.Г. Уайтхолл – инициатор мюнхенской политики // Мюнхен – преддверие войны / под ред. В.К. Волкова. М., 1988.
- Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15. Оп. 1. Д. 79 (микрофильм).
- Гудок. 1935.
- Diariusz i teki Jana Szembeka. Opracował T. Komarnicki. T. I. Londyn, 1964.
- Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский – легенды и факты. М., 1990.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 187.
- РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188.
- Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики : сб. док. (1935–1945) / сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009.

Morozov Stanislav V. Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo state University (Novokuznetsk, Russia). E-mail: stan.morozov@nbikemsu.ru

TO THE QUESTION OF MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN POLAND AND GERMANY AGAINST THE USSR (1933–1935).

Keywords: Poland; Germany; the USSR; Pilsudski; preventive war; military-political cooperation; air-pact.

The aim of this paper is to study the Polish-German political and military cooperation against the Soviet Union during the 1933–1935 years, with the involvement of Soviet intelligence documents from the so-called “personal archive of I.V. Stalin”. Among other things, special attention is paid to the adventurous nature of the methods by which Marshal J. Pilsudski made Chancellor A. Hitler to include Poland in his “Eastern plans” for conquering “living space” (“Lebensraum”). Until the XVIII century Polish-German relations developed as the relations of ongoing military-political confrontation. After three partitions of Poland, Prussia, which became one of the states-separators permanently transformed the perception of the image of Germans as an enemy. Being for a long time in the three different states left an imprint on the historical fate of the Poles. During World War I Polish military units fought in the ranks of the Entente, and on the side of the Triple Alliance. After the rebirth of the Polish state in November 1918 the figure of Jozef Pilsudski came out on the first plan. He led the so-called Polish Legions as part of the Austro-Hungarian army during WWI, and he held the position as a “Head of State” until 1922. His cherished goal was to revive the Great Poland in the borders of 1772, to create a federation of satellite states and push Russia to the Urals. After the Locarno conference, which opened the way to the East for Germany, but at the same time has transformed Poland into its possible victim, Pilsudski in May 1926 made a coup and began to actually determine the foreign policy line of Poland alone. In December 1932, he decided to refocus Polish foreign policy from France to Germany. However, the new rulers of the German National Socialists did not want it. During the winter and spring of 1933, Pilsudski, bluffing threat of preventive war, forced

German Chancellor Hitler to include Poland in its plans to conquer Lebensraum in the East. After the ex-head of the Polish Ministry of Foreign Affairs E. Sapieha made it clear to Western politicians in late August 1933 that Poland is ready to participate in the campaign to the East, German Minister Neurath and Goebbels, the propaganda minister met with the Polish Minister Beck in late September. At the meeting they agreed upon community of Polish and German interests in the East. As a result of the ensuing Polish-German secret talks January 26, 1934 the Polish-German declaration on mutual non-aggression was concluded. Later it became clear that it was hiding a secret agreement on military and political cooperation. During 1934 – spring 1935 there has been a realization of the secret military and political cooperation. On the one hand, it was in charge of the air aspect of Reich Marshal Goering, Hitler personally ordered that custody of the process of creating the so-called “air pact”. On the other hand, full swing secret cooperation between the General Staff of the Polish Army led by General Fabrytzy and Reichswehr General Staff headed by General Reichenau, it personally oversaw the Marshal Pilsudski. The second direction was able to light thanks to the so-called documents of “personal archive of I.V. Stalin” – the Soviet intelligence documents.

REFERENCES

- Maciejewski, M. (2009) Federacyjne koncepcje pilsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej [Federated concepts at the dawn of the Second Republic]. In: Marszał, M. & Sadowski, M. (eds) *Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939* [The independent routes: Polish political thought and law in 1918–1939]. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [The History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: OGIZ.
- Dziennik Ustaw*. (1926) 114. Poz. 662. [Online] Available from: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662>. (Accessed: 27th June 2016).
- Tabouis, J. (1960) *20 let diplomaticheskoy bor'by* [20 years of diplomatic struggle]. Translated from French by Yu. Belskiy, V. Egorov, V. Mukhin. Moscow: Grifon M.
- Kamiński, M.K. & Zacharias, M.J. (1998) *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939* [The foreign policy of the Polish Republic in 1918–1939]. Warsaw: Wydawn. LTW.
- Lipski, J. (1947) Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich [Polish-German relations in the light of the Nuremberg acts]. *Sprawy Międzynarodowe*. 3.
- The Russian Federation Archives of Foreign Policy*. Fund “Referentura po Pol'she”. List 17. File 28 (167-a).
- Le Temps*. (1933)
- Baumont, M. & Renouvin, P. (eds) (1966) *Documents Diplomatiques Français 1932–1939* [French Diplomatic Documents 1932–1939]. 1(2).
- Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. Chto skryvalos' za politikoy “ravnoudalennosti” ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. What was behind the policy of “equidistance” by Minister Yu Beck]. Moscow: Moscow State University.
- Plotkin, M.A. (ed.) (1934) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i mezhdunarodnomu pravu* [A collection of documents on foreign policy and international law]. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs.
- The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1970) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 16. Moscow: Politizdat.
- Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938* [Czechoslovakia in Polish foreign policy in 1932–1938]. Poznań: Instytut Zachodni.
- Matveev, G.F. (2008) *Pilsudskiy* [Pilsudski]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Mikhutina, I.V. (1977) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya. 1932–1935* [Soviet-Polish relations. 1932–1935]. Moscow: Nauka.
- The Scientific Archives of the Institute of Russian History*. Fund 22. List 1. 1934. D-19.
- Klimovskiy, D.S. (1968) *Zloveshchiy pakt (Iz istorii germano-pol'skikh otnosheniy mezhvoennogo dvadtsatiletiya)* [The Sinister Pact (From the history of German-Polish relations of the two decades between wars)]. Minsk: Belarus State University.
- The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1971) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 17. Moscow: Politizdat.
- Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938* [Polish-German relations from 1933 to 1938]. Poznań: Instytut zachodni.
- Dodd, W. (1961) *Dnevnik posla Dodda* [Ambassador Dodd's Diary]. Translated from English by V. Machavariani, V. Khinkis. Moscow: Foreign Policy Library.
- US Department of State. (1951) *Foreign Relations of the United States. 1934*. Vol. II. Washington: U.S. Government Printing Office.
- Desyatskov, S.G. (1988) Uaytkholl – initsiator myunkhenskoy politiki [Whitehall – the initiator of the Munich policy]. In: Volkov, V.K. (eds) *Myunkhen – preddverie voyny* [Munich – on the eve of the war]. Moscow: Nauka.
- The Archives of Foreign Policy of the Russian Empire*. Fund 15. List 1. File 79.
- Gudok*. 1935.
- Komarnicki, T. (ed.) (1964) *Diariusz i teki Jana Szembeka* [The diary of J. Szembek]. Vol. I. London: Polish Research Centre.
- Nałęcz, D. & Nałęcz, T. (1990) *Yuzef Pilsudskiy – legendy i fakty* [Pilsudski – legends and facts]. Translated from Polish by V. Voronkov, V. Svetlov, V. Fedorenko. Moscow: Politicheskaya literatura.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 558. List 11. File 187.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 558. List 11. File 188.
- Sotskov, L.F. (ed.) (2009) *Sluzhba vneshney razvedki Rossii. Arkhiv SVR Rossii. Sekrety pol'skoy politiki (1935–1945)* [The Foreign Intelligence Service of Russia. The Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia. Secrets of Polish politics. (1935–1945)]. Moscow: Ripol.

УДК 94(4/9)
DOI 10.17223/19988613/44/11

А.В. Макутчев

ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МАВРИТАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ДОЛИНЕ РЕКИ СЕНЕГАЛ

Проблема беженцев и сопутствующих ей факторов в различных регионах планеты на сегодняшний день является одной из глобальных проблем человечества. Рассматривается история возникновения и решения проблемы беженцев в дельте реки Сенегал, возникшей в конце 1980-х гг. Выделяются исторические предпосылки возникновения данной проблемы, характеризуются усилия различных сторон-участников конфликта в Западной Африке, которые, в конечном счете, позволили добиться урегулирования проблемы.

Ключевые слова: беженцы; сенегало-мавританский конфликт; Западная Африка; межэтнический конфликт.

В 1989 г. в долине реки Сенегал – историческом месте соприкосновения рас и национальностей – произошел межэтнический конфликт между мавританцами и чернокожим населением региона. Его развитие обернулось изгнанием из Мавритании не менее 60 000 человек, вынужденных искать убежища в соседних Сенегале и Мали. Проблема судьбы этих людей была главной темой во взаимоотношениях между Сенегалом и Мавританией вплоть до недавнего времени, когда удалось достичь существенного прогресса в ее решении. Несмотря на кажущуюся малозначительность этих событий, конфликт между Сенегалом и Мавританией, как и вызванный им гуманитарный кризис, представляет собой интересное сочетание исторических, экономических и политических противоречий.

Прежде всего стоит выделить предпосылки и истоки этого межэтнического конфликта.

Исторические корни конфликта. Сенегало-мавританский пограничный конфликт является следствием сложной совокупности факторов, включающих исторические разногласия, кризис идентичности Мавритании после обретения независимости, последствия деградации природной и экономической среды и др.

Территории Мавритании и Северного Сенегала с древности были местом взаимодействия берберов, переселенцев-арабов и чернокожего населения. Изначально долину реки Сенегал заселили чернокожие народы фульбе, волоф и серер. Примерно в X в. пришедшие с севера берберы вступили в контакт с жителями долины, в том числе наладили торговые отношения с королевством Текрур, заселенным волоф и серер. Берберы из племени санхаджи также способствовали исламизации Текрура.

Постепенное высыхание Сахары и установление длительных засушливых сезонов с XII по XVI в. [1. Р. 125] во многом объясняют движение населения на юг, к долине Сенегала. В XV в. река стала плацдармом для проникновения в регион европейской торговли (в первую очередь португальской и французской). Торговая экспансия европейцев не только разрушила привычную систему местного товарообмена, но и изменила политический баланс. Французское присутствие на

реке стало причиной исламских движений возрождения (например, движение во главе с Эль-Хадж Омаром 1859 г.). Белокожие мавры («бейдан», арабизированные берберы) усилили свое давление на правый берег, чтобы получить контроль над бродами и землями. В итоге в конце XVIII в. они заняли весь правый берег.

Во второй половине XIX в. французская активность в регионе реки перешла из разряда коммерческой деятельности в военную экспансию. На правом берегу французы фактически признали господство мавров: договоры, подписанные колонизаторами в 1858 и 1891 гг. с эмиром Трарзы и в 1891 г. с эмиром Бракны, закрепляли право эмиров взимать налоги на землю, которой пользовались здесь чернокожие земледельцы.

В конце XIX в. весь левый берег находился под французским протекторатом, и колонизаторы вплотную занялись подчинением мавританского берега. К борьбе с маврами французы привлекли отряды, составленные из волоф и «haalpulaar» («говорящие на языке фула» – скотоводы фульбе и оседлые земледельцы тукулёр). В итоге, продвигаясь вместе с французами вглубь Мавритании, чернокожие народы перешли реку и стали активно заселять освободившиеся земли и занимать пастбища [2. Р. 57–58].

Возвращению правого берега реки Сенегал в руки чернокожих народов способствовала его малая заселенность: мавры-кочевники за 200 лет не создали здесь территориальной администрации. В 1905 г. французы учредили протекторат Мавритания и установили границу между ним и протекторатом Сенегал по реке Сенегал. Очевидно, что французская администрация не придавала особенного значения при определении границы этническому составу местного населения, ведь по факту оба берега находились под контролем чернокожих народов. Колонизаторы рассматривали границу как условность, не представляя, что однажды Сенегал и Мавритания обретут независимость и вопрос о границе станет камнем преткновения в отношениях между государствами и народами. В то время как в отдаленных районах Мавритании власть оставалась в руках традиционных мавританских лидеров, прибрежные районы находились в ведении чернокожих должностных лиц,

прошедших подготовку во французских школах. В то же время религиозная общность мавров, фульбе и сонинке позволила маврам постепенно наращивать свое присутствие на левом берегу Сенегала. С конца XIX в. мавры активно транспортировали в Сенегал арахис и соль. Они также взяли в свои руки мелкую розничную и оптовую торговлю в местных городах и крупных селах.

При этом большая часть созданной французами инфраструктуры Мавритании (дороги, школы, больницы) находилась на юге, вдоль долины реки Сенегал. Большинство мавров внутри страны продолжало вести традиционный образ жизни, в том числе практикуя рабство (официально запрещенное в 1904 г.), и редко вступало в контакт с французами. Фактически французы создали предпосылки для кризиса национальной идентичности в Мавритании после обретения независимости. В Мавритании образовались политические партии кардинально противоположных взглядов на отношения с чернокожими соседями: ОНД (Прогрессивный мавританский союз) выступал за федерацию с Мали и Сенегалом, ЕМ (Мавританское Соглашение) представляло собой арабскую националистическую партию; ФНОМ (Национальный фронт освобождения Мавритании) выступал за союз с Марокко. В свою очередь, чернокожее население страны перед лицом усиления арабских партий сформировало собственные политические объединения, в частности БДГ (Демократический блок Горголь) и ЮОВФ (Союз коренного населения долины) [3. Р. 380].

На момент провозглашения независимости Мавритании (20 ноября 1960 г.) французы передали власть правительству, состоявшему из мавров, в то время как большая часть администрации и армии состояла из волоф, фульбе и сонинке. Президент Моктар ульд Дадда, происходивший из марабутов (проповедников) одного из маврских племен юга страны, заявил о желании поддерживать хорошие отношения как с «предками», так и с чернокожими соседями. Изначально порядок сообщения между двумя берегами реки и совместной обработки земель в долине был заявлен как подвергающийся изменениям. Однако уже с 1965 г. Мавритания, укрепляя связи с арабским миром, прекратила паромное сообщение с левым берегом, напротив сенегальских пограничных постов были обустроены мавританские, а в самой Мавритании началась реализация политики арабизации образования. Это породило сопротивление черных африканцев, которые намеревались продолжать говорить по-французски, таким образом противодействуя арабскому влиянию и поддерживая связи с другими африканскими странами. Правительство стремилось содействовать образованию среди мавров и готовить государственных служащих, в свою очередь вытесняя чернокожих мавританцев с государственной службы.

Численность чернокожего населения (фульбе, волоф и сонинке) в долине была оценена национальной

переписью населения 1977 г. в 189 000 человек, или 68% от общей численности населения долины, но только 13,7% от населения страны [4. Р. 98].

Стремясь окончательно дистанцироваться от колониальной системы, мавританское правительство начало проводить все более националистическую политику. Мавритания вышла из зоны франка и национализировала железные рудники, находившиеся в колониальные времена в руках французов. Она покинула Организацию африканского сообщества, вступила в Лигу арабских государств и стала наращивать военное и культурное сотрудничество с Ираком, Сирией, Саудовской Аравией и Ливией. В рамках политики арабизации арабские страны получили разрешение на постройку мечетей в стране, открытие коммерческих банков и культурных центров, которые сыграли заметную роль в распространении в Мавритании идей иракской партии Баас и идеологии египетских «Братьев-мусульман». Одновременно отношения Мавритании с соседним Сенегалом стремительно ухудшались, в первую очередь из-за споров о демаркации границы и порядка пользования землями долины.

В 1975 г. Мавритания вступила в войну в Западной Сахаре против фронта ПОЛИСАРИО. Этот конфликт привел к социальному и экономическому кризису в стране, истощив бюджет (военные расходы поглощали 30–40% национального бюджета) и приведя к власти на многие годы военных. В 1978 г. военный переворот ознаменовал собой начало периода политической нестабильности в Мавритании: в 1978–1984 гг. сменились четыре правительства и произошли три военных переворота, во главе страны вставали «военные» президентов, все родом с севера. Умеренное правительство полковника Мохаммеда ульд Хейдаллы, который положил конец войне, начало проведение смелых реформ. Реформа образования признала право обучения на негроафриканских языках (волоф, пулар и сонинке), но нехватка учителей и учебных материалов серьезно повлияли на доступность такого образования. В третий раз (после 1960 и 1964 гг.) было официально отменено рабство (что само по себе доказывает, что проблема рабства сохраняла свою актуальность). Харатины получили личную свободу, но по-прежнему не считались полноправными членами мавританского общества.

В декабре 1984 гг. полковник Маауя ульд Тайя сверг правительство ульд Хейдаллы. Новый лидер Мавритании начал репрессии против чернокожих жителей страны, что стало причиной образования подпольного движения «Силы освобождения африканцев Мавритании», издавшего в 1986 г. «Манифест угнетенного чернокожего населения Мавритании». Публикация этого документа, призывавшего африканцев к вооруженной борьбе против правительства, в сочетании с попыткой государственного переворота, подготовленного чернокожими офицерами, привела к масштабным чисткам в администрации, армии и полиции, где фульбе были заменены на харатинов. В итоге чернокожее

население правого берега реки Сенегал, до того способные защитить свои интересы через своих представителей в администрации, оказались один на один с враждебным мавританским режимом.

Экономические предпосылки конфликта. 80% территории Мавритании приходится на засушливые районы. Первая крупная засуха произошла в стране в 1972 г. и привела к серьезному ухудшению экономической ситуации. Скотоводы хлынули на левый, влажный и богатый пастбищами берег реки. Одновременно внутри Мавритании произошел масштабный отток кочевого населения в города. Население Нуакшота между 1965 и 1977 гг. увеличилось на 25%, переход от кочевой к оседлой жизни, начавшийся в колониальную эпоху, ускорился. Так, если в 1965 г. кочевой образ жизни вели 73% населения, то в 1977 г. – лишь 36% [4. Р. 99]. Это требовало освоения новых земель, а большая их часть уже была занята чернокожими земледельцами.

Вторая засуха 1983 г. усугубила эти тенденции. Потери домашнего скота привели скотоводов в города: к 1987 г. доля оседлого населения в Мавритании составляла уже 88%, а присутствие мавров в долине реки увеличилось с 32% в 1954 г. до 48% в 1987 г. [5. Р. 201]. Чернокожие харатины также устремились в города, где составили массу недовольных.

Разрушительные последствия засухи были усилены падением мировых цен на медь и железо (главные природные богатства Мавритании), внешний долг страны в период с 1978 по 1987 г. вырос в шесть раз [4. Р. 99]. Страна, которая могла лишь на 40% удовлетворить свои потребности в продовольствии, оказалась в еще большей зависимости от международной помощи. В 1984 г. правительство Мавритании подписало соглашение с Международным валютным фондом, пообещав провести либерализацию экономики в обмен на кредит.

С первой засухи центр социальной напряженности переместился в долину реки Сенегал, единственный район страны с высоким сельскохозяйственным потенциалом. Чтобы обеспечить производство и преодолеть сельскохозяйственный кризис, требовалось масштабное орошение засушливых территорий речной водой. Для этого была образована Организация развития бассейна реки Сенегал из представителей Сенегала, Мали и Мавритании. В середине 1970-х гг. долина стала местом реализации ирригационных проектов. В 1987–1988 гг., за счет арабских и европейских фондов, были построены две крупных плотины у городов Диама (Сенегал) и Манантали (Мали).

Реализация программы орошения должна была изменить отношение крестьян к земле. В 1983 г. в Мавритании была запущена земельная реформа, призванная укрепить позиции государства, которое национализировало все не возделываемые земли. Оно также выступило за отмену традиционного землевладения и индивидуализацию земельных наделов, чтобы в перспективе ликвидировать дефицит зерновых и освободить

место для безземельных крестьян, в том числе харатинов и демобилизованных ветеранов войны в Западной Сахаре. Эта реформа, основанная на принципах исламского права (шариат был введен в стране в 1980 г. главой государства полковником Мухаммедом ульд Хейдаллой), была почти революционной. С одной стороны, ее реализация требовала коренного переустройства порядка землевладения в долине, так как веками жившие здесь чернокожие народы предпочитали традиционную систему землевладения, основанную на коллективном землепользовании. С другой стороны, реформа проводилась в спешке, и правительство не собиралось вступать в переговоры с местными землевладельцами.

Реформа 1983 г. спровоцировала приток в долину мавров, однако ожидаемых мавританским правительством результатов не принесла [6. Р. 261–262]. Рост частного землевладения (51% площадей к 1988 г.) сопровождался многочисленными злоупотреблениями при переделе участков: самовольным занятием маврами земель, принадлежавших мавританским фульбе и волоф, разрушением заповедников и дорог. В целом передел земли на правом берегу только привел к обострению отношений между маврами и харатинами, с одной стороны, и чернокожими мавританцами – с другой, а также конфронтации внутри чернокожей общности (например, между фульбе и сонинке в среднем течении реки) [7. Р. 601].

Наконец, мавританская земельная реформа обострила вопрос о границе между Сенегалом и Мавританией, которая была проведена французами в преддверии предоставления независимости двум странам по реке Сенегал, без учета этнического соотношения среди жителей прибрежных районов. В 1972 г., по некоторым оценкам, 30 000 крестьян на левом берегу (66% из них – из народности тукулёр, принадлежащей к народу фульбе) проживали на правом, мавританском берегу. Земельная реформа в Мавритании поставила под вопрос их право на землю, которую мавританское правительство попыталось отобрать силой. Фактически именно земельный вопрос спровоцировал сенегало-мавританский кризис 1989 г.

Активная фаза конфликта. Земельный спор привел Мавританию к конфронтации с Сенегалом. Неприязнь между соседями подпитывали как арабские националисты Мавритании, заинтересованные в вытеснении чернокожих с государственных постов, так и сенегальские землевладельцы, недовольные напряженностью в долине реки. Сенегальское правительство, ослабленное спорами о легитимности выборов в феврале 1988 г., желало сохранить поддержку населения долины и не стало отказываться от конфронтации.

В ходе переговоров между двумя странами в июле и августе 1988 г. по вопросу о статусе земель долины Мавритания заняла твердую позицию и отказалась отсрочить национализацию земли в соответствии с просьбой сенегальцев. Вскоре после этого, зимой 1988 г., вспыхнули беспорядки, направленные против

мавров, владевших лавками в Подоре и Матаме (Сенегал). Мавританские торговцы в Сенегале стали заложниками, которым пришлось отвечать за злоупотребления в отношении чернокожих африканцев в Мавритании.

В апреле 1989 г. в верховьях реки мавританские пастухи фульбе попытались занять земли на левом берегу, но были атакованы местными жителями, сенегальскими сонинке. В конфликт вмешались мавританские пограничники, застрелившие двух сенегальских крестьян. В ответ в столице Сенегала Дакаре были зафиксированы погромы мавританских магазинов и насилие в отношении мавров.

Несколько дней спустя в Нуакшоте в ходе волнений уже мавры избивали чернокожих жителей столицы независимо от их национальности. Ситуация стала грозить полномасштабной войной между Сенегалом и Мавританией и этническими чистками. Под давлением международного сообщества обе страны согласились репатриировать потенциальных жертв через воздушный мост. В результате приблизительно 160 000 мавританцев и 70 000 сенегальцев были репатриированы на свою родину. В последующие месяцы в деревнях правого берега реки мавританские солдаты, полиция и вооруженные отряды харатинов насильно депортировали чернокожее население на левый берег.

Таким образом, земельный спор между государствами перерос в межэтнический конфликт. Причем конфликт начался с инцидентов между фульбе и сонинке, а перерос в противостояние между маврами и не-маврами. Ни религиозная солидарность между маврами и сенегальцами, ни этническая солидарность между сенегальскими и мавританскими чернокожими не смогли смягчить конфликт. Так, чернокожие харатины участвовали в убийствах и грабежах чернокожего населения правого берега, составляли основную часть мавританских вооруженных сил в зоне конфликта и полиции.

Последствия депортации. Депортация около 25% сельского населения правого берега реки привела к существенным последствиям для обоих государств.

Южные деревни мавританской провинции Тразза были полностью очищены от чернокожего населения, что дало правительству искомые площади орошаемых земель. В провинции Горголь изгнание фульбе серьезно снизило нагрузку на местные пастбища и водоемы. Однако закрытие границы полностью уничтожило трансграничное скотоводство, лишив мавританских скотоводов возможности уводить стада на левый берег в сухой сезон, что грозило тяжелыми последствиями в условиях вероятной засухи. Кроме того, освобождение орошаемых земель дало толчок усиленной вырубке лесов вдоль правого берега реки с целью культивирования риса [4. Р. 102].

Экономически выселение чернокожего населения с правого берега реки Сенегал привело к снижению сельскохозяйственного производства. Если еще в

1989 г. фульбе и харатины произвели 134,607 т зерновых (проса и риса), то в 1991 г., ввиду депортаций и ухода харатинов в города, этот показатель снизился до 78,070 т, в 1993 г. – до 72,754 т [8. Р. 579]. Речные промыслы, которыми в основном занимались чернокожие, также пришли в упадок. Наконец, около 100 000 мавританских чернокожих до депортации занимались торговлей, и потеря ими бизнеса лишила мавританский бюджет одного из источников дохода.

В политическом аспекте проблема беженцев стала национальной проблемой для Мавритании: оппозиция, в том числе Народный социал-демократический союз и Союз демократических сил, стали искать способ реинтеграции беженцев.

В Сенегале массовый приток беженцев с севера вызвал значительное увеличение численности населения (на 13,6% в Подоре, на 12% в Матаме). Беженцы рассредоточились по всей долине, население некоторых крупных деревень (Ндиум, Додель и др.) удвоилось. Увеличилось и количество скота: большинство беженцев фульбе были скотоводами и пригнали на левый берег свои стада. В результате резко увеличилась нагрузка на местные пастбища и источники воды, что стало провоцировать конфликты между беженцами и коренным населением.

Появление десятков тысяч людей на левом берегу увеличило спрос на орошаемые земли, а также вызвало перегрузку инфраструктуры: особенно это коснулось источников пресной воды и больниц. Помощь международных гуманитарных организаций первоначально позволила устранить эту проблему, но уже в 1993 г. потребовалось расширять сеть местных медицинских учреждений.

Положение беженцев в лагерях. Значительное число мавританских беженцев в долине реки Сенегал с 1990 г. проживает в лагерях. В июне 1991 г. УВКБ (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев) насчитало 52 995 беженцев на сенегальском берегу. К этому числу следует добавить от 10 до 13 тыс. беженцев, сконцентрированных в пятнадцати лагерях в Мали. При этом реальное количество беженцев, вероятно, было существенно большим, так как не все из них живут в лагерях (некоторые разместились в деревнях и городах), а часть не заявила о своем статусе, опасаясь быть принудительно возвращенными на правый берег. При этом на тот момент прибытие на левый берег беженцев было еще не завершено. С октября 1990 г. по январь 1991 г. с юга Мавритании по подозрению в принадлежности к оппозиции было выслано около 3 000 чернокожих [9. Р. 102].

В 1992 г. еще 1 400 человек были высланы из Мавритании через реку. В 1993 г. в районе г. Бакель 540 чернокожих мавританцев бежали на левый берег из-за насилия со стороны мавританских военных, 371 деревня правого берега полностью или частично обезлюдела, особенно в провинции Горголь и в нижнем течении реки [Ibid. Р. 104]. Некоторые из них были ча-

стично сожжены или разрушены, часть заселена харатинами и переименована.

Беженцы изначально были размещены в 276 лагерях разной вместимости (47 в Дагане, 96 в Подоре, 118 в Матаме, 15 в Бакеле). Самый большой лагерь (на 2 500 человек) находится близ Бакеля.

Как правило, беженцы сгруппированы по признаку этнической принадлежности или месту происхождения. 90% беженцев принадлежат к народности пулар, 75% являются скотоводами фульбе. Они составляют более двух третей депортированных [8. Р. 581].

Лагерь беженцев на сегодняшний день представляют собой маленькие деревни. Изначально людей вообще селили в синих брезентовых палатках с эмблемой УВКБ, но очень быстро люди восстановили свою традиционную среду обитания: волоф оборудовали землянки, пулар отстроили традиционные полусферические соломенные хижины. Крупные деревни имеют медицинский центр и школу. Фактически они самоуправляются: среди беженцев было немало государственных служащих, учителей, полицейских, солдат, которые на новом месте вернулись к освоённой профессии.

УВКБ гарантирует беженцам минимальный продовольственный паек, состоящий в основном из муки, масла и сушеной рыбы. Учитывая естественный прирост населения в лагерях беженцев, этого обеспечения недостаточно, но часть беженцев пытается обеспечить себя самостоятельно за счет скотоводства, рыбной ловли, торговли молоком и мясом. Продовольственная помощь беженцам по сей день остается наиболее востребованной помощью со стороны гуманитарных организаций (помимо УВКБ, это неправительственные и международные организации CIMADE, «Планета людей», «Врачи без границ», «Каритас», МКК, ЮНЕСКО и др.). До 1993 г. гуманитарные организации предоставляли жителям лагерей по 12 кг сорго в месяц, но впоследствии объем помощи стал сокращаться: в 1993 г. – до 9 кг в месяц, в 1995 г. – до 7,5 кг. В конце 1995 г. продовольственная помощь была вообще прекращена. Сами беженцы считают это способом давления на них, чтобы заставить их вернуться в Мавританию [4. Р. 111].

Исследование, проведенное УВКБ в 1993 г., показало, что на тот момент 93% беженцев в Подоре и 74% в Дагане желали вернуться в Мавританию. В основном это было желание волоф и тукулёр, стремившихся вернуться на орошаемые земли правого берега. В Матаме мнения беженцев разделились (51% – за возвращение, 47% – против): многие скотоводы фульбе сохранили сравнительно большое поголовье скота после депортации и опасались его изъятия мавританскими властями по возвращении за реку [8. Р. 586].

В апреле 1992 г. граница между Мавританией и Сенегалом была приоткрыта в Росо (Мавритания). Мавританское правительство предъявило всем желающим вернуться на правый берег беженцам требование

предоставить удостоверение личности, справки о вакцинации и депозит в размере 30 000 франков СФА. Мавританская полиция тщательно расследовала национальность каждого из желающих пересечь реку, а с 1992 г. Мавритания потребовала заблаговременной регистрации каждого репатрианта. Инициатива открытия границы осталась во многом формальной: большинство беженцев не имели даже документов. Зато открытие границы позволило мавританским торговцам забрать свои активы, замороженные в банках Дакара.

Тем не менее в 1992 и 1993 гг. УВКБ зарегистрировано 1 400 деклараций беженцев, желавших вернуться на родину, в округах Подор и Матам. В 1995 г. 7000–8000 беженцев пересекли границу в северном направлении (по данным Мавритании – 15 000). В округе Подор число зарегистрированных беженцев сократилось на 12% в период с 1991 по 1995 г. При этом те, кто возвращался на правый берег, не имели никаких гарантий приобретения земли или занятости.

Перепись беженцев в августе 1995 г., проведенная УВКБ по просьбе Сенегала, дала надежду на разрешение кризиса беженцев. Результаты переписи не были обнародованы, но, по некоторым оценкам, в лагерях долины на тот момент оставалось еще около 66 000 беженцев, в городах беженцев фактически не осталось.

В 1996 г. Мавритания объявила о возможности репатриации без предварительных условий, но под контролем УВКБ. Пользуясь этим, в июне 1996 г. 5 112 человек вернулись в Мавританию при содействии УВКБ и мавританского Красного Полумесяца.

Зачастую дальнейшее возвращение беженцев на родину в значительной степени зависело от международного политического воздействия на Мавританию.

Политическое решение проблемы беженцев. В начале конфликта некоторые организации по правам человека (например, «Africa Watch») обратились к США, ЕС и Франции с просьбой воздействовать на правительство Мавритании в его позиции по чернокожему населению страны. Эти призывы остались в значительной степени напрасными. Международное сообщество выразило неодобрение лишь в связи с массовым изгнанием чернокожих (как в 1989 г.) и серьезными нарушениями прав человека (как в 1991 г., когда в Мавритании было убито почти 500 чернокожих).

США уже к 1995 г. сократили финансирование гуманитарных программ в отношении беженцев до мало-значительной, связывая это с улучшением ситуации с соблюдением прав человека в Мавритании. Всемирный банк, основной кредитор Мавритании, при этом не перестал давать ей кредиты (164 млн долл. в период с 1995 по 1997 г.). Европейский союз, несмотря на критическое отношение Европарламента к мавританскому правительству, не предпринял никаких конкретных мер против Мавритании.

Позиция Франции осталась неоднозначной. Стремясь поддерживать хорошие отношения с арабскими странами и странами Черной Африки, Франция отказалась от

открытой критики мавританского правительства. Так, французы не сократили финансовую помощь Мавритании в период кризиса и временно урезали ее до 40% лишь в 1990 г. в связи с одобрением мавританским правительством политики Ирака во время войны в Персидском заливе. Франция по-прежнему активно участвует в реализации проектов орошения мавританских земель. При этом она, с одной стороны, приветствует усилия мавританского правительства по демократизации, реализуемые с 1992 г. (организация всенародных свободных выборов, многопартийность и т.п.), с другой – призывает к освобождению политических заключенных и восстановлению дипломатических отношений с Сенегалом. Франция считает термин «беженец» по отношению к тем мавританцам, что еще находятся в лагерях беженцев, некорректным, так как, по мнению французских политиков, те, кто желает вернуться в Мавританию, не имеют к этому преград [4. Р. 113].

Тем не менее Франция приложила немало дипломатических усилий, чтобы конфликт между странами не перерос в войну. Не прошло и двух месяцев после погромов в Дакаре и Нуакшоте и депортаций, как президент Сенегала Абду Диуф, при посредничестве Франции, предпринял неофициальные шаги, чтобы восстановить контакты с Мавританией на саммите ЭКОВАС в Бенине. Однако стороны не смогли согласовать вопрос о границе, которую требовал пересмотреть Сенегал.

На протяжении 1990 г. под эгидой Франции прошли секретные переговоры между Сенегалом и Мавританией, кульминацией которых стала встреча сторон в Бисау в июле 1991 г. Сенегал снял вопрос о пересмотре границы и стал вести прагматичную политику, нацеленную на недопущение провокаций со своей стороны к эскалации конфликта.

В апреле 1992 г. между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения, однако позиции сторон по кризису 1989 г. остались неизменными: Сенегал настаивал на реинтеграции беженцев, а Мавритания отрицала насильственный характер депортации. В честь формальной нормализации отношений между странами ЮНИСЕФ организовала в Росо (Мавритания) в июне 1992 г. праздник для сенегальских и мавританских детей, однако дети беженцев, как сообщали сенегальские журналисты, были изгнаны с мероприятия под предлогом того, что они «портили праздник». Это произошло уже после того, как министры двух стран сфотографировались с детьми [Ibid. Р. 115].

Слабость международного давления на Мавританию в связи с депортацией 1989 г. во многом объясняется изменениями в политической сфере страны, вызвавшими одобрение Европы и США. Была обнародована новая демократическая конституция, прошли президентские выборы в январе 1992 г., выборы в законодательные органы в марте 1992 г. и муниципальные выборы в 1994 г. Было отмечено некоторое ослабление цензуры, а в июне 1993 г. была объявлена амнистия за все преступления, совершенные вооруженными силами

и силами безопасности в период с апреля 1989 по июнь 1993 г., что вызвало негативную реакцию Сенегала и некоторых правозащитных организаций.

Изменение внешнеполитического курса страны также позволило избежать международного давления и изоляции. В 1992 г. Нуакшот отказался от союза с Ираком и наладил отношения с Саудовской Аравией и Кувейтом, что было позитивно воспринято на Западе. Улучшение отношений было также отмечено с Францией и Португалией.

В результате этих изменений проблема беженцев в долине реки Сенегал оказалась заморожена. Правительство Мавритании мало изменило свою позицию по этому вопросу с 1992 г.: Мавритания не изгоняла мавританских граждан в 1989 г., и, следовательно, в Сенегале нет мавританских беженцев; мавританские граждане, находящиеся в Сенегале, свободны вернуться на родину. Очевидно, что подобный подход грозил сделать проблему беженцев в долине реки Сенегал проблемой десятилетий, как, например, проблема армянского геноцида в годы Первой мировой войны.

Современное состояние проблемы. Проблема возвращения беженцев вплоть до недавнего времени оставалась предметом дискуссий между Сенегалом и Мавританией. Сенегал требовал от соседа компенсаций за депортации и создания благоприятных условий для возвращения беженцев на правый берег. Мавритания, как уже отмечалось, не признавала существования проблемы, указывая, что те, кто до сих пор проживает в лагерях на левом берегу, не имеют препятствий к возвращению на родину, а значит, проживают в Сенегале по собственной инициативе.

При этом вопрос о границе между странами решен не был, а движение по реке не было свободным. Земельный вопрос в Мавритании также не был решен, что не давало беженцам уверенности в возможности спокойной жизни на правом берегу.

Решение проблемы было намечено в начале 2000-х гг. и ожидалось было связано с изменением позиции Мавритании по вопросу беженцев. В 2001 г. президент страны Маауйя ульд Сиди Ахмед Тайя инициировал аресты исламских радикалов. Отказ от политики исламизации был воспринят как сигнал к либерализации и изменению внешнеполитического курса. Несмотря на свержение ульд Тайя 3 августа 2005 г., новый глава страны Сиди Мухаммед ульд Шейх Абдаллахи продолжил политику предшественника и, в частности, начал процесс урегулирования ситуации с мавританскими беженцами. Официально Мавритания не взяла на себя ответственность за депортации 1989 г., но в июне 2007 г. мавританское правительство просило УВКБ ООН помочь ему репатриировать чернокожих мавританцев, живших в лагерях беженцев в Мали и Сенегале. В январе 2008 г. между Мавританией и Сенегалом было достигнуто соглашение о репатриации 24 000 беженцев. 29 января 2008 г. первый конвой из Сенегала доставил в Мавританию 103 мавританских

беженца [10]. Многие беженцы, как отмечали международные наблюдатели, не спешили возвращаться из-за задержек в выдаче идентификационных документов, необходимых для въезда в Мавританию. «Мы решительно призываем власти ликвидировать задержки, связанные с выдачей удостоверений личности документов. Мы надеемся, что темпы репатриации будут возрастать», – заявила представитель УВКБ в Мавритании Анн-Мари Дойчландер-Роджа [Ibid.].

К апрелю 2009 г. УВКБ помог уже более 10 000 мавританских беженцев вернуться на родину [11]. Наконец, к марту 2012 г., когда программа репатриации была завершена, УВКБ отчитался о 24 272 беженцах, вернувшихся в Мавританию [12].

Президент Мавритании Мохамед ульд Абдель-Азиз принял участие в церемонии в Росо, в ходе которой приветствовал группу из 277 беженцев, которые были на день раньше в составе последней колонны УВКБ [13].

В заключение следует отметить, что острая фаза межэтнического конфликта между Сенегалом и Мавританией, как и порожденной им проблемы беженцев, на сегодняшний день позади. Это стало возможным благодаря политическому компромиссу между двумя странами, однако решение этих проблем далось очень нелегко.

По оценкам УВКБ ООН, на сегодняшний день в Мали еще находится не менее 6 000 беженцев и 14 000 беженцев в Сенегале [Ibid.]. Это те, кто решил не возвращаться на историческую родину и пользуется программами интеграции при поддержке УВКБ ООН и его партнеров.

Между Дакаром и Нуакшотом до сих пор остро стоят проблемы, связанные с неконтролируемой миграцией населения на участке границы вдоль нижнего и среднего течения реки Сенегал. Хотя в результате многосторонних усилий сенегало-мавританский военный конфликт 1989 г. удалось урегулировать, почва для рецидивов острого противоборства между соседями сохраняется [14. С. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Brooks G.E. *Landlords and Strangers. Ecology, Society and Trade in Western Africa, 1000–1630*. Boulder, Westview Press, 1993. 360 p.
2. Leservoissier O. L'évolution foncière de la rive droite du fleuve Sénégal sous la colonization (Mauritanie) // *Cahiers d'études africaines*. 1994. Vol. XXXIV-1-3 (133–135). P. 55–84.
3. Stewart C. *Political and Social Stratification in Mauritania* // *Arabs and Berbers: from Tribe to Nation in North Africa*. Lexington, 1972. P. 375–393.
4. Santoir C. Les naufragés du fleuve: le problème des réfugiés mauritaniens dans la vallée du fleuve Sénégal // *Autrepart*. 1998. № 5. P. 95–119.
5. Santoir C. D'une rive l'autre. Les Peul mauritaniens réfugiés au Sénégal (départements de Dagana et de Podor) // *Cahiers des sciences humaines*. 1993. Vol. 29 (1). P. 195–229.
6. Ba B. La question foncière dans le bassin du fleuve Sénégal. L'exemple de la Mauritanie // *La vallée du fleuve Sénégal. Evaluations et perspectives d'une décennie d'aménagements*. Paris, 1991. P. 256–275.
7. Schmitz J. Anthropologie des conflits fonciers et hydropolitiques du fleuve Sénégal (1975–1991) // *Cahiers des sciences humaines*. 1993. Vol. 29 (4). P. 591–663.
8. Santoir C. Les Peul "refusés". Les Peul mauritaniens réfugiés au Sénégal (département de Matam) // *Cahiers des sciences humaines*. 1990. Vol. 26 (4). P. 577–603.
9. Fleischman J. *Mauritania's campaign of Terror: State Sponsored Repression of Black Africans*. Washington, Human Rights Watch, 1994. 157 p.
10. Boost for the reintegration of Mauritanian returnees // *United Nations Office of the High Commissioner for Refugees (UNHCR)*. 26 November 2008. URL: <http://www.unhcr.org/492d41584.html>, free (access data: 13.01.2016).
11. UNHCR helps more than 10,000 Mauritians return home // *UNHCR*. 28 April 2009. URL: <http://www.unhcr.org/49f6fa252.html>, free (access data: 13.01.2016).
12. UNHCR completes repatriation of more than 24,000 Mauritians // *UNHCR*. 27 March 2012. URL: <http://www.unhcr.org/4f71f54c6.html>, free (access data: 14.01.2016).
13. UNHCR distributes biometric ID cards to refugees in Senegal // *UNHCR*. 22 October 2012. URL: <http://www.unhcr.org/508536389.html>, free (access data: 14.01.2016).
14. Барри Б. Актуальные вопросы внешней политики Республики Сенегал в 90-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 28 с.

Makutchev Aleksandr V. Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia). E-mail: makutcheve@mail.ru

EXPERIENCE IN SOLVING PROBLEMS OF MAURITANIAN REFUGEES IN SENEGAL RIVER VALLEY.

Keywords: refugees; Senegal-Mauritania conflict; West Africa; the inter-ethnic conflict.

In the Senegal River Valley – historic site of contact of races and nationalities – there was an inter-ethnic conflict between Mauritians and the black population of the region in 1989. Its development has turned the expulsion from Mauritania at least 60,000 people that were forced to seek refuge in neighboring Senegal and Mali. Despite the apparent insignificance of these events, the conflict between Senegal and Mauritania, and caused by them a humanitarian crisis, is an interesting combination of historical, economic and political contradictions. The aim of this study is to examine the historical background of the border conflict's occurrence between Senegal and Mauritania, of its transformation into a humanitarian crisis and ways of overcoming this crisis. The research is based on an analysis of the works of foreign authors, because this problem has not been studied in the Russian historiography. For example, valuable information for the investigation is presented in the works of the French and British experts (G.E. Brooks, C. Stewart, C. Santoir, etc.). In addition, in the article were used an official statistical and analytical data of UNHCR (United Nations High Commissioner for Refugees; <http://www.unhcr.org>). For a full analysis of the refugee problem in the delta of the Senegal River author refers to the research of historical and economic preconditions of the Senegal-Mauritania conflict. He concludes that each of the member countries of the conflict has the right to present their pretensions to the Senegal River Delta on the basis of the facts about resettlement and migrations in the region. Turning to the economic premises of the conflict, the author points to climate changes in the region, which triggered a struggle for the pastures of the river delta. Ultimately the land dispute has transformed into a political and ethnic conflict between Senegal and Mauritania, which gave rise to the refugee problem. The author describes two main stages of the humanitarian crisis: 1) the mutual deportation by Senegal and Mauritania of citizens of each other, that led to the organization of refugee camps and only exacerbated the economic situation of both countries; 2) the political solution of the refugee crisis, which became possible due to the pressure on the government of Mauritania by governments and non-governmental organizations. The author shows how the goodwill of participants in the settlement

of the humanitarian crisis as well as the attention of the world community, can have a positive impact on its development. In conclusion, the author points out that the return to their homeland in 2009–2012 more than 20,000 refugees allows us to speak about the end of the acute phase of the ethnic conflict, however, the refugee camp still continue to operate, so the problem of refugees in the Senegal River Delta requires further settlement.

REFERENCES

1. Brooks, G.E. (1993) *Landlords and Strangers. Ecology, Society and Trade in Western Africa, 1000–1630*. Boulder: Westview Press.
2. Leservoisier, O. (1994) L'évolution foncière de la rive droite du fleuve Sénégal sous la colonization (Mauritanie) [The land development of the right bank of the Senegal River under colonization (Mauritania)]. *Cahiers d'études africaines*. XXXIV-1-3 (133–135). pp. 55-84.
3. Stewart, C. (1972) Political and Social Stratification in Mauritania. In: Gellner, E. & Micaud, C.A. (eds) *Arabs and Berbers: from Tribe to Nation in North Africa*. Lexington: Lexington Books. pp. 375-393.
4. Santoir, C. (1998) Les naufragés du fleuve: le problème des réfugiés mauritaniens dans la vallée du fleuve Sénégal [The castaways of the river: the problem of Mauritanian refugees in the Senegal river valley]. *Autrepart*. 5. pp. 95-119.
5. Santoir, C. (1993) D'une rive l'autre. Les Peul mauritaniens réfugiés au Sénégal (départments de Dagana et de Podor) [From one bank to another. Mauritanian Peul refugees in Senegal (departments of Dagana and Podor)]. *Cahiers des sciences humaines*. 29(1). pp. 195-229.
6. Ba, B. (1991) La question foncière dans le bassin du fleuve Sénégal. L'exemple de la Mauritanie [The land issue in the Senegal river basin. The case study of Mauritania]. In: *La vallée du fleuve Sénégal. Evaluations et perspectives d'une décennie d'aménagements* [The valley of the river Senegal. Evaluations and prospects for a decade of development]. Paris: Karthala. pp. 256-275.
7. Schmitz, J. (1993) Anthropologie des conflits fonciers et hydropolitiques du fleuve Sénégal (1975–1991) [Anthropology of land and hydropolitical conflicts in the Senegal River (1975-1991)]. *Cahiers des sciences humaines*. 29(4). pp. 591-663.
8. Santoir, C. (1990) Les Peul "refusés". Les Peul mauritaniens réfugiés au Sénégal (département de Matam) [The Peul "refused". Mauritanian Peul Refugees in Senegal (Department of Matam)]. *Cahiers des sciences humaines*. 26(4). pp. 577-603.
9. Fleischman, J. (1994) *Mauritania's campaign of Terror: State Sponsored Repression of Black Africans*. Washington: Human Rights Watch.
10. United Nations Office of the High Commissioner for Refugees (UNHCR). (2008) *Boost for the reintegration of Mauritanian returnees*. 26th November. [Online] Available from: <http://www.unhcr.org/492d41584.html>. (Accessed: 13th January 2016).
11. United Nations Office of the High Commissioner for Refugees (UNHCR). (2009) *UNHCR helps more than 10,000 Mauritians return home*. 28th April. [Online] Available from: <http://www.unhcr.org/49f6fa252.html>. (Accessed: 13th January 2016).
12. United Nations Office of the High Commissioner for Refugees (UNHCR). (2012a) *UNHCR completes repatriation of more than 24,000 Mauritians*. 27th March. [Online] Available from: <http://www.unhcr.org/4f71f54c6.html>. (Accessed: 14th January 2016).
13. United Nations Office of the High Commissioner for Refugees (UNHCR). (2012b) *UNHCR distributes biometric ID cards to refugees in Senegal*. 22nd October. [Online] Available from: <http://www.unhcr.org/508536389.html>. (Accessed: 14th January 2016).
14. Barry, B. (1999) *Aktual'nye voprosy vneshney politiki Respubliki Senegal v 90-e gody* [Topical issues of foreign policy of the Republic of Senegal in the 1990s]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

В.Б. Белов, О.В. Колесова, И.В. Поморина, Р.В. Оплаканская

«TOWN AND GOWN»¹: УНИВЕРСИТЕТ В ГОРОДСКОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И ПОЛЬШИ)

Статья подготовлена в рамках проекта Центра «TSSW» Томского государственного университета.

В условиях глобализации высшего образования возрастает конкуренция высших учебных заведений как в национальном, так и в мировом масштабе. Модернизация высшего образования в РФ с учетом вызовов времени делает необходимым переосмысление взаимодействия университета и города в российских условиях. Данная статья рассматривает вопросы становления известных европейских университетов в контексте городского социально-экономического и культурно-исторического пространства – от Средневековья до наших дней. Дается краткий исторический очерк особенностей развития известных университетов Великобритании, Германии, Франции, Польши, анализируется их роль в формировании современных пространств университетских городов, исследуется проблема гармоничной интеграции исторических кампусов в инфраструктуру таких городов и способы ее решения в рассматриваемых странах.

Ключевые слова: высшее образование; университет; университетский город; сохранение культурно-исторического наследия.

История европейских университетов неразрывно связана с городом как социокультурным и экономическим явлением и во многом определяет вектор его развития. Университеты являются неотъемлемой частью европейского социума. Изначально университет на латыни (*universitas*) означал сообщество/объединение – по сути, под этим понималась корпорация, к которой в Средневековье относились цеха и гильдии. Университет стал продуктом средневековой городской жизни – своеобразной гильдией учёных и преподавателей, к которой примыкали студенты [1].

Связанные с развитием городов и их культурной среды университетские учреждения воспитали поколения интеллектуалов, образовавших особую социальную группу. Университетское сообщество занималось деятельностью, направленной на получение универсального знания, имеющего фундаментальный характер – своеобразного инструмента для объяснения мира. На протяжении столетий роль университетов в жизни городов возрастала. В современном мире образование стало одним из важнейших факторов развития национальных экономик, в связи с чем резко возросла конкуренция между вузами в мировом образовательном и информационном пространстве. Миссия современного университета наполнилась новым содержанием. Помимо традиционной функции – образования, способного в условиях современных вызовов времени стать катализатором роста национальных экономик и обеспечения национальной безопасности, не менее важной становится задача сохранения национальной идентичности и культурного своеобразия. Феномен университета заключается в его способности в условиях интернационализации образования сохранять достижения и традиции различных эпох.

Сегодня европейские университеты по-прежнему остаются одним из определяющих элементов городской социально-экономической и культурной среды.

Опросы показывают, что города, наиболее привлекательные для студентов, занимают первые места по качеству жизни населения в целом и находятся в лучшей демографической ситуации в сравнении с соседними [2].

Изучение культурно-исторических особенностей и современных тенденций развития европейских университетских городов актуально для разработки стратегий устойчивого развития городов России, а также для сохранения культурно-исторического наследия. Предметом статьи стала проблема университетского города как социально-экономического и культурно-исторического феномена в контексте европейского цивилизационного пространства. В качестве объекта исследования были выбраны университетские города таких стран, как Великобритания, Германия, Франция и Польша, поскольку именно эти страны занимают лидирующие позиции по количеству студентов в Европе. Системы высшего образования упомянутых стран имеют многовековую историю, сочетающую богатство традиций с инновациями – дань информационному обществу в контексте европейского цивилизационного пространства.

Великобритания. Университеты в Великобритании появились одними из первых в Европе. Старейшим в англоязычном мире и вторым по старшинству в Европе является Оксфордский университет. В той или иной форме обучение велось с 1096 г. После того, как в 1167 г. король Генрих II запретил английским студентам учиться в Парижском университете, их количество в Оксфорде заметно возросло. В 1209 г. обучение было приостановлено в связи с конфликтом между горожанами и университетскими профессорами и последовавшей казнью двух ученых. Это стало причиной переезда ряда преподавателей в Кембридж, где был основан новый университет. В 1355 г. в Оксфорде снова произошли стычки между горожанами и студентами, во-

шедшие в историю под названием «восстание в день Святого Схоластика» и приведшие к смерти 63 студентов и 30 горожан. В последующие два столетия появилось несколько университетов в Шотландии (Сент-Эндрюс (1411), Глазго (1451), Абердине (1495) и Эдинбурге (1583)), в то время как в самой Англии новые университеты не появлялись в течение 600 лет. В значительной степени это объясняется противодействием Оксфорда и Кембриджа [3. S. 18].

В то же время оба университета постоянно расширялись благодаря появлению новых колледжей. Оксфорд и Кембридж, которые относятся к первому поколению университетов, часто называют «старинными» или «каменными» из-за средневековой кладки стен университетских зданий.

С началом промышленной революции возросла потребность в квалифицированных кадрах, что привело к открытию университетов в крупных городах – в Лондоне и Дареме (1836), Манчестере (1851), Бирмингеме (1900), Ливерпуле (1903), Бристоле (1909), Рединге (1926). Первоначально это были колледжи, деятельность которых имела прикладной характер (подготовка инженерных кадров). Позднее они получили статус университетов. Второе поколение университетов часто называют «краснокирпичными», поскольку при строительстве их кампусов использовался наиболее распространенный в эпоху промышленного развития красный кирпич [4].

Третье поколение университетов Великобритании появилось уже после войны, в 1960-е гг. Их называют университетами из «листового стекла», так как при их строительстве использовались крупные блоки листового стекла в стальной или бетонной арматуре. Среди них университеты в Бате, Эксетере, Сассексе, Уорике, Кенте и Эссексе.

За последние пятьдесят с лишним лет положение университетов в английском обществе сильно изменилось. Столетиями они обслуживали элитарную часть британского общества: например, в середине XX в. в королевстве насчитывалось 23 университета с общей численностью студентов 102 тыс. человек. Однако в 2014–2015 гг. в 159 высших учебных заведениях страны обучались 2,27 млн студентов [5]. «Экспансию» университетов связывают с влиянием доклада правительственной комиссии под председательством известного экономиста лорда Лионеля Роббинса в 1963 г., который подверг критике существовавшую на тот момент систему высшего образования как не отвечающую потребностям развития Великобритании во второй половине XX в. [6]. В докладе Роббинса проводилась идея о необходимости сделать национальную систему образования доступной для широких слоев населения королевства. В 1980-е гг. началась вторая волна развития системы высшего образования, ознаменовавшая переход от элитарного образования к массовому. Это выразилось в том, что в 1992 г. более сорока бывших политехнических колледжей получили статус универ-

ситетов. Подобные изменения происходили и в других развитых странах Запада. Процессы модернизации стали мощным импульсом для развития системы высшего образования, но было бы несправедливо умалять роль национальной традиции высшей школы. Более 600 лет Оксфорд и Кембридж были единственными университетами в Англии, что, естественно, привело к их большому влиянию на основы высшего образования в стране. Например, Оксфордская университетская модель получила развитие в виде «кампусных» университетов в 1960-х гг.

Ускоренный рост числа университетов привел к финансовым проблемам и поверг систему высшего образования в 1970-е гг. в длительный кризис. Закон Дальнейшего и Высшего Образования 1992 г. привел к значительным изменениям в системе финансирования и администрирования колледжей и университетов, создал национальную систему Советов финансирования, дал статус университета 35 политехническим колледжам, вывел колледжи из-под контроля местной власти и заложил основы системы контроля качества образования. Эти перемены привели к усилению финансовых проблем, которые коснулись всех университетов. Последовавшее введение частичной оплаты за обучение, целевая финансовая поддержка, развитие маркетинга услуг университетов отражали возрастающее влияние американской модели, отличной от европейских моделей организации высшей школы.

Несмотря на проблемы, которых не может избежать ни одна динамично развивающаяся система, можно с уверенностью сказать, что с начала XXI в. в Британии существует единая национальная система высшего образования, удачно сочетающая разные группы университетов, начиная от «старинных» и кончая «новыми». Она представляет собой определенную иерархию университетов, которые, хотя и не всегда равнозначны по своему интеллектуальному и социальному престижу, но равнодоступны для всех социальных слоев общества. Гарантом социальной справедливости в сфере образования является государственное финансирование. Однако возрастающая межвузовская конкуренция и агрессивный маркетинг услуг университетов могут привести к усилению неравенства между ними с точки зрения качества и социального престижа образования. Лучшие преподавательские кадры и материально-технические возможности для научных исследований сосредоточены в 24 университетах страны, входящих в так называемую «Рассел групп»². На нее приходится 66% всех научных исследовательских грантов, 56% всех защищенных кандидатских диссертаций и более 30% всех иностранных студентов, не считая выходцев из стран Евросоюза [7].

Принятый Парламентом в 2016 г. закон о высшем образовании «Совершенство преподавания, социальная мобильность и выбор студентов» позволяет этой группе университетов и дальше повышать плату за обучение при условии обеспечения высокого качества обра-

зования, хороших показателей трудоустройства выпускников, которое в немалой степени зависит от престижа университета; а также от степени удовлетворенности выпускников своим вузом [8]. Это, в свою очередь, может привести к дальнейшему росту расслоения среди университетов. Естественно, что более богатые университеты, привлекающие больше научных грантов и иностранных студентов, больше вкладываются в инфраструктуру и могут оказать большую пользу городу, в котором они расположены. Иногда интересы жителей города и университетов могут не совпадать, но, конечно, до кровавых стычек, как в Средневековье, дело не доходит, все вопросы решаются путем переговоров.

Высокий потенциальный покупательский спрос университетов и студентов может привести к росту стоимости жизни в университетском городе, особенно аренды жилья. Рост числа мест в общежитиях не успевает за ростом числа студентов, поэтому университеты находятся в процессе перманентного строительства и покупки земли для новых застроек. В Великобритании университеты должны обеспечивать жильем только первокурсников, а остальные студенты сами подыскивают и снимают жилье. Чем привлекательнее город, тем выше стоимость аренды, так что многие хозяева предпочитают сдавать дома и квартиры студентам, так как это приносит им больший доход, чем сдача обычным семьям. Многие жители связывают рост стоимости аренды и нехватку квартир именно со студентами и требуют от городских советов решительных действий по отношению к университетам, настаивая на введении ограничений на рост числа студентов. Такая борьба за землю и возможное строительство особенно сильна в небольших городах, где растущие армии студентов начинают доминировать над горожанами. С другой стороны, хотя город недополучает налоги от сдачи в аренду жилья студентам (по закону студенты дневной формы обучения не платят муниципальный налог), студенты увеличивают доходы местных предпринимателей, приобретая их продукты, товары и услуги.

Понятно, что выбирая университет, абитуриент выбирает и место для жизни. Привлекательность города для студентов и их родителей в немалой степени зависит от уровня безопасности. Например, город Бат уже несколько лет считается самым безопасным городом в стране, что упрочило популярность его университетов.

В 2013–2015 гг. проводилось социологическое исследование среди студентов школ бизнеса и экономики (18 университетов Великобритании) о влиянии различных факторов на выбор ими университета, а также об изменении их ожиданий от учебы в связи с ростом стоимости обучения. В исследовании приняли участие около 3 500 студентов. Респонденты указали важность качества жизни в городе и его расположение как второй по значимости фактор после специальности в их выборе университета (с этим согласились 83% студентов направления бизнеса и 77% студентов направления экономики) [9].

Можно выделить шесть типов университетских городов в Великобритании, предоставляющих студентам разные варианты проживания [10]. Большинство университетских городов легко идентифицируется с одним из следующих описаний:

1. В классическом университетском городе (university city) студенты проживают совместно, вблизи центра большого города. При этом студенты могут жить и общаться и внутри границ университета (занимая соседние районы под жилье), и в других районах города. Примерами классических университетских городов с основным крупным университетом являются Белфаст (Королевский университет Белфаста), Бирмингем (Университет Бирмингема), Лидс (Университет Лидса) и Глазго (Университет Глазго).

2. Под «метрополитен» (metropolitan university, что означает «принадлежащие городу»), или «столичными» университетами, мы понимаем те университеты, которые вместе со студенческими сообществами интегрированы в городскую среду. В отличие от классических университетов первой группы, общежития и университетские здания могут быть раскиданы по всему городу, и студенческие сообщества действуют также по всему городу независимо от университетской и студенческой администрации. Примерами таких «столичных» университетских поселений являются Брайтон (Университет Брайтона), Лондон (Королевский колледж и Университетский колледжи Лондона), Шеффилд (Университет Шеффилда), Ливерпуль (Университет Ливерпуля).

3. Некоторые большие города (с населением более 200 000 человек) имеют университеты, расположенные вдали от центра города. Университеты в этом случае располагаются либо в пригороде, либо внутри замкнутых границ кампуса. Примерами таких городов с кампусоориентированными университетами являются Бристоль (Университет Запада Англии), Ноттингем (Университет Ноттингема) и район Барнет в Северном Лондоне (Университет Мидлсекс).

4. В классическом университетском городке (university town) студенты доминируют в городской жизни, студенческое сообщество является центральным и составляет значительную часть населения городка. Концепция университетского городка похожа на классическую и «метрополитен» модели с тем исключением, что студенты не живут в центре больших городов. В университетском городке население не превышает 200 000, а количество студентов более 10 000. Примерами классических университетских городков являются Данди (Университет Данди), Хадерсфилд (Университет Хадерсфилда) и Престон (Университет Центрального Ланкашира).

5. Университеты в городках часто создают дополнительную инфраструктуру для студентов, полностью обеспечивающую их жизнь. Кампусный университетский городок славится тем, что студенты чаще используют неакадемические службы университета, чем их

аналоги в городке. Примерами таких городков являются Бат (Университет Бата и Университет Бат Спа), Кентерберри (Университет Кента) и Норвич (Университет Востока Англии).

6. Внутри университетских городков с коллегиальной структурой университета студенческая жизнь протекает в основном внутри колледжей, а не в общем кампусе университета или в самом городке. Такие городки обычно имеют значительные связи между кампусами и городом, так как сами колледжи не могут полностью удовлетворять все запросы студентов. У студентов часто есть возможность выбора – замкнуться на своем колледже или общаться с более широким сообществом. Примерами таких городков являются Оксфорд (Университет Оксфорда) и Кембридж (Университет Кембриджа).

Германия. Система высшего образования Германии характеризуется гармоничным сочетанием старых университетских традиций и инновационных методов управления образованием, фундаментального теоретического образования и научно-исследовательской деятельности. В настоящее время в Германии насчитывается 427 учебных заведений, подавляющее большинство из которых (около 98%) являются государственными. Основу системы высшего образования составляют 107 классических, технических и общих университетов и 22 вуза, статус которых приравнен к университетскому: педагогические институты, философско-теологические и церковные колледжи, а также 216 университетов прикладных наук.

Исторически первым университетом в германском образовательном пространстве считается Прага. В 1348 г. император Карл IV даровал привилегию на открытие университета в этом городе. Его примеру последовали другие немецкие правители и города – Вена (1365), Гейдельберг (1386), Кёльн (1388), Эрфурт (1392), Вюрцбург (1402), Лейпциг (1409). Большинство из них в качестве образцов брали уставы и программы Парижского университета (Сорбонна), получившего хартию от Филиппа II Августа в 1200 г. Формирование модели средневекового университета завершилась в Европе к середине XV в. К этому времени университеты появились в следующих немецких городах: Росток (1419), Грайфсвальд (1456), Ингольштадт (1472), Трир (1473), Майнц (1476), Тюбинген (1477), Франкфурт-на-Одере (1506), Марбург (1527), Йена (1558) [11. С. 12–14].

Разделение прежде единого университетского пространства между католической и протестантской церквями на несколько десятилетий обусловило упадок в его развитии, который постепенно был преодолен в конце XVII – начале XVIII в., когда стали создаваться новые университеты. Первым университетом в современном смысле (как в Германии, так и в Европе) стал университет в Галле (1694) – он включил в преподавание философию и провозгласил принцип свободного исследования и свободной мысли (*libertas philosophandi*). Те учреждения, кому покровительство-

вала верховная власть, стали наиболее успешными, например Гёттингенский университет, открытый в 1737 г. в курфюршестве Ганновер и особо популярный среди российской аристократии. Как правило, городские власти были заинтересованы в развитии университетов – численность студентов могла достигать половины взрослого населения города. Нередко почти вся экономика города была направлена на обслуживание студенческого сообщества [12. С. 62].

В конце XVIII в. практически все немецкие университеты были преобразованы по образцу Гёттингена (именно Гёттингенский университет стал моделью для российских университетов начала XIX в.) и Галле. Примерно с XVIII–XIX вв. синхронное развитие европейских университетов уступает место национальным тенденциям и выполнению задач отдельных государств. Так, в первой половине XIX в. в немецких государствах реализуется построенная на принципах неогуманизма идея создания национальных университетов. В 1810 г. в Берлине (столица Пруссии) основан Берлинский (Гумбольдтовский) университет. Он стал прототипом новой концепции немецкого университета, в основу которой было положено единство исследований и обучения. На тех же принципах открываются университеты в Бонне (1811) и Мюнхене (1826). Старые университеты постепенно теряют свою популярность. Всего к тому времени насчитывалось 22 немецких университета. В среднем в них учились от 200 до 500 студентов. Но по общему числу обучающихся немецкие государства были лидерами в Европе.

В первой половине XIX в. в Германии сформировался классический тип университета, одним из принципов которого стали «экстерриториальность» (исчезновение территориального характера) и разрушение границ между ним и городом (превращение студентов в полноправных членов общества). Во многом такой университет определил развитие германской университетской городской среды в течение XX в.

Сегодня к «университетскому городу» в ФРГ относят те города, в которых есть минимум один университет. Таковых насчитывается 89. Они различаются по размеру, количеству студентов и их доле в общем городском населении, по специализации университетов и их истории. Количество немецких городов с богатыми университетскими традициями, определившими их нынешний облик, существенно меньше – около трёх десятков. Их можно условно разделить на три основные группы: города с университетами, созданными по средневековой модели в XIII–XVI вв.; города с новым типом университетов, основанных в XVII–XVIII вв.; классические немецкие (национальные) университеты, учрежденные в XIX в. в крупных городах. Отдельно следует отметить создание в середине 70-х гг. XX в. университета в южнобаварском Пассау, который не только органично вписался в его культурно-исторический ландшафт, социальную и культурную среду, придав этому очень известному месту имидж

привлекательного университетского города с давними традициями. Для крупных городов с историческими университетами (Берлин, Гамбург, Мюнхен и др.) использование обозначения «университетский» является вторичным по сравнению с такими определениями, как «столица земли», «метрополия» и пр. Для небольших городских образований слово «университетский» нередко становится определяющим, подчёркивающим их специализацию и неоспоримое конкурентное преимущество.

Одним из самых известных и престижных вузов Германии является основанный в 1386 г. по образцу парижской Сорбонны классический Гейдельбергский университет Рупрехта–Карла. К числу очень популярных старейших классических университетов в небольших городах также относятся Гёттинген, Тюбингенский университет Эберхарда и Карла, Фрайбургский университет Альберта–Людвига, Марбургский университет Филиппа. Вышеперечисленные муниципальные образования входят в пятёрку классических «университетских городов» Германии, где университеты являются градообразующими.

Университет в Тюбингене, основанный в 1477 г. по инициативе графа Вюртемберга Эберхарда V Бородастого, второй по старшинству в ФРГ. Он пользуется международным признанием и авторитетом в области естественных, медицинских и общественных наук. На 7 факультетах (280 дисциплин) трудятся около 450 профессоров и 4,4 тыс. исследователей. Среди выпускников много лауреатов Нобелевской премии, а также учёных с мировым именем, особенно в области медицины, химии, теологии. Университет известен своим вкладом в развитие либерального христианского богословия. Главным экспертом в области догматической теологии в 1960-е гг. здесь был Йозеф Ратцингер – впоследствии Папа Римский Бенедикт XVI.

На 85,5 тыс. жителей Тюбингена приходится 28,3 тыс. немецких и иностранных студентов. В старом городе всё пропитано историческим университетским духом – почти каждый дом связан с именем того или иного известного учёного – Гегеля, Гельдерлина и Шеллинга, Мёрике и Уланда, Кеплера и Шиккарда [13]. Важно, что корпуса университета рассредоточены по всему городскому пространству.

Отдельного внимания заслуживает Марбургский университет, основанный в 1527 г. гессенским ландграфом Филиппом Великодушным (первые аудитории располагались в зданиях католических монастырей) и носящий его имя с 1934 г. Это старейший протестантский университет не только в Германии и Европе, но и в мире (кстати, это первый университет, получивший права от светской власти, без участия Папы). Он входит в число исторических вузов (вместе с Гейдельбергским, Гёттингским, Тюбингенским и Фрайбургским университетами), благодаря которым нынешняя ФРГ стала общеевропейским центром науки и просвещения. На 16 факультетах студенты имеют возможность обу-

читься по 21 специальности. В университете преподавали или обучались 11 лауреатов Нобелевской премии, в том числе Борис Пастернак [14]. Сильной стороной университета является наука. В вузе на сегодняшний день четыре направления научной деятельности: нанотехнологии, нейробиология, медико-биологические науки и политическая конфликтология. Студенты этого протестантского университета всегда отличались мятежным и независимым духом, на протяжении веков неоднократно выражали недовольство работой преподавателей и открыто выступали против политики государства. Во времена нацистов нелояльно настроенных к режиму профессоров и студентов изгоняли и подвергали репрессиям.

На 80 тыс. жителей Марбурга приходится 22 тыс. студентов и около 4 тыс. сотрудников. Сегодня университет – самый крупный в городе работодатель. Университетский комплекс включает 160 учебных корпусов, расположенных, как и в Тюбингене, по всему городу. Во многом благодаря студенческой жизни Марбург регулярно завоёвывает титул наиболее достойного для жизни города. Не случайно об этом городе говорят: «В Марбурге не просто есть университет, Марбург сам по себе является университетом» [15].

В 2014 г. городские власти Марбурга и Тюбингена подали заявку на статус объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Предмет наследия: «Прототип классического европейского университетского города». На наш взгляд, опыт Марбурга и Тюбингена может оказаться весьма интересным для российских университетских городов, например Томска.

Франция. Учреждения высшего образования во Франции в основном государственные, частные среди них составляют лишь незначительный процент. Система высшего образования Франции включает 72 университета (90% – государственные) и около 500 высших школ, в том числе 240 высших инженерных школ, 230 высших коммерческих школ и школ управления, а также высшие специализированные школы – педагогические, ветеринарные и т.д. Созданные в начале XIX в. высшие школы являются особенностью французской системы высшего образования, существуют параллельно с университетами и сильно от них отличаются: в частности, небольшими размерами и тесными связями с промышленными предприятиями. Научными исследованиями занята лишь часть университетов Франции. Это, как правило, крупные, расположенные либо в Париже, либо в ряде известных городов Франции (Гренобль, Страсбург, Тулуза, Марсель, Монпелье) [16].

Изначально одной из традиций французских университетов являлось привлечение иностранных студентов. Старейший университет страны – Парижская Сорбонна (1215) – по замыслу основателей должен был являть собой учебное заведение международного масштаба, поэтому 4 его факультета – богословия, права, медицины и искусств – принимали не только французов, но и англичан, а также выходцев из германских и

фламандских земель. Сегодня французские вузы активно возрождают эту традицию: за последние 10 лет количество иностранных студентов выросло на 90%, составляет более 125 000 из 2 247 000 студентов (данные INSEE – Национального института статистики и экономических исследований), по этому показателю Франция занимает 3-е место в мире (после США и Германии) [17].

К другим традициям можно отнести профессионализацию высшего образования. Например, медицинский факультет Монпелье был основан Вильямом Седьмым даже раньше Парижского университета (в 1180 г.) и по праву считается самым старым медицинским учебным заведением западного мира [18].

Стоит отметить, что старые университетские города – Тулуза (1229), Монпелье (1289), Гренобль (1339) – по-прежнему возглавляют рейтинг лучших для учебы городов Франции (по версии портала l'Etudiant) во многом благодаря давним традициям. Среди этих городов есть как крупные (Тулуза – четвертый по величине город Франции), так и небольшие. В Тулузе, занимающей первое место в рейтинге лучших для учебы городов, на 427 тыс. жителей приходится 110 тыс. студентов. История Тулузского университета – второго по старшинству вуза Франции – может служить классическим примером традиционных университетских вольностей. «Париж – чтобы любоваться, Лион – чтобы зарабатывать, Бордо – чтобы тратить, Тулуза – чтобы учиться», – гласит поговорка XVI в. [19. С. 3].

Тулузский университет был создан графом Раймондом VII, согласно Парижскому мирному договору от 12 апреля 1229 г., в ознаменование побед в крестовых походах против альбигойцев (катаров), чья ересь нашла существенное распространение в тогдашней провинции Лангедок [20. С. 19].

Созданием университета Раймонд VII, чей отец был отлучен от церкви за отказ поддержать крестовый поход против альбигойцев, хотел лишний раз продемонстрировать верность папе Григорию IX, недаром среди четырех факультетов – права, теологии, медицины и искусств – лидировал факультет теологии, большинство первых профессоров университета были богословами. Университет должен был демонстрировать примирение между католической церковью и элитой Лангедока. Тем не менее в последующие века университет становится прибежищем марранов (евреи Испании и Португалии, принявшие христианство), каталонцев и даже ирландских мятежников – словом, все, кого на родине преследовали по религиозным или политическим соображениям, заняли достойное место на кафедрах или студенческих скамьях Тулузы. Университет отличался ярко выраженным светским характером и даже демонстрировал тайное сопротивление господствующей католической религии [19. С. 38–39]. В частности, факультет романского права работал со дня основания университета, что способствовало подготовке выдающихся дипломатов, в то время как в Париже изу-

чение гражданского права было запрещено вплоть до 1679 г. [21].

Гренобль, занимающий второе место в рейтинге наиболее удобных для студентов городов, насчитывает всего 155 тыс. жителей, 60 тыс. из которых – студенты, в том числе 16% – иностранные. Последний дофин графства Дофине Гумберт II основал университет Гренобля в 1339 г. по поручению Папы Бенедикта XII и по образцу Сорбонны с целью более успешно конкурировать с соседним Лионом. Однако создание университета не спасло экономику графства Дофине, и в 1349 г. Гумберт продал свои владения Франции при условии, что наследник французской короны будет носить титул «Дофин» [22]. Университет Гренобля вплоть до XIX в. успешно и упорно конкурировал с университетом соседнего Валанса и по праву гордится такими выпускниками, как Шампольон, Стендаль, Берлиоз. Сегодня Гренобль считается одним из самых известных французских учебных и научных центров, особенно в области физики, информатики и прикладной математики.

Важными вехами в истории французских университетов следует считать эпоху Великой французской революции (1789–1799) и 1968 г. Во времена революции деятельность университетов была приостановлена и многие прекратили свое существование, однако, например, профессора факультета медицины в Монпелье продолжали преподавание фактически подпольно, поэтому именно медицинская школа Монпелье вошла, наряду с Парижской и Страсбургской, в число трех школ здоровья (Écoles de Santé), основанных Конвентом в 1794 г., что подтвердило потребность любой власти в специалистах [23].

В 1968 г. после потрясших страну студенческих волнений был принят закон Эдгара Форы (министр образования). Закон Форы реорганизовал систему высшего образования, создал условия для развития автономии университетов, участия студентов и преподавателей в управлении вузами. После 1968 г. крупнейшие французские университеты (Сорбонна, Лионский, Тулузский, Монпелье) разделились на более мелкие – так, на месте Сорбонны возникло объединение из 17 университетов [24].

В последние годы правительство Франции, следуя англо-саксонской модели организации научных исследований, пытается перенести центр тяжести проведения научно-исследовательских работ в университеты. На крупные университетские кампусы планируется потратить 2,3 млрд евро. Цель этих инициатив – создать на территории Франции несколько крупных университетских центров мирового уровня с высокой научной отдачей подобно Гарварду, Кембриджу и др. [25. С. 69]. Политика укрупнения коснулась многих французских университетов – в Гренобле, Монпелье, Тулузе, Лионе, в других городах университеты объединяются в сообщества учебных заведений (COMUE – La Communauté d'Universités et d'Établissements) [26].

Что касается реконструкции и реставрации университетских кампусов, 11 апреля 2013 г. было подписано соглашение между Министерством высшего образования и научных исследований Франции и Французским государственным банком развития CDC о запуске программы CAMPUS d'@VENIR («Кампус будущего»), в которой предусмотрены интеграция исторических университетских кампусов в инфраструктуры городов, развитие цифровой инфраструктуры университетов, поддержка инноваций [27].

Программа предусматривает финансирование совместных инфраструктурных проектов территорий и университетов в размере 20 млрд евро. Так, в реставрации кампуса университета Жана Жореса (Тулуза) участвуют регион Юг – Пиренеи (после реформы 2015 г. – регион Лангедок – Руссильон – Юг – Пиренеи), городская коммуна Большой Тулузы и Генеральный совет Верхней Гаронны. По мнению Президента университета Жана-Мишеля Миновеза, инвестиции в 350 млн евро позволят превратить Мирей (название кампуса – Mirail) в кампус XXI в. [28].

Родина Вольтера, Дидро и Руссо считает свободный доступ к образованию для всех желающих одним из важнейших демократических завоеваний нации и частью французского вклада в мировую цивилизацию. Во Франции ценится специфика региона, в том числе специализация университетов. Так, университет г. Монпелье издавна славится преподаванием естественных наук и медицины, университет Страсбурга – истории, юриспруденции и немецкого языка. Несомненное уважение к культурно-историческим особенностям университетов и окружающих их городов позволяет французам гармонично сочетать сохранение многовекового научного наследия (*le patrimoine scientifique*) с самыми передовыми технологиями устойчивого развития городских поселений (*les villes durables*). К университетским городам во Франции, как и в Германии, относят города, где имеется хотя бы один университет. Так, в Ассоциацию университетских городов Франции входит 80 городов, от метрополий, подобных Парижу, Лиону и Страсбургу до пригородов более крупных муниципальных образований – например Пессак, входящий в коммуну Бордо [29].

Польша. В современной Польше давние традиции высшего образования. Первый университет был основан в Кракове в 1364 г. королем Казимиром Великим (ныне Ягеллонский университет). В XV в. в университете на четырех факультетах (гуманитарных наук, медицины, права и теологии) обучались студенты со всей Европы: немцы, чехи, венгры, французы, итальянцы и даже татары. В числе них был и польский астроном, каноник Николай Коперник [30. С. 49]. Старейшими вузами также являются университет в Варшаве (основан российским императором Александром I в 1816 г.) и Вроцлаве (история восходит к началу XVIII в., когда Силезия входила в состав Австрийской империи).

Таким образом, на польскую систему образования оказали влияние традиции разных культурных и образовательных пространств. После вступления в Евросоюз система высшего образования Польши начала интегрироваться в европейское образовательное пространство. Сегодня польские высшие учебные заведения реализуют программы обучения почти по 700 направлениям. В число государственных вузов входят 18 классических университетов, 18 технических вузов, 5 экономических, 5 педагогических, 6 сельскохозяйственных, 6 спортивных. По данным Министерства образования, Польша занимает в Евросоюзе 4-е место по количеству студентов после Великобритании, Франции и Германии. Более чем в 400 государственных и негосударственных вузах обучается около 1,5 млн человек по двухступенчатой системе образования [31]. В настоящее время университетские центры находятся в 19 городах Польши, в том числе в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Познани, Лодзи, Торуне. Наибольшее число студентов обучается в Варшавском и Ягеллонском университетах (45 и 42 тыс. человек). В Варшаве общая численность студентов составляет свыше 250 тыс. при численности населения города 1 810 тыс. чел. (14%) [32]. Одним из самых молодых, но интенсивно развивающихся является Варминско-Мазурский университет в г. Олыштын (Восточная Пруссия) [33]. История воеводства и г. Олыштын связана с победой Королевства Польского и Великого княжества Литовского над Тевтонским орденом в Грюнвальдской битве в 1410 г., а также деятельностью Николая Коперника. Варминско-Мазурский университет был создан в 1999 г. на базе трех учебных заведений – Академии сельского хозяйства и технологий, Педагогического колледжа и Института теологии. В настоящее время в университете обучаются на 17 факультетах по 64 направлениям подготовки 25 тыс. студентов при численности населения города 174 508 человек [34].

Университеты Польши входят в университетские сообщества Европы: 39 польских высших учебных заведений являются членами Европейской ассоциации университетов (*European University Association*) [35]. Кроме того, Ягеллонский университет входит в сообщество *Grupa Coimbra*, которое объединяет старейшие вузы Европы [36].

Интеграция в систему образования объединенной Европы поставила задачу не только повышения уровня образования и научных исследований, но и развития польских студенческих городов в соответствие с высокими европейскими стандартами качества жизни. Развивается инфраструктура студенческих кампусов, ведется строительство новых учебных корпусов и студенческих общежитий. Вместе с тем повседневная жизнь академического сообщества является примером гармоничного сочетания традиции с нововведениями. У университетов, расположенных в старых городах Польши, есть все возможности поддерживать у студенчества ощущение близости истории. Кампусы часто

находятся в исторических местах города. Ягеллонский университет занимает ряд зданий в старой части Кракова. Музей университета располагается в самом старом университетском здании Польши – Collegium Maius (1400). Статус старейшего университета в Польше обязывает академическое сообщество к бережному отношению к его истории, что выражается не только в сохранении сложившихся традиций, но и утверждении новых. Так, в 2008 г. власти университета учредили Комитет опеки над захоронениями профессоров Ягеллонского университета [37].

Университетские кампусы могут располагаться в самих городах или выделяться в отдельные зоны. Одним из самых комфортабельных и красивых в Польше считается кампус Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Восточная Пруссия). Новый кампус университета находится в живописном месте – пригороде Кортово – и занимает площадь в 230 га. Недалеко от кампуса находится несколько озер, что создает возможности для активного отдыха на природе [38].

Инфраструктура польских студенческих кампусов удачно встраивается в инфраструктуру города, в том числе транспортную – студенты имеют возможность экономить на проезде на любых видах транспорта (даже по железной дороге) до 50%, приобретая единый проездной билет [34].

Одной из традиций польской академической среды является религиозное воспитание и образование. Поляки – ревностные католики. История ряда университетов начиналась с образования отделений теологии. В настоящее время факультеты теологии есть в университетах Познани, Торуня, Катовиц, Ольштына. В Люблине находится Католический университет им. Яна-Павла II (статус негосударственного вуза) [39]. Польское католическое духовенство тесно взаимодействует с молодежью путем организации молодежных движений и мероприятий.

Выводы:

1. История европейских университетов неразрывно связана с городом как социокультурным явлением и во многом определяет вектор его развития. Университеты являются неотъемлемой частью европейской городской культуры.

2. Действительно историческими европейскими университетскими городами, в которых университеты за несколько столетий существования в городских пространствах стали градообразующими, являются малые и средние городские образования. Они активно используют данный статус для маркетинга территорий, повышения своей привлекательности и конкурентоспособности. Для крупных городов, особенно метрополий (Париж, Берлин, Лондон, Варшава), данный статус является второстепенным.

3. Невзирая на широкое распространение понятия «университетский город», в европейской научной литературе, маркетинге территорий и в брендах многих европейских городов, таких как Мюнстер, Бамберг,

Монпелье, Тулуза или Гренобль, до сих пор отсутствуют четко определенные критерии университетского города. Статистический критерий (количество университетов более одного, доля жителей, связанных с университетом, количество и доля студентов на 1000 жителей) позволяет отнести к категории университетских (или студенческих) такие города, как Париж, Берлин, Ольштын и Бат – различные по культуре, размеру, вкладу университета в городское развитие и другим аспектам.

4. Существуют разные роли и типы культурного и социального взаимодействия городского и университетского сообществ. Строгий анализ данного понятия приводит исследователей к выводу, что сообщества университетского города (город, который развивается одновременно с университетом в непосредственной связи) отличаются от прочих в культурном и социальном плане.

5. Как правило, кампусы с их историческим ядром органично вписываются в городскую среду. Администрация университетов, а также самоуправляемые организации студентов активно сотрудничают с городскими властями, в первую очередь в сфере развития инфраструктуры. Не случайно многие исторические университетские города являются лидерами в национальных рейтингах по качеству и условиям жизни. Примером эффективного взаимодействия университетов и городских властей можно считать немецкие Тюбинген и Марбург, которые подали заявку в ЮНЕСКО на признание статуса всемирного наследия как «классических европейских университетских городов».

6. Университетские кампусы стали неотъемлемой частью среды университетского города. Их развитие связано с различными сферами жизни – социальной (наличие многообразных социальных связей между студенчеством, преподавателями и населением города), культурной (нематериальное наследие, роль университетских традиций в жизни города) и экономической (влияние университетов на основные факторы хозяйственно-политической привлекательности городов).

7. Модернизация высшего образования в РФ с учетом вызовов времени делает необходимым переосмысление взаимодействия университета и города в российских условиях. Российская университетская система во многом построена по европейской модели, вобрала в себя германский и французский опыт. Более того, на территории России оказался один из старейших университетов Восточной Пруссии – Балтийский Федеральный Университет имени Иммануила Канта в Калининграде. Наследие европейского академизма следует сохранять и развивать далее, опираясь на традиции первоисточников. В этом контексте важен опыт как «старых» студенческих центров Европы, так и новых (например, Ольштын или Пассау). Интересен не только историко-культурный аспект, но и практика организации академического пространства – социальная поддержка студенчества,

участие в образовательных и научных программах, для студентов, регулярный мониторинг лучших для
повышение доступности городской инфраструктуры учебы и проживания городов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дословно переводится как «город и мантия». «Town» (в переводе с англ. «город») определяет все городское сообщество, а «gown» (в переводе с англ. «академическая одежда», «мантия») – университетское.

² Группа «Расселл» (Russell Group) – элитное объединение лучших университетов Великобритании. На сегодняшний день в группу «Расселл» входят 24 университета, которые отличаются высочайшим качеством преподавания, блестящей академической репутацией, а также обширными связями с государственными и бизнес-структурами. Объединение было создано в 1994 г. и получило своё название благодаря первому месту встреч (тогда еще неформальных) представителей лидирующих вузов страны – в гостинице Russel, расположенной на площади Russell Square в Лондоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев В.Г. Национальные и международные музейные организации : учеб.-метод. пособие. Санкт-Петербург, 2013. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Issledovaniya/publikacii_sotrudnikov/Univ_tradicii.pdf, свободный (дата обращения: 25.03.2016).
2. À LA UNE Toute l'actualité «Supérieur». URL: <http://www.letudiant.fr/etudes>, free.
3. Anderson R. British Universities Past and Present. London, Continuum, 2006.
4. Вахштейн В. Британские университеты. URL: <https://postnauka.ru/faq/66416>, free.
5. Higher education in numbers URL: <http://www.universitiesuk.ac.uk/facts-and-stats/Pages/higher-education-data.aspx>, free.
6. Times Higher Education. Robbins: 50 years later. URL: <https://www.timeshighereducation.com/features/robbins-50-years-later/2008287.article>, free.
7. Russellgroup. URL: <http://russellgroup.ac.uk/about/our-universities>, free.
8. Higher education White Paper: Success as a knowledge economy. URL: <https://www.timeshighereducation.com/higher-education-white-paper-success-knowledge-economy>, free.
9. Pomorina I. Different, different but the same: economics and business students survey results Conference on Teaching and Research in Economic Education (CTREE), 27–29 May 2015, Radisson Blu, Minneapolis, USA. URL: <http://researchspace.bathspa.ac.uk/6218>, free.
10. British university cities. URL: <http://www.huxleyreviews.co.uk/student-cities.html>, free.
11. Richard Du Moulin Eckart. Geschichte der deutschen Universitäten. Hildesheim, New York : Goerg Olms Verlag (Nachdruck der Ausgabe Stuttgart, 1929).
12. Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М. : Знак, 2005.
13. Universität Tübingen. URL: <https://www.uni-tuebingen.de/universitaet.html>, free.
14. Philipps-Universität. Marburg. URL: www.uni-marburg.de, free.
15. Новости и аналитика по Германии. URL: <http://www.dw.com/ru>, free.
16. Черноуцан Е.М. Специфика государственного регулирования внутренней мобильности научных кадров во Франции: основные стимулы и барьеры. URL: <http://www.gosbook.ru/node/78806>, free.
17. Institut national de la statistique et des études économiques. URL: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=0&ref_id=T16F102, free.
18. Université de Montpellier. URL: <http://www.umontpellier.fr/universite/histoire-de-luniversite>, free.
19. Et Toulouse pour apprendre / Sept siècles d'histoire de l'université de Toulouse 1229–1969 publié aux Presses Universitaires du Mirail. Marielle Mouranche, 2010.
20. Cartier J.-P. Histoire de la croisade contre Albigeois. Paris, 1968.
21. La Communauté d'Universités et d'Établissements Toulouse. URL: <http://www.univ-toulouse.fr/universite/presentation/missions#histoire>, free.
22. Université Grenoble Alpes. URL: <http://www.univ-grenoble-alpes.fr>, free.
23. Université de Montpellier. URL: <http://www.umontpellier.fr/universite/histoire-de-luniversite>, free.
24. Histoire de la Sorbonne. URL: <http://www.sorbonne.fr/la-sorbonne/histoire-de-la-sorbonne>, free.
25. Наука и инновации: выбор приоритетов. М. : ИМЭМО РАН, 2012.
26. Université de Lyon. URL: <http://www.universite.lyon.fr/l-universite-de-lyon>, free.
27. Enseignement supérieur et recherche. URL: <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr>, free.
28. Université de Toulouse. URL: <http://www.univ-tlse2.fr/accueil/vie-des-campus/presentation-des-campus>, free.
29. Association des Villes Universitaires de France. URL: <http://www.avuf.net/publications>, free.
30. Гайдукевич Л., Карась М. Ягеллонский университет. Исторические традиции – настоящее – будущее. Краков, 1975.
31. Сайт Министерства науки и высшего образования Республики Польша. URL: <http://www.nauka.gov.pl/uczelnie-publiczne/wykaz-uczeln-publicznych-nadzorowanych-przez-ministra-wlasciwego-ds-szkolnictwa-wyzszego-publiczne-uczelnie-akademickie.htm>, free.
32. Miasto stołeczne Warszawa. URL: <http://www.um.warszawa.pl/pl>, free.
33. Сайт Министерства науки и высшего образования Республики Польша. URL: <http://wybierzstudia.nauka.gov.pl/pages/search/index>, free.
34. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. URL: <http://www.uwm.edu.pl>, free.
35. European University Association. URL: <http://www.eua.be/about/members-directory?p=1-85>, free.
36. Coimbra-group. URL: <http://www.coimbra-group.eu>, free.
37. Uniwersytet Jagielloński w Krakowie. URL: <http://www.maius.uj.edu.pl>, free.
38. Ulgi dla studentów. URL: <http://ulgidlastudentow.pl/znizki-komunikacji-miejskiej>, free.
39. Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II. URL: <http://www.kul.pl/universytet,1696.html>, free.

Belov Vladislav B. Institute of Europe of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: vladisbelov@yandex.ru ; *Kolesova Olga V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kolesova@list.ru ; *Pomorina Inna V.* Bath Spa University (Bath, UK). E-mail: i.pomorina@bathspa.ac.uk; *Oplakanskaya Renata V.* Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: roplakanska@mail.ru

«TOWN AND GOWN»: UNIVERSITY IN THE CITY OF SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL-HISTORICAL SPACE OF EUROPE (FOR EXAMPLE OF GREAT BRITAIN, GERMANY, FRANCE AND POLAND).

Keywords: higher education; university; university cities; preservation of the cultural and historic heritage.

This article represents a comprehensive study of the different types of the University City in Europe and considers the questions of development of European well-known universities in historical context of an urban culture - from the Middle Ages till nowadays. The particularities of the processes of establishment of the most famous universities in Great Britain, Germany, France and Poland

are described briefly. The university as an institution makes a significant impact on the history and economics of the city (taking into consideration the questions of cultural heritage, services, creation of new jobs). There are several morphological types of university cities: medieval, Renaissance or modern by origin, with central, dispersed or isolated in suburb location of campus, small, medium or metropolitan by size. Generally the university has acted for the city as the main growth factor, especially nowadays. The development of the sustainable cities is a completely new trend for Russia. Many questions relevant to this subject are open. As regards to the university cities, to which group is Tomsk referred, there are a lot of unstudied problems. To begin with, the criteria of the University City should be determined. And the European experience – British, French and German in the first place – is very useful to study. Moreover, French cities Toulouse, Grenoble, Montpellier, Lyon are among the world's top-ranking university towns, which are – according to French portal l'Etudiant.fr – the most suitable for students. German experience is also relevant to the subject of this study, so far as German cities Marburg and Tübingen hand in recently an application for filing in the list of World Heritage of UNESCO as Europeans classic university cities prototypes. The scientific novelty of the article is that it represents a comprehensive study of the different types of the University City in Europe. Such a Siberian university cities as Tomsk and Irkutsk can put this experience into practice. The international working team of the authors consists of well-known economists, historians and urbanists. The problems of integration of the historic buildings of university campus into urban well-developed infrastructure and the ways of problem-solving are examined. So, summarizing of European experience would be the guidance for the city halls of Siberian cities: how to improve the relevant policy, integrate the historic buildings into urban well-developed infrastructure and make the city more attractive for the students.

REFERENCES

1. Ananiev, V.G. (2013) *Natsional'nye i mezhdunarodnye muzeynye organizatsii* [National and international museum organizations]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. [Online] Available from: https://history.spbu.ru/files/departments/nauchniy/Publikacii_sotrudnikov/PDF/Ananiev_UMP.pdf. (Accessed: 25th March 2016).
2. *À LA UNE Toute l'actualité "Supérieur"*. [Online] Available from: <http://www.letudiant.fr/etudes>.
3. Anderson, R. (2006) *British Universities Past and Present*. London: Continuum.
4. Vakhstein, V. (2016) *Britanskije universiteti* [British Universities]. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/faq/66416>.
5. Universities UK. (n.d.) *Higher education in numbers* [Online] Available from: <http://www.universitiesuk.ac.uk/facts-and-stats/Pages/higher-education-data.aspx>.
6. Gibney, E. (2013) *Robbins: 50 years later*. [Online] Available from: <https://www.timeshighereducation.com/features/robbins-50-years-later/2008287.article>.
7. Russellgroup. (n.d.) *Our Universities* [Online] Available from: <http://russellgroup.ac.uk/about/our-universities>.
8. The World University Ranking. (2016) *Higher education White Paper: Success as a knowledge economy*. [Online] Available from: <https://www.timeshighereducation.com/higher-education-white-paper-success-knowledge-economy>.
9. Pomorina, I. (2015) Different, different but the same: economics and business students survey results. *Conference on Teaching and Research in Economic Education (CTREE)*. May 27–29, 2015. Radisson Blu, Minneapolis, USA. [Online] Available from: <http://researchspace.bathspa.ac.uk/6218>.
10. Huxleyreviews.co.uk. (n.d.) *British university cities*. [Online] Available from: <http://www.huxleyreviews.co.uk/student-cities.html>.
11. Du Moulin Eckart, R. (1929). *Geschichte der deutschen Universitäten* [The history of German Universities]. Hildesheim, New York: Goerg Olms Verlag.
12. Andreev, A.Yu. (2005) *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Russian students at German universities of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Znak.
13. *Universität Tübingen*. [Online] Available from: <https://www.uni-tuebingen.de/universitaet.html>.
14. *Philipp-Universität Marburg* [Online] Available from: www.uni-marburg.de.
15. Deutsche Welle. (n.d.) *Novosti i analitika po Germanii* [News and analyst on Germany]. [Online] Available from: <http://www.dw.com/ru>.
16. Chernoutsan, E.M. (2013) *Spetsifika gosudarstvennogo regulirovaniya vnutrenney mobil'nosti nauchnykh kadrov vo Frantsii: osnovnye stimuly i bar'ery* [The specifics of state regulation of internal mobility of scientific staff in France: key drivers and barriers]. [Online] Available from: <http://www.gosbook.ru/node/78806>.
17. *Institut national de la statistique et des études économiques*. (n.d.) [Online] Available from: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=0&ref_id=T16F102.
18. *Université de Montpellier*. [Online] Available from: <http://www.umontpellier.fr/universite/histoire-de-luniversite>.
19. Mouranche, M. (ed.) (2010) *Sept siècles d'histoire de l'université de Toulouse 1229–1969* [Seven centuries of history of the University of Toulouse 1229–1969]. Presses Universitaires du Mirail.
20. Cartier, J.-P. (1968) *Histoire de la croisade contre Albigeois* [History of the Crusade against Albigeois]. Paris.
21. *La Communauté d'Universités et d'Établissements Toulouse*. [Online] Available from: <http://www.univ-toulouse.fr/universite/presentation/missions/histoire>. (In French).
22. *Université Grenoble Alpes*. [Online] Available from: <http://www.univ-grenoble-alpes.fr>.
23. *Université de Montpellier*. [Online] Available from: <http://www.umontpellier.fr/universite/histoire-de-luniversite>.
24. The Chancellerie des Universités de Paris. (n.d.) *Histoire de la Sorbonne* [History of the Sorbonne]. [Online] Available from: <http://www.sorbonne.fr/la-sorbonne/histoire-de-la-sorbonne>.
25. Ivanova, N.I. (2012) *Nauka i innovatsii: vybor prioritetov* [Science and Innovation: The choice of priorities]. Moscow: RAS.
26. *Université de Lyon*. [Online] Available from: <http://www.universite.lyon.fr/l-universite-de-lyon>.
27. French National Ministry of Education and Science. (n.d.) *Enseignement supérieur et recherché* [Higher education and research]. [Online] Available from: <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr>, free.
28. *Université de Toulouse*. [Online] Available from: <http://www.univ-tlse2.fr/accueil/vie-des-campus/presentation-des-campus>.
29. *Association of University Cities of France*. [Online] Available from: <http://www.avuf.net/publications>.
30. Gaydukevich, L. & Karas, M. (1975) *Yagellonskiy universitet. Istoricheskie traditsii – nastoyashchee – budushchee* [Jagiellonian University. Historical tradition – present – future]. Translated from Polish. Krakow.
31. *Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Poland*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.nauka.gov.pl/uczelnie-publiczne/wykaz-uczeln-publicznych-nadzorowanych-przez-ministra-wlasciwego-ds-szkolnictwa-wyzszego-publiczne-uczelnie-akademickie.htm>, free.
32. *Miasto stołeczne Warszawa* [The Capital City of Warsaw]. [Online] Available from: <http://www.um.warszawa.pl/pl>.
33. *Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Poland*. (n.d.) [Online] Available from: <http://wybierzstudia.nauka.gov.pl/pages/search/index>.

-
34. *Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie* [The University of Warmia and Mazury in Olsztyn]. [Online] Available from: <http://www.uwm.edu.pl>.
 35. *European University Association*. [Online] Available from: <http://www.eua.be/about/members-directory?p=1-85>.
 36. *Coimbra-group*. [Online] Available from: <http://www.coimbra-group.eu>.
 37. *Uniwersytet Jagelloński w Krakowie*. (n.d.) *The Jagiellonian University Museum Collegium Maius*. [Online] Available from: <http://www.maius.uj.edu.pl>.
 38. *Ulgi dla studentów* [Discounts for students]. [Online] Available from: <http://ulgidlastudentow.pl/znizki-komunikacji-miejskiej>.
 39. *Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II* [John Paul II Catholic University of Lublin]. [Online] Available from: <http://www.kul.pl/universytet,1696.html>.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 572.08, 902.6
DOI 10.17223/19988613/44/13

О.А. Митько, Т.А. Николаева

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТАШТЫКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЗАХОРОНЕНИЙ ПОД КАМЕННЫМИ ВЫКЛАДКАМИ НА МОГИЛЬНИКЕ МАРКЕЛОВ МЫС II)

*Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности
(задание № 33.702.2014/К).*

Статья посвящена изучению кремаций из погребальных комплексов могильника Маркелов Мыс II, расположенного в Новоселовском районе Красноярского края. Некрополь, насчитывающий более 160 археологических объектов, включал в себя памятники древнетюркского времени и таштыкской культуры. К последним относятся склепы, грунтовые захоронения взрослых и детей, стелы и погребения под каменными выкладками, в которых зафиксированы кремации. В последнем случае кости помещались на дне могильной ямы либо попадали в нее вместе с земляным заполнением. Антропологический анализ позволил установить факт сожжения индивидуумов старше 21 года, для нескольких определена половая принадлежность, отмечены патологические изменения. Температура горения погребального костра достигала 700–900°C. При захоронении останков полная представленность скелета не играла существенной роли: при сборе кремированных костей с погребального костра выборка носила случайный характер.

Ключевые слова: ранний железный век; Красноярский край; таштыкская культура; памятники под каменными выкладками; антропологический анализ; кремации.

Одним из направлений современной физической антропологии является изучение кремаций. В зарубежной археологии, начиная с 60-х годов прошлого века, практически ни одно исследование крупного некрополя с остатками трупосожжений не обходится без внимания антропологов [1]. Обязательным правилом является сопровождение результатов раскопок наблюдениями, сделанными при анализе кальцинированных костей.

Несомненно, что степень информативности кремированных останков намного уступает данным, полученным антропологами при изучении черепов и посткраниальных скелетов из погребений, совершенных по обряду трупоположения. Однако наличие разнообразных методических приемов позволяет не только представить половозрастную характеристику умерших, но и в ряде случаев выявить причинно-следственные связи между состоянием изучаемых костных останков и особенностями процесса сожжения тел умерших на погребальном костре. Как правило, удается определить температуру погребального костра, характер действий с кремированными останками и отметить отдельные особенности социального поведения при их захоронении. Накопленный практический опыт обработки полученных данных и широкое привлечение естественно-научных методов позволили разработать теоретические подходы к реконструкции обряда трупосожжения отдельных этнокультурных образований [2. С. 175–181; 3. С. 86, 91–94; 4. Р. 207, 209; 5. Р. 250; 6. Р. 26; 7. Р. 28; 8. Р. 1–2; 9. Р. 601–602; 10].

В отечественной археологии антропологическому анализу кремаций уделяется неоправданно мало вни-

мания. Это прослеживается в отношении такой своеобразной культуры, как таштыкская, заметно выделяющейся на фоне других сибирских археологических культур гунно-сарматского времени многообразием форм погребальной обрядности. Таштыкское население практиковало коллективные и индивидуальные ингумации, причем тела умерших нередко мумифицировались; в грунтовых могилах и склепах встречаются парциальные захоронения, которые можно отнести к вторичным, на площади могильников выделяются участки с детскими погребениями. При этом на позднем этапе развития культуры преобладающей формой становится трупосожжение, применявшееся как к мужчинам, так и к женщинам.

Вопросы необходимости полевой и лабораторной работы с кремациями из таштыкских памятников в научной литературе уже ставились, однако до настоящего времени их комплексные антропологические исследования не проводились [11. С. 116–118]. Можно лишь отметить отдельные наблюдения, сделанные в ходе анализа материалов наиболее интересных погребальных памятников [12]. Особое значение имеет включение полученных данных в тематику широких кросс-культурных исследований, связанных с применением огня в погребальной практике у самых разных народов и на различных исторических этапах [13].

В данной публикации приведены результаты антропологического анализа таштыкских погребений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II и отмечены особенности процедуры сожжения умерших и захоронения кальцинированных останков.

Основные выводы о погребальной обрядности населения таштыкской культуры были сделаны при изучении грунтовых могил и каменных склепов, хотя в качестве погребальных объектов памятники, содержащие кремированные кости в небольших по размеру ямах под каменными выкладками, были выделены достаточно давно. В конце 1930-х гг. они были открыты С.В. Киселевым при раскопках могильника Уйбат II. Он описал погребальные объекты как «квадратные в плане курганчики», под которыми расположены могильные ямы с деревянным перекрытием и кальцинированными костями. Как писал С.В. Киселев, по этим наиболее показательным признакам они «особенно сближаются с кыргызскими», но одновременно обнаруживают и «ближайшее родство с классическими таштыкскими памятниками». Раскопки на могильнике Уйбат II позволили выделить «переходный тип погребений», который был датирован докудыргинским временем (до V в. н.э.) [14. С. 469–472]. Л.А. Евтюхова в работе, посвященной археологии енисейских кыргызов, также отнесла эти памятники к «переходной стадии» между таштыкской и кыргызской эпохами [15. С. 7].

Несколько позднее Л.Р. Кызласов в рамках таштыкской культуры выделил ее поздний этап. Он предложил именовать этот этап камешковским и включил в него погребения под каменными выкладками, раскопанные в разное время А.В. Адриановым на могильнике Малый Камешек, С.В. Киселевым и М.М. Герасимовым на чаатасе Уйбат II, и могилы, исследованные А.Н. Липским в г. Абакане. Развивая взгляды С.В. Киселева и опираясь на материалы собственных раскопок на Изыхском чаатасе, Л.Р. Кызласов разработал схему развития таштыкской культуры, согласно которой склепы на камешковском этапе уже не сооружались. На смену им пришли индивидуальные захоронения в квадратных или прямоугольных ямах, под невысокими подквадратными каменными выкладками, типологически близкие каменным курганам енисейских кыргызов (хакасов – по Л.Р. Кызласову).

Характерными чертами погребального обряда таштыкского населения на камешковском этапе являлись трупосожжение умерших на стороне и индивидуальное захоронение останков. Каждая могила предназначалась для праха одного покойного. От предшествующих захоронений в грунтовых могилах и склепах погребения камешковского этапа также отличаются отсутствием масок и ритуальных votivных предметов. Кремированные останки чаще всего сопровождалась керамической посудой и мясной пищей. Находка в одном из захоронений железного наконечника стрелы дала основание для датирования погребений камешковского этапа периодом IV–V вв. н.э. [16. С. 151–156].

Отдельный этап в изучении таштыкских памятников связан с исследованиями М.П. Грязнова. В ходе раскопок комплекса памятников у горы Тепсей им было выявлено более 65 объектов, представлявших собой вертикально вкопанные каменные стелы. В 47 случаях

рядом с ними были зафиксированы небольшие земляные ямки с остатками мясной пищи и сосудами. Поскольку останков каких-либо захоронений обнаружено не было, М.П. Грязнов предположил, что они сооружались соплеменниками при совершении поминальных действий по погребенным в склепах сородичам. Наиболее типичный «состав памятников», получивших название помин, характеризуется М.П. Грязновым следующим набором признаков: «...вертикально поставленный камень (плита), а перед ним, к северо-востоку от него, ямка и в ней горшок и кости домашнего животного, чаще всего овцы» [17. С. 141]. Также рядом со стелами в неглубокой могильной яме, перекрытой каменной выкладкой, был обнаружен скелет женщины, положенной животом вниз. Еще два захоронения, мужское и женское, находились перед вертикально поставленным камнем рядом со склепом 4. По мнению М.П. Грязнова, они также относились к поминам, «только в жертву приносился человек».

По всей видимости, точка зрения о «жертвенном» характере захоронений под каменными выкладками стала преобладающей и в решении вопроса об атрибуции кремированных останков на могильнике Тепсей IV, где в ямках под продолговатыми каменными плитами (могилы 7 и 8) находились кучки пепла сожженных взрослых людей. М.П. Грязнов отметил, что вместе с могилами 5 и 6, содержащими погребения, совершенные по обряду трупоположения, их «следует считать какими-то ритуальными захоронениями не просто умерших людей, а людей, принесенных в жертву или людей, умерших при особых обстоятельствах» [Там же. С. 141].

Характеризуя в целом погребальный обряд населения, оставившего тепсейский могильник, М.П. Грязнов еще раз вернулся к «захоронениям пепла» и не исключил вероятности того, что они не были могилами. Однако при этом им было подчеркнуто, что «смысл и значение этих захоронений пока остается загадкой» [Там же. С. 144]. Несмотря на неоднозначность сделанного М.П. Грязновым определения, оставляющего возможность для альтернативных гипотез, в литературе утвердилась точка зрения, согласно которой каменные выкладки наряду со стелами считаются поминальными объектами.

В середине 90-х гг. прошлого века вопрос об определении памятников камешковского этапа рассматривался С.В. Панковой, отметившей, что типологические различия поминов (стел и каменных выкладок) могут быть связаны с локальными вариантами развития культуры. Достаточно высокой, по ее мнению, является и вероятность того, что «камешковские» выкладки сооружались не только на позднем этапе таштыкской культуры, но и на всем протяжении ее существования [18. С. 42–43].

Э.Б. Вадецкая в монографии, посвященной таштыкской культуре, отдельно рассмотрела вопрос о поминах под каменными выкладками. Опираясь на сведения,

извлеченные из полевых отчетов С.В. Киселева и Л.Р. Кызласова, она отметила, что в 16 из 33 захоронений камешковского этапа никаких следов погребения, в том числе кремации, не было. В трех случаях под костями животных попадались сожженные косточки, и в одном случае очень небольшое скопление костей было обнаружено у одной из стенок ямы. По мнению Э.Б. Вадецкой, С.В. Киселев и Л.Р. Кызласов ошибочно посчитали могилами поминальные сооружения, характерные для всех этапов существования таштыкской культуры [19. С. 117].

Комплекс из вертикально установленных стел и каменных выкладок был исследован А.И. Поселяниным на могильнике Быстрая II. На площади «поминальника» было зафиксировано шесть ям под каменными выкладками с частичными (парциальными) захоронениями человека, пять ям с «пеплом» и 39 «поминов» с сосудами и мясом животных. Причем 28 из 39 находились рядом со стелами. Автор публикации также отметил, что в одном из объектов с остатками «пепла» была обнаружена бронзовая псевдопряжка, а в захоронениях с остатками труположений прослеживаются черты, характерные для погребального обряда тесинского населения [20].

В совместной работе, посвященной публикации таштыкских материалов могильника Белый Яр 3, А.И. Поселянин и Э.Б. Вадецкая привели данные по 152 «ямам с приношениями (поминами) мертвым», содержащим деревянные конструкции, остатки мясной пищи и керамические сосуды. По составу остатков пищи помины разделены авторами на три вида: богатые, типичные, или стандартные, и скудные. В трех «ямках» зафиксированы кремированные кости: в двух по одному скоплению и в одной (п. 49) два скопления. Как было ими отмечено, «объем косточек незначителен, недостаточен не только для одного трупосожжения, но и его части. Можно предполагать, что здесь хранился пепел, который был вытащен, поэтому разрушено перекрытие и раздавлены горшки» [21. С. 47]. К сожалению, антропологические заключения по содержанию «пепла» сделаны не были.

Предположение о «ямках» в качестве хранилищ пепла не получило развернутого объяснения. Оно основано на немногочисленности костных останков и практически полном отсутствии сопроводительного инвентаря, что может служить лишь косвенными фактами для отнесения их к поминальным объектам.

К иным выводам можно прийти при знакомстве с материалами могильника Маркелов Мыс II, на площади которого каменные выкладки, перекрывающие неглубокие ямы с кремированными костями, составляют большую часть из раскопанных таштыкских памятников. Некрополь находился в Новоселовском районе Красноярского края. Он представлял собой разновременный комплекс, насчитывавший более 160 объектов, из которых 140 относилось к таштыкской культуре, включая 11 стел, 89 небольших каменных выкладок,

перекрывающих ямы с кальцинированными костями, 25 объектов, не содержащих остатков погребений, а также захоронения взрослых и детей, совершенных по обряду труположения. Могильник исследовался силами Красноярского археологического отряда Новосибирского государственного университета с 1990 по 2008 г., раскопки велись широкими площадями, захватывающими межкурганное пространство.

Каменные выкладки представляли собой конструкции овальной, округлой либо подпрямоугольной формы, сложенные из одного или нескольких слоев плитняка. Размеры сооружений в среднем достигали 1,5–2 м и около 0,3–0,4 м в высоту. Под ними располагались неглубокие могильные ямы, до 1 м в диаметре, как правило, округлой, овальной или прямоугольной формы. Способы размещения кремированных костных останков в могилах отличались разнообразием. На ряде объектов они представляли собой компактные скопления на дне ям. Можно предположить, что первоначально кости были помещены в несохранившуюся до наших дней емкость, изготовленную из органического материала. Другой вариант расположения костей можно охарактеризовать как дисперсный. Они фиксировались на всех уровнях земляного заполнения, начиная от каменного перекрытия и вплоть до самого дна ямы, либо же находились непосредственно на дне, но не составляли компактного скопления, а были рассыпаны бессистемно по всей площади. Как правило, захоронения были одиночными, лишь в одном кургане были встречены одновременно 4 скопления.

Сопроводительный инвентарь, как правило, отсутствовал, лишь в некоторых объектах зафиксированы отдельные предметы (железные пряжки, заклепки, стержни). Все находки не имеют следов термического воздействия, за исключением фрагмента наконечника булавы из рога. Керамические сосуды преимущественно баночной формы, плоскодонные или на невысоком поддоне. Вместе с ними в ямы помещалась мясная пища, представленная небольшими кусками мяса крупного и мелкого рогатого скота. Необходимо отметить, что ряд из вертикально установленных стел располагался в непосредственной близости к каменным выкладкам, но следов каких-либо приношений рядом с ними не зафиксировано.

Методика работы с кремированными костями включала в себя полевой отбор из могильных ям с просеиванием земляного заполнения, очистку от земли и пыли и камеральный (фиксация общего веса скопления, определение средних линейных размеров и цвета (определялся по шкале П. Уолкера и К. Миллера)) этапы [6. Р. 31, 32. Fig. 3, 4]. После проведения начальных процедур происходил отбор костных фрагментов, четко идентифицирующихся с костями черепа и посткраниального скелета человека. При этом все отобранные кости распределялись по диагностическим единицам (кости черепа, позвоночника, верхних и нижних конечностей и т.д.) [22. С. 51]. Далее по общепринятым ан-

тропологическим методикам определения устанавливались возраст и (в некоторых случаях) пол сожженного индивидуума, а также наличие у него каких-либо особенностей и патологий развития [23. С. 39–48; 24. С. 29–38; 25; 26].

Всего нами было изучено 79 (или 88,76% от общего числа захоронений) скоплений кремированных костей. В большинстве из них (69,62%) встречены опре-

делимые фрагменты черепа и посткраниального скелета человека. Кремированных костей животных обнаружено не было.

Минимальный вес сожжений составлял 1,5 гр. (курган № 120), максимальный – 1170,9 гр. (курган № 28). При этом все изученные 79 скоплений по весовым категориям можно разделить на пять групп (рис. 1).

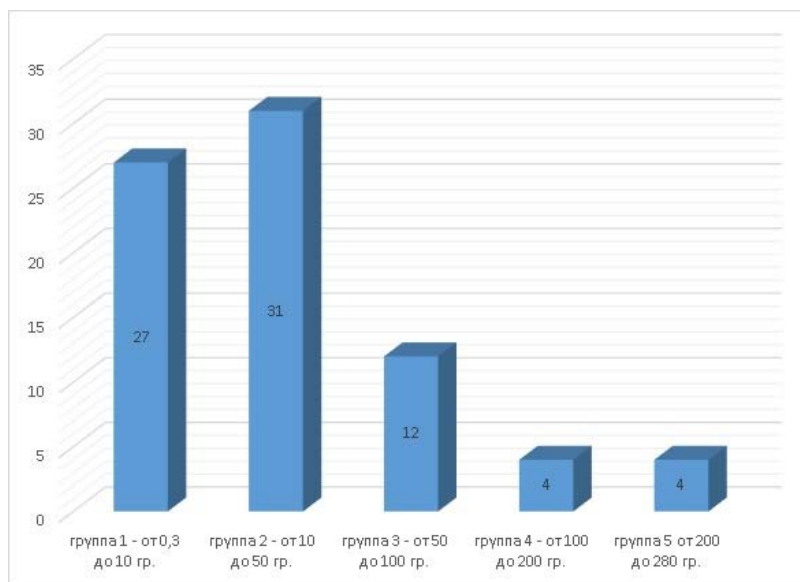

Рис. 1. Соотношение групп весовых категорий кремированных останков (в абсолютных цифрах)

Группа I: до 10 гр. (1,5–10 гр.) составляет 34,18% от общего числа изученных. Группа II: до 50 гр. (10–50 гр.) насчитывает 39,24%. Группа III: до 100 гр. (50–100 гр.) представлена 15,19%. Группа IV: до 200 гр. (100–200 гр.) и группа V: до 280 гр. (200–280 гр.) включают по 5,06% каждая. Объем упомянутого выше погребения № 28 не характерен для памятников под каменными выкладками и, в частности, для изучаемого могильника, поэтому оно не было включено ни в одну из групп.

Костные остатки в основном небольших размеров. Длина фрагментов в среднем составляла 1–1,5 см, хотя в ряде случаев отмечены отклонения. Так, самые незначительные фрагменты имели в длину всего 0,5 см. (например, курган № 39), а самый крупный – 7,5 см (курган № 28).

Преимущественным цветом толщи компактной костной ткани являлись белый, серый, с вкраплениями на части костей серо-коричневого, темно-синего и черного оттенков. На многих костных фрагментах отмечены следы трещин и термических деформаций кости параболической формы.

В 55 из 79 объектов (69,62%), содержащих кремированные кости, нами были выделены различные фрагменты черепа и посткраниального скелета человека (рис. 2). Основными диагностирующими элементами выступали кости черепа, а также фаланг кистей и стоп (в том числе и крайне незначительные по разме-

рам ногтевые). Несколько реже встречались длинные трубчатые кости. В некоторых случаях удалось также выявить позвонки. При этом во многих погребениях встречались диагностирующие элементы из нескольких групп (в большинстве подобных случаев это корни зубов и фаланги пальцев). Полученные результаты объединены в несколько возрастных категорий, сгруппированных по принципу общности критериев выделения возраста.

Самую многочисленную когорту составили индивидуумы, умершие в период от 21 (23–26) до 35 лет (17 погребений, или 39,53%, от числа лиц с диагностированным возрастом смерти), что в целом соотносится с антропологической категорией *Adultus* (таблица). Критериями объединения погребений в данную группу выступала совокупность трех признаков: степень развития зубной системы, в частности наличие 3-го постоянного моляра, полная облитерация фаланг кисти и стопы, отсутствие, низкая или средняя степень облитерации швов черепа. В части погребений, входящих в данную группу, присутствовал лишь один из указанных выше критериев, в связи с чем была определена только верхняя граница возраста. Так, в 8 погребениях (18,6%) встречены лица, умершие до 35 лет. Основным признаком определения возрастной границы в данном случае являлось отсутствие или низкая степень облитерации швов черепа. В ряде случаев, в рамках этой же группы, удалось конкретизировать возраст умерших

более точно. При этом наиболее четко диагностированное скопление оказалось одновременно и уникальным для изучаемого могильника. Так, зафиксировано

одно лицо, умершее в возрасте 30–35 лет. Основанием для подобного определения послужила средняя степень облитерации швов черепа.

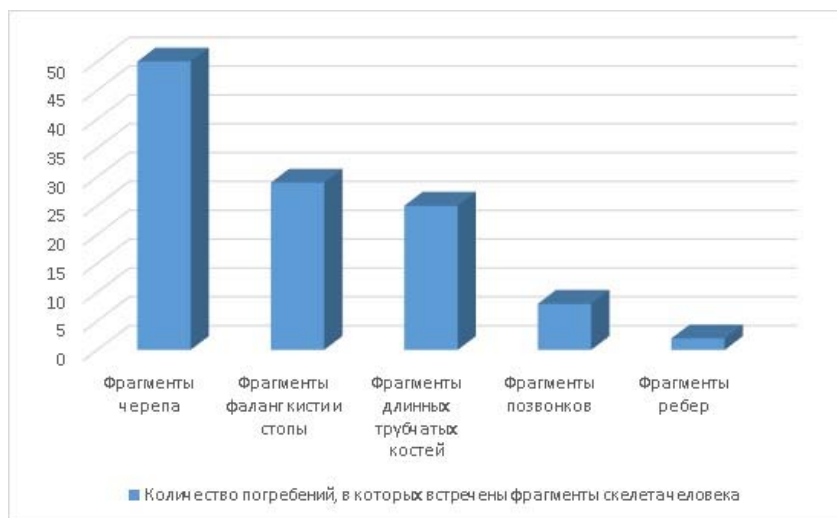

Рис. 2. Соотношение групп диагностирующих фрагментов черепа и посткраниального скелета человека (в абсолютных цифрах)

Вторую по численности возрастную группу составили индивидуумы, определенные как «взрослые», без уточнения возрастных границ (12 погребений, или 27,91%). Критериями выделения данной категории выступали степень развития зубной системы, размеры и массивность костных фрагментов. Степень их сохранности и информативности не позволили уточнить возраст умерших более детально.

Степень репрезентативности скоплений третьей и четвертой групп не дала возможности определить верхнюю границу возраста смерти и соответственно отнести данных индивидуумов к какой-либо четкой антропологической категории, тем не менее для

данных лиц был установлен минимальный возраст смерти. Так, в третью по численности группу были включены люди, умершие в возрасте более 35–45 лет (8 погребений, или 18,6%). В данных случаях основными критериями выделения возрастных рамок явились артрозы на фалангах кистей и позвонках, а также высокая степень облитерации швов черепа.

В четвертую по численности группу объединены лица, умершие в возрасте старше 23 (26) лет (6 погребений, или 13,95%). Основным критерием выделения данной возрастной категории выступала полная облитерация фаланг кисти и стопы.

Половозрастная дифференциация погребенных

Возрастная группа	Кол-во погребений, % от общего кол-ва изученных сожжений	Мужской пол	Женский пол
Adultus (21 (23–26) – 35 лет), включая: 30–35 лет До 45 лет	23 (29,11%) 1 (1,27%) 8 (10,13%)	1 1	1
От 23 лет	6 (7,59%)	1	
От 35–45 лет	8 (10,13%)		
Взрослые (без уточнения возрастного диапазона)	12 (15,19%)		1
Неопределенные	36 (45,57%)		

Определение пола по кремированным костям представляется наиболее сложной задачей на современном этапе развития антропологической науки. В связи с крайней фрагментарностью и отсутствием диагностирующих фрагментов с ярко выраженным половым диморфизмом мы можем говорить о поле погребенных только для отдельных случаев и весьма предположительно. Толщина компактной костной ткани костей, степень их массивности позволяют сделать предположение о половой принадлежности лишь пяти индивидуумов. Погребения № 54 и № 114, вероятно, принад-

лежат женщинам, а погребения № 28, № 150 и № 153 – мужчинам.

В 4 случаях из 79 нами были зафиксированы особенности и патологии развития. У индивидов погребенных в курганах № 18 и 107 отмечен гиперцементоз зубов. Еще двое лиц, умерших в возрасте старше 35 и старше 45 лет, страдали артрозом (погребения № 51 и 52 соответственно).

Таким образом, исходя из анализа кремированных костей, мы можем констатировать, что каменные выкладки на могильнике Маркелов мыс II наряду со скле-

пами и грунтовыми могилами являются погребальными объектами. Обряд трупосожжения применялся по отношению к взрослым мужчинам и женщинам (костей с диагностирующими признаками детей и подростков зафиксировано не было). Двухуровневая возрастная дифференциация погребальной обрядности (взрослые – кремация; дети – ингумация) прослеживается на всем протяжении существования таштыкской культуры и последующей за ней культуры енисейских кыргызов.

Опираясь на полученные результаты, мы можем уточнить ряд вопросов, связанных с процессом сожжения умерших. Характерная параболическая форма скола, зафиксированная на костях, свидетельствует о том, что кремация происходила вскоре после кончины. Цвет костных останков говорит о достаточно высокой температуре горения. Можно предположить, что основным материалом для погребального костра служили листовенные породы деревьев, способные в течение длительного времени обеспечить высокий уровень температуры в пределах от 700 до 900°C. Более низкая температура горения отмечена на костных останках из погребения № 28, где около 50% костей из общего состава имели темно-синий цвет. По шкале горения это соответствует диапазону температуры от 200 до 600°C. Как отмечалось выше, данное погребение резко отличалось от других захоронений объемом, весом, степенью сохранности и информативности кремированных костей, позволившей установить пол и точный возраст умершего.

Часто встречающиеся корневые части зубов, фрагменты черепа, а также такие незначительные по размеру диагностирующие элементы, как фаланги пальцев кисти и стопы, включая ногтевые, позволяют предположить, что пламя охватывало тело человека неравномерно, и это могло быть связано с размерами и формой погребального костра или же погодными условиями. Наиболее высокая температура, вероятно, наблюдалась в области ребер, грудины, позвоночника и костей таза, в то время как кости конечностей после перегорания связок попадали в периферийную зону костра.

Выделение в составе костного материала отдельных диагностических единиц позволяет сделать ряд наблюдений. Наличие среди скоплений большого количества неопределимых фрагментов говорит о том, что их отбор с пепелища прогоревшего погребального костра не был связан с ритуальным канонам, требующим обязательного отбора костей от различных частей скелета (голова, грудная клетка, таз, руки и ноги). В отличие, например, от индоариев, о которых письменные источники сообщают, что кости собирались женщинами пожилого возраста, «реконструировавшими» тело умершего, раскладывая их на шкуре животного. Все их действия были строго регламентированы [27. С. 88].

В археологической литературе есть сведения, относящиеся к андроновской культурно-исторической общности, где существовала практика антропоморфизации кремированных останков [28]. Подобные погребения

зафиксированы и в таштыкских памятниках. Так, на площади грунтового могильника Староозначенская Переправа I открыто погребение, в котором очертания тела умершего человека было воссоздано из кремированных костей. Они были уложены по контуру фигуры человека, выполненной в натуральную величину [29. С. 133–134].

Однако для погребальной практики позднеташтыкского периода, к которому относятся погребения под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II, полная представленность скелета не имела существенного значения. В то же время небольшие линейные размеры костных останков (в среднем 1–1,5 см) наталкивают на мысль о преднамеренном их измельчении, хотя повышенная хрупкость при длительном хранении в емкости из ткани или кожи также могла привести к их разрушению.

Наблюдение за весом кремированных костей позволяет уточнить ряд деталей, связанных с практической сферой погребальной обрядности. При этом, на наш взгляд, для ее реконструкции значение имеет не столько вес костных останков, сколько их объем, что требует «перевода» зафиксированного веса в объем.

Хорошо известно, что с древнейших времен у разных народов основными элементами системы мер выступали части человеческого тела или его физические возможности (палец, ладонь, ступня, локоть, «двойной шаг», день пути) [30. С. 254–255]. Логично предположить, что таштыкское население также использовало подобные антропоморфные меры как в повседневной жизни, так и в ритуальной практике, и в частности при сборе костей с погребального костра. Большая часть взвешенных нами скоплений укладывается в весовую категорию от 1,5 до 50 гр., что составляет 73,42% от общего количества всех изученных захоронений. Опытным путем удалось установить, что объем костей группы I мог составлять от одной до трех щепоток. Объем костей, входящих в группу II, можно соотносить с объемом от нескольких щепоток до полгорсти, остальные группы – от одной полной горсти до трех – пяти (женских / мужских) горстей. Разброс в данном случае зависит от индивидуальных особенностей человека, собиравшего останки с погребального костра, в частности от размера кистей рук.

В заключение хотелось бы отметить, что специфика исходного материала не позволяет дать всестороннюю характеристику погребального обряда таштыкского населения, сжигавшего своих умерших. Тем не менее полученные результаты могут послужить основой для создания антропологической базы данных по трупосожжениям и в какой-то степени придать новый импульс дискуссии о функционально-семантическом содержании понятия «помин» применительно к таштыкской культуре.

Авторы благодарят канд. ист. наук Д.В. Позднякова за консультацию и научное руководство при проведении антропологических определений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lange M., Schutkowski H., Hummel S., Herrmann B.A. Bibliography on Cremation. Leichenbrand-Bibliographie (Parliamentary Assembly of the Council of Europe) 19. Strasbourg : Conseil de l'Europe, 1987. 168 p.
2. Козловская М.В. К вопросу о возможности исследования кремированных костей // Историческая экология человека. М. : Старый Сад, 1998. Вып. 1. Методика биологических исследований. С. 174–181.
3. Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. Антропологические исследования. С. 85–97.
4. Mays S. The Archaeology of Human Bones. London ; N.-Y., 1998. 242 p.
5. Lanting J.N., Aerts-Bijma, A.T., van der Plicht J. Dating cremated bone // Radiocarbon. 2001. 43 (2A). P. 249–254.
6. Walker P.L., Miller K.P. Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. 2005. Vol. 40. P. 23–45. URL: www.abc.net.au/science/slab/mungoman, free (дата обращения: 10.02.2016).
7. Großkopf Von B. Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken. Leipzig, 2004. 339 p. URL: <http://www.propylaeum.de/vor-undfruehgeschichte/internetressourcen>, free (дата обращения: 10.02.2016).
8. Thomas J.-L. Late Bronze Age Skeletal Populations of Slovenia. PhD archaeological science syn dissertation. Edinburg, 2011. 319 p.
9. Zazzo A., Saliège J.-F., Person A., Boucher H. Radiocarbon dating of calcined bones: where does the carbon come from? // Radiocarbon. 2009. Vol. 51, № 2. P. 601–611.
10. Wells C. A study of cremation // Antiquity. 1960. № 34. P. 29–37.
11. Митько О.А. Раскопки, отбор и первичная обработка кремированных остатков из погребальных памятников таштыкской культуры // Методика археологических исследований Западной Сибири. Омск : Фаворит, 2005. С. 111–119.
12. Митько О.А. Таштыкская кремация и мумификация // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : Издательский центр НГУ, 1999. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 164–180.
13. Williams H. Towards an archaeology of cremation, in C.W. Schmidt & S. Symes (eds) // The Analysis of Burned Human Remains, 2nd Edition. London : Academic Press, 2015. P. 259–293.
14. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
15. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : Советская Хакассия, 1948. 109 с.
16. Кызласов Л.П. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.
17. Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 89–146.
18. Панкова С.В. О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 41–44.
19. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
20. Поселянин А.И. К вопросу об изучении таштыкских поминальников с остатками трупосожжений // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. С. 111–116.
21. Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 2015. 210 с.
22. Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях. Инструкция // Методика полевых археологических исследований. М. : Наука, 1989. С. 50–92.
23. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологического исследования. М. : Наука, 1966. 249 с.
24. Алексеев В.П., Дебев Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологического исследования. М. : Наука, 1964. 129 с.
25. Воробьев В.П. Атлас анатомии человека. М. : АСТ, 2001. 1427 с.
26. Bass William M. Human osteology: a Laboratory and Field Manual. Missouri Archaeological Society, Noyes Hall, 1995. 361 p.
27. Caland W. Die Altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche. Mit Benutzung handschriftlicher Quellen. Wiesbaden, Dr. Martin Sändig oHG, 1967. 191 s.
28. Сотникова С.В. К вопросу об антропоморфизации кремированных останков в погребальном обряде андроновской культурно-исторической общности // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 116–124.
29. Митько О.А., Тетерин Ю.В. Таштыкская кремация: проблемы интерпретации (по материалам исследования могильника Староозначенская Переправа I) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 7, Вып. 3. Археология и этнография. 2008. С. 132–142.
30. Малордырова М.В. К проблеме палеометрологии (по материалам древних культур Якутии) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. С. 250–255.

Mit'ko Oleg A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: omitis@gf.nsu.ru; Nikolaeva Tatyana A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: golubceva@bk.ru

ESPECIALLY OF THE BURIAL RITE TASHTYK' POPULATION (FROM ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF CREMATED BONES OF TASHTYK MONUMENTS UNDER STONE PLATES IN SITE MARKELOV MYS II).

Keywords: Early Iron Age; the Krasnoyarsk area; Tashtyk culture; monuments under the stone calculations; anthropological analysis; cremation.

One of the modern physical anthropology directions is the study of cremations. In foreign archeology, since the 60s of the last century, there is almost no study about a large cemetery with the remains of cremations without the view of anthropologists. The main rule is to support the results of excavations of the observations made in the analysis of calcified bones. In Russian archeology, the anthropological analysis of cremations is out of attention. This can be seen in relation to this kind of culture as Tashtyk, which stands out against the background of other Siberian archaeological cultures of Hun-Sarmatian time, the variety of forms of funeral rites. Questions that were needed to field and laboratory work with cremations of Tashtyk monuments were placed in the scientific literature, but their complex anthropological studies have not been conducted to date. The main task of the article is to fill this gap. The results of working with materials obtained in the course of many years of research repository Markelov Mys II, located in the Krasnoyarsk Region. Necropolis is a multi-temporal, multi-cultural complex, which includes monuments of Tashtyk cultures and objects of ancient Turkic time. All in all it was recorded 140 objects belonging to Tashtyk culture, including 89 under the stone monuments calculations, containing the remains of cremation. It was investigated 79 or 88.8% of them. Anthropological analysis confirmed the preliminary assumption of burning predominantly adult individuals (bone remains of children were recorded). Gender has been identified only in a few cases. Four individuals were recorded features and pathology development. In general, it is observed a certain canon of the rite of cremation which was com-

mon for the population, left the cemetery of Markelov Mys II. The rite was accomplished shortly after the death, in an open area of space near the source of wood at high temperature burning fire. At the same time there was a certain time lag between the time of the burning and the time of the burial. A complete picture of the skeleton in the grave did not play a significant role. The bones were placed together with waste in the production process, or the tomb of earth was placed at the bottom of the pit in a special container. Accompanying inventory in most cases was not put at all, but in some facilities met the remnants of meat food, stucco non-ornamental vessels (mostly canned form, small metal parts (buckles, rivets, rods, etc.), a fragment of a horny pins. The specificity of the source material does not allow to give a comprehensive description of the funeral of the rim Tashtyk population, burned their dead. However, the results can be the basis for the creation of anthropological data base for cremations and the extension to give a new impetus to the debate about the functional-semantic content “mention” in relation to the concept of Tashtyk culture.

REFERENCES

1. Lange, M., Schutkowski, H., Hummel, S., Herrmann, B.A. (1987) *Bibliography on Cremation. Leichenbrand-Bibliographie (Parliamentary Assembly of the Council of Europe) 19*. Strasbourg: Conseil de l'Europe.
2. Kozlovskaya, M.V. (1998) K voprosu o vozmozhnosti issledovaniya kremirovannykh kostey [On the possibility of the study of cremated bones]. In: Buzhilova, A.P., Kozlovskaya, M.V. & Mednikova, M.B. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka* [Historical Human Ecology]. Moscow: Staryy Sad. pp. 174-181.
3. Dobrovolskaya, M.V. (2010) On the method of investigations of cremation materials. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 224. pp. 85-97. (In Russian).
4. Mays, S. (1998) *The Archaeology of Human Bones*. London; New York: Routledge.
5. Lanting, J.N., Aerts-Bijma, A.T. & van der Plicht, J. (2001) Dating cremated bone. *Radiocarbon*. 43(2A). pp. 249-254.
6. Walker, P.L. & Miller, K.P. (2005) Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone. *American Journal of Physical Anthropology*. 40. pp. 23-45. [Online] Available from: www.abc.net.au/science/slab/mungoman. (Accessed: 10th February 2016).
7. Großkopf, B. (2004) *Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken* [The dead body. Biological, cultural and historical sources for the reconstruction of pre- and early-historical populations and their funeral practices]. Leipzig: Leipzig University. [Online] Available from: <http://www.propylaeum.de/vor-undfruehgeschichte/internetressourcen>. (Accessed: 10th February 2016).
8. Thomas, J.-L. (2011) *Late Bronze Age Skeletal Populations of Slovenia*. PhD archaeological science syn dissertation. Edinburg.
9. Zazzo, A., Saliège, J.-F., Person, A. & Boucher, H. (2009) Radiocarbon dating of calcined bones: where does the carbon come from? *Radiocarbon*. 51(2). pp. 601-611. DOI: 10.1017/S00033822200055958
10. Wells, C. (1960) A study of cremation. *Antiquity*. 34. pp. 29-37. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00035146>
11. Mitko, O.A. (2005) Raskopki, otbor i pervichnaya obrabotka kremirovannykh ostatkov iz pogrebal'nykh pamyatnikov tashtytskoy kul'tury [The excavation, screening and primary processing of the cremated remains of funerary monuments of culture Tashtyk]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Metodika arheologicheskikh issledovaniy Zapadnoy Sibiri* [Methodology of archaeological research in Western Siberia]. Omsk: Favorit. pp. 111-119.
12. Mitko, O.A. (1999) Tashtytskaya krematsiya i mumifikatsiya [Tashtyk cremation and mummification]. In: Mitko, O.A. (ed.) *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnykh tsivilizatsiy* [Eurasia: The cultural heritage of ancient civilizations]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 164-180.
13. Williams, H. (2015) Towards an archaeology of cremation. In: Schmidt, C.W. & Symes, S. (eds) *The Analysis of Burned Human Remains*. 2nd ed. London: Academic Press. pp. 259-293.
14. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR Academy of Science.
15. Etyukhova, L.A. (1948) *Arheologicheskie pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakassia)]. Abakan: Sovetskaya Khakassiya.
16. Kyzlasov, L.R. (1960) *Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny* [Tashtyk epoch in the history of the Khakass-Minusinsk depression]. Moscow: Moscow State University.
17. Gryaznov, M.P. (1979) Tashtytskaya kul'tura [Tashtyk culture]. In: Gryaznov, M.P. (ed.) *Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [The complex of archaeological monuments at Mount Teps on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka. pp. 89-146.
18. Pankova, S.V. (1996) O pamyatnikakh “kameshkovskogo” etapa tashtytskoy kul'tury [About the monuments of “Kameshkov” stage of Tashtyk culture]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Kurgan: istoriko-kul'turnye issledovaniya i rekonstruktsii* [Burial mounds: Historical and cultural research and reconstruction]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 41-44.
19. Vadetskaya, E.B. (1999) *Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
20. Poselyanin, A.I. (2005) K voprosu ob izuchenii tashtytskikh pominal'nikov s ostatkami truposozhzhennykh [On the study of Tashtyk pominalnik with the remains of cremations]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in ancient times]. Barnaul: Altai State University. pp. 111-116.
21. Vadetskaya, E.B. & Poselyanin, A.I. (2015) *Tashtytskiy pogrebal'no-pominal'nyy kompleks Bely Yar 3* [Tashtyk funeral-memorial complex Bely Yar 3]. Abakan: Khakassia Publishing House.
22. Mamonova, N.N., Romanova, G.P. & Kharitonov, V.M. (1989) *Pervichnaya obrabotka i opredelenie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviyakh. Instruktsiya* [Primary processing and determination of anthropological material in the field. Instructions]. In: *Metodika polevykh arheologicheskikh issledovaniy* [Methods of the field of archaeological research]. Moscow: Nauka. pp. 50-92.
23. Alekseev, V.P. (1966) *Osteometriya. Metodika antropologicheskogo issledovaniya* [Osteometry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
24. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika antropologicheskogo issledovaniya* [Cranioimetry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
25. Vorobiev, V.P. (2001) *Atlas anatomii cheloveka* [An Atlas of Human Anatomy]. Moscow: AST.
26. Bass, W.M. (1995) *Human osteology: a Laboratory and Field Manual*. Missouri Archaeological Society, Noyes Hall.
27. Caland, W. (1967) *Die Altindischen Toten- und Bestattungsgebräuche. Mit Benutzung handschriftlicher Quellen* [The Altindian dead and funeral needs. Using hand-written sources]. Wiesbaden: Dr. Martin Sändig oHG.
28. Sotnikova, S.V. (2015) K voprosu ob antromorfizatsii kremirovannykh ostankov v pogrebal'nom obryade andronovskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [On the antromorphisation of cremated remains in the funeral ceremony of Andronov cultural community]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 116-124.
29. Mitko, O.A. & Teterin, Yu.V. (2008) Tashtytskaya krematsiya: problemy interpretatsii (po materialam issledovaniya mogil'nika Starooznachenskaya Pereprava I) [Tashtyk cremation: The problems of interpretation (based on research of Starooznachenskaya Crossing I)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 7(3). pp. 132-142.
30. Malordyova, M.V. (1999) K probleme paleometrologii (po materialam drevnykh kul'tur Yakutii) [To the problem of paleometrology (based on the ancient cultures of Yakutia)]. In: Alekseev, A.N. (ed.) *Arkheologiya Severo-Vostochnoy Azii. Astroarkheologiya. Paleometrologiya* [Archaeology of North-East Asia. Astroarcheology. Paleometrology]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 250-255.

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СЛОЯ 3 СТОЯНКИ УСТЬЕ РЕКИ КУТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

В ходе широкомасштабных археологических работ на территории Северного Приангарья, связанных с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, был накоплен значительный объем фактического материала, который требует интерпретации и согласования с культурно-хронологической схемой региона. В 2010–2011 гг. проведены исследования на памятниках в устье р. Кутарей (Устье реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей), в результате которых были выявлены наиболее перспективные участки с четкой стратиграфией, получена представительная коллекция артефактов. Цель работы – с помощью технико-типологического анализа выявить особенности каменных индустрий слоя 3 стоянки Устье реки Кутарей в контексте новых данных по археологии региона. Новизна работы заключается во введении в научный оборот неопубликованной ранее коллекции каменного инвентаря слоя 3 стоянки Устье реки Кутарей, что существенно расширяет источниковую базу эпохи неолита и бронзового века региона.

Ключевые слова: Северное Приангарье; неолит – эпоха бронзы; каменный инвентарь; компрессионный характер отложений; спасательные раскопки.

Бассейн р. Ангара в ее нижнем и среднем течении (включающем субширотный отрезок), с боковыми притоками – реками Кежда, Кова, Кода, Кутарей, Парта, Пашина, Чадобец, Мура, Иркинеева, Каменка и др., относится к Северному Приангарью. Это западная часть Средней Сибири (часть Среднесибирского плоскогорья, Енисейского кряжа, Канско-Тасеевской впадины), примыкающая к Западносибирской равнине. Такое положение провинции определяет сложность и разнообразие рельефа, его строение (сильно расчленен). Ландшафты относятся к типу бореальных, резко континентальных южно-таежных в юго-западной части Средне-Сибирского плоскогорья, в области развития Приангарского низкого плато и низко-среднегорного Енисейского кряжа [1. С. 7].

В истории изучения памятников Северного Приангарья «по интенсивности исследований» можно выделить три этапа [2. С. 4].

На первом этапе (I половина XVIII – конец XIX в.) были получены первые фрагментарные сведения по истории, этнографии и археологии Северного Приангарья, обеспечено понимание географической ситуации региона; на втором этапе (начало – середина XX в.) заложены масштабные и конкретные культурно-хронологические построения, ставшие основой для последующей интерпретации (исследования М.П. Овчинникова, Б.Э. Петри, П.П. Хороших, Г.Ф. Дебеца, А.П. Окладникова).

Основная часть археологических памятников была открыта на третьем этапе, который связан с началом строительства каскада гидроэлектростанций на р. Ангара в 1950-е гг. С конца 1960-х гг. проводятся регулярные разведочные и раскопочные исследования памятников Северного Приангарья. С начала 1970-х гг. применяется комплексный подход к изучению памятников неолита и бронзового века, производится вскрытие широкими площадями стратиграфических объектов,

используются методы естественных наук в археологических исследованиях. Именно в рамках этих работ открыто большинство археологических объектов в устье р. Кутарей: в 1974 г. – Устье реки Кутарей (Кежемский отряд Северо-Ангарской археологической экспедиции Красноярского государственного педагогического института (далее СКАЭ КГПИ) под руководством Н.И. Дроздова); в 1975 г. – Ручей Поварный, Сенькин Камень и Гора Кутарей (работы В.И. Привалихина). Впоследствии исследование памятников проводилось в 2008–2012 гг. Институтом археологии и этнографии СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления Богучанской гидроэлектростанции (БогЭС, г. Кодниск, Кежемский район Красноярского края). В настоящее время период с 2008 г. рассматривается как новый этап изучения памятников Северного Приангарья [3. С. 19–20]. Таким образом, можно сказать, что масштабное изучение региона происходило на последнем этапе и его результаты только начинают входить в научный оборот.

К основным проблемам исследования региона также следует отнести: во-первых, преимущественно стояночный характер памятников с отсутствием закрытых комплексов; во-вторых, слабую стратифицированность отложений на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, компрессионный характер отложений; в-третьих, высокую степень естественных и техногенных нарушений на этих участках [4. С. 128]. На памятниках в устье р. Кутарей выделяются обширные участки (до 200 кв. м) с четким разделением стратиграфических слоев, что в данной ситуации особенно важно.

Интерпретация археологических материалов памятников Усть-Кутарейского участка [5. Т. 1. С. 247] связана с вопросами периодизации и культурного содержания эпох неолита – ранней бронзы (I–V тыс. до н.э.)

в Северном Приангарье и Прибайкалье в целом, которые до сих пор остаются основными в изучении региона. Начиная с 1950-х гг. эта тема широко представлена в работах А.П. Окладникова, М.М. Герасимова, Б.Э. Петри, Л.П. Хлобыстина, Н.А. Савельева и Г.И. Медведева, В.В. Свинина, О.И. Горюновой, А.С. Гришина, И.В. Асеева.

В контексте представленных проблем наиболее перспективным является изучение материалов слоя 3 памятника Устье реки Кутарей (наиболее массовый материал, выявлены обширные участки без техногенных повреждений).

Стоянка Устье реки Кутарей. Располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. В месте впадения в р. Ангара русло р. Кутарей образует широкую пойму, поросшую высоким кустарником и затопляемую во время сезонных паводков. Памятник располагается на террасе высотой от 5 до 10 м от уреза воды. С запада терраса ограничена урезом р. Ангара, а с юго-востока – устьем р. Кутарей.

Памятник открыт в 1974 г. Кежемским отрядом СААЭ КГПИ под руководством Н.И. Дроздова. Впоследствии исследование памятника проводилось в 2008 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления Богучанской ГЭС. В результате работ 2008 г. были уточнены границы памятника и исследована степень сохранности археологического материала памятника.

В 2010 г. в рамках проекта исследования памятников историко-культурного наследия Красноярского края в районе затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС Партинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические работы на памятнике под руководством А.Н. Савина (заложены раскоп общей площадью 1 021 кв. м, глубиной 0,5–1,5 м и серия рекогносцировочных раскопов общей площадью 108 кв. м). Получена значительная коллекция археологических материалов – 30 387 предметов. Площадь раскопа была расположена в юго-западной части края террасы с расчетом максимально полного изучения наиболее перспективного участка памятника, при этом учитывались геоморфологические особенности и характер распространения археологического материала, выявленного на основании подъемных сборов в осыпях техногенных нарушений, зафиксированных на всей площади археологического объекта (практически вся поверхность террасы имела множественные следы техногенного нарушения, связанные с существованием на этой территории до 80-х гг. XX в. крупного поселения и с периодической очисткой террасы от леса) [6. С. 9].

По геологическому описанию, проведенному в полевых условиях и лабораториях Института геологии и минералогии Сибирского отделения Российской Академии наук (ИГМ СО РАН), канд. геол.-минер. наук

А.В. Котляровым, район расположения памятников целиком относится к области сочленения Тунгусской синеклизы и зоны Ангарских складок. Особенности рельефа определяются в равной степени как планом древних структур, пассивно отраженных в его формах, так и молодыми неотектоническими блоковыми структурами. Каменный материал представлен темно-серыми долеритами, габбро-долеритами [Там же. С. 22].

Первоначально памятник был определен как стоянка эпохи неолита (IV–III тыс. до н.э.), но в результате работ 2010 г. было выявлено три культурных горизонта от эпохи неолита до Средневековья.

Стратиграфическая ситуация памятника представлена чередованием следующих основных слоев:

Слой 1 – почвенно-растительный горизонт, насыщенный корнями луговой растительности. На большей части исследованной площади почвенно-растительный горизонт плотный с мелкокомковатой структурой, при этом включает находки техногенного происхождения и археологические материалы, что свидетельствует о его современном образовании уже после техногенных нарушений площади памятника. Мощность слоя колеблется от 0,02 до 0,1 м.

Слой 2 – слой темной гумусированной супеси, равномерно подстилает стратиграфический слой 1 на всей исследованной площади памятника. Слой 2 относится ко времени существования поселения XX в., на это указывают находки инструментария кузнечного производства, изделия из железа, гончарная керамика. Слой слабоувлажнен, рыхлый, пылеватый, бесструктурный с неоднородной пятнистой текстурой. Он также содержал археологические материалы, фрагменты керамики, изделия из камня. На отдельных участках слой 2 перерезает нижележащие культурные напластования. Слой достигает мощности 0,2 м. Нижняя граница слоя нечеткая, волнистая, с переходом до 0,07 м.

Слой 3 – светло-желтая слабоувлажненная супесь, мелкодисперсная, пылеватая при высыхании. Слой содержал археологические материалы эпохи неолита и периода эпохи бронзы. Нижняя граница слоя нечеткая, ясная, субгоризонтальная, со слабо выраженной волнистостью. Мощность слоя достигает 0,43 м.

Слой 4 – светло-серая подзолистая супесь, слабоувлажненная, при высыхании пылеватая, приобретает белый цвет. Слой бесструктурный, слабоуплотненный, имеет отчетливые следы профильного вымывания гумусовых кислот, крупные потеки различного цвета – от пепельно-белого до сизого. Слой был исследован на глубину до 0,35 м и не содержал археологических материалов, являясь «материковым» основанием раскопа.

Как отмечалось ранее, наиболее насыщенным артефактами и перспективным для изучения является слой 3, содержащий изделия из камня и фрагменты керамики (ранне-неолитическая, серовского типа, усть-бельского типа, посольского типа, тонковаликовая раннего железно-

го века, цпаньского типа), всего около 25 000 артефактов. Каменная индустрия слоя насчитывает 19 406 артефактов. По характеру залегания артефактов в данном слое условно были выделены два горизонта [6. С. 12].

Индустрия культурного горизонта 1. Для культурного горизонта 1 научным сотрудником Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН канд. геол.-минер. наук А.В. Вишневым проводится петрографический анализ, по предварительным данным которого подавляющую часть коллекции (68%) составляют изделия из алевролитов (роговиков) местного происхождения, силициты (16%), мелкозернистый песчаник (12%), кремни (4%).

Технически значимый дебитаж составляет 4 432 экземпляра (18%*). В индустрии сколов преобладают отщепы (3 147 экз., 71%**), а также пластинчатые сколы, большая часть из которых не превышает в ширину значения 12 мм (1117 экз., 22%**: пластины – 275 экз., пластинки – 716 экз., микропластинки – 126 экз.).

Среди технических сколов (168 экз., 4%**) преобладают полуреберчатые (63 экз.) и реберчатые снятия (28 экз.), а также сколы подправки фронта скалывания (31 экз.).

Нуклеусы (53 экз., 1%**) представлены карандашевидными (5 экз.), торцово-клиновидными (10 экз.), клиновидными (1 экз.), призматическими (14 экз.) и коническими (11 экз.) для получения пластинок и микропластинок путем продольных и бипродольных снятий (рис. 1, 18, 20, 21, 24). У большинства нуклеусов отмечается средняя или завершающая степень утилизации. Морфология пластинок и микропластин указывает, что для серийного производства прямопрофильных изделий (70 %) использовались вытянутые рабочие поверхности, утилизируемые с единственной площадки (несколько на отщепах). Одно изделие неоднократно подрабатывалось – по всему периметру ребра была нанесена мелкая чешуйчатая среднемодифицирующая ретушь (рис. 1, 21).

Плоскостные нуклеусы продольного и бипродольного принципа расщепления начальной и средней стадии утилизации были направлены на получение небольших отщепов, также представлен один нуклеус для пластин начальной стадии утилизации.

Нуклевидные обломки составляют 46 экз. (1%**).

Орудийный набор составляет 290 артефактов (5%*). Значительная его часть представлена микропластинками с ретушью (12 экз.) на медиальных фрагментах с вентральной плоской чешуйчатой, как правило, однорядной краевой ретушью на одном или двух (4 экз.) продольных краях, 2 экз. с альтернативной ретушью; пластинками с ретушью (23 экз.), среди которых проксимально-медиальных фрагментов – 3 экз.; медиальных – 17 экз.; медиально-дистальных – 2 экз. и 1 целый артефакт; вентральной ретушью – 13 экз., дорсальной – 3 экз., бифасиально обработаны 6 экз., ретушь преимущественно полукрутая (11 экз.) или плоская (8 экз.), чешуйчатая одно-двурядная краевая. Две пластинки с притупленным краем оформлены крутой

краевой чешуйчатой ретушью, одна пластинка с ретушью утилизации (рис. 1, 1–3).

Пластины с ретушью (8 экз.), обработаны также по одному или двум продольным краям одно-двурядной чешуйчатой ретушью, у одной пластины имеются следы шлифовки на дорсальной поверхности; ретушь утилизации отмечена на одном сколе.

Вкладыши немногочисленны, составляют 3 экз.

Среди пластинчатых заготовок обрабатывались в основном сколы с прямым или слабо закрученным профилем и шириной 5–6, 8 и 9 мм.

Имеются два ножа, изготовленные на пластинах, один – шлифованный с выпуклым лезвием (оформлен полукрутой многорядной субпараллельной ретушью), второй нож с естественным обушком, оформлен крупной краевой полукрутой ретушью (рис. 1, 9–10).

Также единичными экземплярами представлены остроконечники с вентральной (2 экз.) и дорсальной (1 экз.) параллельной отжимной распространенной ретушью (рис. 1, 6).

Отдельную категорию составляют проколки (3 экз.): на пластинках (2 экз.), одна из которых обработана бифасиально стелющейся параллельной отжимной покрывающей ретушью, у второй оформлено только жальце; еще одна проколка изготовлена на бифасиально обработанной заготовке (рис. 1, 4–5).

Представительную серию составляют скребки (рис. 1, 8, 15, 23): концевые на отщепах (12 экз.), двойные концевые на отщепах (5 экз.), концевые на пластинах (4 экз.), двойные концевые на пластинах (1 экз.); на технических сколах концевые (3 экз.): полуреберчатый (краевой и подправка площадки), один скребок имеет выраженный «носик» (рис. 1, 23). Также имеется один микроскребок на отщепе размером 16,3 мм, оформленный крутой чешуйчатой ретушью (рис. 1, 25). Почти все скребки имеют широкий выпуклый рабочий край, как правило, с подправкой в виде ступенчатой отвесной ретуши, у двух отмечаются следы активного использования в виде заполировки рабочего края, три экземпляра с оббивкой по вентральной стороне. Категория представлена как целыми изделиями, так и фрагментами (14 экз. на отщепах и 3 экз. на пластинах).

Отдельную категорию составляют скребла (6 экз.), изготовленные преимущественно на отщепах и плитках, продольные.

Широко представлены наконечники стрел (9 экз.), их фрагменты (16 экз.) и заготовки (7 экз.): овальный с черешковым насадом (1 экз.), овальные с прямым насадом (4 экз.), треугольный с вогнутым насадом (3 экз.), обработанные отжимной параллельной стелющейся покрывающей ретушью (рис. 1, 11–14). Один из наконечников ромбовидной формы отличается небольшим размером (17,5 мм), обработан чешуйчатой краевой ретушью (рис. 1, 14). Следует отметить, что в качестве заготовок для данного типа орудий использовались как отщепы, так и пластинчатые сколы.

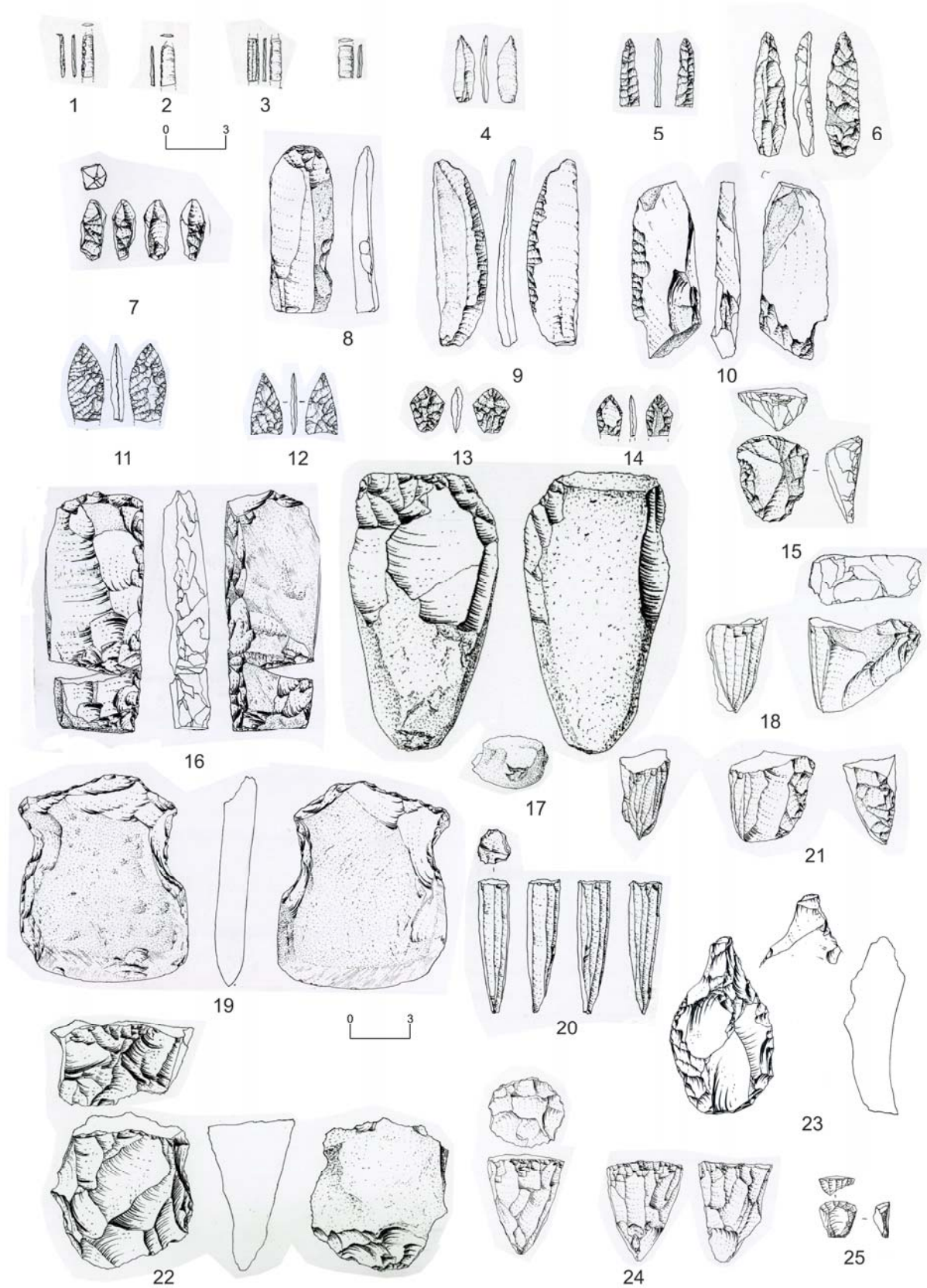

Рис. 1. Каменный инвентарь горизонта 1 слоя 3 стоянки Устье реки Кутарей:

1–3 – ретушированные микропластины; 4–5 – проколки; 6 – остроконечник; 7 – объемный многофасеточный резец-дрель;
8, 15, 23 – скребки; 9–10 – ножи; 11–14 – наконечники стрел; 16 – тесло; 19 – топор с «ушками»; 18, 20, 21–22, 24 – нуклеусы; 25 – микроскребок

Представительную категорию составляют листовидные и овальные бифасы (5 экз.), их фрагменты (23 экз.) и заготовки (16 экз.). Они, как правило, обработаны крупной параллельной/субпараллельной отжимной ретушью, имеют плоско-выпуклое или прямое сечение.

Довольно значимую категорию представляют тесла (см. рис. 1, 16) и их фрагменты (13 экз.). Характерными особенностями являются шлифовка, переоформление разной степени и оббивка по одному из продольных краев. Все тесла изготовлены из силицитов, что может говорить об избирательности сырья для тех или иных категорий орудий.

Наряду с теслами характерную для периода неолита – бронзового века региона категорию составляют топоры (2 целых экз. и 1 фрагмент) с «ушками» или цапфами (рис. 1, 19): один из плитки сланцевой породы, выполненный в технике фасонажа по всему периметру отдельности с выделением цапф с пришлифовкой лезвия. Корпус топора крупный, целый, нередуцированный. Другой изготовлен из зернистого песчаника, полностью фасонирован. Морфологически наиболее близкие изделия найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и VI уровней отложения культуры) [7. С. 88, 94].

Единичными экземплярами представлены долото-видное, выемчатое орудие, терочник.

Отдельно следует отметить объемный многофасеточный резец-드릴 (1 экз.) (см. рис. 1, 7). В сочетании с развитой микропластинчатой технологией орудия такого типа, согласно последним исследованиям, ряд авторов относит к мезолитической традиции. В качестве ближайшей аналогии можно выделить материалы культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова-I, где представлена серия подобных орудий [8. С. 82, 96]. Также изделия такого типа известны на территории Якутии, Континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) [9. С. 35, 56].

В коллекции также присутствуют абразивные плитки (3 экз.), используемые в качестве инструментов для пришлифовки.

Остальную часть орудийного набора составляют фрагменты (10 экз.) и заготовки (2 экз.) бифасиальных орудий, фрагменты неопределимых орудий (32 экз.).

Отщепы с ретушью представлены 30 артефактами. Ретушь в большинстве случаев дорсальная краевая чешуйчатая. Также в коллекции присутствуют 14 сколов с ретушью утилизации.

Индустрия культурного горизонта 2. Для культурного горизонта 2 научным сотрудником Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, канд. геол.-минер. наук А.В. Вишневым также проводится петрографический анализ, по предварительным данным которого коллекция данного горизонта не сильно отличается от горизонта 1: доля изделий из алевролитов (роговиков) местного происхождения составляет 75%, силициты составляют 15%, мелкозернистый песчаник (5%), кремни (5%).

Технически значимый дебитаж культурного горизонта 2 составляет 2 183 экз. (8%*). Большая часть сколов в индустрии представлена: отщепами – 1 257 экз. (56%*), пластинчатыми заготовками – 878 экз. (39 %**) (из них пластин – 78 экз., пластинок – 491 экз., микропластин – 309 экз.).

Среди технических сколов – 98 экз. (4%*), преобладают полуреберчатые (48 экз.) и реберчатые (14 экз.) снятия, а также сколы подправки фронта (15 экз.) и площадки в виде таблеток (2 экз.) и полутаблеток (6 экз.), отдельно выделяются два скола, представляющие собой терминальную часть нуклеуса.

Нуклевидных изделий насчитывается 21 экз. (2,4 %*), из них нуклевидных обломков выделено 9 экз. Ядрища (рис. 2, 13, 14, 16, 18) в коллекции представлены 12 экз. Большинство ядрищ (11 экз.) выполнено в рамках объемного принципа расщепления и представлено конусовидными (3 экз.), карандашевидными (2 экз.), торцово-клиновидными (2 экз.), призматическими продольными (4 экз.) типами. Большинство нуклеусов было нацелено на получение пластинчатых сколов. В коллекции горизонта представлен один нуклеус для отщепов, снятия с которого носят бессистемный характер.

Орудийный набор данного горизонта (95 экз., 3%*) отличается от горизонта 1 прежде всего отсутствием массивных рубящих форм, таких как топоры и тесла.

В данном горизонте также представлены микропластинки (10 экз.) и пластинки с ретушью (5 экз.) (рис. 2, 1, 4–5, 2–3), ретушированные пластины (3 экз.). Еще одна пластина – вкладыш – оформлена покрывающей параллельной стелющейся ретушью (рис. 2, 5).

В коллекции широко представлены скребки (рис. 2, 9, 11, 15): концевые на отщепах (10 экз.), двойные концевые на отщепах (1 экз.), концевые на пластинах (3 экз.), двойные концевые на пластинах (1 экз.), на технических сколах концевые (3 экз.), двойные на технических сколах (2 экз.) в основном с широким выпуклым /слабовыпуклым лезвием. У большинства орудий данной категории отмечаются подправка в виде ступенчатой отвесной чешуйчатой ретуши и заполировка поверхности рабочего края.

В орудийном ансамбле выделены наконечники стрел (7 экз.), их заготовки (1 экз.) и фрагменты (3 экз.): овальные с прямым насадом (3 экз.), треугольные с вогнутым насадом (2 экз.), один – треугольный с черешком. Один наконечник цпаньского типа (рис. 2, 8) с зубчатыми краями был подвергнут термическому воздействию.

Категория листовидных/овальных бифасов представлена лишь единичными фрагментами (4 экз.) и заготовками (1 экз.).

Индустрия горизонта также отличается небольшим количеством тесел (2 экз.) (рис. 2, 17), рубящие орудия представлены лишь одним фрагментом (рис. 2, 10), скребел только 2 экз.: продольно-поперечное и бифасиально обработанное с оформленным местом для крепления (струг?).

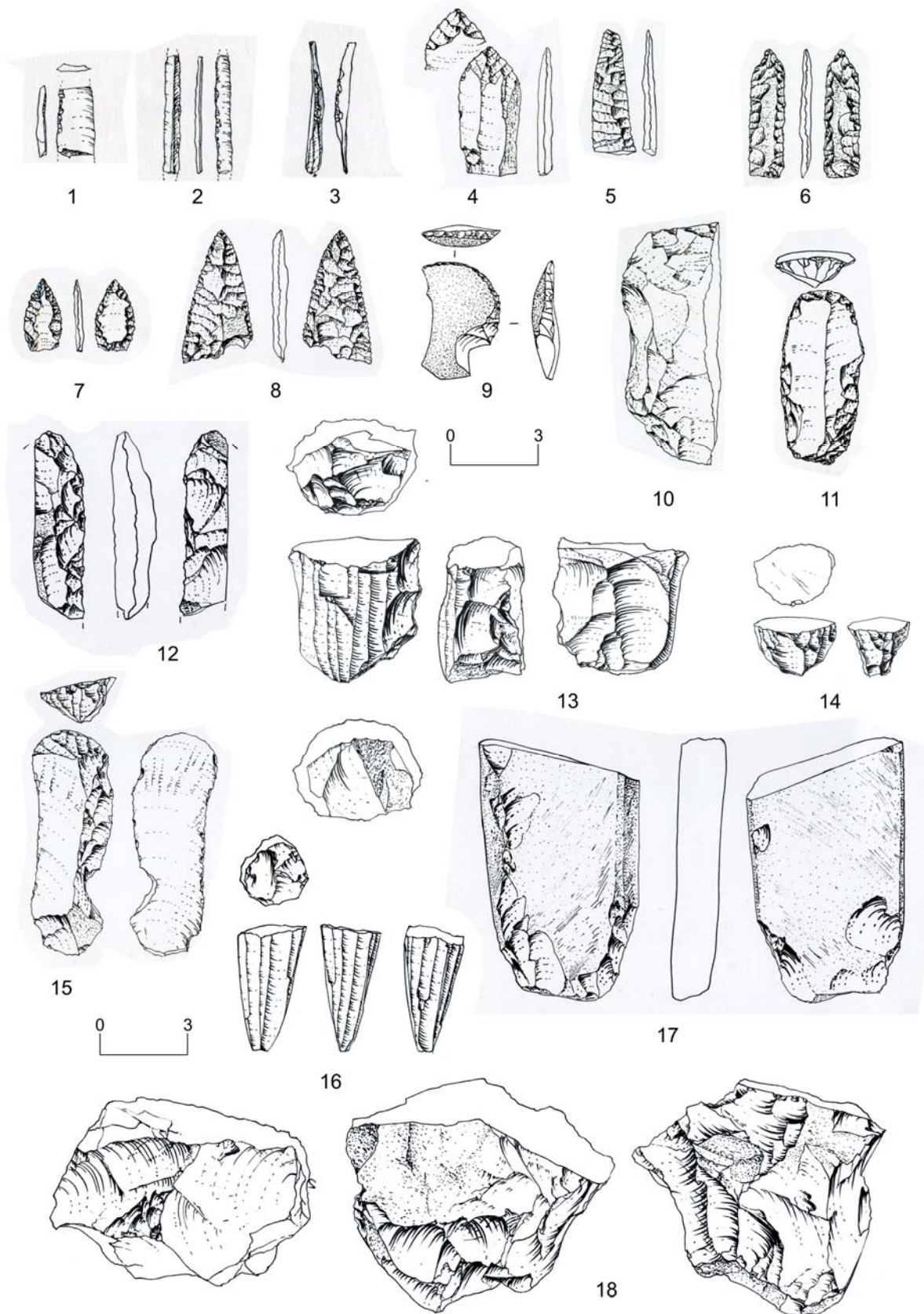

Рис. 2. Каменный инвентарь горизонта 2 слоя 3 стоянки Устье реки Кутарей:

1, 5 – ретушированные пластинки; 2–3 – ретушированные микропластины; 4 – остроконечник; 6 – проколка; 7–8 – наконечники стрел; 9, 11, 15 – скребки; 10, 12 – фрагменты бифасиально обработанных орудий; 13–14, 16, 18 – нуклеусы; 17 – тесло

В индустрии горизонта также выделены один терочник и пять экземпляров абразивных плиток, одна из которых с желобком.

Остальную часть орудийного набора составляют фрагменты (1 экз.) заготовок бифасиальных орудий, фрагменты неопределимых орудий (12 экз.).

Отщепы с ретушью также не столь многочисленны (10 экз.), еще 3 экз. с ретушью утилизации.

Исходя из приведенного анализа, можно заключить, что на стоянке Устье реки Кутарей представлен полный цикл расщепления. Два культурных горизонта слоя 3 существенно отличаются друг от друга по составу орудийного набора. Горизонт 1 более насыщен орудийными формами (290 экз.), в котором больший удельный вес имеют ретушированные пластинки,

наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а также массивные формы (рубящие орудия, тесла), в то время как в индустрии горизонта 2 последние практически отсутствуют. В целом каменный инвентарь слоя 3 обладает чертами, характерными для эпохи неолита – бронзового века региона. Принимая во внимание ситуацию компрессионного характера отложений и техногенные нарушения, делать более детальные выводы о культурно-хронологической принадлежности комплекса преждевременно. В данной ситуации перспективными представляются детальное изучение керамических комплексов памятника и планиграфический анализ, сопоставление с памятниками Кутарейского участка (Гора Кутарей, Сенькин (Синий) камень, Ручей Поварный).

ПРИМЕЧАНИЯ

* Относительно количества каменного инвентаря слоя 3.

** Относительно технически значимого дебитажного горизонта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.
2. Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Колонцов С.В., Марковский Г.И., Присекайло А.А., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 105 с.
3. Чеха А.Н. Комплексы эпохи неолита – бронзы в устье реки Кутарей (Северное Приангарье): история изучения и основные проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 7. С. 18–23.
4. Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. К проблеме выделения культур в Северном Приангарье // Труды Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 127–129.
5. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) // Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 564 с.
6. Научный архив Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Ф. 1. 2011 г. Д. 427. Л. 137.
7. Липнина Е.А., Лохов Д.А., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология, этнология, антропология». 2013. № 1(2). С. 71–101.
8. Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимов Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевиц В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Устье-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология, этнология, антропология». 2014. Т. 8. С. 82–99.
9. Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.

Chekha Anna N. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: Cheha.anna@yandex.ru

THE STONE INDUSTRIES OF LAYER 3 JUST – KUTAREY SITE IN NORTH ANGARA REGION.

Keywords: North Angara region; Neolithic; Bronze age; stone tools; layers with «compression» character; rescue archaeological excavations.

There are many archaeological sites located on North Angara region. Although this territory has been investigated since XVIII century, most intensive works are connected with rescue archaeological works on Boguchany hydroelectric power station in 2008–2011. One of the perspective section is Kutarey site (Kutarey River mouth, Senkin (Siniy) Kamen, Ruchei Povarny, Gora Kutarey). This work contains brief analyses of stone industries of Kutarey River Mouth site. The main goal of this work is with a technical and typological analysis to mark the specific of stone industries of layer 3 of Kutarey River Mouth site in the context of new data of this region. The originality of this work consist in the introducing in scientific turn unpublished collection of stone artifacts of layer 3 of Kutarey River Mouth site, that significantly extend the source base of Neolithic and Bronze age in this region. Kutarey River Mouth site is located on the left bank of Angara river, 15 km lower Kezhma village, on the right bank of Kutarey River. The location was found in 1974 by N.I. Drozdov squad. Hereafter the site was investigated in 2008 and in 2010 by IAET SB RAS squad (guiding by A.N. Savin). Firstly, the site was determined as Neolithic location, but as result of 2010 excavations three Neolithic-middle age cultural horizons were revealed. In the context of the problems connected with investigating of this region (open location character, low stratigraphy situation, high extend of technogenic interruption) the materials of layer 3 are most perspective (high grade of saturation of artifacts, minimal technogenic interruptions). Considering the character of this material occurrence two horizons were contingently distinguished in layer 3. As technical and typological analyses shows in layer 3 of Kutarey River Mouth site the full cycle of stone splitting took place to be. Two cultural horizons are differing in tool kit character. The horizon 1 is more saturated of stone tools forms as retouching bladelets, points, oval biface, massive forms as polished adzes, chopping axes, bits. While in horizon 2 these forms are practically not presented. In general, stone industry of layer 3 have characteristic of Neolithic – bronze age of North Angara region. Taking into account the stratigraphic situation (layers with “compression” character, technogenic interruption) it is too early to make more detailed conclusions about cultural and chronological interpretation of these materials. In this situation it seems perspective to investigate ceramic complexes, planigraphic situation, and to compare this materials with other Kutarey sites (Senkin (Siniy) Kamen, Ruchei Povarny, Gora Kutarey) and adjacent territories.

REFERENCES

1. Aseev, I.V. (2003) *Yugo-Vostochnaya Sibir' v epokhu kamnya i metalla* [South-East Siberia in the era of stone and metal]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Tsybankov, A.A., Postnov, A.V., Slavinskiy, V.S., Vybornov, A.V., Kolontsov, S.V., Markovskiy, G.I., Prisekaylo, A.A. & Dudko, A.A. (2014) *Boguchanskaya arkeologicheskaya ekspeditsiya* [Boguchansk archaeological expedition]. Novosibirsk: SB RAS.
3. Chekha, A.N. (2015) Kompleksy epokhi neolita – bronzy v ust'e reki Kutarey (Severnoe Priangar'e): istoriya izucheniya i osnovnye problemy [The Neolithic – Bronze complexes at the mouth of the river Kutarey (Northern Angara): The history of the study and main problems]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya - Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 14(7). pp. 18-23.
4. Grishin, A.E., Garkusha, Yu.N. & Marchenko, Zh.V. (2011) K probleme vydeleniya kul'tur v Severnom Priangar'e [On the problem of separation of cultures in the North Angara]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy Vserossiyskogo arkeologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. St. Petersburg, Moscow; Velikiy Novgorod. pp. 127-129.
5. Derevyanko, A.P., Tsybankov, A.A., Postnov, A.V., Slavinskiy, V.S., Vybornov, A.V., Zolnikov, I.D., Deev, E.V., Prisekaylo, A.A., Markovskiy, G.I. & Dudko, A.A. (2015) *Boguchanskaya arkeologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody)* [Boguchansk archaeological expedition: An essay of field research (2007–2012)]. Novosibirsk: SB RAS.
6. *Scientific Archive of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. Fund 1. File 427.
7. Lipina, E.A., Lokhov, D.A. & Medvedev, G.I. (2013) Stone Axes, Trunnion Axes in Northern Asia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya"* – *The Bulletin of Irkutsk State University*. 1(2). pp. 71-101. (In Russian).
8. Tomilova, E.A., Stasyuk, I.V., Akimova, E.V., Kuksa, E.N., Mikhlaeva, Yu.M., Gorelchenkova, O.A., Kharevich, V.M. & Oreshnikov, I.A. (2014) Mesolithic Site Ust'-Kova I in the Northern Angara Region: Investigation Results of 2008–2011. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya"* – *The Bulletin of Irkutsk State University*. 8. pp. 82-99. (In Russian).
9. Slobodin, S.B. (2001) *Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla* [The Upper Kolyma and Continental Priokhot'e in the Neolithic and early metal]. Magadan: SVKNII DVO RAN.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНаХОЖДЕНИЯ С БИФАСАМИ В СЕВЕРНОМ ПРИАРАЛЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00069-а).

Рассматриваются местонахождения поверхностного залегания артефактов – Арал А-D, Арал-1-2, 4-6, -8, обнаруженные совместной Российско-казахстанской археологической экспедицией во время разведочных работ по исследованию территории северного побережья Аральского моря в Западном Казахстане в 1998–1999 гг. Среди материалов пунктов Северного Приаралья особого внимания заслуживает большое число двусторонне обработанных орудий. В общей сложности был обнаружен 91 экз. целых бифасов и их фрагментов. Интерпретация палеолитических комплексов с бифасами в Северном Приаралье и Казахстане в целом представляется довольно сложной. Во-первых, большинство памятников не датировано или датировано лишь предположительно. Во-вторых, источником распространения раннепалеолитических индустрий, предшествующих изучаемым комплексам, имеют как восточные (Передняя Азия и Ближний Восток), так и западные черты (Кавказ). Полученные результаты исследования палеолитических местонахождений с бифасами позволяют сделать вывод о том, что пункты Арал А-D, Арал-1-2, 4-6, -8 представлены смешанными комплексами, основные материалы которых, вероятно, относятся к заключительной стадии среднего – верхнему палеолиту. В то же время часть коллекций на основе морфологических признаков может быть отнесена к более ранним этапам палеолита.

Ключевые слова: Северное Приаралье; поверхностное залегание артефактов; средний палеолит; верхний палеолит; бифасы.

На территории Казахстана открыто и исследовано большое количество памятников археологии каменного века, представляющих все этапы – от эпохи ашеля до энеолита. В то же время степень исследованности этих памятников в разных районах Казахстана неравномерна. В первую очередь это связано с тем, что преобладание аридных условий на территории Казахстана препятствовало процессу активного осадконакопления. В результате были образованы археологические объекты особого типа – памятники с поверхностным залеганием артефактов. Отсутствие рыхлых отложений на подобных местонахождениях во многом снижает их информативность. В большинстве случаев при изучении комплексов поверхностного залегания артефактов невозможно использовать естественнонаучные методы. По этой причине первостепенное значение приобретает всесторонний технико-типологический анализ каменных индустрий.

Таким образом, среди актуальных тематических направлений изучения древнейших этапов заселения человеком территории Казахстана и Центральной Азии в целом одним из основных является исследование палеолитических памятников с поверхностным залеганием археологического материала. Подобными объектами являются палеолитические комплексы Северного Приаралья, расположенные на северном побережье Аральского моря в Западном Казахстане.

Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря Арал А-D, Арал-1-2, -4-6, -8 были обнаружены совместной Российско-Казахстанской экспедицией, производившей в 1998–1999 гг. разведочные работы по исследованию территории Западного Казахстана. В связи с тем что из-за крайне ограниченных сроков исследований детальное изучение указанных пунктов не представлялось воз-

можным, сбор археологического материала производился выборочно; предпочтение отдавалось наиболее выразительным изделиям [1].

В 1999 г. были продолжены исследования на восточном побережье залива Бутакова – полуострове Коктырмак, где был обнаружен комплекс палеолитических местонахождений, состоящий из шести пунктов – Арал А-D и Арал-1-2 (рис 1, I).

Пункт Арал А (координаты: 46°34'09,6" с.ш., 060°49'17,3" в.д.) располагался непосредственно на выходах сырья и характеризовался высокой концентрацией каменных артефактов. Местоположение находок представляет собой береговую террасу, возвышающуюся на 10–15 м от уреза воды. В верхней части террасы залегал пласт светло-серого песчаника, перекрытого сверху лессами. Обнажение пласта песчаника происходило под воздействием прибрежных вод [Там же. С. 48]. Собранный коллекция составила 128 артефактов.

Пункт Арал В (координаты: 46°34'17,8" с.ш., 060°49'36,0" в.д.) располагался на более высоком уровне террасы относительно пункта Арал А. Собранный коллекция насчитывала 140 артефактов.

Пункт Арал С (координаты: 46°34'44,9" с.ш., 060°49'54,8" в.д.) примечателен тем, что в большей части территории пласты песчаника и археологические материалы перекрыты лессами. Археологические материалы обнаружены в промоинах и оврагах, обнаживших пласты песчаников. Это позволяет предположить наличие на данной территории стратифицированных объектов [Там же. С. 49]. Коллекция местонахождения насчитывала 5 артефактов.

Коллекция пункта Арал D (координаты: 46°34'26,2" с.ш., 060°49'34,5" в.д.), обнаруженного вблизи пункта Арал С, состояла из двух артефактов.

Пункт Арал-1 (координаты: 46°37'34,9" с.ш., 060°50'22,7" в.д.) располагался на террасовидном уступе восточного побережья залива Бутакова в 6 км от пункта Арал А. В качестве исходного сырья использовался песчаник светло-серого цвета, на выходах которого и обнаружен памятник [1. С. 46]. Коллекция пункта Арал-1 составила 70 артефактов.

Пункт Арал-2 (координаты: 46°40'42,9" с.ш., 060°50'49,1" в.д.) был открыт на восточном побережье залива Бутакова вблизи колодца Аккудук в 12 км от пункта Арал А. Сырьём для каменных артефактов, как и в других пунктах, послужил светло-серый окварцованный песчаник, на выходах которого располагался памятник [Там же. С. 46]. Коллекция насчитывает 110 изделий.

В 60 км южнее г. Аральска на северном побережье оз. Камыслыбас, севернее устья р. Сырдарьи располагался пункт Арал-4 (координаты: 46°15'15,1" с.ш., 061°53'54,1" в.д.). Поверхность большей части указанного района перекрыта песками, но, несмотря на это, протяженность обнаженных пластов песчаника здесь достаточно велика [Там же. С. 48]. Собранная коллекция насчитывала 47 каменных артефактов.

Пункты Арал-5-6, -8 (координаты отсутствуют) расположены, вероятно, вблизи пункта Арал-4. Собранная коллекция насчитывает 13, 7, 75 артефактов соответственно.

Каменное сырьё, использованное на местонахождениях Северного Приаралья, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников [2. С. 65].

Местонахождения Арал А-D и Арал-1-2, -4-6, -8 в первичном расщеплении характеризуются отсутствием леваллуазских нуклеусов, непластинчатостью. Здесь присутствуют, главным образом, призматические нуклеусы параллельного принципа расщепления в плоскостном и объемном вариантах. Подчиненное положение отводится торцовому и дисковидному вариантам. В орудийном наборе наблюдается высокое содержание бифасов, а также наличие скребел, зубчато-выемчатых и комбинированных изделий и орудий позднепалеолитических типов (скребки, ножи). В качестве оформления применялись оббивка и ретуширование. При этом ретушь, используемая в качестве вторичной отделки, характеризуется как краевая чешуйчатая, в большинстве случаев дорсальная круглая и полукруглая средних и мелких размеров.

В целом у вышеописанных местонахождений наблюдаются такие общие черты, как однообразие изделий, сосуществование мустьерских и позднепалеолитических типов орудий.

Среди материалов пунктов Северного Приаралья особого внимания заслуживает необычайно большое число двусторонне обработанных орудий. В общей сложности было обнаружено 91 экз. целых бифасов и их фрагментов. Наблюдаются различия в форме этих изделий, их размерах и массивности. По нашему мне-

нию, они не составляют единую серию, а относятся к разным этапам палеолита.

При работе с коллекциями двусторонне обработанные изделия были разделены на три группы.

В первую группу вошли изделия начальной стадии оформления. Для них характерны становление формы, грубая черновая отделка крупными сколами, оставляющими глубокие негативы, наличие необработанных участков и вспомогательных ударных площадок на продольных краях предметов (рис. 1, 4).

Во второй группе, куда входят изделия заключительной стадии оформления, наблюдается совершенно противоположная картина. Здесь преобладающее число орудий симметричные, двояковыпуклые в сечении. Сколы оформления, покрывающие обе плоскости, средних размеров, уплощенные. В некоторых случаях боковые края изделий дополнительно подработаны эпизодическими мелкими фасетками ретуши (рис. 1, 2, 5).

В третью группу вошли фрагменты двусторонне обработанных изделий, разбитые на три подгруппы: проксимальные, медиальные и дистальные части.

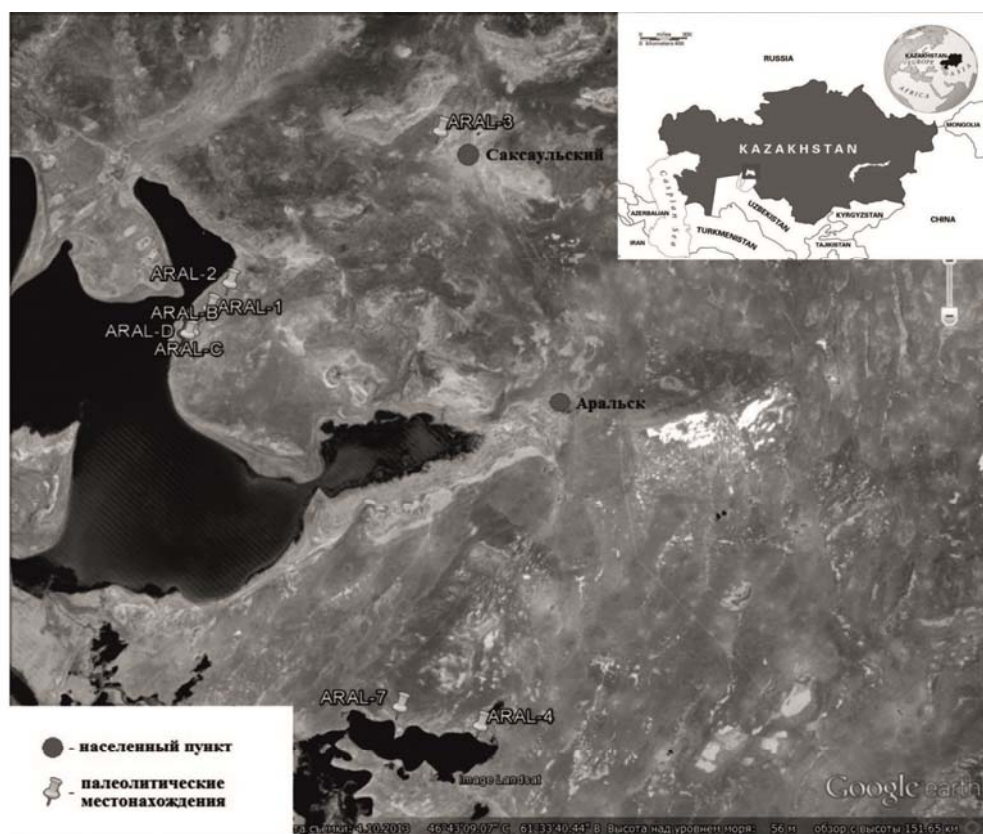
В плане формообразования в анализируемой коллекции двусторонне обработанные изделия представлены округлыми, овальными, подтреугольными, листовидными разновидностями. В то же время встречаются атипичные (угловатые) формы. Несколько особняком стоят четыре изделия с обушком, где обушок массивный, подработан несколькими крупными сколами, не несет на себе следов желвачной корки (рис. 1, 3). Также выделяются четыре двусторонне обработанных изделия с «плечиком». Допустимо предположить, что «плечиком» являлась часть вспомогательной ударной площадки, которая по неизвестной причине была оставлена древним мастером.

На наш взгляд, массивные двухсторонне обработанные изделия возможно рассматривать не только в качестве рубящих орудий, но и бифасиальных нуклеусов.

К настоящему времени на территории Казахстана выявлены три области распространения палеолитических индустрий с бифасами. Это северо-западные, западные и центральные районы республики [3. С. 36].

Территориально наиболее близкими местонахождениями, в большом количестве содержащими аналогичные крупные уплощенные листовидные бифасы, являются ашельские комплексы Мугоджарских гор. Здесь, как и в Северном Приаралье, обилие сырья различной формы (желваки, плитки, крупные массивные отщепы и десквамационные сколы) позволяло изготавливать крупные двусторонне обработанные изделия правильной (листовидной и овальной) формы.

Технология изготовления бифасов различных модификаций на Мугоджарах предусматривала снятие крупных субпараллельных сколов в направлении от краев к центру. Следы дополнительной подработки более мелкими сколами практически отсутствуют. В продольном сечении изделия симметричны, их толщина, как правило, не превышает 2–3 см [4. С. 25].

1

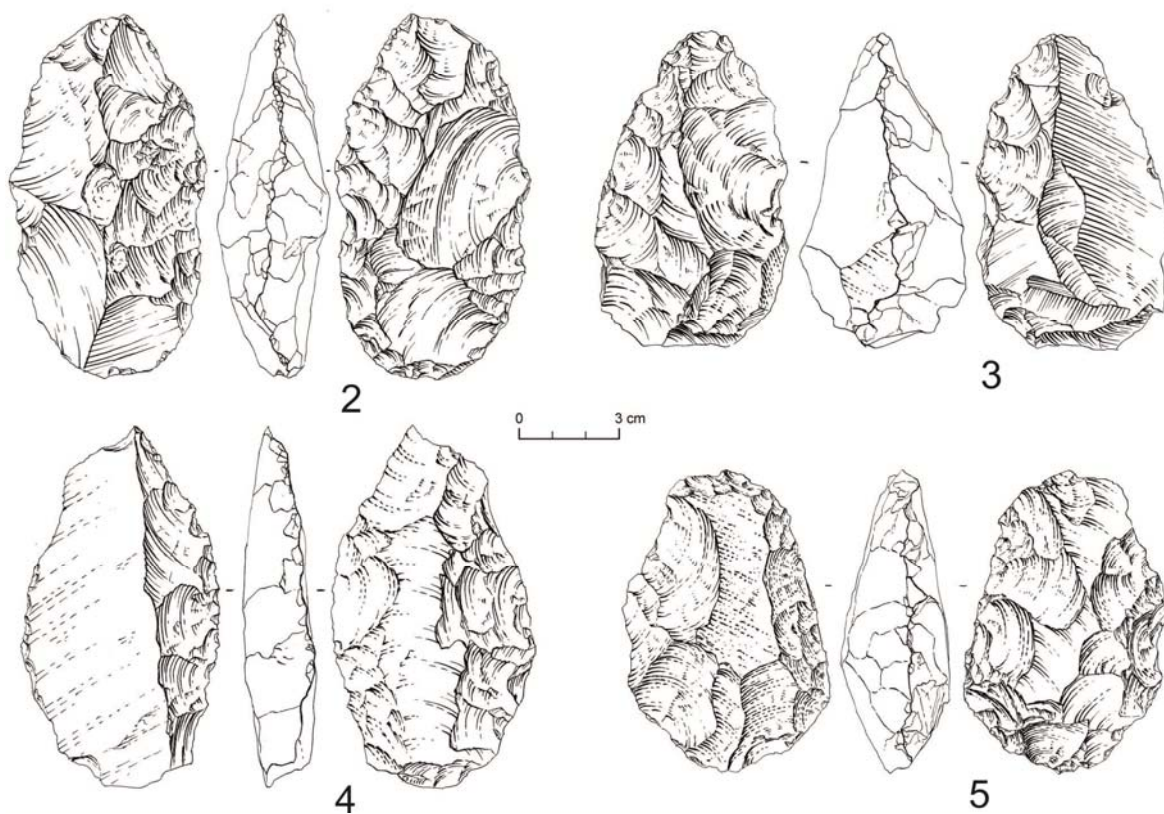

Рис. 1. Карта расположения и каменный инвентарь местонахождений Северного Приаралья:

1 – карта расположения палеолитических местонахождений северного побережья Аральского моря;
2, 5 – бифасиальные изделия заключительной стадии оформления (пункт Арал А); 3 – бифасиальное изделие с обушком (пункт Арал А);
4 – бифасиальное изделие начальной стадии оформления (пункт Арал А)

В Центральном Казахстане в верховьях р. Ишим при исследовании палеолитического памятника Вишневка-3 В.С. Волошиным были обнаружены бифасы различной (подтреугольные, эллипсоидные, удлинённо-овальные) формы. Как отмечает автор раскопок, особенности геоморфологической позиции памятника позволили отнести его к миндель-риссу (среднему палеолиту) [5. С. 199].

Также двусторонне обработанные изделия были обнаружены на памятниках с поверхностным залеганием артефактов на побережье о. Кудайколь (Прииртышье) [6; 7. С. 11], Северном Прибалхашье (комплексы Семизбугу, окрестности п. Саяк) [8, 9], на п-ве Мангышлак [7. С. 14–19; 10. С. 35–37] и Красноводском плато (Янгаджа – Каратенгир) [10. С. 12–19; 11. С. 156].

За пределами Казахстана местонахождения с двусторонне обработанными изделиями обнаружены на Алтае, единичные бифасы обнаружены в Денисовой пещере, на Усть-Караколе-1, Ануе-3, Тюмечине-4, наряду с сопутствующим каменным инвентарем отнесены к ранней стадии верхнего палеолита [12].

Двусторонне обработанные изделия присутствуют на памятниках поверхностного залегания Тувы (Торгалык и др.) [13. С. 30–38] и Монголии (Ярх, Дно Гоби, Кремневая Долина) [14], но здесь они имеют совершенно иную морфологию и вряд ли могут рассматриваться в качестве аналогов как Приаральских, так и Мугоджарских образцов [4. С. 26].

Разработкой периодизации палеолита Казахстана занимались многие исследователи (Б.Ж. Аубекеров, Х.А. Алпысбаев, А.Г. Медоев, В.С. Волошин, Ж.К. Таймагамбетов).

Так, Х.А. Алпысбаев разделил все палеолитические комплексы Казахстана на три хронологические группы: местонахождения первой хронологической группы (Акколь, Борыказган, Танирказган) датируются ашельской эпохой; вторая группа (Токалы, Дегерез) – ашело-мустьерской эпохой; третья группа (стоянка Ч. Валиханова) – позднемустьерской и верхнепалеолитической эпохами [15].

Для двух крупных регионов Казахстана (Мангышлака и Северного Прибалхашья) периодизационные схемы были разработаны А.Г. Медоевым. В основу его схемы была положена трансформация культуры леваллуа-ашель I в культуру леваллуа-ашель II (мустье) и далее в поздний палеолит (комплексы типа Шахбагата I (Мангышлак) и Саяк (Северное Прибалхашье)) [7. С. 34–44].

По мнению В.С. Волошина, в Центральном Казахстане развитие палеолитических индустрий происходило по двум линиям, одна из которых связана с галечной технологией расщепления (комплексы Обалысай и Музбель), другая – с леваллуазской (комплексы Курома и Ак-Кошкар) [16. С. 105–106].

Проблемами происхождения и развития культур каменного века Средней Азии и Казахстана занимались

такие исследователи среднеазиатской археологии, как А.П. Окладников, Х.А. Алпысбаев, А.Г. Медоев, В.А. Ранов.

По Х.А. Алпысбаеву, для индустрии раннего этапа палеолита характерно развитие по азиатскому пути (галечная линия) [15. С. 189–190]. Однако, по мнению А.Г. Медоева, эти комплексы принадлежат леваллуазской линии развития, так как большая часть чопперов и чоппингов является результатом выработки леваллуазских нуклеусов для получения черепаховидных отщепов [7. С. 34–44].

В.А. Ранов, вслед за А.П. Окладниковым, предложил концепцию о существовании на территории Средней Азии двух культурных зон, одна из которых связана с западом (Передняя Азия), вторая – с востоком (Восточная Азия). В.А. Ранов выделил контактную зону с двумя линиями развития: для одной (группа А) на первоначальной стадии характерны рубила, для другой (группа Б) – галечные изделия (чопперы, чоппинги). Первая линия развития своим происхождением обязана культурам Передней Азии, вторая – культурам восточно-азиатского облика [11. С. 159–160; 17].

Также одним из возможных путей заселения территории запада Средней Азии и Казахстана (и, вероятно, Поволжья и Приуралья) является Закавказский путь, возможность которого не исключают В.П. Любин и Л.Б. Вишняцкий [18. С. 24]. В это время древнеашельское население осваивает пространства равнин, новые источники каменного сырья. Происходит постепенная эволюция каменного инвентаря с сохранением традиции двусторонней обработки орудий.

Анализ индустрий с бифасами Каспийско-Аральского региона показал, что раннепалеолитические комплексы с бифасами в Казахстане обладают сходными технико-типологическими параметрами с ашельскими комплексами постбакинского времени в Дагестане. Появление техники двухсторонней обработки камня в раннем палеолите, вероятно, было связано с проникновением носителей леваллуа-ашельской индустриальной традиции. Один из миграционных маршрутов пролегал вдоль побережья древнего Каспия через территорию Каспийско-Аральского региона. Результаты новейших исследований позволяют рассматривать кавказское побережье Каспия как транзитную зону на пути расселения древнейших человеческих коллективов в Евразии.

Особый интерес представляет относительно высокая доля бифасиально оформленных изделий в палеолитических комплексах Каспийско-Аральского региона по сравнению с близкими в культурно-хронологическом плане индустриями сопредельных территорий. Наиболее ранние свидетельства использования бифасиальной техники в Прикаспии отмечены в материалах из нижнего слоя стоянки Дарвагчай на юго-востоке Дагестана, которые относятся к микроиндустриальному комплексу раннего палеолита. Рубила с более совершенной отделкой,

зафиксированные в стратиграфически вышележащих отложениях стоянки, принадлежат ашельской индустрии [19; 20. С. 260–261].

Наиболее вероятным временем ашельских миграций с Северного Кавказа в восточные районы Прикаспия являются периоды сингильской и чернойской регрессий (изотопные стадии 11, 9 и 7). Экологические условия в неоплейстоцене на территории Каспийско-Аральского региона в целом были благоприятны для проживания первобытных сообществ. Наиболее оптимальными в палеоклиматическом и палеоландшафтном отношениях являлись пограничная зона леса и степи и прибрежные участки крупных внутренних водоемов [19. С. 169–170].

Как показано выше, интерпретация палеолитических комплексов с бифасами в Северном Приаралье и

Казахстане в целом представляется довольно сложной. Во-первых, большинство памятников не датировано или датировано лишь предположительно. Во-вторых, источником распространения раннепалеолитических индустрий, предшествующих изучаемым комплексам, имеют как восточные (Передняя Азия и Ближний Восток), так и западные черты (Кавказ).

Таким образом, оценивая результаты исследования палеолитических местонахождений на северном побережье Аральского моря в целом, следует отметить, что пункты Арал А-D, Арал-1-2, -4-6, -8 представляют смешанные комплексы, основные материалы которых, вероятно, относятся к заключительной стадии среднего – верхнему палеолиту. В то же время часть коллекций на основе морфологических признаков может быть отнесена к более ранним этапам палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. V. С. 46–50.
2. Чеха А.М., Кулик Н.А. Каменное сырье палеолитических местонахождений Северного Приаралья (по материалам пункта Арал-1) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 63–72.
3. Гладышев С.А., Зенин А.Н. Итоги изучения палеолита Мугоджарских гор (Республика Казахстан) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири : сб. науч. тр. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 31–37.
4. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 135 с.
5. Волошин В.С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // Советская археология. М. : Наука, 1988. № 4. С. 199–203.
6. Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата : Наука Каз. ССР, 1968. С. 128–134.
7. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1982. 64 с.
8. Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин А.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний – поздний палеолит). Новосибирск : [Б. и.], 1993. 114 с.
9. Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.
10. Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб. : ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ, 1996. 213 с.
11. Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 2003. С. 150–203.
12. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 256–282.
13. Астахов С.Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб. : Нестор-История, 2008. 180 с.
14. Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цзвэндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 228 с.
15. Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата : Изд-во Наука КазССР, 1979. 207 с.
16. Волошин В.С. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. Новосибирск : Изд-во ИИФиФ СО РАН, 1990. С. 99–106.
17. Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. № 2. С. 20–32.
18. Кузнецова Л.В. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара : Интеграция, 2000. С. 5–37.
19. Зенин А.Н., Зенин В.Н. Регрессии Каспия и возможные пути древнейших миграций с Кавказа в Центральную Азию // Карабах в каменном веке. Баку : Текнур, 2010. С. 163–173.
20. Деревянко А.П., Амиранов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Chekha Andrew M. Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: Chekhan-drej@yandex.ru

PALEOLITHIC SITES WITH BIFACES IN NORTHERN ARAL REGION: PROBLEMS OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION.

Keywords: North Aral Sea region; the surface occurrence of artifacts; Middle Paleolithic; Upper Paleolithic; bifaces.

A large number of sites representing all stages of the Stone Age to the Chalcolithic era Acheulian are discovered and investigated in Kazakhstan. At the same time, the degree of investigation of these sites in different regions of Kazakhstan is uneven. This is primarily due to the predominance of arid conditions that impede the process of active sedimentation. Such objects are Paleolithic complexes in northern Aral region, which located on the northern coast of the Aral Sea in western Kazakhstan – Aral A-D, Aral – 1-2, -4-6, -8. The main goal of this work is cultural and chronological mark of the sites with the surface occurrence of artifacts Aral A-D, Aral 1-2, 4-6, -8 with technical and typological and petrographic analyses of stone products of investigated sites. As technical and typological analyses showed Locations Aral A-D, Aral -1-2, -4-6, -8 characterized by a lack of Levallois cores in the primary flaking, blades blanks. In these collections there are mainly prismatic cores illustrated parallel principle of flaking in planar and volume variations. Subordinate position

assigned to chop and discoid type of cores. The tool set contain a high quantity of bifaces, as well as the scrapers, toothed-notched, combined products and Upper Paleolithic types of tools (scrapers, knives). Upholstery and retouching were used as forming methods. The retouching was used as a secondary refinement, characterized as marginal, scaly, in most cases, the dorsal and steep, half-steep medium and small sizes. Among the material of the Northern Aral Sea region unusually large number of biface tools deserves special attention. On the whole 91 samples of unbroken bifaces and their fragments were found. We can mark the differences in the shape of those products, their size and massiveness. It is also possible to consider the massive bifacial products not only as hacking tools, but bifacial cores. In our opinion these types of tools not form a single series, but refer to different stages of Paleolithic Age. As shown above, the interpretation of Paleolithic complexes with bifaces in Northern Aral Sea region and Kazakhstan as a whole is rather difficult. First, most of the sites are not dated or undated only tentatively. Second, investigated complexes have both Eastern (Southwest Asia and the Middle East) and Western features (Caucasus). Because of these, the question about the specific ways of the colonization of this region is still open. Thus, evaluating the results of the studying of Paleolithic sites on the northern coast of the Aral Sea as a whole, it should be noted that the items Aral A-D, Aral -1-2, -4-6, -8 are mixed complexes, in which basic materials are likely refer to the final stage of the middle - upper Paleolithic and probably Mesolithic and Neolithic Ages. At the same time part of the collection based on morphological analyses can be attributed to the earlier stages of the Paleolithic Age.

REFERENCES

1. Derevyanko, A.P., Taymagambetov, Zh.K., Petrin, V.T., Gladyshev, S.A., Zenin, A.N., Zenin, V.N. & Isakov, G.T. Paleoliticheskie mestonakhzhdeniya severnogo poberezh'ya Aral'skogo morya [Paleolithic location of the northern coast of the Aral Sea]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkeologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighbouring regions]. Vol. 5. Novosibirsk: SB RAS. pp. 46-50.
2. Chekha, A.M. & Kulik, N.A. (2014) Kamennoe syr'e paleoliticheskikh mestonakhzhdeniy Severnogo Priaral'ya (po materialam punkta Aral-1) [The raw stone materials in Paleolithic localities of Northern Aral Sea region (based on Aral-1)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya - Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 13(5). pp. 63-72.
3. Gladyshev, S.A. & Zenin, A.N. (2003) Itogi izucheniya paleolita Mugodzarskikh gor (Respublika Kazakhstan) [Results of the study of Paleolithic Mugojar Mountains (Republic of Kazakhstan)]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 31-37.
4. Derevyanko, A.P., Petrin, V.T., Gladyshev, S.A., Zenin, A.N. & Taymagambetov Zh.K. (2001) *Ashel'skie komplekсы Mugodzarskikh gor (Severo-Zapadnaya Aziya)* [The Acheulean complexes in Mugojar Mountains (North-West Asia)]. Novosibirsk: SB RAS.
5. Voloshin, V.S. (1988) Ashel'skie bifasy iz mestonakhzhdeniya Vishnevka-3 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Acheulean bifaces of Vishnevka-3 (Central Kazakhstan)]. *Sovetskaya arkeologiya*. 4. pp. 199-203.
6. Medoev, A.G. (1968) Stoyanka-masterskaya u ozero Kudaykol' [The man site and workhouse at Lake Kudaykol']. In: Kadyrbaev, M.K. (ed.) *Novoe v arkeologii Kazakhstana* [New in archeology of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 128-134.
7. Medoev, A.G. (1982) *Geokhronologiya paleolita Kazakhstana* [Geochronology of the Paleolithic of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
8. Derevyanko, A.P., Aubekero, B.Zh., Petrin, V.T., Taymagambetov, Zh.K., Artyukhova, O.A., Zenin, A.N. & Petrov, V.G. (1993) *Paleolit Severnogo Pribalkhash'ya (Semizbugu, punkt 2, ranniy – pozdnyy paleolit)* [The Paleolith of the Northern Balkhash (Semizbugu, Paragraph 2, early – late Paleolithic)]. Novosibirsk: [s.n.].
9. Artyukhova, O.A., Derevyanko, A.P., Petrin, V.T. & Taymagambetov, Zh.K. (2001) *Paleoliticheskie komplekсы Semizbugu, punkt 4 (Severnoe Pribalkhash'e)* [Paleolithic complexes of Semizbugu, paragraph 4 (North Balkhash)]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Vishnyatskiy, L.B. (1996) *Paleolit Sredney Azii i Kazakhstana* [Paleolith of Central Asia and Kazakhstan]. St. Petersburg: EVROPEYSKIY DOM.
11. Okladnikov, A.P. (2003) Paleolit i mezolit Sredney Azii [Paleolith and Mesolith of Central Asia]. In: Derevyanko, A., Medvedev, V., Vasilevskiy, R., Okladnikov, A. & Frolov, B. *Arkeologiya Severnoy, Tsentral'noy i Vostochnoy Azii* [Archaeology of North, Central and East Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 150-203.
12. Derevyanko, A.P. & Shunkov, M.V. (2005) Industrii s listovidnymi bifasami v srednem paleolite Gornogo Altaya [Industries with a leaf-shaped bifaces in the Middle Paleolithic Gorny Altai]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty* [The transition from the middle to the late Paleolith in Eurasia: the hypothesis and the facts]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 256-282.
13. Astakhov, S.N. (2008) *Paleoliticheskie pamyatniki Tuvy* [Paleolithic sites of Tuva]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. Derevyanko, A.P., Zenin, A.N., Olsen, D., Petrin, V.T. & Tseveendorzh, D. (2002) *Paleoliticheskie komplekсы Kremnevoy Doliny (Gobiyskiy Altay)* [Paleolithic complexes of the Silicon Valley (Gobi-Altai)]. Novosibirsk: SB RAS.
15. Alpysbaev, Kh.A. (1979) *Pamyatniki nizhnego paleolita Yuzhnogo Kazakhstana* [Monuments of the Lower Paleolith of southern Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
16. Voloshin, V.S. (1990) Stratigrafiya i periodizatsiya paleolita Tsentral'nogo Kazakhstana [Stratigraphy and periodization of Paleolithic Central Kazakhstan]. In: *Khronostratigrafiya paleolita Severnoy, Tsentral'noy, Vostochnoy Azii i Ameriki* [Chronostratigraphy of Paleolith of North, Central, East Asia and America]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 99-106.
17. Ranov, V.A. & Shefer, Y. (2000) Lessovy paleolit [Loess Paleolith]. *Arkeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2. pp. 20-32.
18. Kuznetsova, L.V. (2000) Paleolit [Paleolith]. In: Vybormov, A.A., Kolev, Yu.I. & Mamonov, A.E. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dnei. Kamenny vek* [The history of the Volga region near Samara from ancient times to the present day. The Stone Age]. Samara: Integratsiya. pp. 5-37.
19. Zenin, A.N. & Zenin, V.N. (2010) Regressii Kaspiya i vozmozhnye puti drevneyshikh migratsiy s Kavkaza v Tsentral'nyuyu Aziyu [Regression of the Caspian Sea and the possible ways of ancient migration from the Caucasus to Central Asia]. In: Ragimova, M.N., Dzhaifarov, A.G. & Zeynalov, A.A. (eds) *Karabakh v kamennom veke* [Karabakh in the Stone Age]. Baku: Teknur. pp. 163-173.
20. Derevyanko, A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoykin A.A. & Rybalko A.G. (2012) *Problemy paleolita Dagestana* [Problems of Palaeolithic Dagestan]. Novosibirsk: SB RAS.

А.Ю. Рощупкин

ЕЛЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. (СТРОИТЕЛЬСТВО, ВОССТАНОВЛЕНИЕ, РЕКОНСТРУКЦИЯ)

Статья посвящена рассмотрению ключевых моментов из истории елецкой крепости, связанных с изучением особенностей ее строительства в конце XVI в., а также характеристикой проведенных ельчанами работ по восстановлению и реконструкции города и укреплений в течение первой половины XVII в. В связи с этим основная цель исследования заключается в характеристике перечня работ, проводимых елецкими служилыми людьми во время строительства Ельца, а также в определении основных пунктов, характеризующих боеспособность крепости в периоды ее восстановления.

Ключевые слова: южные рубежи; елецкая крепость; служилые люди; елецкий гарнизон; городские и острожные укрепления; вестовой колокол; колодезные работы.

В летописных источниках первое упоминание о Ельце относится к 1146 г. Через несколько веков в 1395 г., город был разрушен после нашествия войск Тимура (Тамерлана). Окончательно Елец был уничтожен в начале XV в. после очередного набега татар [1. С. 4]. В состоянии запустения эти места пребывали вплоть до конца XVI в., когда в рамках политики Московского государства по укреплению стратегических позиций на южном направлении и защите центральных уездов от степной агрессии на берегах р. Быстрой Сосны началось строительство елецкой крепости [2. С. 23].

В XVII в. на фоне продолжавшихся процессов по продвижению вглубь территории «Поля» продолжались функционирование и развитие одного из важных пунктов обороны, Ельца. В связи с этим в работе анализируются аспекты, связанные с процессами, происходившими при начальном строительстве Ельца. Описывается восстановление ельчанами разрушенных укреплений и городской инфраструктуры после прохода летом 1618 г. через Елец казаков гетмана П. Сагайдачного. Характеризуется состояние города и острога в связи с готовившимся походом к южным границам гетмана Конецпольского. Освящается работа над крепостными стенами и частью городских построек после того, как в середине XVII в. большая часть Ельца была уничтожена пожаром, совпавшим с известием о подготовке к вторжению в русские земли объединенных сил казаков гетмана Б. Хмельницкого и крымских татар. Поскольку последующие годы не были отмечены столь масштабными работами по восстановлению укреплений и города, поэтому выбор хронологических рамок обусловлен тем, что на обозначенном временном отрезке происходили важные события, повлиявшие на историю города и жизнь ельчан.

Совокупность приведенных фактов не только может раскрыть картину жизни елецкой крепости, но и даст возможность судить о схожих процессах в соседних городах региона, позволяя говорить о том, что строительство и восстановление крепостей на протяжении многих лет находилось в русле политики по

поддержанию геополитической стабильности на южных границах.

Зимой 1591 г. к остаткам Елецкого городища начали приходить первые «новоприборные» служилые люди и «посошные» крестьяне. Первым воеводой строящейся крепости стал князь И.Д. Звенигородский. Вместе с ним на должность головы был назначен выборный тульский дворянин И.Н. Мясной. Процессом строительства города, острога и крепостных стен руководил опытный городской мастер И. Катеринин [3. С. 151].

В первые месяцы возведения елецкой крепости основная масса строительных работ выполнялась специально привлеченными для этого «посошными» крестьянами. Свое название крестьяне получили в связи с тем, что их набирали с «сохи». С «сохи», как правило, нанимали по 7 человек [Там же. С. 62]. Для оплаты их труда государство выделяло от 10 до 13 руб. [Там же. С. 34, 62]. Из-за тяжести условий при строительстве Ельца и несвоевременной денежной выплаты «посошные» люди за 4 недели «до Петрова дня» разбежались из города [Там же. С. 34]. Помимо них строившуюся крепость самовольно покинул мастер И. Катеринин, вместе с которым ушли дедиловские плотники [Там же. С. 137]. На смену Катеринину в Елец был вызван тульский кузнец И. Горбун, но его пребывание в городе было недолгим, о чем в Посольский приказ сетовали ельчане [Там же. С. 101].

Город и острог были вынуждены достраивать, «переменяясь пополам», неквалифицированные в этом деле «новоприборные» казаки и стрельцы [Там же. С. 136]. Детям боярским «городовое дело» было велено не делать, пока они дворы не поставят и землю не распашут [Там же. С. 64]. Для скорейшего завершения крепостных работ головой И.Н. Мясным было принято решение о привлечении присланных для охраны елецких строителей, детей боярских из Тулы и Рязани, а также служилых казаков из Крапивны, Данкова и Михайлова. Данное решение было воспринято служилыми людьми как самоуправство головы, о чем они сообщали

ли в Москву [3. С. 56, 57, 61, 62]. Казаки и стрельцы своими силами были не в состоянии справиться с возложенным на них объемом работ, поэтому многие ельчане предпринимали попытки самовольной записи на службу в другие города [Там же. С. 46].

О факте привлечения к строительству города, острога, а также укреплений казаки и стрельцы в своих грамотах и челобитных писали в Посольский приказ. Елецким служилым людям удалось своими силами, без «посошных» людей достроить городовые башни, тарасы, поставить надолбы, выкопать ров вокруг города, а также приступить к сооружению тайника. Для этого ельчане провели подготовительные земельные работы, но они приостановились из-за отсутствия у них опыта в городском деле. Тем не менее служилыми людьми были подготовлены «брусья и бревенья в тайник дубовые» [Там же. С. 33–35, 37–39].

Параллельно со строительством укреплений вокруг города начали появляться служилые слободы, которые формировались согласно принадлежности их жителей к той или иной служилой группе: полковых казаков, стрельцов, пушкарей и затинщиков [1. С. 36, 37]. На противоположном от крепости берегу р. Сосны, отдельно от других слобод, донскими казаками были возведены укрепления беломестной слободы [3. С. 124–127, 173]. Центральной точкой казачьей слободы стала церковь святого Дмитрия Солунского [4. С. 101]. В то же время беломестные казаки не участвовали в строительстве елецкой крепости и острога (интересный факт, что беломестная казачья слобода Ливен также располагалась напротив крепости «за рекою Сосною» [5. С. 56]. – *А.Р.*). Кроме ельчан в городе строили дворы служилые люди из других городов. Так, для постоя в Ельце поставили свои дворы рязанцы и епифанцы на случай их приезда в город во время патрулирования смежных с ельчанами сторожей [3. С. 184, 186].

В ходе строительства крепости было множество дисциплинарных нарушений, возникали конфликты между служилыми людьми, а также между представителями местной власти и ельчанами. Из контекста таких дел становится ясно, что в Ельце с первых лет существования города была построена тюрьма, выполнявшая роль места содержания преступников до дальнейшего решения о выборе для них меры наказания [Там же. С. 151]. Для того чтобы служилым людям не оказаться в тюрьме, им необходимо было соблюдать ряд правил: беречь город от огня, татар и черкас, не воровать, не бражничать, жить смирно, а также ворота острожные запирать вовремя [Там же. С. 91, 160–162].

К осени 1592 г. часть крепостных сооружений была построена, а в Елец начали присылать вооружение, железо и церковную утварь. В ноябре в церковь Успения Пречистой Богородицы были привезены «образа и колокола», а в придел Великомученицы Ирины – богослужебные книги [Там же. С. 152]. В марте 1593 г. из Тулы и Новосиля были посланы пушки, ядра, пищали, зелье (порох) и свинец [Там же. С. 68, 69]. Из Новосиля

оружие сопровождали стрелецкий сотник Д. Болотов и отряд из 50 казаков [Там же. С. 68]. Пушки должны были усилить огневую мощь крепости. Пищали, вероятно, предназначались для выдачи тем казакам и ратным людям, у которых они отсутствовали. В это же время из Тулы в Елец были направлены подводы с колоколом и железом в сопровождении «добрых» пушкарей и кузнеца взамен сбежавшего И. Горбуна [Там же. С. 179].

После завершения строительных работ по возведению оборонительных укреплений и формированию вокруг крепости служилых слобод ельчане были привлечены правительством к обработке десятинной пашни, что должно было ускорить освоение земельного фонда и формирование границ будущего Елецкого уезда [6. С. 241]. Помимо этого, ельчане выполняли обязанности по несению сторожевой и станичной службы, патрулированию окрестностей вокруг крепости, нахождению в дозоре по периметру городских стен, а также по поддержанию порядка внутри служилого гарнизона. За первое десятилетие после строительства Ельца никаких работ по укреплению городских стен или перестройке ее отдельных участков ельчанами не проводилось. В таком состоянии город подошел в 1604 г. к событиям Смутного времени. В первые месяцы продвижения Лжедмитрия I по северским землям елецкий гарнизон поддерживал Б. Годунова. После присоединения к самозванцу многих русских городов ельчане заняли антиправительственную позицию, поддерживая «законного» царя. После убийства Лжедмитрия I правителем стал В. Шуйский. Однако елецкие служилые люди не признали нового царя, в результате летом 1606 г. к Ельцу были посланы войска под руководством князя И.М. Воротынского, которые взяли город в осаду. Многомесячное противостояние города с правительственными силами не имело негативных последствий для елецких укреплений [7. С. 42, 85, 117, 156]. В первые годы царствования М.Ф. Романова произошло столкновение интересов новой царствующей династии с польской короной в лице королевича Владислава, что привело к проходу через ряд русских уездов многочисленного войска гетмана П. Сагайдачного. Это трагическое событие в истории Ельца принесло городу не только огромные людские потери, но и частичное разрушение елецких укреплений [8. С. 127–132, 219, 235, 239; 9].

Первым воеводой в Ельце после прохода запорожских казаков стал Г.Л. Валуев [10. Л. 117]. По прибытию в город им были определены степень разорения елецкого острога, служилых слобод, численность выживших служилых людей, наличие гужевого транспорта, остатки оружия, а также возможности обороны крепости тем «нарядом», который был в его распоряжении. Руководствуясь собранным материалом, воевода отправил в Москву подробный отчет, под которым подписались наиболее авторитетные елецкие дети боярские [Там же. Л. 128, 129].

Из отчета воеводы следует, что в Ельце не было необходимого количества оружия и припасов для несения службы. В случае внезапного прихода татарских или черкасских отрядов ельчане оказались бы беспомощны. Им «не с чем и оборониться от воинских людей, и зелья и свинцу на Ельце мало» [10. Л. 132]. Крепостная артиллерия также находилась в плачевном состоянии. Пушки были забиты камнями, и стрелять из них «было немочно» [Там же. Л. 120]. Даже в случае их частичной починки использование как эффективного оборонительного вооружения было сведено к минимуму за счет того, что не было достаточного количества пороха. Для восстановления елецкого «наряда» и раздачи служилым людям необходимых запасов 17 марта из Москвы в Елец прибыл обоз с Осипом Тороповым. Им были привезены три больших железных пищали, 50 пудов пороха и 25 пудов свинца [Там же. Л. 142].

Перед началом строительных работ по возведению разрушенных частей елецкой крепости встал вопрос о месте строительства. Напротив остатков укреплений Г.Л. Валуев обратил внимание на левый берег р. Елец, где располагалась высокая Аргамачья гора. Несмотря на удачное расположение выбранного воеводой места, возникла проблема со снабжением будущей крепости водой, а также о тяжести проведения земельных работ. Поскольку при копке колодцев и рва ельчане наткнулись на камень, было принято решение о строительстве на старом месте [Там же. Л. 119].

По планам Г.Л. Валуева, новая крепость вместе с башнями и воротами должна была равняться 750 сажням [Там же. Л. 138]. Елецкие служилые люди, так же как и в 1592 г., приступили своими силами к строительству крепостных сооружений. Ельчанам предстояло поставить острог, башни, тарасы, дворы и острог окопать рвом [Там же. Л. 136]. Если проблемы, связанные с нехваткой лошадей и заготовкой строительного материала, служилые люди решали собственными силами, то вопросы, касающиеся поиска воды и изготовления вестового колокола, потребовали обращения в Москву.

На чертеже, сделанном Валуевым, значились два места под колодцы. Одно находилось между церквями Михаила Архангела и Пятницкой, другое – между Новосильских и Ливенских ворот. Однако поиски ельчан не увенчались успехом, так как «воды ныне в остроге нет, а опричь тех мест, что в чертеже, колодцы копать негде». Так как вода была очень важна при осаде крепости, то строители попробовали прокопать тайник к реке Сосне, но из-за большого расстояния до водоема им это сделать не удалось. На помощь служилым людям из Москвы были направлены два колодезных мастера [Там же. Л. 139].

Наличие в городе вестового колокола было необходимым условием для своевременного реагирования служилых людей в случае опасности. Для его изготовления планировалось использовать имеющиеся в елецких храмах и церквях колокола. После осмотра собор-

ной Воскресенской церкви, церкви Николая Чудотворца и храма Михаила Малеина оказалось, что колоколов нет. Заняться отливом нового колокола Г.Л. Валуев поручил кузнецу Антону Иевлеву [Там же. Л. 143]. В силу того, что в распоряжении мастера не оказалось нужного количества меди и олова, работа была отложена до указания из Москвы. К апрелю 1619 г. большая часть Ельца была восстановлена.

С каждым годом состояние елецких укреплений ухудшалось. Без надлежащего осмотра и ухода деревянные стены, башни и постройки подгнивали, что в итоге приводило к их частичному разрушению. От этого напрямую зависели обороноспособность крепости и защита населения города и уезда. Заступавшие на службу в Елец воеводы обращали внимание на ветхое состояние укреплений, однако никаких мероприятий по ремонту в течение многих лет не предпринимали. Это было связано с отношением представителей царской администрации к выполнению своих обязанностей в новом городе. Как правило, сроки их воеводства были небольшие, поэтому те не хотели себя обременять организацией строительства и привлечением служилых людей, которые сами всячески старались от этого уклониться.

Плохое состояние елецкой крепости детально характеризует грамота прибывшего в 1639 г. в Елец воеводы Федора Алябьева [11. С. 112, 113]. Со временем его воеводства была связана новость о предстоящем походе гетмана Конецпольского «под крайние города». При подготовке Ельца к обороне Алябьев столкнулся с проблемой готовности острога и укреплений к возможной осаде. Со слов воеводы в Ельце «города рубленного нет, а поставлен в городе дубовый острог». В остроге находилось 4 ворот и 7 башен глухих. Перед острогом был выкопан неглубокий ров, который не был укреплен тыном и не были поставлены надолбы. Во многих местах «острожные стены худы», часть из них обвалилась, причиной этому Алябьев называет то, что «поставлен тот острог в давних летах». Состояние башен также было малоприспособленным для ведения осады. Ливенская башня обвалилась по углам, две угловые башни «худы, низки и ветхи». Кроме этого, необходимых для обороны крепости огнестрельного оружия и запасов для него было явно недостаточно [Там же. С. 113].

С течением многих лет так и не был решен вопрос с обеспечением острога нужным количеством воды. В самом остроге колодца не было. Он был выкопан в 17 сажнях от укреплений по направлению к реке Сосне. Для защиты колодца над ним была поставлена башня с бойницами. Однако это не решало существующей проблемы с водой, поскольку ее было недостаточно и «в приход больших воинских людей в приступное время воды будет скудно».

Важным элементом оповещения жителей города об опасности был вестовой колокол, который находился на Васильевских воротах. Если Г.Л. Валуев при восстановлении Ельца столкнулся с отсутствием в

городе колокола, то Алябьев отметил, что колокол мал и «в всполошное время звон слышен мало» [11. С. 113].

При этом елецкая крепость не только не имела надежной обороны, но и гарнизон был ослаблен многочисленными государевыми службами. Часть служилых людей была переведена «на житье» в новые города: Козлов, Тамбов, Ефремов, в Талецкий и Чернавский остроги. Многие ельчане были посланы для строительства в Яблонов, Усерд, также для восстановления Талецкого и Чернавского острогов. На место покинувших Елец служилых людей должны были прибыть «прибавочные люди из Рязани и из иных городов», но никто в город не приехал.

В ответ на челобитную Ф. Алябьева было дано указание летом начать подготовку необходимого для строительных работ материала. По зимнему пути ельчане должны были доставить его к городу, а весной 1640 г. приступить к реконструкции укреплений и острога. Поскольку известия о походе литовских отрядов не подтвердились, отправить в Елец недостающее количество «снаряду и зелья» было решено только зимой.

Плохое состояние укреплений и острога было характерно не только для елецкой крепости, такая ситуация наблюдалась и в других русских городах. Так, например, воевода Дементий Хлопов писал, что в Козельске все укрепления сгнили и «разваливаются», а рвы вокруг острога осыпаются. В остроге практически не было воды. Из двух колодцев один был пуст. Служилых людей в Козельске для осадного сидения было недостаточно. Многие из них были без пищалей, а у которых они есть, те «худы и коротки» [12. Л. 242–244].

В июле 1648 г. в Ельце случился крупный пожар, который уничтожил не менее 230 сажень елецких укреплений [3. С. 112]. Восстановление сгоревшей части крепости проходило медленно, пока А.В. Хрущева на посту елецкого воеводы не сменил Алексей Васильевич Бутурлин. А.В. Бутурлин приехал на службу в Елец в середине июля 1649 г. Воевода определил состояние елецких укреплений и пришел к выводу, что «города и острогу нет, а зелейная и свинцовая казна, наряд и житницы десятинных хлебов стоят без крепостей» [13. Л. 201]. Служилый гарнизон был практически небоеспособен. Из тех казаков и стрельцов, кто находился в городе, часть была безоружна, а у тех, кого были пищали, они были «худы» [Там же. Л. 203].

Бутурлин, так же как и Г.Л. Валуев 30 лет назад, оценил перспективу переноса города на Аргамачью гору. Для строительства укреплений на новом месте воеводой был организован сбор елецких служилых людей. Ими был найден в 30 верстах от Ельца пригодный для городского дела лес. С помощью уездных и городских людей его удалось «с поспешанием» привезти к Аргамачьей горе. Из подготовленных бревен ельчане

смогли заложить четыре угловых башни и укрепить посад [Там же. Л. 202].

В начале осени 1649 г. в русские города начали поступать сообщения об активности черкасских казаков на русско-польской границе и их сборе в г. Зеньков. В 20-х числах сентября от ливенского воеводы Якова Кологривова Бутурлину было прислано известие о готовящемся вторжении. Согласно сведениям осенью и по зимнему пути объединенное войско гетмана Богдана Хмельницкого и крымских татар должно было выступить к «украинным» городам. В связи с этим елецким служилым людям было послано указание быть готовым к «сходу в Белгород». Ельчане отправились по домам для подготовки лошадей и запасов, после чего строительство города на Аргамачьей горе приостановилось [Там же. Л. 202].

В октябре из Путивля пришла новая информация о предстоящем походе гетмана и крымских царевичей. В Ельце воеводе А.В. Бутурлину было «велено город делать наспех» [Там же. Л. 204]. Поскольку продолжение строительства новой крепости требовало значительных сил, воевода вернулся к восстановлению старых укреплений. Вероятно, для выполнения строительства Бутурлин использовал приготовленные ранее материалы на Аргамачьей горе и части заложенных башен. Судя по документам, Бутурлину удалось в кратчайшие сроки «устроить город со всеми крепостями», поэтому «ему в сход ходить не велено», а тех служилых людей, которые успели отправиться в Белгород, вернули в Елец к прежним местам [Там же. Л. 205, 206].

Таким образом, рассмотренные в статье процессы строительства, восстановления и реконструкции елецкой крепости позволили нам сказать, что все мероприятия, связанные с работами по поддержанию в боеготовности городских и острожных укреплений, проводились в рамках потребности государства по усилению южных рубежей, а также по сохранению на протяжении многих лет их целостности. Все работы по строительству и восстановлению укреплений ложились на плечи служилых людей елецкого гарнизона, выполнявших их параллельно с несением «государевой» службы по охране и патрулированию уезда и смежных территорий. Плановых мероприятий по частичной перестройке укреплений и восстановлению разрушавшихся в течение многих лет участков крепостных стен приезжавшими в Елец воеводами не проводилось. Тем не менее воеводы из стратегических соображений рассуждали о местоположении построенной крепости и вносили предложения по ее переносу на новое место. Однако в силу внутренних и внешних обстоятельств ни одному из воевод не удалось осуществить намеченные планы. При этом вопросы по комплектованию вооружением служилых людей, обеспечение гарнизона водой, а также восстановление системы оповещения решались воеводами в кратчайшие сроки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. Тула : Гриф и К, 2011. 208 с.
2. Буганов В.И. Разрядная книга 1475–1605 гг. М. : Институт истории АН СССР, Наука, 1989. Т. III, Ч. III. 152 с.
3. Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592–1594 гг. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 274 с.
4. Котков С.И. Памятники южновеликорусского наречья. Конец XVI–XVII в. М. : Наука, 1990. 170 с.
5. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении / под ред. А.П. Олейниковой. Орёл, 1999. 208 с.
6. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1910. 624 с.
7. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М. : Типография штаба Московского военного округа, 1907. 311 с.
8. Документы российских архивов из истории Украины. Львов, 1998. Т. I. Документы по истории запорожского казачества 1613–1620 гг. 440 с.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 5.
10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. Д. 7.
11. Акты Московского государства. Том II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 гг. / под ред. Н.А. Попова. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1894. 773 с.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 142.
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 317.

Roschupkin Alexey Yu. Yelets state university of I.A. Bunin (Yelets, Russia). E-mail: alex.roschupkin@rambler.ru

YELETS FORTRESS AT THE SOUTHERN BOUNDARIES MOSCOW STATE AT THE END TO THE XVI FIRST HALF OF THE 17 TH CENTURIES. (CONSTRUCTION, RESTORATION, RECONSTRUCTION).

Keywords: southern boundaries; Yelets fortress; sluzhily people; Yelets garrison; city and ostrozhny strengthenings;

The main objective of the article consists in the characteristic of the list of works as the carried-out by Yelets service class men during construction of Yelets, and also in allocation of the main points defining fighting capacity of fortress during recovery work. In this regard the tasks in which separate episodes from fortress history found reflection were set. It is necessary to give the characteristic to city building, a fortress and fortifications in 1591–1653, to reveal the problems which arose at the service class men and also to define fighting capacity of Yelets garrison during this period. Secondly, to consider restoration in 1619 under the leadership of the voivode G.L. Valuyev of Yelets fortification after pass on the southern counties in the summer of 1618 of Cossacks of the hetman P. Sagaydachny. Thirdly, to analyze the process of carrying out reconstruction of a part of fortifications organized in connection with news of the being outlined campaign to the Russian borders in 1639 of army of the hetman S. Konetspolsky. Fourthly, to analyze the restoration of Yelets fortress after the fire in the middle of 17th century. For completing the designated tasks, rare documents from Russian State Archives of Ancient Documents funds, a part from which was published, were attracted, and a part is for the first time introduced for scientific use. On their basis the author managed to track how the geopolitical situation at the southern boundaries affected the processes connected with construction works. After the analysis of the available documents the author came to the following conclusions. All actions connected with works on maintenance in combat readiness of city and fortress fortifications were held within need of the state on strengthening of the southern boundaries. Works on construction and restoration of fortifications laid down on shoulders of the service class men of Yelets garrison who were carrying out them in parallel with execution of “monarchic” service. Planned actions for partial alteration of fortifications and restoration of the sites of defensive walls collapsing for many years, by the voivodes coming to Yelets were not carried out. For strategic reasons the opinion on transfer of fortress on the new place moved forward.

REFERENCES

1. Lyapin, D.A. (2011) *Istoriya Eletskego uezda v kontse XVI–XVII vv.* [The history of Elets County in the late 16th – 17th centuries]. Tula: Grif i K.
2. Baganov, V.I. (1989) *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Statutory Acts of 1475–1605]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
3. Glaziev, V.N., Novoseltsev, A.V. & Tropin, N.A. (2001) *Rossiyskaya krepost' na yuzhnykh rubezhakh. Dokumenty o stroitel'stve El'tsa i zaselenii okrestnostey v 1592–1594 gg.* [A Russian fortress on the southern borders. The documents on the construction of Elets and neighborhood settlement in 1592–1594]. Elets: Elets State University.
4. Kotkov, S.I. (1990) *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narech'ya. Konets XVI–XVII v.* [Monuments of the South Russian dialect. The late 16th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
5. Pyasetskiy, G.M. (1999) *Istoricheskie ocherki goroda Liven i ego uezda v politicheskom, statisticheskom i tserkovnom otnoshenii* [Historical descriptions of the city and county Lieven in the political, statistical and church relations]. Orel: Orel State Tele-and-Radio Company.
6. Platonov, S.F. (1910) *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* [Essays on the History of the Troubles in the Muscovite state in the 16th – 17th centuries]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.
7. Belokurov, S.A. (1907) *Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya. (7113–7121 gg.)* [Statutory Acts for the Time of Troubles. (7113–7121 gg.)]. Moscow: Moscow Military District.
8. *Dokumenty rossiyskikh arkhivov iz istorii Ukrainy* [The documents of the Russian archives of the history of Ukraine]. (1998) Vol. 1. Lvov.
9. *The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA)*. Fund 210. List 13. File 5.
10. *The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA)*. Fund 210. List 10. File 7.
11. Popov, N.A. (ed.) (1894) *Akty Moskovskogo gosudarstva* [Acts of the Muscovite state]. Vol.2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
12. *The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA)*. Fund 210. List 12. File 142.
13. *The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA)*. Fund 210. List 12. File 317.

УДК 903 (470.57)
DOI 10.17223/19988613/44/17

А.С. Проценко, Р.М. Сатаев

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.).

Тема научно-исследовательской работы: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (проект № 2936), а также в рамках проекта РГНФ (№ 16-31-00010).

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам изучения жизнеобеспечения населения кара-абызской культуры (Башкирское Предуралье, IV в. до н.э. – IV н.э.). Актуальность работы обусловлена тем, что, несмотря на сравнительно длительную историю изучения памятников кара-абызской культуры, исследования, посвященные основам жизнеобеспечения древнего населения, остаются весьма ограниченными. Под основой жизнеобеспечения в работе понимается первичное производство (природопользование), характер и эффективность которого во многом определяет жизнеспособность социума и его развитие. Имеющиеся к настоящему времени сведения о природных условиях обсуждаемого временного этапа и хозяйственной деятельности кара-абызского населения обобщены в виде характеристик трех взаимосвязанных блоков жизнеобеспечивающей системы: природного, материального и комплексного. Констатируется, что накопление информации об особенностях первичного производства древних племен должно обеспечиваться не только за счет увеличения объемов раскопок, но и более глубокого анализа первичных данных («интенсивный» подход). Результативность «интенсивного» подхода иллюстрируется на примере обсуждения материалов из раскопок Кара-Абызского городища, произведенных в 2015 г.

Ключевые слова: кара-абызская культура; система жизнеобеспечения.

Одной из фундаментальных задач, стоящих при изучении обществ исторического прошлого, является выяснение особенностей жизнеобеспечения древнего населения, под которым понимается «процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путём адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ» [1. С. 93].

Для ретроспективного изучения жизнеобеспечения человеческих коллективов особый интерес представляют культуры, имеющие узкую географическую локализацию, тем самым более тесно привязанные к конкретным природным условиям. В Башкирском Предуралье одной из таких «локальных культур» является кара-абызская культура, памятники которой, несмотря на ее длительное существование (IV в. до н.э. – IV в. н.э.), расположены на компактной территории.

Памятники кара-абызской культуры попали в поле зрения исследователей около 250 лет назад, когда были сделаны первые научные описания и планы Кара-Абызского (давшего название этой археологической культуре), Уфимского и Бирского городищ [2. С. 42, рис. 2]. Первые раскопки на Кара-Абызском городище были произведены в 1894 г. Ф.Д. Нефедовым [3. С. 223]. Дальнейшее изучение Кара-Абызского городища было продолжено в 20-е гг. XX в. Так, в 1924 г. археологический памятник шурфовал М.И. Касьянов, находки краевед передал в Уфимский краеведческий музей (ныне – Национальный музей Республики Башкирии): бронзовую секиру с головой хищной птицы над втулкой топорика и бронзовый кельт. Именно эти находки заинтересовали А.В. Шмидта, который в

1928 г. возглавлял один из полевых отрядов в составе Башкирской экспедиции Академии наук СССР (руководитель БАЭ – С.И. Руденко). Во второй половине XX в. исследования городища проводили Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов и др.

Накопление источниковой базы по поселенческим памятникам кара-абызской культуры активно производилось в период 1950–1980-х гг. Так, в 1953–1956 гг. сотрудниками Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР Г.В. Юсуповым и Т.Н. Троицкой были исследованы поселенческие памятники кара-абызской культуры: селище Курман-Тау, городище Касьяновское, Воскресенское, Курмантаевское, Табынское, Михайловское. Несмотря на большую работу, проведенную авторами, значительная часть материала до сих пор не опубликована. В 1960–1970-е гг. А.Х. Пшеничнюк проводит рекогносцировочные раскопки на поселениях Воронки и Дудкино I (на территории г. Уфы), на городище Аташ (Охлебининское II) в устье р. Сим и Шиповском городище (Иглинский район РБ). На современном этапе можно отметить лишь стационарные исследования В.В. Овсянникова на Шиповском и Биктимировском городищах.

Наиболее важным и информативным объектом для изучения разных аспектов обсуждаемой культуры до настоящего времени остается Кара-Абызское городище. Кроме всего прочего, научное значение поселения определяется тем, что культурный слой здесь не только самый мощный среди памятников раннего железного века, но и весьма сложный и насыщенный. Поселение расположено в 30 км от г. Уфы ниже по течению р. Белой (Благовещенский район Республики Башкортостан), на мысу правого берега реки (высотой 40 м).

С двух сторон городище ограничено оврагами, с напольной стороны защищено двумя линиями валов и рвов. Площадь памятника превышает 4 000 кв. м. Внешний вал почти полностью разрушен, внутренний поврежден. Длина внутреннего вала 135 м, ширина – 14 м, высота от внешнего подножия около 5 м. Длина второго вала 130 м, ширина – 6 м, высота от внутреннего подножия составляет 3 м.

В 2015 г. археологическим отрядом экспедиции Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы были произведены рекогносцировочные работы на юго-восточной части памятника, за пределами укрепленной линии городища. Объект исследования располагается на мысу, отделенном от основной части памятника дорогой, ведущей от р. Белой к автодороге Уфа – Благовещенск. Здесь были заложены 7 шурфов, которые дали основной материал и позволили установить границу распространения культурного слоя. Нужно заметить, что исследования на этом участке памятника проводились до этого только А.В. Шмидтом в 1928 г. Материалы, полученные в результате произведенных нами рекогносцировочных работ, в первую очередь несут информацию о хозяйственной деятельности древнего населения, тем самым представляя определенный интерес с точки зрения изучения жизнеобеспечения носителей кара-абызской культуры.

При изучении вопросов жизнеобеспечения населения традиционных обществ (к которым можно отнести и общества исторического прошлого) нужно учитывать, что процесс жизнеобеспечения (в его широком понимании) включает *«первичное производство»* – *природопользование* и *«вторичное производство»*. Первое представляет собой получение необходимых для жизни продуктов путем их непосредственного изъятия из природной среды (добыча полезных ископаемых, заготовка объектов растительного и животного происхождения) или в результате хозяйственной эксплуатации природных комплексов (земледелие и животноводство). Вторичное производство заключается в последующем преобразовании (обработке или переработке) продуктов природопользования. При этом оно охватывает разные сферы жизни, и к нему можно отнести практически любой процесс получения промежуточного или конечного продукта путем трансформации какого-либо сырья (приготовление пищи, гончарное производство, металлообработку, деревообработку и т.д.), и тем самым находится в непосредственной зависимости от природопользования. Таким образом, базовой основой жизнеобеспечения традиционных (в том числе и древних) обществ является первичное производство, характер и эффективность которого во многом обуславливает жизнеспособность социума и его развитие.

Осуществление процесса жизнеобеспечения происходит путем формирования соответствующей общественной территориальной системы. Последняя пред-

ставляет собой совокупность природных и социальных факторов (условий, ресурсов, явлений) через удовлетворение материальных и нематериальных потребностей людей, определяющих особенности существования человеческих коллективов на освоенной ими территории [4, 5]. Структура системы жизнеобеспечения в общем виде может быть представлена в виде трех взаимосвязанных блоков: природного (ландшафт, климат, природные ресурсы); материального (хозяйственный коллектив, освоенная территория, домашние животные, культивируемые растения); комплексного (культура хозяйственного коллектива, включающая материальные и нематериальные явления) [4–6].

Наиболее важными источниками для выяснения особенностей природопользования древнего населения следует признать разнообразные свидетельства эксплуатации природных ресурсов и комплексов в целом (растительные и животные остатки; признаки обработки почвы; следы добычи полезных ископаемых) [4]. Кроме того, определенную информацию о первичном производстве несут предметы (орудия труда, приспособления, конструкции), предназначенные для изъятия природных объектов из их естественной среды (охотничье оружие, орудия рыболовства, лесопользования и т.д.) или используемые в процессе получения сельскохозяйственной продукции (мотыги, лемехи, серпы, оросительная система и пр.). Хотя нужно учитывать, что функционально назначение ряда орудий может трактоваться по-разному. К тому же нередко о распространении тех или иных форм первичного производства пытаются говорить и на основании находок орудий вторичного производства, например присутствие в материалах «зернотерок» и пестов связывают с наличием у древних племен земледелия. Однако к последнему источнику нужно относиться с наибольшей осторожностью. В целом стоит признать, что при любом обилии и разнообразии артефактов и экофактов (природных объектов) реконструируемая система жизнеобеспечения древнего населения всегда будет являться аппроксимацией – моделью, лишь в том или ином приближении отражающей былую реальность. Таким образом, материал, полученный при раскопках конкретного археологического памятника, независимо от его объема в плане изучения жизнеобеспечивающей практики не является самодостаточным. В свою очередь, отдельные нюансы жизнеобеспечивающей деятельности могут проявить себя даже на кажущемся рядовым материале.

Несмотря на сравнительно длительную историю изучения памятников кара-абызской культуры, сведения об основах жизнеобеспечения древнего населения остаются весьма ограниченными. Во многом это связано с объективными причинами – сокращением масштабов раскопок памятников и соответственно снижением интенсивности накопления нового материала по обозначенной теме. Поэтому любую информацию, дополняющую сложившиеся к настоящему вре-

мени представления о жизнеобеспечении кара-абызцев, нужно признать весьма актуальной. Таким образом, целью настоящей статьи являлось включение новых данных в систему знаний о жизнеобеспечении кара-абызских племен, а основной задачей – упорядочение этих знаний в виде ретроспективной модели системы жизнеобеспечения.

Наиболее полно и последовательно вопросы, связанные с жизнеобеспечением кара-абызских племен, освещены в работе А.Х. Пшеничниюка [7], которая до настоящего времени не потеряла свою актуальность. Можно сказать, что именно А.Х. Пшеничниюком были впервые выделены и охарактеризованы структурообразующие элементы жизнеобеспечивающей системы кара-абызского населения. Его основным выводом на этот счет является тезис, что кара-абызские племена вели комплексное хозяйство, где главными отраслями были скотоводство и земледелие [Там же. С. 210]. Далее рассмотрим более подробно блоки, составляющие систему жизнеобеспечения кара-абызского населения.

Природный блок. В ландшафтно-географическом отношении район распространения кара-абызских племен приурочен к северной подзоне лесостепной зоны Южного Предуралья, локализуясь в пределах Камско-Бельской низменности. Существование кара-абызской культуры (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) приходится на первую треть субатлантической климатической фазы (2500–550 лет назад). Согласно палеоклиматическим данным, полученным для Предуралья В.К. Немковой и В.А. Климановым [8. С. 69], этот период начинается с заметного похолодания, когда температуры стали ниже современных на 1,5°C (июля – на 2°C, января – на 1–1,5°C), а количество осадков увеличилось на 25 мм. Похолодание сменилось раннесубатлантическим потеплением, в максимум которого среднегодовые температуры были выше современных на 0,5–1°C, количество осадков приблизилось к современному уровню. Спад потепления приходится примерно на начало нашей эры (абсолютная датировка 1920±170 лет назад), за которым в промежутке между 1920–1000 лет назад произошли два похолодания, разделенные небольшими потеплениями [Там же]. Во время этих похолоданий температурные показатели были ниже современных примерно на 1,5°C, а количество осадков – большим на 25 мм. Во время потеплений температуры июля были ниже, чем современные, а января и года – близкие к современным, но уровень увлажненности несколько выше. В.К. Немкова и В.А. Климанов считают, что субатлантическая фаза «была наиболее влажной по сравнению со всеми остальными» [Там же. С. 70]. В целом, по мнению В.Н. Кудеярова с соавторами, эпоха раннего железного века в климатическом отношении «характеризовалась чередованием влажных и засушливых периодов длительностью не более 200–300 лет» [9. С. 1031]. Так, в пустынных степях Заволжья относительно влажные условия имели место в I в. до н.э., I–IV вв. н.э., наиболее засушливые – в IV–III вв. до н.э.,

второй половине II – первой половине III в. н.э., близкие по увлажнению к современным – в первой половине II в. н.э. и во второй половине III в. н.э. [10. С. 140]. Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемый отрезок времени отличался заметными климатическими колебаниями. В целом такие условия сложно признать благоприятными для развития здесь земледелия, но вполне пригодными для животноводства.

Основным типом растительности, распространенным на данной территории в обсуждаемое время, являлись сосново-еловые леса. Климатические изменения, в первую очередь, отражались на их составе, увеличении роли широколиственных древесных пород в теплые периоды и возрастании количества берез во время похолоданий [8. С. 70].

Спектр природных ресурсов, доступных для использования кара-абызским населением на занимаемой ими территории, по-видимому, значительно не отличался от современного, а в отношении биоресурсов, скорее всего, был более широким. Это позволяет предполагать заметный вклад в жизнеобеспечение присваивающих форм природопользования. Несмотря на то что непосредственные данные о прямой эксплуатации естественных растительных ресурсов (сбор дикорастущих плодов и ягод, заготовка кормов, древесины) отсутствуют, несомненно, она имела место. Относительно использования животных ресурсов А.Х. Пшеничниюк [7. С. 213–214] отмечает, что немаловажную роль в хозяйстве кара-абызских племен занимали охота и рыболовство. При этом основным назначением охоты являлась добыча ценной пушнины, а главным объектом – бобр. Действительно, выявленные на городищах дикие виды (заяц, бобр, сурок, волк, лисица, куница, выдра, барсук, рысь, медведь, косуля, лось) в большинстве своем являются объектами пушного промысла [11. Приложение 7; 12]. При этом, по-видимому, значение дикого зверя как источника мяса было невелико. В свою очередь, рыба, вероятнее всего, являлась постоянным составляющим рациона древнего населения. Хотя, как отмечает А.Х. Пшеничниюк [7. С. 214], костей рыб на поселениях мало, для рыболовства были весьма благоприятные условия. Добавим, что малочисленность находок костей рыб часто обусловлена тафономическими причинами (механическим и химическим разрушением хрупких костей в грунте, растаскиванием и уничтожением животными и т.п.) и методиками сбора остеологического материала (ручной сбор, использование крупноячеистых сит). То же относится к птичьим костям, которые в небольшом числе присутствуют в остеологическом материале из раскопок памятников.

Материальный блок. Представление о структуре хозяйственного коллектива в первую очередь дают палеодемографические данные. Однако, несмотря на то что носители кара-абызской культуры оставили один из самых крупных могильников в Восточной Европе –

Охлебининский, вблизи которого выявлено еще несколько больших некрополей (Шиповский, Биктимировский и др.), палеодемографические построения для обсуждаемой группы населения отсутствуют, а палеоантропологические данные ограничиваются в основном краниометрическими характеристиками [13–15].

Освоенная территория представляет собой часть географического пространства, в пределах которой осуществляется человеческая деятельность. И.И. Крупник определяет ее как «совокупность используемых коллективом земельных угодий с их значимыми для данной формы жизнеобеспечения природными ресурсами» [16. С. 24]. Поскольку в пределах ландшафтной зоны памятники кара-абызской культуры распространены преимущественно по правобережью среднего течения р. Белая на восточной окраине лесостепи (есть данные о проникновении кара-абызцов в горно-лесную зону) [7. С. 210], можно заключить, что территория, занимаемая кара-абызскими племенами, в большей степени обладала потенциалом для развития здесь присваивающих форм природопользования и отгонно-пастбищного животноводства, в меньшей степени – земледелия.

Хотя А.Х. Пшеничнюк считает, что земледелие входило в круг занятий древнего населения, до сих пор «ни на одном из кара-абызских памятников не найдено каких-либо культурных злаков» [Там же. С. 213].

Попытки обосновать наличие земледелия у кара-абызцев посредством косвенных свидетельств – присутствия в материалах так называемых «зернотерок», по указанным уже выше причинам мы считаем некорректными. На памятниках не обнаружены никакие земледельческие орудия первичного производства. Относительно находки единственного серпа на Уфимском городище А.Х. Пшеничнюк отмечает: «Так как поселение многослойное и верхние культурные напластования относятся к послекараабызскому времени, то нет уверенности в том, что этот серп кара-абызский» [Там же. С. 213].

Кости домашних животных представлены на всех известных памятниках кара-абызской культуры. Здесь выявлены остатки 5 видов домашних животных: крупного рогатого скота (далее – КРС), мелкого рогатого скота (далее – МРС), лошади, свиньи и собаки [7, 11, 12, 17]. А.Х. Пшеничнюк, ссылаясь на приведенные им данные, резюмирует, «что основными отраслями скотоводства являлись овцеводство и коневодство» [7. С. 212].

Эти выводы были сделаны на основании формальной оценки численных соотношений между остатками сельскохозяйственных животных. Однако «надо иметь в виду, что соотношение костей конкретных видов (или видовой спектр) не является прямым указанием на объемы потребляемого мяса этих животных вследствие естественных различий по весу между видами» [18. С. 20].

Если принимать во внимание кратность веса туш животных, то о реальном преобладании в рационе мяса МРС над мясом КРС можно говорить лишь тогда, ко-

гда количество костей первого больше, чем второго, не менее, чем в 5–6 раз (чего в обсуждаемых остеологических коллекциях не наблюдается). Поэтому позднее А.Г. Петренко в отношении кара-абызцев пишет, что «основным продуктом питания местного населения были говядина и конина» [17. С. 82]. В целом нужно признать, что основным объектом сельскохозяйственного животноводства кара-абызцев являлась лошадь. Размеры лошадей были не крупные, А.Г. Петренко отмечает две формы: мелкую – 124–130 см в холке, и более высокую – 132–141 см [11. С. 84].

К сожалению, из-за сравнительной малочисленности остеологических выборок (соответственно выборки по каждому из видов) сведения о возрасте забиваемых на мясо животных весьма ограничены. Известно, что значительную часть лошадей (37–47%) забивали в возрасте до 2 лет [Там же. С. 86]. Е.Е. Антипина и Е.Ю. Лебедева указывают, что в случае, когда не более 40% особей домашних животных забивается до момента завершения формирования их скелета, можно реконструировать мясную и/или мясомолочную эксплуатацию вида с устойчивым воспроизведением его в стаде [19. С. 72]. При элиминации свыше 60% особей этой возрастной группы следует говорить об интенсивной мясной эксплуатации вида с неустойчивым его воспроизведением.

Таким образом, в отношении кара-абызцев можно говорить, что, хотя разведение лошадей (возможно и других видов) преследовало у них разные цели (получение и посмертной, и прижизненной продукции), их роль как источника мяса была весьма высокой. Однако приходится констатировать, что вопросы, касающиеся общей стратегии животноводства кара-абызских племен, остаются слабо изученными.

Комплексный блок. Культура природопользования хозяйственного коллектива на археологических материалах проявляется в виде комплекса орудий, приспособлений, конструкций (а на уровне артефактов – также их составляющих элементов – «деталей»), обеспечивающих процесс первичного производства (присваивающего или производящего). Из предметов, обнаруженных на памятниках кара-абызской культуры, к обсуждаемой категории уверенно можно отнести лишь орудия охоты (наконечники стрел) и рыболовства (крючки, грузила). А.Х. Пшеничнюк приводит описание железной обоюдоострой пластины, которая, возможно, выполняла роль «косы», предназначенной для заготовки кормов домашнему скоту (в том числе грубых веточных кормов) [7. С. 212–213]. Однако действительное назначение этого изделия спорно.

В целом нужно резюмировать, что, несмотря на определенные операционные возможности представленной выше модели системы жизнеобеспечения кара-абызских племен (созданной благодаря усилиям нескольких поколений археологов), она пока остается лишь основой – «матрицей», предназначенной для организации информационного пространства. Следует

заметить, что заполнение ее «ячеек», кроме «экстенсивного» подхода (увеличение объемов раскопок), должно обеспечиваться и «интенсивным» подходом – более глубоким анализом первичным данных.

В материале, происходящем из новых исследований городища Кара-Абыз, основным источником информации о природопользовании выступают остатки животных, представленные костями млекопитающих (485 экз.), птиц (2 экз.), рыб (9 экз.), а также раковинами моллюсков (32 экз.) (табл. 1–4). В целом объем выборок можно оценить как малочисленный, но заслуживающий подробного обсуждения.

Кости животных сильно раздроблены и имеют вид типичных кухонных отходов. Из общего объема костей млекопитающих (в совокупности из всех шурфов происходит 491 кость) идентифицировано лишь 59,3% (291 кость). При этом определимые остатки в основном, также принадлежат к категории средних и мелких фрагментов. Целые кости или крупные их части крайне малочисленны (сохранялись преимущественно мелкие или компактные элементы скелета). Более 85% всех костей несут явные следы раскалывания (в некоторых случаях рубки). Лишь менее 15% обломков, вероятно, образовались в результате естественного разрушения костей на дневной поверхности или в грунте, которое было уже вторичным.

Таким образом, можно констатировать, что сильная раздробленность костей была обусловлена в основном глубокой утилизацией мясных кусков. Кости раскалывались как при первичной разделке туш (в основном поперечная рубка), так и при готовке и поедании мяса (разнонаправленное дробление). Отдельные фрагменты (5,9%) несут на себе следы температурного воздействия в виде обугливания – озоления костного вещества. Наличие в кухонных отходах лишь небольшого количества обожженных костей может быть связано либо с низкотемпературной обработкой мяса (например, преимущественно варкой), либо с высокотемпературной обработкой отходов (сжигание костей до полного озоления, когда происходит тотальное разрушение костного вещества).

Кости млекопитающих принадлежат 7 видам, из них – 4 домашним: крупному рогатому скоту, овце (поскольку кости коз не выявлены, можно предположить, что все остатки мелкого рогатого скота принадлежат овце), лошади, свинье; 3 диким: зайцу, бобру и бурому медведю (табл. 1–4). Принимая во внимание, что остатки домашних видов составляют 96,2%, можно признать эту группу животных основным источником мясной продукции. Кроме того, кости диких зверей обнаружены только в 7-м шурфе. Однако это не значит, что охота не играла в жизни населения городища заметной роли, но она была направлена преимущественно на получение пушнины, поэтому дикие виды в кухонных отходах представлены слабо.

По количеству костных остатков из раскопок лидирует мелкий рогатый скот (табл. 5). Однако пересчет

количества костных остатков на объем мясной продукции позволяет сделать вывод, что первое место в питании населения по объему занимала говядина, второе – конина, и лишь третье – мелкий рогатый скот, хотя различия между этими видами получаются не такими значительными (табл. 5). Отметим, что малый объем выборки (за репрезентативную нами принимается выборка, включающая не менее 400 определимых костей) не позволяет делать корректные заключения и о реальном вкладе разных видов в мясной рацион жителей городища. Поэтому приводимые соотношения между остатками домашних форм, использованных на мясо, следует принимать как ориентировочные. К тому же характер мясного использования не отражает в целом роль и место животных в хозяйстве (и реальную численность в стаде). Нужно учитывать, что мотивом разведения животных также является получение прижизненной продукции. В целом на основании имеющихся данных (учитывая объем выборки) пока вряд ли стоит оспаривать ведущую роль лошади в хозяйстве кара-абызцев.

Поскольку в материале достаточно равномерно представлены кости разных отделов скелета, можно говорить, что забой и разделка животных происходили на городище. Возможно, что животных содержали на самом поселении, выпасая на небольшом от него удалении. Учитывая, что раздробленность разных костей заметно не отличается (за исключением мелких элементов запястья и заплюсны, которые сильно не повреждаются при разделке), жители поселения использовали в пищу практически все части туш животных, даже гастрономически малоценные (дистальные отделы конечностей). Последнее может трактоваться как признак дефицита пищи.

Данные о возрасте забиваемых животных крайне малочисленны. Ориентировочно можно говорить о равном забое крупного рогатого скота и овец всех возрастных групп, лошадей – преимущественно в возрасте до 1 года, свиней – в возрасте до 2 лет.

Оценка экстерьерных особенностей животных осложнялась единичностью пригодных для промеров костей. Высота в холке овец, рассчитанная по таранным костям ($n=6$), составила 71,4 см. Высота в холке лошади (по длине 2-й фаланги) – 120–128 см (по классификации В.О. Витта – «мелкая лошадь»). Судить об экстерьере КРС и свиньи из-за отсутствия каких-либо информативных промеров сложно, можно лишь отметить их некрупные размеры.

Среди остатков позвоночных присутствуют единичные кости птиц и рыб плохой сохранности. Хотя суставные части костей птиц не сохранились (обгрызаны) и их точная видовая идентификация невозможна, судя по размерам и особенностям диафиза, они, вероятнее всего, принадлежат уткам – размерной категории «кряква». Определимые кости рыб происходят от некрупных щук. Возможные причины малочисленности костей рыб и птиц оговаривались выше. В любом слу-

чае эти находки свидетельствуют о рыболовстве и охоте на птицу.

Обращает на себя внимание наличие в изученном материале сравнительно большого числа целых и фрагментированных створок раковин двустворчатых пресноводных моллюсков – перловиц (*Unio pictorum*). Судя по их сохранности, раковины принадлежат погибшим и выброшенным на берег животным, т.е. для населения интерес представляли сами раковины, кото-

рые в разломанном виде добавлялись в глину при производстве керамических изделий. Среди артефактов к «орудиям», связанным с первичным производством, можно отнести лишь обнаруженное в 7-м шурфе костяное «грузило». Если этот предмет действительно являлся деталью рыболовной снасти, можно предположить, что рыболовство у древнего населения могло играть куда более значимую роль, чем это отражено на зооархеологических материалах.

Таблица 1

Распределение остатков животных по горизонтам шурфа № 1

Вид	Количество костных остатков		
	гор. 1	гор. 2	гор. 3
Домашние млекопитающие			
КРС*	11	2	2
МРС**	6		7
Овца	9		
Свинья	10		
Лошадь	10		1
Определимые, всего	46	2	10
Неопределимые	22		5
Всего:	68	2	15
Моллюски			
Перловица	9		

* Крупный рогатый скот.

** Мелкий рогатый скот (неопределимые до вида остатки *Ovis* и *Capra*).

Таблица 2

Распределение костных остатков по горизонтам шурфа № 2

Вид	Количество костных остатков			
	гор. 1	гор. 2	гор. 7	Подъемный материал
Домашние млекопитающие				
КРС	7	–	–	2
МРС	14	1	–	2
Свинья	7	–	–	–
Лошадь	10	–	–	–
Определимые, всего	38	1	–	4
Неопределимые	11	1	1	1
Всего:	49	2	1	5
Рыба				
Щука	–	–	–	1

Таблица 3

Распределение костных остатков по горизонтам шурфа № 3

Вид	Количество костных остатков			
	гор. 1	гор. 2	гор. 3–4	Подъемный материал
Домашние млекопитающие				
КРС	6	12	–	1
МРС	9	19	17	1
Овца		1		
Свинья	–	5	1	5
Лошадь	6	–	1	–
Определимые, всего	21	37	19	7
Неопределимые	9	20	19	11
Всего:	30	57	38	18
Птица				
<i>Aves. sp.</i>			1	1
Рыба				
<i>Pisces sp.</i>	1		2	

Т а б л и ц а 4

Распределение костных остатков по горизонтам шурфа № 7

Вид	Количество костных остатков	
	гор. 1–4	гор. 5
Домашние млекопитающие		
КРС	3	–
МРС	59	6
Овца	2	
Свинья	16	–
Лошадь	9	–
Всего:	89	6
Дикие млекопитающие		
Заяц	–	1
Бобр	7	–
Медведь	3	–
Всего:	10	1
Определимые, всего	99	7
Неопределимые	89	11
Всего:	188	18
Рыба		
Щука	2	–
<i>Pisces sp.</i>	2	1
Моллюски		
Перловица (створки и фрагменты створок)	18	5
Наземные гастроподы (фрагмент раковин)	1	

Т а б л и ц а 5

Показатели мясной эксплуатации животных

Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Свинья
Остеологический спектр (количество костных остатков)			
46	153	44	36
Соотношение костных остатков, %			
16,5	54,8	12,9	15,8
Кратность веса туш с/хозяйственных животных по отношению к одной туше овцы/козы по Е.Е. Антипиной [Антипина, 2008]			
6	1	5,5	1,5
Объем мясных продуктов, усл. ед. (произведение числа костей на кратность веса животного)			
276	153	242	54
Спектр мясного рациона (соотношение мясных продуктов, %)			
38,1	21,1	33,4	7,4

В целом полученные данные вполне соответствуют представлениям о жизнеобеспечении кара-абызцев. В свою очередь, анализ зооархеологического материала из новых раскопок позволяет дополнить имеющиеся сведения, а также выдвинуть ряд предположений, требующих дальнейшего уточнения.

Так, на основании полученных данных к охоте (на зверя и птицу), рыболовству и животноводству следует добавить такую форму собирательства, как сбор раковин двустворчатых моллюсков, использовавшихся в качестве технического сырья – отошителя при производстве керамики. Не исключено, что «зерно-терки» (или часть из них), находимые на памятниках этой культуры, использовались для дробления и перетирания собранных раковин.

Кроме того, характер остатков мясных видов показывает, что забой и разделка туш животных происходили в пределах городища. Поэтому, возможно, домашний скот (или часть стада) постоянно содержался на поселении или вблизи его, т.е. не отгонялся на большие расстояния (стойлово-пастбищное содержание). Это скорее указывает на большую оседлость населения, чем принято было думать. При использовании мясной продукции имели место отсутствие выраженной гастрономической избирательности и глубокая утилизация мясных кусков, что может свидетельствовать об определенном пищевом дефиците. В пользу этого может говорить сравнительно небольшой объем остеологических выборок, происходящих с известных памятников (соответственно невысокая концентрация остатков животных в культурном слое).

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов В.И. Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем. М., 1994. 230 с.
2. Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 40–63.
3. История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кулшарипов / Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. М., 2009. Т. 1. 400 с.
4. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Особенности системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса (Туркменистан) // Экология древних и традиционных обществ : сб. докл. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 204–207.
5. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Некоторые особенности изучения жизнеобеспечения древних обществ // Этнос и среда обитания : сб. ст. по этно-экологии. М., 2014. Вып. 4. С. 60–66.
6. Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования : сб. ст. к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. М., 2004. С. 36–60.
7. Пшеничнюк А.Х. Караабызская культура // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 162–243.
8. Немкова В.К., Климанов В.А. Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья / БНЦ УрО АН СССР. Уфа, 1988. С. 65–71.
9. Кудеяров В.Н., Демкин В.А., Гиличинский Д.А., Горячкин С.В., Рожков В.А. Глобальные изменения климата и почвенный покров // Почвоведение. 2009. № 9. С. 1027–1042.
10. Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Усольцев С.Н., Каширская Н.Н. Подкурганные палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за истекшее время // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 126–142.
11. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. 174 с.
12. Савельев Н.С. Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 127–140.
13. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. 120 с.
14. Ефимова С.Г. К краниометрии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1991. Вып. 67. С. 64–73.
15. Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: третьи Кузеевские чтения (Уфа, 28 сентября 2012 г). Уфа, 2012. С. 249–251.
16. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. 272 с.
17. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) // Археология евразийских степей. Казань, 2007. Вып. 3. 114 с.
18. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К 100-летию со дня рождения В.И. Цалкина : сб. ст. М., 2004. С. 7–33.
19. Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // Российская археология. 2005. № 4. С. 70–78.

Procenko Anton S. M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russia). E-mail: anton.procenko@mail.ru; Sataev Robert M. Institute of Ethnology and Anthropology of RAS (Moscow, Russia), Aknullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russia). E-mail: rob-sataev@mail.ru

ON THE QUESTION OF MEDIA VITAL BASICS KARA-ABYZSKOY ARCHAEOLOGICAL CULTURE.

Keywords: Kara-Abyzs culture; life-support system.

The article is dedicated to discussion of theoretical and practical aspects of Kara-abyz culture population life sustenance research. Cultural artefacts are locally situated at the western piedmont of the Ural Mountains and dated from IV century B.C. to IV century A.D. Kara-abyz cultural artifacts have been excavated from the middle of XIX century. However, special aspects of ancient population life sustenance are underexplored. In the research authors hold to the opinion that human communities life sustenance consists of production and consumption, production may be primary and secondary. Primary production is a process of getting products through the utilization of natural environment and the developed area resources. Secondary production is primary product processing. Life sustenance basis is primary production – natural recourse use, which to a great extent depends on natural environment. Vital capacity of society and its functioning specifics depend largely on primary production mode. As of archeological remains plant and animal remains findings and tools used in primary production testify to natural recourse use specific aspects. Study of excavated Kara-abyz fortress materials produced in 2015 and other exploreis' data generalization let characterize Kara-abyz population primary production as a complex one. The leading production branches were hunting and live stock breeding. Kara-abyz culture existence accounts for the period of significant climatic fluctuations when at the western piedmont of the Ural Mountains a cold spell was replaced by a warm one. Basic vegetation was pine and spruce forests. There were wide meadowlands at floodplains. These conditions made possible adoption farm patterns development (collecting, hunting and fishing) and live stock breeding. However they impede farming agriculture development. Inhabitants of settlements procured more than 10 kinds of wild animals. Alongside with it wild animals were hunted mainly for the sake of fur. Primarily beaver was haunted. Apart from animals birds and fish were procured. Also, population collected river mollusc shells which were crushed and added to clay for crockery production. Possibly, not less actively ancient population collected wild fruits, berries, mushrooms. Settlers held four kinds of live stock (cattle, sheep, swine, and horse) and also dogs. Animals were not moved at long distances, but held at settlements or fed not far away from them. The main object of breeding was horse. A considerable part of them (37 - 47%) were slaughtered for meat under 2 years of age.

REFERENCES

1. Kozlov, V.I. (1994) *Etnicheskaya ekologiya: Stanovlenie distsipliny i istoriya problem* [Ethnic Ecology: The rise of the discipline and the history of problems]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
2. Chizhevskiy, A.A. (2013) Nachal'nyy period izucheniya arkheologii epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka v Volgo-Kam'e. Polevyie issledovaniya [Initial period of investigation of the Late Bronze and Early Iron ages in the Volga-Kama area. Field studies]. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 2(4). pp. 40–63.
3. Kulsharipov, M.M. (ed.) *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t.* [The history of the Bashkir people: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Institute of History, Language and Literature.
4. Sataev, R.M. & Sataeva, L.V. (2011) Osobennosti sistemy zhizneobespecheniya drevnego naseleniya Gonurskogo oazisa (Turkmenistan) [The life support system of the ancient population of the Gonur oasis (Turkmenistan)]. In: Matveev, N.P. (ed.) *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen: SB RAS. pp. 204–207.

5. Sataev, R.M. & Sataeva, L.V. (2014) Nekotorye osobennosti izucheniya zhizneobespecheniya drevnikh obshchestv [The life support system of ancient communities]. In: Subbotina, I.A. & Yamskov, A.N. (eds) *Etnos i sreda obitaniya* [Ethnicity and environment]. Moscow: Staryy sad. pp. 60-66.
6. Yamskov, A.N. (2004) Ekologicheskie funktsii osnovnykh komponentov traditsionnoy kul'tury [The ecological functions of the main components of traditional culture]. In: *Etnoekologicheskie issledovaniya* [Ethnoecological studies]. Moscow. pp. 36-60.
7. Pshenichnyuk, A.Kh. (1973) Karaabyzskaya kul'tura [Karaabyzsk Culture]. In: Bikbulatov, N.V., Kuzeeva, R.V. & Mazhitova, N. A. (eds) *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. 5. Ufa: USSR AS. pp. 162-243.
8. Nemkova, V.K. & Klimanov, V.A. (1988) Kharakteristiki klimata Bashkirskogo Predural'ya v golotsene [The climate of the Bashkir Urals during the Holocene]. In: Nemkova, V.K. & Klimanov, V.A. (eds) *Nekotorye voprosy biostratigrafii, paleomagnetizma i tektoniki kaynozoya Predural'ya* [Some questions of biostratigraphy, paleomagnetism and tectonics of Cenozoic Urals]. Ufa: USSR AS. pp. 65-71.
9. Kudiyarov, V.N., Demkin, V.A., Gilichinskiy, D.A., Goryachkin, S.V. & Rozhkov, V.A. (2009) Global'nye izmeneniya klimata i pochvennyy pokrov [Global climate change and the soil cover]. *Pochvovedenie – Eurasian Soil Science*. 9. pp. 1027-1042.
10. Demkin, V.A., Demkina, T.S., Khomutova, T.E., El'tsov, M.V., Usoltsev, S.N. & Kashirskaya, N.N. (2013) Underkurgan paleosoils of the Lower Volga steppes as indicators of climate dynamics during historical time. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 2(4). pp. 126-142. (In Russian).
11. Petrenko, A.G. (1984) *Drevnee i srednevekovoe zivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya* [Ancient and medieval livestock of the Middle Volga and Urals]. Moscow: Nauka.
12. Saveliev, N.S. (2009) Novye issledovaniya Shipovskogo gorodishcha v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [A New research of the Shipov settlement in the forest of the South Urals Ufa]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 9. pp. 127-140.
13. Akimova, M.S. (1968) *Antropologiya drevnego naseleniya Priural'ya* [Anthropology of the ancient Ural population]. Moscow: Nauka.
14. Efimova, S.G. (1991) K kraniometrii rannego zheleznogo veka Volgo-Kam'ya [On craniometry of the Early Iron Age of the Volga-Kama]. *Voprosy antropologii*. 67. pp. 64-73.
15. Nechvaloda, A.I. (2012) [New craniological materials of Kara-abyz culture of Kara Abyz II]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: tret'i Kuzeevskie chteniya* [Ethnos. Society. Civilization: The 3rd Kuzeev Readings]. Ufa. 28th September 2012. Ufa. pp. 249-251. (In Russian).
16. Krupnik, I.I. (1989) *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethnoecology]. Moscow: Nauka.
17. Petrenko, A.G. (2007) *Stanovlenie i razvitie osnov zivotnovodcheskoy deyatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Predural'ya (po arkheozoologicheskim materialam)* [The formation and development of the livestock breedings in the history of the peoples in the Middle Volga and Ural region (based on archaeozoological materials)]. Kazan: Institute of History of Tatarstan.
18. Antipina, E.E. (2004) Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty [Archaeozoological research: Challenges, potential and real results]. In: *Noveyshe arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii* [The latest archaeozoological research in Russia]. Moscow. pp. 7-33.
19. Antipina, E.E. & Lebedeva, E.Yu. (2005) Opyt kompleksnykh arkheobiologicheskikh issledovaniy zemledeliya i skotovodstva: modeli vzaimodeystviya [Complex archeobiological research of agriculture and animal husbandry: Models of interaction]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 70-78.

УДК 395+397+398
DOI 10.17223/19988613/44/18

В.А. Бурнаков, Д.Ц. Цыденова

ФЕТИШИ АС И ТИЛЕГ ТӨС'Ы В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ОБРЯДНОСТИ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)

Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

На основе архивных и литературных этнографических сведений рассматривается такой мировоззренческий феномен, как фетишизм, или культ *төс'ов*, у хакасов. Предметом изучения стали такие почитаемые предметы, как *Ас* и *Тилег төс'ы*. В представленной работе детально рассмотрены их внешние характеристики. Выявлены варианты их символического оформления. Проанализированы сакральные функции и обрядность, связанная с этими культовыми изделиями. В традиционном мышлении народа *төс'ы* наделялись охранительными, покровительствующими, лечебными и иными свойствами. Среди верующих бытовала убежденность, что во многом от их благосклонности зависят сохранность здоровья людей, благополучие их жизни и успех в хозяйственной деятельности. Отводимая им особая сакральная роль в духовной жизни хакасов способствовала формированию определенной системы ритуалов. Она включала в себя как индивидуальные акты поклонения, так и коллективные, с ее регламентированными нормами жертвоприношения и посвящения им животных – *ызых'ов*.

Ключевые слова: хакасы; традиция; мировоззрение; шаманизм; культ; фетиш; *төс*; *Ас төс*; *Тилег төс*.

В культуре хакасов особое значение придавалось феномену фетишизма и, в частности, такому его проявлению, как *төс'ы*. Отметим, что под термином «фетишизм» подразумевается комплекс воззрений об неодушевленных материальных объектах, которые в сознании верующих наделены сакральными свойствами.

В языке и культуре хакасов термин *төс* не ограничивается лишь обозначением фетиша. Он имеет широкое семантическое поле. Под этой лексемой еще принято понимать следующее: 1) грудь, грудинка; 2) основание, подножие, корень; 2) сверхъестественные существа – духи и др. [1. С. 665].

В.Я. Бутанаев в ходе многолетних полевых этнолингвистических изысканий у хакасов дополнил семантику термина *төс* такими смысловыми категориями, как: 1) основные устои общества, 2) родительский кров, 3) духовная сила, дух народа, 4) ангел-хранитель и др. [2. С. 118]. Итак, значение слова *төс* в культуре хакасов недвусмысленно указывает на его мировоззренческую фундаментальность и воплощение идеи сакральности и глубинной связи с неким мифическим первоначалом, «корнем жизни». Многих из *төс'ов* хакасы воспринимали в качестве семейно-родовых духов, имеющих непосредственное отношение к предкам. В число таковых и входили *Ас* и *Тилег төс'ы*.

В традиционном мышлении хакасов фетиши-*төс'ы* являлись воплощением различных духов. В религиозном быту этого народа их число доходило до тридцати. Своеобразие каждого из них проявлялось не только в различных наименованиях, но и в их форме, структуре, материале изготовления, локализации и особенностях обрядности, с ними связанной. В духовной жизни общества фетиши обладали обширной функциональностью. Они выполняли покровительствующую, охранительную и лечебную функции. Отдельные из них, как полагали, осуществляли связь с предками и способствовали плодородию.

Культ *төс'ов* у хакасов на протяжении трех столетий (XVIII–XX вв.) вызывал большой научный интерес. За этот продолжительный хронологический период был собран обширный фактологический материал по обозначенной проблеме. Вместе с тем представляется преждевременным считать эту тему исчерпанной. До сих пор сведения о многих *төс'ах* носят несистемный, а порой – отрывочный и даже противоречивый характер. Приходится констатировать и то обстоятельство, что в настоящее время все еще остаются не введенными в научный оборот архивные этнографические материалы и музейные коллекции по данной теме. Их изучение способствовало бы более полному осмыслению данного культурного явления. Отметим и тот факт, что до сих пор не осуществлен адекватный перевод на русский язык наименований отдельных фетишей. В представленной статье сделаем попытку заполнить образовавшиеся лакуны. Однако в силу редакционных ограничений в объемах публикации рассмотрим лишь два сакральных предмета – *Ас* и *Тилег төс'ы*.

Ас төс. Особым почитанием у хакасов пользовался *Ас төс*. Среди исследователей все еще нет единого мнения относительно этимологии названия рассматриваемого культового предмета [2. С. 124; 3. С. 91; 4. С. 131]. Обратим внимание на то, что в хакасском языке лексема «ас» обладает широким семантическим полем. При этом нередко употребляется в таких значениях, как: хлеб, зерно, ячмень, еда, пища, угощение и др. [1. С. 82]. В русле обозначенного смыслового поля известный тюрколог Н.Ф. Катанов перевел наименование фетиша как «покровитель хлебных растений» [3. С. 91]. Ученому в ходе экспедиционной работы удалось записать молитву, адресованную *Ас төс'у*. В ней представлено описание образа этого духа и некоторые его характеристики, которые вполне сопоставимы с предложенным обозначением и возложенными на него функциями. Приведем текст этого молитвенного обращения полностью:

«Ты пришел сюда из Китайской земли и вместо красного табаку стал курить древесную коринку! Ездишь верхом на бело-голубом коне, спина которого извивается подобно змее! Переваливая сюда из Китайской земли, ты шел, покачиваясь из стороны в сторону (подобно хлебу, качающемуся от дуновения ветра) и покуривая красный табак, разбрасываемый из стороны в сторону! Медную трубку свою ты выкуриваешь до основания! Крепко упершись в медные стремена, ты переплыл на своем коне песчаное море, гребясь шести-гранным медным веслом, освещаемым луною и солнцем, и переплывши, затем поселился (здесь) на желтой степи, по которой ходишь, опираясь на обе руки! Опираясь на обе руки, ты пришел (к татарам) и в виде изображения стал рядом с духом, изображение которого разукрашивается красными лентами! Платье твое окаймлено черною парчею, обмахиваешься черною бязью! Причиняешь боли пегим глазам! Не пугай глаз, смотрящих (на тебя)! Во время новолуния я кажу на тебя богородскою травую, растущую на Алтайском хребте, и обмахиваюсь чистым твоим (веером)! Бери назад пущенную тобой стрелу (т.е. болезнь) и освобождай из плена пойманных тобою! Пищей тебе служит мерзлое масло! Ты вырастил на черной земле траву, травую и белыми цветами 60 видов ты опоясал (черные) скалы! С тех пор как ты произвел синие цветы, с тех пор как закачалась (от ветра) зеленая трава и раздался голос кукушки, мы (т.е. шаманы) стали обмывать белым молоком спину и шею (посвящаемого тебе коня) и украшать его (гриву и) хвост белыми и синими лентами, чтобы выпросить (у тебя) защиту пасомым (стадам) и помощь черным головам!» [5. С. 569–570].

Из представленного текста становится очевидным, что в мифологическом сознании *Ас тӧс* воспринимается в качестве божества, имеющего непосредственное отношение к растительному миру. Он олицетворяет собой сакральную силу, благодаря которой на поверхности земли произрастают травы и различные цветы. В строках молитвы не конкретизирована его покровительствующая роль «хлебным растениям», хотя делается определенный намек на связь рассматриваемого сверхъестественного существа со злаковыми растениями. Это происходит, например, при описании манеры его передвижения верхом на коне. Невольное раскачивание тела божества, происходящее при размеренном перемещении на указанном животном, обнаруживает ассоциацию с «хлебом, качающимся от дуновения ветра». Безусловная связь *Ас тӧс'а* с миром флоры отнюдь не исключает его покровительствующей роли скотоводству. Об этом свидетельствует просьба о «защите пасомым (стадам) и помощи черным головам» (народу. – Авт.). Более того, является общеизвестным фактом прямая зависимость между состоянием растительного покрова и занятием животноводством. При отгонном типе хозяйствования без хороших пастбищ не сможет получить развитие ни одно скотоводческое хозяйство. Поэтому, на наш взгляд, не являются взаи-

моисключающими функции *Ас тӧс'а*, одновременно патронирующего растительность во всех ее формах и скотоводство.

В этой связи трудно согласиться с категоричным суждением В.Я. Бутанаева о том, что «назначение этого фетиша никак не связано с земледельческой деятельностью. *Ас тӧс* являлся покровителем коневодства» [2. С. 124]. Обратим внимание на то, что данный исследователь предложил свою версию происхождения теонима *Ас тӧс*. Он связал ее с народом аз – элитарной группой среди енисейских кыргызов времен Кыргызского каганата [Там же]. При этом автор лишь ограничился данным предположением, сославшись на наличие у тувинцев схожего по названию фетиша – *Ас ээрен*.

Следует представить и третью точку зрения по данной проблеме. С.В. Иванов, опираясь на одно из значений термина *ас* в хакасском языке, высказал мнение о том, что название этого фетиша, возможно, означает «голодный тӧс» [1. С. 82; 4. С. 131]. К сожалению, ученый не подкрепил свою мысль никакой доказательной базой.

Таким образом, можно констатировать, что вопрос, связанный с этимологией названия рассматриваемого фетиша, до сих пор остается открытым. Хотя, на наш взгляд, версия перевода Н.Ф. Катанова все же выглядит более аргументированной. Очевидно, что наиболее объективный перевод наименования этого *тӧс'а* станет возможным лишь при обнаружении дополнительных источников по этому вопросу.

Ас тӧс у различных субэтнических групп хакасов (качинцев, кызыльцев и др.) имел своеобразные черты внешнего оформления. В этой связи С.В. Иванов отмечал, что «Ас-тӧсы делались из различных материалов и имели различную форму; были и плоские, вырезанные из кожи дикой козы в виде человеческой фигурки» [4. С. 132]. У качинцев он имел следующий вид: к березовой ветви в ее верхней части повязывался продолговатый лоскут ткани синего цвета, а в центральной – красного. Нередко их заменяли целыми платками [6. Л. 38 об.; 7. С. 52]. В некоторых случаях отрезки холстяной и дабовой материи крепились к деревянной основе не напрямую, а посредством ремешка из козьей шкуры [8. С. 341]. Несколько иное описание этого фетиша обнаруживаем в работе В.Я. Бутанаева [2. С. 124].

Значительное разнообразие вариаций изготовления *Ас тӧс'а* встречалось у кызыльцев. Главной их особенностью было использование козьей шкурки. При оформлении конструкции фетиша не всегда было задействовано деревянное основание. Так, например, имел распространение следующий его вид: кусок козьей шкурки просто опоясывался лоскутком красной материи [6. Л. 41 об.]. Помимо того, нередко использовались не одна, а две сшитые между собой полоски козьего меха с красным пояском и черным, на месте, где соединялись шкурки [9. С. 34].

По материалам А.В. Адрианова, у кызыльцев улуса Подкамень *Ас төс* представлял собой кусок шкуры с шерстью, вырезанный из паха дикой козы и свернутый в трубочку (длина 27 см). Она надрезалась с разных сторон. Надрезы снизу имитировали собой ноги, с боков – руки. В верхней части пришивались две синие бисеринки – глаза. Посередине опоясывался красной лентой. Сверху к нему пришивался кожаный ремешок, посредством которого фетиш привязывался к тальниковой ветви (длина 42 см) заостренным с конца [10].

В исследовании С.В. Иванова представлены еще две разновидности этого *төс'а* у кызыльцев. Первый из них обнаруживает некоторое сходство с уже описанным А.В. Адриановым. Его высота составляет 17 см. Он был вырезан из куска кожи дикой козы и опоясан лоскутом коричневой материи. Голова отсутствовала. При помощи шнура шкурка соединялась с маленькой палочкой [4. С. 131. Рис. 142.2]. Другой вариант *Ас төс'а* имел совершенно оригинальную форму. Деревянная палка высотой 36 см оборачивалась козлиной шкуркой. В ее верхней части прикреплялись бусины, олицетворяющие глаза. Из шерсти сплетались пестрые косы. На месте пояса и внизу обматывался полосками черной ткани. К ее макушке прикреплялась толстая нить с палочкой [4. С. 131–132. Рис. 143.1].

Месторасположение *Ас төс'а* у обозначенных субэтнических групп хакасов также имело свои особенности. Качинцы размещали фетиш снаружи юрты на южной стороне [2. С. 124; 6. Л. 38 об.; 8. С. 341]. Кызыльцы же располагали его внутри юрты справа от входа, втыкая в расщелину бревенчатой стены [7. С. 63; 9. С. 34].

Верующие наделяли *Ас төс* охранительными и лечебными функциями. К нему обращались при заболеваниях в области груди, лопатках, пояснице, а также при затрудненном дыхании [4. С. 131; 7. С. 63, 104; 9. С. 34]. Помимо того, в молитвах его часто просили избавить и от глазных болезней [5. С. 570]. В этнографической литературе и архивных материалах представлены лишь краткие сведения об обрядности, связанной с рассматриваемым фетишем [4. С. 131; 6. Л. 38 об.; 7. С. 52].

Однако и имеющиеся сведения позволяют выявить общие и специфические черты в ритуальных действиях в отношении *Ас төс'а* у качинцев и кызыльцев. Универсальным и свойственным для всех было молитвенное обращение к божку, сопровождаемое поклонами, окуливание его *ирбен'ом* – богородской травой (чабрецом) – и поднесение ему пищи. Жертвенное подношение совершали в виде молока, араки и масла. Ими окропляли и обмазывали фетиш. Кызыльцы же вдобавок к этому на горячих углях жгли еще и рыбью кожу [4. С. 131; 5. С. 569–570; 9. С. 34]. Описанные сакральные действия могли производить как обычные знающие люди, старики, так и шаманы.

Отличительной особенностью, характерной для качинцев, было то, что этот *төс* в процессе лечения

больного использовался в качестве ритуального инструмента шамана – опахала. Так, Е.К. Яковлев сообщал о том, что *Ас төс* у них «употребляется шаманом при дневном служении без бубна, при “обмахивании больных” <...> с целью отогнать злых духов» [7. С. 52]. У кызыльцев же в ходе лечения заболевшего человека фетиш был неприкосновенен и оставался на своем месте [9. С. 34]. Другим ярким отличительным признаком выступало то, что качинцы посвящали *Ас төс'у ызык'а* – коня голубой / синей масти. Заметим, что исследователи не зафиксировали бытование данного обряда у кызыльцев.

По традиционным воззрениям *ызык'и* своей сакральной силой оберегали людей и их хозяйства от несчастий, отвращали болезни, способствовали увеличению приплода, охраняли стадо от хищных зверей и от воров. В связи с этим В.Я. Бутанаев отмечает: «Посвященные животные – “ызыхи” носили также иносказательные названия: “*мал худы*” – жизненная сила скота; “*малның ээзі*” – дух-хозяин скота; “*кізі хуяғы*” – броня, т.е. оберег человека; “*кізі хадарчызы*” – страж человека и т.д.» [2. С. 136]. Выбирал священное животное и отправлял обрядность, как правило, шаман. Он же назначал место проведения этого мероприятия и время – обычно в весенне-летний период года и обязательно на новолуние. Сам ритуал имел семейно-родовой характер. Для его проведения собирались многочисленные родственники и устраивался пир. Само священнодействие состояло в следующем. На условленном месте хозяин привязывал *ызык'а* к березе и производил ритуал его очищения. Для этого он либо шаман окуливали избранного коня, затем обмывали отваром *ирбен'а*, а напоследок и молоком. В гриву и хвост вплетали синие и белые ленты – *чалама* [5. С. 569–570]. Шаман обмахивал *Ас төс'ом* животное и начинал камлание [7. С. 52]. Обряд завершался гаданием – *терік*. Для этого отвязывали коня. Хозяин клал на круп *ызык'а* чабрец и ставил чашу с молоком или аракой. Затем его пускали вперед. При первых движениях животного сосуд падал. Если он приземлялся дном вниз, то участники восклицали «*алтын терік*», что означало успешный результат обряда. В случае же, когда чаша падала дном вверх, произносили «*хара терік*», т.е. неудача. В таком случае для достижения положительного результата это действие могли повторить еще два раза. Затем посвященного коня отпускали на свободу. Его не использовали в хозяйственных целях. Контакттировать и ездить на нем мог лишь хозяин. По завершении ритуала посвящения *ызык'а* его непосредственный хозяин ставил *Ас төс* на свое место.

Тилег төс. Известным культовым предметом у хакасов, главным образом среди сагайцев и качинцев, был *Тилег төс* [6. Л. 38 об.; 8. С. 338–339]. В этнографической литературе представлены два варианта перевода названия этого божка. Н.Ф. Катанов еще в конце XIX в. первым из исследователей ввел в научный оборот материал об этом почитаемом духе, обозначив его

как «покровитель телеутов» [3. С. 82]. Столетием позже в материалах В.Я. Бутанаева рассматриваемое сакральное изделие в русском переводе было представлено как «теленгитский фетиш» [2. С. 131].

Следует пояснить, что в настоящее время телеуты (самоназвание — тенеѳет, телеут, тадар, байат-пачат) признаны коренным малочисленным народом РФ, компактно проживающим в южных районах Кемеровской области. А теленгиты (теленѳет, теленут) являются субѳтносом в составе алтайцев и живут в Республике Алтай. В 2000 г. теленгиты также были причислены к коренным малочисленным народам России. В прошлом они, безусловно, составляли единую этническую общность — теле. Наличие данного фетиша и одноименных *сѳѳк'ов* — родов (*тиилек / телег, телеѳеш / телеѳет*) у хакасов и широкое бытование обозначенного *тѳс'а* в их мифоритуальной практике, а также мифологическая идентификация его прародины — г. Кузнецка (территории современной Кемеровской области), зафиксированная в шаманской поэзии, свидетельствуют об этнокультурных и этногенетических связях с телеутами и их общих предках. Добавим, что на прошлые межѳтнические связи указывает и наличие одинаковых у хакасов и телеутов / теленгитов *сѳѳк'ов*. Из них выделяются такие, как: пурут (хак. *пѳрѳт*), чедыбер (хак. *чѳтѳ пѳѳр*), миркит / иркит, ыркыт (хак. *ирѳит*), *халмах / калмак* (хак.) [11].

Заметим, что затронутая тема неизбежно влечет за собой необходимость решения обширного круга вопросов, связанных с этно- и культурогенезом хакасов, телеутов / теленгитов. Изучение данной проблемы представляет собой отдельное обширное исследование и не входит в задачи данной статьи. В связи с этим ограничимся лишь констатацией данных фактов и рассмотрением мифологических представлений и обрядности в отношении *Тилег тѳс'а*.

В историко-этнографической литературе представлено несколько разновидностей данного *тѳс'а*. Н.Ф. Катанов привел описание двух его вариантов. Первый из них имел следующий вид. На виллообразный прут нашивалась козья шкурка. С обеих сторон этой конструкции из шерсти сплетались четыре косички — по две с каждой [12. С. 99]. Вторая разновидность фетиша, зафиксированная исследователем, обладала схожей структурой, но включала в себя больше составных элементов. Так, она представляла собой ивовую вильчатую палку. К ней прикреплялся лоскут синего сукна, в который вкалывалась большая игла. В центре пришивалась медная пуговица, символизирующая собой сердце. На два конца рогатины подвешивались косы, сплетенные из пестрых ниток [5. С. 579].

По сведениям Е.К. Яковлева и П.Е. Островских, *Тилег тѳс* обладал следующей формой и внешними параметрами. Между концами деревянной вильчатой палки высотой около 1 м привязывались отрезок зеленой ткани и кусок шкурки козы или овчины, взятый из курдюка. В некоторых случаях они крепились к ремешку из

козьей кожи, протянутому между развилинами. К концам рогатины подвешивались четыре пестрые косички, по две с каждой стороны. Они сплетались из белой и черной шерсти [7. С. 51; 8. С. 338–339]. В исследовании С.В. Иванова описан схожий по форме и строению фетиш. Отличительными особенностями последнего выступают лишь высота деревянной основы — 68 см, а также то, что на прямоугольный лоскут зеленого сукна пришивалась медная бляшка [4. С. 129]. Тожественное описание *Тилег тѳс'а* встречается и в монографии В.Я. Бутанаева [2. С. 131–133]. В архивных материалах М.С. Усмановой описывается еще один вариант рассматриваемого культового изделия. Он представлял собой деревянную развилку высотой 60 см. Между рогатиной натягивался отрезок ткани. К ней пришивались два прямоугольных куска материи — красного и синего цветов. К двум концам рогатки подвешивали по две короткие косички, сплетенные из белой овечьей шерсти [13. Л. 27].

Данные исследователей о местоположении изучаемого фетиша весьма неоднозначны. По свидетельству дореволюционных ученых, *тѳс* втыкался в землю снаружи юрты с северной стороны [5. С. 99; 6. Л. 38 об.; 7. С. 51; 8. С. 338]. С.В. Иванов же сообщает о том, что *Тилег тѳс* всаживался в земляной пол юрты на женской половине [4. С. 129]. По материалам М.С. Усмановой и В.Я. Бутанаева, божок устанавливался на подставку за буфетной стойкой либо вонзался в щель на северной стороне жилища [2. С. 131; 13. Л. 27].

Рассматриваемый фетиш, согласно верованиям хакасов, олицетворял собой дух старой девы, которая после смерти стала насылать на людей и скот болезни, уводить добычу у охотников. Для разрешения проблемы шаманы рекомендовали изготовить изображение этого духа и регулярно его почитать [4. С. 129]. Верующие воспринимали *Тилег тѳс'а* в качестве одного из ключевых покровителей домашнего скота, в том числе и коней сине-сивой масти. Также они были убеждены, что он эффективно лечил вымя коров. Особенную пользу, как полагали, приносил молодняку — ягнятам и телятам. Помимо того, было принято считать, что он оказывал лечебную помощь и людям, когда те страдали желудочными расстройствами [5. С. 579; 6. Л. 38 об.; 7. С. 51, 108; 11. С. 99].

Обрядовую практику в отношении *Тилег тѳс'а* могла осуществлять лишь женщина-хозяйка либо шаман. Почитание божка заключалось в молитвенном обращении *алгыс* к нему, преподнесении пищи и магических манипуляций. Ритуал кормления проходил днем в обеденное время [12. С. 101]. В качестве жертвенного подношения обычно выступали: мучная каша, *айран*, масло и *эрмек* (творог, творожистая масса, остающаяся на стенках котла после перегонки айрана) [4. С. 1057]. Вся ритуальная еда выкладывалась в специальные деревянные чаши — *чѳрче* [7. С. 51; 12. С. 99]. Одновременно с этим шаманили — производили звон связкой ключей или иными металлическими

предметами, например серебряною потвеею (подхвостником седла) [Там же]. При этом к духопокровителю обращались со следующими словами: «На сине-сивом коне ты приехала сюда в полдень из города Кузнецка! Подпруги твоего коня серебряные! Опираешься ты на палку из зеленой ивы, растущей на песке! Украшаешься ты лентами из синего сукна! Сердце украшено (на твоём изображении) медными пуговицами, приколотыми большими иглами! Стала ты здесь известна, как покровительница телеутов! Ешь ты мерзлое масло и вдыхаешь в себя пар чистой каши! Выдаивая синих коров, ты опрокидываешь ведра (чтобы взять молоко)! Выдаивая белых коров, ты перевертываешь и чашки!» [5. С. 547].

Как пояснил Н.Ф. Катанов, текст молитвы *Тилег тӧс’у* был записан им не полностью. Ввиду того, что в нем использовались нецензурные выражения, шаман не захотел их озвучивать уважаемому ученому. По поводу этого исследователь в своем труде от лица информанта записал следующие строки: «Слова, обращенные к покровительнице телеутов, весьма неприличны. Я (т.е. шаман) сообщил хорошие слова, худых (неприличных) слов не скажу» [Там же. С. 579]. Употребление ненормативной лексики в процессе обряда, вероятно, характеризовался эротическим содержанием. В традиционной культуре данная реалья, как правило, свидетельствует о сакральных действиях, направленных на обеспечение плодородия. Добавим, что помимо периодиче-

ских чествований этого божка, нередко происходящих ситуативно, по мере появления различных проблем, имели место быть и регламентированные обряды. Так, например, раз в девять лет шаман проводил ритуал посвящения *Тилег тӧс’у ызых’а* – сине-сивой лошади [7. С. 104–105], направленный на обеспечение успеха в хозяйственной деятельности. Данное священнодействие было идентичным тому, которое производилось в отношении *Ас тӧс’а*.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать следующий вывод. В обрядовой практике хакасов фетишам-*тӧс’ам* придавалось большое значение. Наряду с другими весьма почитаемыми изделиями были *Ас* и *Тилег тӧс’ы*. Они воспринимались в качестве влиятельных духов-покровителей людей и их хозяйства и были связаны с представлениями о духах предков. Верующие регулярно обращались к ним за медицинской и ветеринарной помощью. Во многом данный факт и определил их особую популярность среди верующих. В народе были распространены многообразные варианты их символических изображений и способов размещения в пространстве. Они могли быть установлены как внутри жилища, так и за его пределами. В отношении каждого из них была сформирована обрядность. Она включала в себя периодическое проведение общественных ритуалов жертвоприношения, посвящения *ызых’ов*, а также индивидуальные акты кормления и обращения к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
2. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2003.
3. Катанов Н.Ф. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. Приложение к LXXIII тому записок Императорской академии наук. № 8.
4. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л. : Наука, 1979. 195 с.
5. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абакаанских татар и карагасов (образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9.
6. Архив Минусинского краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 664 «Е.К. Яковлев. Материалы по этнографии хакасов».
7. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск : Тип. В.И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.
8. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
9. Клеменц Д.А. Заметка о тюрках // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1892. Т. XXIII, № 4–5. С. 23–35.
10. Российский этнографический музей. Опись фонда № 2538-12 А.В. Адрианов.
11. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 92 с.
12. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-Литография Импер-го Казанского ун-та, 1897. 104 с.
13. Архив Музея археологии и этнографии им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. № 681-5 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия. Лето (август) 1975 г. Тетрадь вела М.С. Усманова». 35 л.

Burnakov Venariy A. Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: venariy@ngs.ru ; *Tsydenova Darima T.* Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: E-mail: ruta22@rambler.ru

FETISHES – AS AND TILEG TÖS'ES IN OUTLOOK AND RITUALS OF KHAKASES (END XX – MIDDLE OF XX CENTURY).

Keywords: Khakasess; tradition; worldview; shamanism; cult; ritual; fetish; tös; As tös; Tileg tös.

The aim of the article is to study patron spirits among Khakasess in its material manifestation as fetishes “As” and “Tileg tös'es”. To achieve this goal, the following tasks were set: determination of their sacred significance and the role of ideology and ritual practices of the people, the analysis of their external characteristics and detection of variations of their symbolic execution, and consideration of ways to ritual interact with this sacred object. The chronological scope of work covers the end of the XIX – mid XX centuries. Selection of temporal boundaries are caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work is based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods – scientific description, the specific historical and relic. *Tös'es* cult – is a phenomenon that has arisen and existed in a traditional environment, where the shape of the relationship between the world, visible (rational) and invisible (irrational) is characterized by the absence of rigid insurmountable boundaries. Moreover, in the religious-

mythological consciousness of the people the idea of a red line runs direct intersection of these worlds, and as a result of their constant interaction with each other. Recurring violation of these relations, in the opinion of the faithful led to an imbalance in nature and human life. For the latter, this is turning into a variety of disasters and calamities. Ritual practices of traditional society in this case were focused on the restoration of the balance sheet and as a consequence, the resolution of contradictions arising between the worlds and the protection of the vital interests of the people. A huge role in this process was assigned to the ministers of worship, including shamans, as well as directly to *tös'es*. *As* and *Tileg töс'es* were surrounded by an aura of sacredness and enjoyed special respect. In the traditional consciousness, they were perceived as a powerful patron's spirits. This fact contributed to their general symbolization and fetishization. Several variants of the symbolic images of the deities were represented in religious trappings of the people. Multivariance considered fetishes determined subethnic specifics of their production from one group or another Khakases (sagayts, kachin and kyzylts). Localization of these idols in the house also had its own characteristics. Sacral function of *As* and *Tileg töс'es* were extensive. They were endowed apotropical, healing and protection properties. The ratio of these special rituals, sacrifices expressed in periodic mandatory utterance of prayer requests, dedications sacred animal was form – *yzyh's* and other activities.

REFERENCES

1. Baskakov, N.A. & Inkizhekova-Grekul, A.I. (2003) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
2. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism of Turks in the Sayano-Altai]. Abakan: Khakassia State University.
3. Katanov, N.F. (1893) *Pis'ma N.F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana* [N.F. Katanov's letters from Siberia and East Turkestan]. St. Petersburg: [s.l.].
4. Ivanov, S.V. (1979) *Skul'ptura altaytsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert' XX v.)* [The sculpture of Altai, Khakassia and Siberian Tatars (the 18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
5. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov (obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym)* [Adverbs of the Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagas (examples of folk literature of Turkic tribes published by V.V. Radlov)]. Vol. 9. St. Petersburg: [s.l.].
6. *The Archives of the Minusinsk museum*. Fund 1. List 1. File 664.
7. Yakovlev, E.K. (1900) *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob'yasnitel'nyy katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya* [An ethnographic review of the non-Russian population of South Yenisei valley and the explanatory catalog of the Ethnographic Department of the Museum. A description of the Minusinsk museum]. Minusinsk: V.I. Kornakov.
8. Ostrovskikh, P.E. (1895) *Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraia* [Ethnographic notes about Turks in Minusinsk Territory]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 297–348.
9. Klements, D.A. (1892) *Zametka o tyusyakh* [Note on tyusi]. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 23(4–5). pp. 23–35.
10. *The Russian Museum of Ethnography*. Fund № 2538-12 A.V. Adrianov.
11. Butanaev, V.Ya. (1994) *Proiskhozhdenie khakasskikh rodov i family* [The origin of Khakassian families and surnames]. Abakan: Abakan State Pedagogical University.
12. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sent. 1896 g. v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [The report on the visit of May 15 to September 1, 1896, in Minusinsk District of Yenisei Province]. Kazan: Imperial Kazan University.
13. *The Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University*. 681-5.

УДК-398.54
DOI 10.17223/19988613/44/19

Л.К. Текеева

АНИМИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена анимистическим представлениям карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев. Автором сделана попытка впервые рассмотреть анимизм у тюркоязычных народов Северного Кавказа, формирование которых проходило в пределах, минимально, двух экологических ниш. Эта особенность этнической истории тюркоязычных народов Северного Кавказа наложила отпечаток на всю духовную культуру, в том числе на религиозно-мифологические представления, в которых можно проследить как кавказские параллели, так и древнетюркские.

Ключевые слова: религиозные верования; анимизм; культ; ритуал; олицетворение; аниматизм.

Анимистические верования – один из самых архаических пластов религии любого народа, восходят к эпохе первобытно-общинного строя, точнее к раннеродовой эпохе. По определению В.М. Аталикова, анимизм – это вера в душу и духов, всеобщую одухотворенность природы [1. С. 80]. В основе анимизма лежат представления о душе человека, животного, растения, стихий и т.д.

В сравнительном плане анимистические представления тюркоязычных народов Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. занимают промежуточное положение между соответствующими представлениями соседних народов Восточной Европы и Средней Азии.

В то время как у народов Восточной Европы большинство образов демонологии уже к этому времени «потеряло свое значение и из практических верований ушло преимущественно в область фольклора, особенно сказочного, у народов Средней Азии вера в разного рода сверхъестественные существа была еще вполне реальна, и также была реальна обрядовая практика, связанная с ними» [2. С. 23]. Что же касается карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев, то в указанную эпоху анимистические воззрения их несколько поколебались. Но восполнить этот пробел можно частично по фольклорным сюжетам указанных этносов и обратившись к мифологическим воззрениям других тюркских народов, как древних, так и современных.

Анимистические представления, так же как и религия, изменялись и развивались на протяжении многих веков. Сначала тюркоязычные народы Северного Кавказа просто почитали землю и воду, огонь и ветер, солнце. Постепенно они стали наделять их свойствами живых существ, часто даже людей, способностью мыслить, чувствовать, говорить, обликом животного или человека. Люди долгое время полагали, что объекты их почитания являются живыми существами, т.е. здесь мы наблюдаем не олицетворение, а оживотворение природы.

Л.Я. Штенберг писал, что это наиболее примитивная форма анимистического мировоззрения, называемая аниматизмом [3. С. 268]. Видимо, в этом проявился

культ природы, присущий многим народам, в том числе и тюркским. Так, карачаевцы и балтюркоязычные народы Северного Кавказа верили, что ночью, на какое-то мгновение, вода в ручьях и реках застывает, «засыпает», чтобы отдохнуть. Изображения воды сохранились на керамике древних и средневековых памятников Карачаево-Черкессии [4. С. 36]. Византийские источники VII в. указывают на культ воды у древних тюрков. Из этих же источников известно, что тюрки совершали жертвоприношение воде. Албанский историк VII в. Мовсес Каланкатуйский, говоря об обычаях и верованиях гуннов, писал, что они поклонялись и воде [5. С. 31].

По представлениям тюрков, божество вода родилось раньше, чем божество земля, поэтому ее считали старшей сестрой земли. В древней мифологии считалось, что образование земли началось от воды. Со дна воды «небесной уткой» были подняты песок, глина, ил, из которых в дальнейшем образовалась земля [6. С. 81]. Тюркские народы, в том числе карачаевцы, балкарцы, ногайцы и кумыки, относились к воде двояко. С одной стороны, считали, что вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса. Вода устойчиво относилась к чужим враждебно. Но, с другой стороны, к воде относились с большим уважением, так как без воды жизнь на земле невозможна. От божества Воды зависела жизнь, плодородие и урожайность земли. Тюркоязычные народы Северного Кавказа очень бережно относились к водоемам. Нельзя было загрязнять их, сквернословить, держа в руках чашу с водой, и т.д.

Не менее чистым существом, по представлению тюркоязычных народов Северного Кавказа, считалась Земля. Нельзя было ночью выливать кипяток на землю – она спит, ошпарив ее спящую, человек может навлечь на свою голову проклятие земли. Она проявляется как сила природы, является одной из главенствующих божеств, выше которой только Небо. Небо санкционирует жизнь, оно оплодотворяет, но рождается, живут и умирают на земле. После смерти земля их поглощает. Из земли вырастают травы, злаки и

деревья, в том числе священное Дерево, или Древо Жизни, связующее миры. Люди почитали землю как создательницу урожая и изобилия, как источник, дающий материальное счастье человеку. По древнему мифу, когда люди впервые начали пахать поле, земля мучалась, исходя потом от боли. Наконец, она взмолилась верховному богу Тейри, прося защитить ее от людей. Тейри ответил Земле: «Ты будешь вечно терпеть эту боль и кормить людей, но зато потом ты же будешь поглощать их, и все твоё будет возвращаться к тебе же» [7. С. 22].

Самым чистым существом считался огонь. Тюркоязычные народы Северного Кавказа в огне видели все-сильное божество, которое само зарождается, дышит и постоянно изменяется. С огнем у указанных этносов ассоциировалось представление о рождении, росте, развитии и жизни вообще. Поддержание постоянного огня в очаге считалось первостепенной обязанностью хозяйки дома. Неугасимости домашнего огня придавалось особое значение. Самым страшным проклятием было: «Да потухнет огонь твоего очага». В определенные дни огонь из очага нельзя было давать даже соседям, чтобы не приобщить их к своему очагу. Нельзя было заливать огонь водой, так как огонь является олицетворением солнца. Тепло, исходящее от солнца и огня, их яркое свечение и краски порождали между ними известные аналогии. Солнце, огонь и их связь с представлениями о жизни, о развитии и потомстве переносились и на женщину как прародительницу, хранительницу потомства.

Совершенно недопустимым считалось осквернять огонь, т.е. бросать в него какой-либо мусор и нечистоты, дурно пахнущие вещества, плевать в него, даже топили огонь только чистыми дровами. Чтобы не разгневать огонь, нельзя было и перешагивать через него. Огонь имел очистительное качество. Оскверненную вещь держали над огнем для очищения.

С этим культом связан и обряд трупосожжения у тюркских племен. Такой обряд зафиксирован и в средневековых могильниках верховьев Чегема [8. С. 59].

Живым существом считался и ветер. Карачаевцы и балкарцы считали, что если бросить в вихрь нож, на нем останутся капли крови. Ветер, как стихия природы, создает ситуацию изменчивости. Он приносит не только облака, бурю, но в мифологических сюжетах и болезни. Конечно, нарушение стабильности само по себе не является бедой, но ветер мог стать ею. Именно поэтому умение управлять ветром было одними из характеристик различных категорий сакральных лиц. Несмотря на негативные действия ветра, тюрки все же почитали его. В честь божества Ветра и почитания его, по китайским летописям, тюрками был построен храм под названием «Разгоняющий тучи». Перед военным походом тюрки посещали этот храм, совершали жертвоприношения и молились о победе [9. С. 96].

Представление о том, что природа делится на четыре великие стихии, является в мифологии тюркоязыч-

ных народов Северного Кавказа главнейшим и важнейшим. Человек, который начал познавать окружающий мир, должен был очень дорожить своим открытием – он сумел понять и дать название элементам – огню, воде, земле и воздуху, из которых состоит мир. Видимо, поэтому запрещалось вмешивать в воду молоко или гасить огонь водой и т.д. Возможно, это было вызвано страхом потерять стройную систему взглядов, выстроенных в сознании человека на основе такого широкого обобщения.

И лишь позднее начинается процесс олицетворения, т.е., как мы уже отмечали, стихиям и предметам, временам суток и т.д. стали придавать облики животных и растений, людей. Например, день и ночь олицетворяли в образах двух баранов – черного и белого, которые бьются между собой, обходя при этом всю землю. Надо заметить, что когда мы говорим об олицетворении, например о только что приведенном, не следует думать, что люди той эпохи действительно думали, что день и ночь – это два барана. Вовсе нет. У них было такое же зрение, как у нас, они знали, что день и ночь – не два барана, но их язык, речь отличались от наших тем, что свои знания они выражали другими терминами, теми словами, которые были им близки и понятны. Отсюда и родилось олицетворение, и смену света и мрака они обозначили через борьбу белого и черного баранов. Проще говоря, их мышление было таким же, как у нас, но язык, которым оно выражалось, был мифопоэтическим. Могучие стихии природы – земля, огонь, вода, ветер – тоже были олицетворены нашими предками в виде животных. Земля, огонь и вода олицетворялись в образах быков, а ветер представлялся в виде необузданной лошади. У тюркских народов и сегодня принято называть легкомысленных людей или лошадей рожденными от ветра.

Олицетворяли не только конкретные силы природы, но и, например, времена года. Так, перед новым годом и сейчас иногда говорят: «Джыл кьартайды», т.е. «Год состарился». При наступлении новолуния говорят: «Джангы ай тууду» – «Новый месяц родился» и т.д.

По представлению тюрков, после божеств по иерархической лестнице Вселенной управляют «хозяева» местности (суу-иеси, джер-иеси и др.). Живут они в невидимом мире в средней зоне Вселенной и непосредственно подчиняются Великому Духу Неба Тенгри и божеству Земли. «Хозяева» местности управляли территорией видимого мира, обитаемого людьми. Само название «иеси» переводится с тюркского языка как «хозяин». Это говорит о том, что в народе их считали истинными хозяевами гор, лесов, рек и т.д. Пределы территорий хозяев местности определялись естественными границами (берег, река, гора и т.д.). Таким образом, территория обитания людей – это одновременно и место жительства всевозможных духов-хозяев. И все же духи – хозяева – это существа иного мира и относятся к особому классу. Они обладают богатствами,

главным образом в виде растительности, зверей и полезных ископаемых. Дикая природа воспринималась как упорядоченный мир, поэтому ее естественным обитателям – хозяевам гор, рек, озер – были чужды человеческие ценности.

Исследования анимистического мировоззрения в культуре тюркоязычных народов Северного Кавказа позволяют нам говорить, что и в анимистических представлениях тюркоязычных изучаемых этносов присутствуют вполне рациональные знания об окружающей среде. Эти знания приобретались эмпирическим путем в течение многих столетий. Иногда именно эти знания служили причиной наделения некоторых объектов природы магическими способностями и свойствами.

Мы недооцениваем тот вклад, который внесли примитивные культуры в развитие человеческих знаний, науки. Представления из ряда «магических» часто подтверждались впоследствии практическим опытом и

становились основой научных знаний. И даже те, что не получили подтверждения, послужили импульсом к дальнейшему поиску истины. Так, представления наших предков об органическом единстве и взаимосвязи человека и всех элементов природы оказались, как долгое время думали, не только «ложными знаниями» и плодом неразвитого мышления. Уничтожение природной среды обитания ведет к уничтожению и человека, ее же сохранение – необходимое условие нашей жизнедеятельности.

Можно сказать, что и анимистическое понимание природы у тюркоязычных народов Северного Кавказа было своего рода защитой окружающей среды и ее обитателей, стимулировало бережное отношение к природе. Надо считать верной мысль Ф. Фейербаха о том, что отношение древних народов к природе, флоре, фауне есть отношение не хищника, а друга природы (цит. по: [10. С. 149]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аталиков В.И. Культура народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. 93 с.
2. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. 338 с.
3. Штенберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 573 с.
4. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971. 354 с.
5. Байрамуков У.З. Кладезь народной памяти. Анализ легенд в поисках истока. Черкесск, 1993. 151 с.
6. Урусбиева Ф.А. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. Сергиев Посад, 2003. 207 с.
7. Джуртубаев М.У. Духовная культура карачаево-балкарского народа. Нальчик, 1997. 256 с.
8. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991. 193 с.
9. Безертинов Р. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. Казань, 2004. 448 с.
10. Шенкао М.А. Нарты, миф, эпос, культура. М., 1997.

Tekeeva Larisa K. U.D. Aliev state University of Karachai-Circassia (Karachaeensk, Russia). E-mail: lar-tek@yandex.ru

ANIMISTIC CONCEPTS OF TURKIC PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS.

Keywords: religious beliefs; animism; cult; ritual; personification; animatism.

The article is devoted to animistic beliefs – one of the most archaic layers of religion of any nation, dating back to the era of primitive society, or rather to the early primitive society era. According to V.M. Atalikov, animism is a belief in souls and spirits, universal spirituality of nature. Various sources have been used in this work, since the process of the evolution of the religious worldview can be traced only through the comprehensive study of multiple and diverse data. For this purpose, much information has been collected in the villages of Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria. The study of this subject is impossible without the involvement of folklore, where many stories about the people's worldview can be found, which can be seen through the prism of animistic conceptions and other typical components of ancient spiritual culture of the nations studied. For all the values of these sources, yet the primary base of the current study is ethnographic material and historical literature on the Karachais, Balkars, Nogais and Kumyks. Religion, like all spiritual characteristics of people evolved and changed over the centuries under the influence of real life. Animism is also a historical phenomenon, which varies throughout the centuries. The phenomena of nature were gradually endowed with the properties of alive beings, often with human abilities of thinking, feelings, speaking like an animal or human. But before people started to endow natural phenomena with such images, they have long believed that they themselves are living beings, that is, what we can see here is not the personification, but animating the nature. According to L.Y. Sternberg it is the most primitive form of animistic worldview, called animatism. The four great elements of nature concept is the main and most important one in the mythology of the Turkic peoples of the North Caucasus. The man, who began to learn the surrounding world, must have cherished his discovery – he was able to understand and name the elements that make up the world – fire, water, earth and air. And only later the process of impersonation begins, the powerful elements of nature – earth, fire, water, wind were personified by our ancestors in the form of animals. Not only the specific forces of nature, but also, for example, seasons were personified. The most important trend in myth development at ancient times was the emergence of mythical creatures, some of which were endowed with demonic features. The research of animistic worldview in the culture of the Turkic peoples of the North Caucasus lets us say that in the early mythology of the Karachai and Balkar people there was quite rational knowledge about the environment. This knowledge had been empirically acquired for centuries. Sometimes these skills were the reason for endowment of certain natural objects with magical powers and properties. “Magic” views were often confirmed by practical experience and subsequently became the basis of scientific knowledge.

REFERENCES

1. Atalikov, V.I. (2000) *Kul'tura narodov Kabardino-Balkarii* [The Culture of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: [s.n.].
2. Snesarev, G.P. (1969) *Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma* [Relics of pre-Islamic beliefs and practices in Khorezm Uzbeks]. Moscow: Nauka.

3. Shtenberg, L.Ya. (1936) *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [The primitive religion in the light of ethnography]. Leningrad: Institute of Northern Peoples.
4. Alekseeva, E.P. (1971) *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkessii* [The Ancient and medieval history of Karachay-Cherkessia]. Moscow: Nauka.
5. Bayramukov, U.Z. (1993) *Kladez' narodnoy pamyati. Analiz legend v poiskakh istoka* [The treasury of the national memory. An analysis of the legends in the search for the source]. Cherkessk: Karachay-Cherkessia Republic Book Publ.
6. Urusbieva, F.A. (2003) *Metafizika koleasa. Voprosy tyurkskogo kul'turogeneza* [The metaphysics of the wheel. On the Turkic cultural genesis]. Sergiev Posad: Ves' Sergiev Posad.
7. Dzhurtubaev, M.U. (1997) *Dukhovnaya kul'tura karachaevo-balkarskogo naroda* [The spiritual culture of Karachai-Balkar people]. Nalchik: Karachay-Cherkessia State Pedagogical University.
8. Miziev, I.M. (1991) *Ocherki istorii i kul'tury Balkarii i Karachaya XIII–XVIII vv.* [Essays on the history and culture of Balkaria and Karachai in the 13th – 18th centuries]. Nalchik: Nart.
9. Bezertinov, R. (2004) *Tengrianstvo – religiya tyurkov i mongolov* [Tengrianism – the religion of the Turks and Mongols]. Kazan: Slovo.
10. Shenkao, M.A. (1997) *Narty, mif, epos, kul'tura* [Narts, myth, epic, and culture]. Moscow: [s.n.].

УДК 930:314
DOI 10.17223/19988613/44/20

О.Б. Дашинамжилов, В.В. Лыгденова

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1989–2010 гг.)

Статья опубликована при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-28-00045.

Рассмотрены изменения, происходившие в национальном составе населения Западной Сибири в 1989–2010 гг. Выявлены основные показатели динамики численности и удельного веса крупных народностей как в общем, так и в региональном разрезе. Исследованы причинно-следственные связи между важнейшими событиями в истории изучаемого экономического района, в частности, хозяйственными и политическими мероприятиями советских государственных органов и количественным составом отдельных этнических групп, а также особенности исторического генезиса последних. Изучено влияние демографических факторов на изменение национальной структуры населения Западной Сибири, в том числе миграции, естественного прироста, а также ассимиляции.

Ключевые слова: национальный состав; население; демография; Западная Сибирь; урбанизация.

Национальный состав является одним из важных демографических характеристик общества. Результаты его исследования применительно к разным территориям или регионам помогают осуществить более точный анализ численности, естественного и механического прироста населения, так как еще в советское время было установлено, что народы, находящиеся на разных этапах социально-экономического развития или демографического перехода, отличаются показателями рождаемости, смертности и миграционной мобильности. В отдельных случаях итоги изучения этнической структуры используются и для оценки внутривнутриполитической ситуации и перспектив развития административных образований, государств или межгосударственных объединений.

Постсоветской динамике российских этнодемографических процессов уделено определенное внимание. Отдельные аспекты национального состава населения в этот период рассматривались в ряде работ [1–4]. На востоке страны проблема трансформации этнической структуры (вплоть до 1989 г.) анализировалась в коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» (Новосибирск, 1997). По традиции, большое внимание национальному составу уделяли этнографы, однако в своих работах они ограничивались описанием отдельных или близких друг другу по языку и культуре групп этносов [5. С. 66–75; 6–8; 9. С. 8–27; 10; 11. С. 536–542].

Исследованию динамики национального состава восточных районов, в том числе и Западной Сибири, в постсоветский период почти не уделялось внимания. В этой связи мы попытаемся восполнить образовавшийся пробел. Основной акцент в статье сделан на исследовании демографических характеристик крупных в численном отношении национальностей. В работе не будут рассматриваться коренные народы Севера, изучение трансформации количественного состава которых в постсоветский период является темой отдельного исследования.

Источниковую базу работы составили как опубликованные, так и неопубликованные материалы Всесоюзной и Всероссийской переписей населения 1989 и 2010 гг., которые были извлечены из центральных и региональных архивохранилищ и библиотек. К большому сожалению, данные о числе рождений и смертей в постсоветский период по отдельным национальностям не были обнаружены нами ни в архивах, ни в открытых источниках. Количественные характеристики этнической составляющей миграций в региональных статистических бюллетенях также встречались довольно редко. Не удалось выявить и сведений о количестве рождений и смертей, распределенных по отдельным пятилетним возрастным когортам.

Такая информация применительно еще к советскому периоду по наиболее крупным национальностям нередко встречалась в региональных архивохранилищах, так как была обязательной для разработки государственными органами статистики. В этой связи осуществить подсчет суммарного коэффициента рождаемости или средней продолжительности жизни у отдельных народов на основе данных текущего учета и возрастного состава (по переписям населения) в рассматриваемый период не представляется возможным.

Именно поэтому практически единственными и потому особенно важными источниками о процессах воспроизводства являются данные об итоговой рождаемости женщин, ранжированные по пятилетним возрастным группам, извлеченные из 10-го тома опубликованных материалов Всероссийской переписи 2010 г. В этом томе представлена информация о среднем количестве рожденных детей каждой пятилетней когорты с 15 до 70 лет. Однако эти статистические сведения обладают двумя недостатками.

Во-первых, на одно репродуктивное поколение (15–49 лет) может приходиться сразу несколько важных исторических событий, и определить степень воздействия каждого из них на итоговое число рождений без специальных социологических замеров довольно за-

труднительно. В этом состоит отличие материалов итоговой рождаемости от суммарного коэффициента, который сразу рефлегирует все происходящие социально-экономические или политические перемены.

Во-вторых, 2010 г. является верхней границей (49 лет) репродуктивного поколения первой половины 1960-х гг. рождения. Для женщин, появившихся на свет во второй половине 1960-х гг., он еще не закончился (в 2010 г. им было 40–44 года), и формально делать выводы об их итоговой рождаемости следует позднее, уже в следующей переписи. Однако эти сведения вполне пригодны для осуществления *сравнительного* анализа рождаемости разных национальностей, что дает возможность с указанными оговорками использовать данные, опубликованные для 40–44 и 45–49-летних (1966–1970 и 1961–1965 гг. рождения) возрастных когорт.

Что касается смертности, то рассчитать среднюю продолжительность жизни не позволит источниковая база. Вместе с тем различия между этносами за послевоенный период, судя по всему, существенно нивелировались, хотя по-прежнему имели место [12. С. 134–135]. В этой связи анализ численности отдельных национальностей в рассматриваемый период будет нами производиться в основном исходя из статистических сведений о рождаемости, миграции и ассимиляционных процессах.

В демографическом развитии Западной Сибири, как восточных районов в целом, особую роль играла экономическая политика центральных государственных органов. Богатые природные и большие земельные ресурсы, малая плотность населения и сравнительно близкое географическое расположение к культурно-хозяйственному «ядру» страны (в сравнении с Восточной Сибирью и Дальним Востоком) создавали широкие возможности для хозяйственного освоения. Строительство Транссибирской магистрали, аграрное переселение, индустриализация, насильственные депортации, Великая Отечественная война и эвакуация предприятий из европейских районов страны обеспечили мощный приток мигрантов и рост численности местного населения. В послевоенный период вплоть до 1989 г. экономическое развитие Советского Союза протекало более последовательно, в течение нескольких десятилетий страна не знала крупных социальных катаклизмов и войн. В этой связи экстремальные факторы уже не оказывали влияния на динамику численности жителей Западной Сибири, а приток мигрантов обеспечили государственная политика в области заработной платы и масштабное освоение северных нефтегазовых районов. Под влиянием вышеназванных исторических событий также менялся и национальный состав населения.

Попытка социально-экономической и политической модернизации нашей страны в конце XX в. оказала огромное влияние на процессы народонаселения. Перестройка хозяйственного уклада во второй половине 1980-х гг. и рыночные преобразования 1990-х гг. привели к масштабным структурным изменениям во всех

сферах жизни общества, произошел распад Советского Союза на ряд независимых государств. В истории западносибирских регионов этот период также занимал важное место. В связи с тем что в освоении и заселении восточных территорий, особенно в советский период, определяющую роль играла политика центральных государственных органов, снижение инвестиционной активности и свертывание практически всех программ хозяйственного развития в 1990-е гг. сразу же сказались на функционировании многочисленных индустриальных центров, созданных за прошедшие годы. Из зауральских районов начался отток населения, как и по России в целом увеличилась смертность и снизилась рождаемость [13. С. 150–154].

В первом десятилетии XXI в. государственная политика в отношении зауральских районов стала приобретать иные черты. На центральном уровне вновь была признана необходимость продолжения курса, направленного на хозяйственное освоение востока России, однако его практическая реализация натолкнулась на дефицит человеческих, материальных и финансовых ресурсов. Собственная демографическая база восточных районов была ослаблена миграциями и отрицательным естественным приростом, размеры которого, например в Сибири, были отрицательными вплоть до 2008 г. [14. С. 76–77]. Для решения новых практических задач правительство было вынуждено привлечь негосударственные российские и зарубежные инвестиции, а также иностранную рабочую силу. Итак, рассмотрим, какие же изменения произошли в национальной структуре населения экономического района за годы системных преобразований.

В 1989–2010 гг. впервые за долгое время численность жителей восточных районов уменьшилась. Материалы Всероссийской переписи 2010 г. показали, что население Западной Сибири за 20 с лишним лет сократилось с 15 013,2 до 14 475,8 тыс. чел., или на 3,6%, что произошло впервые за долгое время, тогда как по России в целом население сократилось только на 2,8% [15. С. 28, 35; 16. С. 16, 18].

Количественное представительство **русских** в Западной Сибири снизилось на 4,5% (в России – на 7,4%). Удельный вес в населении сократился, но не намного – с 84,9 до 84,1%. Дело в том, что, во-первых, благодаря возрастной структуре, которая была моложе, чем в европейских регионах страны, снижение показателей естественного прироста оказалось меньшим [17. С. 40. С. 47; 18. С. 57, 64; 19. С. 61–68; 20. С. 61]. Во-вторых, удобное территориально-географическое положение на пересечении миграционных потоков, устремившихся в постсоветское время из восточных (Восточная Сибирь, Дальний Восток) и южных (Казахстан и Средняя Азия) регионов, помогло западносибирским районам компенсировать часть демографических потерь (перемещалось в основном русское и русскоговорящее население). По нашим подсчетам, приток населения в экономический район

за 1989–2010 гг. составил 270,9 тыс. чел., который, главным образом, пришелся на 1990-е гг. В-третьих, численность русских пополнилась за счет ассимиля-

ционных процессов, ускорившихся в 1990-е гг. у других народов, проживающих на территории Западной Сибири.

Таблица 1

Национальный состав населения Западной Сибири согласно Всесоюзной переписи 1989–2010 гг., тыс. чел.

Этнос	1989 г.	2010 г.
Русские	12749,1	12174,5
Украинцы	583,8	297,9
Белорусы	113,2	51,3
Татары	398,6	370,5
Чуваши	79,9	47,1
Мордва	42,3	18,2
Башкиры	52,1	52,9
Марийцы	16,1	14,9
Удмурты	17,1	9,9
Немцы	416,5	184,9
Поляки	12,5	7,6
Латыши	8,4	3,4
Литовцы	6,0	2,6
Эстонцы	9,8	4,7
Казахи	130,2	132,1
Алтайцы	67,1	72,3
Шорцы	13,2	11,1
Армяне	16,1	54,0
Азербайджанцы	35,8	71,3
Узбеки	15,2	41,4
Таджики	4,4	34,5
Киргизы	5,9	21,3
Народы Дагестана	14,1	46,2
Чеченцы	8,6	13,7
Евреи	23,3	7,5
Цыгане	10,8	12,6
Молдаване	27,0	21,4
Всего	15013,2	14475,8

* Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204. Л. 1–6; Д. 215. Л. 1–6; Д. 219. Л. 129–134; Д. 220. Л. 88–93; Д. 224. Л. 71–76; Д. 225. Л. 1–6; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : В 11 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 107, 108, 113, 114, 117–119, 124–130.

Поступательный рост количественного представительства **украинского** этноса, наблюдавшийся в 1959–1989 гг., прекратился в постсоветский период. За годы системных преобразований численность народа в России уменьшилась более чем наполовину (–55,8%), в Западной Сибири – на 49%. Распад Советского Союза, трансформация прежде межреспубликанских миграционных связей в международные сократили размеры притока украинцев из районов их преимущественного расселения. В последующие годы, несмотря на восстановление положительного баланса миграционного обмена между Россией и Украиной, из-за ассимиляционных процессов численность украинского народа продолжала снижаться.

Число украинцев, признавших в ходе переписи 2010 г. в качестве родного русский язык, значительно выросло. Даже в Тюменской области, где в 1989 г. проживало наибольшее число лиц, лишь недавно прибывших из Украины, доля украинцев с родным русским языком достигла 63,9% (1989 г. – только 35,5%), в

Кемеровской области – 81,9% (1989 г. – 60,1%), Новосибирской – 81,4% (66,7%), Омской – 89,7% (72,7%), Томской – 78,4% (57,3%), Алтайском крае – 89,6% (71,9%). За постсоветский период количественная концентрация этноса в Тюменской области еще более выросла. Если в 1989 г. здесь проживали 44,6% всех украинцев Западной Сибири, то в 2010 г. – уже более половины (52,8%). Высокое значение ассимиляции косвенно подтверждается итоговой рождаемостью, которая у украинцев была выше, чем у русских (табл. 2), что вместе с миграцией вообще должно было привести если не к росту представительства народа, то хотя бы к определенной его численной стабилизации.

Еще одним интересным подтверждением широкого распространения процессов замены этнической самоидентификации является количество смешанных брачных союзов. Выбор национальности детей от этих браков зависел от многих факторов, но прежде всего от численно и культурно доминирующего этноса [21. С. 5]. К большому сожалению, нам не удалось обнару-

жить таких данных за постсоветский период, однако уже статистические материалы конца 1970-х гг. показывают, что доля моноэтнических брачных союзов у украинцев Западной Сибири была довольно низкой. Так, например, в Кузбассе в 1979 г. из 845 браков, в который вступили украинцы-мужчины, только 71 (8,4%) являлся моноэтническим (с супругой – украинкой), у женщин – 9,9% (с супругом – украинцем). В других регионах было отмечено похожее положение: в Новосибирской области – 16,1 и 19%, в Томской – 6,7 и 10,4%, Тюменской – соответственно 15,6 и 23,4%. Следует предположить, что и в постсоветское время эта тенденция не только не ослабела, но даже усилилась.

Практически те же демографические процессы происходили у **белорусов**, количество которых уменьшилось в Российской Федерации на 56,8%, в Западной Сибири – на 54,7%. Сокращение белорусского населения меньше всего затронуло Тюменскую область (–39,5%), за счет чего ее удельный вес в общем численном представительстве народа возрос с 43,3 до 50%.

Численность **татар** за 20 с лишним лет в Западной Сибири снизилась на 7,1% (в России в целом – на 3,8%). Причем демографическая убыль была отмечена во всех административных образованиях рассматриваемого экономического района за исключением Тюменской области (+5,5%). В результате удельный вес татар, проживавших в этом регионе, повысился с 57% в 1989 г. до 64,8% в 2010 г. Уровень итоговой рождаемости у них был несколько выше, чем у украинцев (табл. 2). На основе произведенных расчетов по регионам Западной Сибири (без Алтайского края) она составила у 45–49-летних – 1 893, 40–44-летних – 1 778 детей на 1 000 женщин. Кроме этого, как показывают данные текущего учета, некоторое число татар прибыло в экономический район из ближнего зарубежья, прежде всего из Казахстана и Узбекистана.

Наиболее вероятным объяснением снижения численности татарского населения (не считая сокращения естественного прироста) является повышение интенсивности ассимиляционных процессов, которые прежде носили умеренный характер, о чем косвенно свидетельствуют данные переписей о родном языке. В постсоветский период, несмотря на возрождение национальной культуры, доля татар, признавших родным русский язык, в Западной Сибири увеличилась. Так, если в 1989 г. в Новосибирской области она составляла 30,9%, то в 2010 г. – 45,8%, в Омской – 18,9 и 33,9%, Томской – 31,3 и 46,8%. Даже в Тюменской области этот показатель вырос до 29,2% (с 17,8%). Наиболее высокий удельный вес татар, признавших русский язык в качестве родного, был отмечен в Кемеровской области (60,1%) [22. С. 131]. Скорее всего, увеличилось и число полиэтнических браков, доля которых и раньше была довольно велика.

Этнодемографическое развитие **мордвы** и **чувашей** в Западной Сибири стало иметь больше сходства с белорусами и украинцами. При сравнительно высокой итоговой рождаемости, превышающей таковую у рус-

ского населения, и небольшой внешней миграционной подпитке количественное представительство вышеназванных этносов в Западной Сибири сократилось на 56,9 и 41% соответственно, по России в целом – на 30,6 и 19%. Трансформация этнического самоопределения у них протекала интенсивнее, чем у татар. Например, в Кемеровской области русский язык в качестве родного признали 72,2% (1989 г. – 52,8%), а в Томской – 68,6% (50,8%) чувашей. К сожалению, мы не располагаем данными о языковых предпочтениях мордовского населения, но можно с высокой долей уверенности утверждать, что его ассимиляция шла даже более активно. Как и в случае с украинцами, белорусами и татарами, численная концентрация рассматриваемых народов в Тюменской области за 20 лет только увеличилась. И, если в 1989 г. в этом регионе проживали соответственно только 26,4% мордвы и 39,1% чувашей Западной Сибири, то в 2010 г. – уже 40,8 и 54,5%.

Что касается других этносов, преимущественно проживающих в Поволжье, позднее массово подключившихся к процессу хозяйственного освоения Западной Сибири – **башкир**, **удмуртов** и **марийцев**, то динамика их численности оказалась следующей. Процесс смены этнической идентичности активнее шел у удмуртов и марийцев, медленнее – у башкир. В частности, в Томской области русский язык родным признали 73,1% удмуртов, 66,8% марийцев и только 42,9% башкир, в Омской – 76,9; 66 и 51,1% соответственно. В Тюменской области доля марийцев, признавших родным русский язык, составила 43,7%, башкир – 30,6%.

В итоге численность западносибирских удмуртов за 1989–2010 гг. сократилась больше всего – на 42,2%, марийцев – на 7,8%, при этом башкир стало больше на 1,4%. Масштабы демографической убыли в целом по России оказались ниже, так как в регионах преимущественного расселения ассимиляционные процессы шли медленнее. Представительство этих народов в нефтегазовых районах и прежде было высоким, а за 20 лет увеличилось еще больше. Так, удельный вес башкир, живущих в Тюменской области, повысился с 78,7% в 1989 г. до 87,7% в 2010 г., удмуртов – с 41,4 до 51,6%, марийцев – с 55,9 до 74,2%.

Особенно высокими масштабами снижения численного состава отличались национальности, которые условно можно отнести к европейскому культурно-цивилизационному типу. Так, в Западной Сибири более чем наполовину снизилось количественное представительство **немцев** (–55,6%), **литовцев** (–57,3%), **латышей** (–59,2%), **эстонцев** (–52,4%), наименьшая убыль отмечена у **поляков** (–39,5%). Подобная динамика соответствовала демографическим тенденциям, сложившимся у этих народов по России в целом. Среди всех регионов Западной Сибири сведения о родном языке прибалтийских народов и поляков были обнаружены нами только в Томской области. Так, в 2010 г. русский в качестве родного здесь признали 80,1% латышей, 80,2% литовцев

и 93,7% поляков, и только среди эстонцев этот показатель был значительно меньшим – 57,8%. Источниковая база по немецкому населению в силу его многочисленности представлена намного лучше. В сред-

нем по Западной Сибири 88,0% немцев назвали русский родным языком. Таким образом, ассимиляционные процессы среди рассматриваемых народов шли довольно интенсивно.

Таблица 2

Итоговая рождаемость отдельных национальностей 1961–1965 гг. и 1966–1970 гг. рождения (количество детей на 1000 женщин)*

Возраст	Российская Федерация	Алтайский край	Республика Алтай	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь
Все население									
40–44	1637	1643	2172	1621	1586	1664	1643	1763	1670
45–49	1761	1826	2265	1768	1754	1854	1794	1882	1825
Русские									
40–44	1542	1623	1973	1606	1560	1614	1635	1684	1622
45–49	1675	1805	2084	1756	1735	1808	1786	1827	1787
Украинцы									
40–44	1664	1805	2044	1713	1700	1775	1724	1676	1708
45–49	1776	1991	1920	1793	1864	2011	1816	1764	1833
Татары									
40–44	1732	н.д.	1923	1589	1834	1834	1562	1803	–
45–49	1833	н.д.	1786	1746	1910	1933	1766	1919	–
Чуваши									
40–44	1839	н.д.	н.д.	1731	н.д.	1715	1919	1749	–
45–49	1969	н.д.	н.д.	2000	н.д.	1944	2101	1886	–
Казахи									
40–44	1945	1904	2555	н.д.	1910	1949	н.д.	1864	–
45–49	2084	1951	2562	н.д.	2054	2128	н.д.	1995	–
Немцы									
40–44	1942	2009	2353	1941	1924	2170	1702	1886	2005
45–49	2118	2237	2333	2040	2042	2307	2068	2021	2167

* Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : В 11 т. Т. 10. Рождаемость. Кн. 1. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 7, 137, 147, 155, 163, 165, 167, 169; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 т. Т. 10. Рождаемость. Кн. 2. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 877, 879, 883, 891, 1173, 1175, 1177, 1179, 1221, 1225, 1237, 1239, 1253, 1255, 1259, 1261, 1265, 1267, 1269, 1271, 1273.

Между тем определенное влияние на демографическую динамику оказывала и миграция. В 1990-е гг., в особенности в первой половине десятилетия после распада Советского Союза и смягчения миграционной политики, усилился отток населения за пределы Российской Федерации. Переселенческое движение, главным образом, охватило немцев, в значительно меньшей мере – этносы Прибалтики. У поляков и прибалтийских народов большая часть желающих покинуть территорию Западной Сибири, скорее всего, реализовала свое намерение еще в советский период, поэтому пространственные перемещения в снижении их численности играли наименьшую роль.

В демографическом развитии **алтайцев, казахов и шорцев** ведущую роль играл естественный прирост, снижение которого хотя и оказалось заметным, но не достигло такого уровня как, например, у славянских и приволжских народов, благодаря частичному сохранению традиционных воспроизводственных моделей поведения. Так, у казахов итоговая рождаемость, судя по данным отдельных регионов, была больше, чем у русских, украинцев или татар (табл. 2). У алтайцев, проживавших преимущественно в Республике Алтай, среднее число рожденных детей было еще выше: у 45–49 летних – 2 463, а у 40–44 летних – 2 361 ребенок на тысячу женщин этого возраста, у шорцев (Кемеровская область) – соответственно 1 998 и 2 018.

Процесс смены этнического самоопределения у казахов и алтайцев в силу многих причин шел медлен-

нее. В среднем по Западной Сибири (без Кемеровской области) в 2010 г. доля казахов, признавших родным русский язык, составила только 22,7%, у алтайцев (Республика Алтай) этот показатель был еще ниже – 12,3%. Анализ текущего учета за 1979 г. выявил высокую долю моноэтничных браков. Ассимиляционными процессами сильнее всего оказались затронуты шорцы, у которых русский язык стал родным для 64,3% (Кузбасс) населения. В итоге за 20 лет количество казахов и алтайцев увеличилось на 1,5 и 7,7%, а шорцев – снизилось на 16%. И это с учетом того, что в составе алтайцев в 2010 г., например, не были учтены кумандинцы и телеуты. Еще одной особенностью данных народов являлся невысокий уровень миграционной мобильности. За пределами традиционных мест проживания их численность повышалась медленно. Например, в Тюменской области, экономически наиболее привлекательном регионе Западной Сибири, в 2010 г. были учтены только 14,5% казахов экономического района, 91 алтаец (из 72,3 тыс. чел.) и 77 шорцев (из 11,1 тыс. чел.).

Распад Советского Союза, социально-экономические и политические преобразования значительно ускорили сокращение численности **евреев**. В 2010 г. на территории России было учтено только 156,8 тыс. представителей этого народа, по сравнению с 536,8 тыс. чел., отмеченных в последней советской переписи (–70,8%), а в Западной Сибири – всего 7,5 тыс. чел. (–67,8%). Таким образом, произошло бо-

более чем трехкратное сокращение их численности. Кроме ухудшения процессов воспроизводства, повсеместно охватившего все население Российской Федерации и ассимиляции, как и в случае с немецким этносом, определенную роль в депопуляции евреев сыграла и эмиграция за пределы постсоветского пространства. За 1989–2010 гг. среди других крупных национальностей Западной Сибири на 12,7% увеличилась численность **цыган**, а представительство **молдаван**, наоборот, снизилось на 20,7%.

Социально-экономические, политические и демографические последствия системных реформ оказались настолько сильными, что привели к возникновению новых явлений в национальном составе населения России и Западной Сибири в частности. При заметном снижении участия народов, прежде игравших весомую роль в хозяйственном освоении экономического района, в его демографическом развитии повысился вклад этносов Кавказа и Средней Азии. В 1990-е гг. под влиянием целого комплекса разнообразных причин произошел рост их миграционной мобильности.

Больше всего возросла численность народов, в титульных государствах которых сложилась неблагоприятная политическая обстановка или разразились военные конфликты. Так, количественное представительство **армян** в Западной Сибири возросло в 3,4 раза, **азербайджанцев** – в 2 раза, **таджиков** – в 7,8 раза. Рост интенсивности трудовых миграций из Средней Азии с конца 1990-х гг. прежде всего отразился на численности **киргизов** (рост в 3,6 раза) и **узбеков** (рост в 2,7 раза). Одновременно с этим повысилось представительство некоторых этносов, проживающих преимущественно в российских северокавказских республиках. Так, основных **дагестанских народов** (аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин) за 20 лет стало больше в 3,3 раза, **чеченцев** – на 60,2%.

Таким образом, экономическое освоение слабозаселенных в хозяйственном отношении регионов Западной Сибири требовало привлечения значительного количества демографических ресурсов, источниками которых на первых порах, как правило, являлись трудоизбыточные европейские районы страны. На первоначальных этапах в аграрной колонизации и индустриализации восточных районов, кроме русских, приняли активное участие народы, уже довольно давно интегрированные в жизнь российского общества, культурно и исторически близкие к доминирующему этносу, об-

ладающие высокой миграционной мобильностью (славянские, прибалтийские, поволжские и другие народы). В последующем, по мере реализации политики смещения производительных сил на восток в послевоенный период, состав участников хозяйственного освоения стал постепенно меняться. Наряду с прежними этносами в подъеме экономического потенциала Западной Сибири стали активнее принимать участие национальности, проживающие преимущественно в кавказских и центральноазиатских республиках. Одновременно с этим снизилась переселенческая активность прибалтийских и некоторых других народов, значительно ускорились ассимиляционные процессы, особенно среди национальностей, уже давно участвующих в освоении востока страны.

Распад Советского Союза на отдельные государства не мог не отразиться на национальном составе населения Западной Сибири. Возникшие пограничные барьеры затруднили перемещение населения, а следовательно, и миграцию народов бывших европейских союзных республик СССР в экономический район. Трансформация командно-административной системы и смена государственной хозяйственной парадигмы в пользу рыночных принципов, которые подразумевают самообеспечение регионов, снизили привлекательность восточных районов и стимулировали отток населения, а облегчение визового режима привело к эмиграции в дальнее зарубежье значительной части немцев и евреев. В первом десятилетии XXI в. вопрос хозяйственного подъема Сибири (в том числе и Западной) вновь становится актуальным. Однако демографический потенциал европейских территорий и других традиционных регионов-доноров за годы реформ оказался сильно ослабленным.

Кроме того, по уровню экономического развития они, если и уступали сибирским территориям, то незначительно. Одновременно с этим хозяйственное и внутривнутриполитическое положение на Кавказе и в Центральной Азии складывалось менее благоприятно, что способствовало, несмотря на возникновение границ, притоку трудовых ресурсов из них в восточные районы страны. Таким образом, в новых условиях формирование национального состава населения Западной Сибири, при сохранении ведущего положения русского народа, стало происходить под влиянием новых демографических трендов, а также ассимиляционных процессов, которые значительно ускорились после дезинтеграции Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 3, кн. 2. 1991–2000 гг. 399 с.
2. Население России 2003–2004. Одиннадцатый–двенадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М. : Наука, 2006. 356 с.
3. Население России 2010–2011. Восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М. : Изд-во ВШЭ, 2013. 530 с.
4. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М. : Academia, 2009. 432 с.
5. Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в XVI–XX вв. // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск : Изд-во ТГУ, 1995. Кн. 1. 186 с.
6. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 88 с.
7. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность : учеб. пособие. Омск : ОГУ, 2003. 164 с.

8. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М. : Наука, 2006. 658 с.
9. Октябрьская И.В., Соболева С.В., Антропов Е.В. Оценка рисков и перспектив развития человеческого потенциала г. Новосибирска в контексте современной миграционной ситуации в Сибирском Федеральном округе // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 8–27.
10. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2005. 311 с.
11. Фурсова Е.Ф. Белорусские переселенцы Приобья: проблемы культурной интерференции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. С. 536–542.
12. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. 1980–1990. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 3, кн. 2. 295 с.
13. Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Динамика изменения этнического состава населения Сибири в 1989–2010 гг. // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 150–154.
14. Демографический ежегодник России. 2009. Стат. сб. М. : Росстат, 2009. 557 с.
15. Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М. : РИИЦ, 1990. 378 с.
16. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Стат. сб. М. : ИИЦ «Статистика России», 2011. 87 с.
17. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М. : Госкомстат России, 1994. 419 с.
18. Демографический ежегодник России. Стат. сб. М. : Госкомстат России, 1997. 580 с.
19. Демографический ежегодник России. Стат. сб. М. : Госкомстат России, 2000. 405 с.
20. Демографический ежегодник России. 2002. Стат. сб. М. : Госкомстат России, 2002. 397 с.
21. Переведенцев В.И. О влиянии современных миграций на этнический состав населения Западной Сибири. М., 1964.
22. Национальный состав населения : стат. сб. Кемерово : Кемеровостат, 2013. Ч. 1. 203 с.

Dashinamzhilov Odon B. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: odon@bk.ru; *Lygdenova Victoria V.* Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

ETHNICAL DEMOGRAPHIC PROCESSES IN WESTERN SIBERIA IN POST-SOVIET PERIOD (1989–2010).

Keywords: national composition; population; demography; Western Siberia; urbanization.

National composition of the population of Western Siberia is considered in the article that is offered to the readers. The aim of the article is to research dynamics of ethnical structure of economic region in post-Soviet period. Demographic processes among the major nationalities in a number proportion are in the center of our attention. Indigenous peoples of the North will not be considered in the paper because transformation of their number in post-Soviet period is a topic of the separate work. The authors used published and non-published materials of the all-Union Census and all-Russian Census of the population in 1989-2010-s that were elicited from central and regional archives and libraries. Statistical index of number dynamics and unit weight of major peoples are revealed in the article as in general as in regional line. Cause-and-effect connections between important events in the history of researched economic region, particularly, economic and political actions of central state bodies and number composition of separate ethnical groups are researched. Impact of essentially demographic factors on the change of national structure of the population of Western Siberia, including migration, natural increase, and assimilation are researched. It is concluded that collapse of the Soviet Union entailed definite changes in national composition of Western Siberian population. The appeared border barriers made the population's movement difficult and, consequently, migration of the peoples of the former European Union republics of the USSR to economic region. Transformation of command-administrative system and change of state economic paradigm to the profit of market principles that mean the regions' self-sufficiency decreased attraction of Eastern regions and stimulated the population's flow-out, and easing of visa regime led to immigration of the major part of Germans and Jews to foreign countries. In the first decade of the XXI century the question of economic rise of Siberia (including the Western) becomes urgent again. However, demographic potential of European territories and other traditional – donor-regions turned to be extremely weak after reforms period. Besides, according to the level of economic development they did not yield to Siberian territories significantly. At the same time economic and internal political situation in Caucasus and Central Asia was less favorable, and it promoted to inflow of their labor resources to eastern parts of the country despite the borders building. In new conditions formation of national composition of the population of Western Siberia, where the leading position belongs to Russians, was formed under new demographic trends and also assimilative processes that significantly quickened after disintegration of the Soviet Union.

REFERENCES

1. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2012) *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki : v 3 t. 1991–2000* [The population of Russia in the 20th century. Historical Essays: In 3 vols. 1991–2000]. Vol. 3(2). Moscow: ROSSPEN.
2. Vishnevsky, A.G. (2006) *Naselenie Rossii 2003–2004. Odinnadtsaty–dvenadtsaty ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [The population of Russia in 2003–2004. The 11th-12th demographic report]. Moscow: Nauka.
3. Vishnevsky, A.G. (2013) *Naselenie Rossii 2010–2011. Vosemnadtsaty–devyatnadtsaty ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [The population of Russia in 2010–2011. The 18th-19th Annual Demographic Report]. Moscow: HSE.
4. Rybakovsky, L.L. (2009) *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetском prostranstve* [Transformation of migration processes in the former Soviet Union]. Moscow: Academia.
5. Tomilov, N.A. (1995) *Kazakhi Zapadnoy Sibiri v XVI–XX vv.* [Kazakhs of Western Siberia in the 16th – 20th centuries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Ot Urala do Eniseya (narody Zapadnoy i Sredney Sibiri)* [From the Urals to the Yenisey (the nations of Western and Central Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Smirnova, T.B. (2003) *Nemtsy Sibiri: etnicheskies protsessy i etnokul'turnoe vzaimodeystvie* [The Germans in Siberia: Ethnic processes and ethnic and cultural interaction]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Lotkin, I.V. (2003) *Pribaltiyskaya diaspora Sibiri: istoriya i sovremennost'* [The Baltic diaspora in Siberia: History and modernity]. Omsk: Omsk State University.
8. Kabuzan, V.M. (2006) *Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniya. 20-e gody XVIII veka – 1989 god: formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa* [The Ukrainians in the world: The population dynamics and settlement. The twentieth of the 18th century – 1989: The formation of ethnic and political boundaries of the Ukrainian ethnos]. Moscow: Nauka.
9. Oktyabrskaya, I.V., Soboлева, S.V. & Antropov, E.V. (2015) The evaluation of risks and prospects for development of human potential of the city of Novosibirsk in the context of contemporary migration in the Siberian Federal District. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 8-27. (In Russian).
10. Sherstova, L.I. (2005) *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: Ethno-political and ethno-cultural dynamics of the processes in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.

11. Fursova, E.F. (2000) Belorusskie pereselentsy Priob'ya: problemy kul'turnoy interferentsii [Belarusian immigrants in the Ob Area: Problems of cultural interference]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighbouring regions]. Vol. 6. pp. 536-542.
12. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2011) *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki : v 3 t. 1980–1990* [The population of Russia in the 20th century. Historical Essays: In 3 vols. 1980–1990]. Vol. 3(2). Moscow: ROSSPEN.
13. Dashinamzhilov, O.B. & Lygdenova, V.V. (2012) Dinamika izmeneniya etnicheskogo sostava naseleniya Sibiri v 1989–2010 gg. [Changes in the ethnic composition of Siberian population in 1989–2010]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 150-154.
14. Surinov, A.E. et al. (eds) (2009) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2009. Stat. sb.* [The Demographic Yearbook of Russia. Statistical Handbook]. Moscow: Rosstat.
15. State Statistics Committee of the USSR. (1989) *Chislennost' naseleniya RSFSR. Po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 goda* [The number of population of the RSFSR. According to the All-Union 1989 census]. Moscow: RIITs.
16. State Statistics Committee of the Russian Federation. (2011) *Predvaritel'nye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda* [Preliminary results of the 2010 National Population Census]. Moscow: Statistika Rossii.
17. State Statistics Committee of the Russian Federation. (1994) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossiyskoy Federatsii. 1993* [Demographic Yearbook of the Russian Federation. (1993)]. Moscow: Goskomstat Rossii.
18. State Statistics Committee of the Russian Federation. (1997) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii* [Demographic Yearbook of the Russian Federation. 1997]. Moscow: Goskomstat Rossii.
19. State Statistics Committee of the Russian Federation. (2000) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii* [Demographic Yearbook of the Russian Federation]. Moscow: Goskomstat Rossii.
20. State Statistics Committee of the Russian Federation. (2002) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2002* [Demographic Yearbook of the Russian Federation. 2002]. Moscow: Goskomstat Rossii.
21. Perevedentsev, V.I. (1964) *O vliyaniy sovremennykh migratsiy na etnicheskiy sostav naseleniya Zapadnoy Sibiri* [The influence of modern migration on the ethnic composition of the population of Western Siberia]. Moscow: [s.l.].
22. *Kemerovostat*. (2013) *Natsional'nyy sostav naseleniya* [National composition of the population]. Kemerovo: Kemerovostat.

УДК 17.018.22
DOI 10.17223/19988613/44/21

В.П. Кривоногов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КЕТОВ В НАЧАЛЕ XXI в. (ОПЫТ ИНТЕРВАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Представлены результаты трех этнографических исследований среди кетов, включающих массовый опрос со 100-процентным охватом, проведенных в 1991, 2001 и 2014 гг. Опрос позволил с высокой точностью в цифровом формате отразить основные моменты протекающих этнических процессов. Показаны изменения в численности, языковых процессах, национально-смешанной брачности, метисации. Кеты быстро превращаются в группу русскоязычных метисов, но с устойчивым этническим самосознанием.

Ключевые слова: кеты; этнические процессы; языковые процессы; национально-смешанные браки; метисация.

В последние десятилетия малочисленные народы, которые в недалеком прошлом жили относительно изолированно, вдали от промышленных центров, занимались охотой или оленеводством в удаленных районах, во многом изменили традиционный образ жизни. Многие из них перешли от кочевий и промыслов на удаленных небольших стоянках к жизни в довольно крупных поселках, нередко со смешанным национальным составом населения. Приобщение к современной жизни, повышение образовательного уровня, подключение к современным средствам коммуникаций поставили под вопрос само их существование в условиях тесного общения с несравненно более многочисленными этносами. В этих условиях нарастает угроза ассимиляционных процессов. Эта ситуация наблюдается во многих странах мира, в которых сохранились коренные малочисленные этносы, не исключение – ситуация в Сибири. В то же время мировая общественность, гуманитарные организации при ООН и ЮНЕСКО ставят задачу принятия государствами мер по сохранению малочисленных этносов, их языков и культур. Россия также присоединилась к этим обязательствам.

Однако одного желания государства мало, нередко ситуация у малочисленных народов достигла такого уровня ассимиляции, что государственные меры уже далеко не всегда могут остановить ассимиляционные процессы. В связи с этим актуальным является выяснение ситуации у каждого конкретного этноса, необходимо выяснить степень развития ассимиляционных процессов, выявить факторы, которые влияют на их ускорение или замедление. Исследования современных этнических процессов среди кетов проводились в 1991 и 2001 гг. Итогом стали статьи и две монографии [1–4].

В 2014 г. проблемой кетов заинтересовалась нефтедобывающая компания «Ванкорнефть» и вышла с предложением провести исследование еще раз. Оно было осуществлено в основном в 2014 г., частично – в первой половине 2015 г. Все три исследования проведены по единой программе, включающей массовый опрос всего кетского населения (со 100-процентным охватом), на основной этнической территории. В

опросных листах содержится несколько десятков вопросов, позволяющих раскрыть основной характер современных этнических процессов. Кроме взрослых, опросные листы в сокращенном варианте заполнялись со слов родителей и на детей. Кроме этого массового опроса, мы использовали также метод бесед с информаторами и экспертами, метод наблюдения, изучались разного рода статистические материалы, в частности данные похозяйственных книг и другие документы различных учреждений. Использование одновременно нескольких методов позволило более объективно делать выводы.

К основной этнической территории (ОЭТ) мы относим почти весь Туруханский район за исключением г. Игарка и двух поселков: Фарково (где живут в основном селькупы) и Советская Речка (эвенки). В то же время за пределами района добавлены поселки Суломой Байкитского района и Сым Енисейского района. Всего на этой территории кеты живут в 21 поселке. Эта территория составляет основной ареал расселения кетов, хотя они здесь не составляют большинства – гораздо больше русских, особенно в таких поселках, как Туруханск, Бор, Светлогорск.

Таким образом, исследование проведено трижды, правда, с неравными интервалами, через 10 лет, а затем через 13. По отдельным показателям мы будем приводить динамику основных этнических характеристик на все три даты, по другим – за две, т.е. за 1991 и 2014 гг. (интервал 23 года).

С учетом объема статьи основное внимание будет уделено демографии, языковым процессам, а также динамике национально-смешанной брачности и процессу метисации.

Всего с 1991 г. к настоящему времени на этнической территории кетов из 867 кетов остались 418 человек. Умерли за этот период 291 человек, уехали за пределы ОЭТ 154, четверо метисов сменили этническое самоопределение с кетского на русское. За этот же период родились 411 кетов, приехали из-за пределов ОЭТ 47 человек, изменили этническое самоопределение с русского на кетское 82 человека, итого прирост соста-

вил 540. Общая численность – 958 человек. Естественный прирост дал прибавку численности в 120 человек, смена этнического определения – 78, а отрицательное сальдо внешних миграций составило 107 человек. Так что за 23 года общая численность кетов на основной этнической территории увеличилась на 91 человек.

Соотношение мужчин и женщин было и остается примерно равным, в настоящее время мужчины со-

ставляют в составе этноса 50,7%, женщины – 49,3%. Этим кеты отличаются от общего населения России, в котором женщины преобладают. Эта разница обусловлена более активным выездом женщин за пределы ОЭТ, т.е. миграциями [2. С. 26].

Половозрастная структура кетов и ее изменение за четверть века указывают на завершение переходного периода от высокой к низкой рождаемости (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Половозрастная структура кетов в 1991, 2001, 2014 гг. (по данным опросов), чел.

Возраст	1991 г.		2001 г.		2014 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
70 и старше	0	14	4	13	2	10
60–69	20	22	13	18	11	23
50–59	23	32	22	17	44	66
40–49	24	23	56	70	62	49
30–39	64	68	78	84	66	63
20–29	94	85	70	64	106	83
10–19	74	76	132	103	92	77
До 10	124	106	66	75	103	101
Итого	423	426	441	444	486	472

Доля детей до 10 лет в составе народа к началу XXI в. уменьшилась с 27,1 до 15,9%, однако к настоящему времени ситуация немного улучшилась (21,1%), скорее всего в результате кетской ориентации в национально-смешанных семьях (об этом речь пойдет ниже).

А вот продолжительность жизни кетов явно не растет, доля стариков 60 лет и старше невелика и еще больше сокращается (6,6% – 5,4% – 4,8%).

Завершился переход кетов к малодетной простой семье, и за исследованные четверть века средний размер уменьшился еще больше (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Размер кетских семей (по данным опросов), %

Кол-во человек в семье	1991 г.	2001 г.	2014 г.
1	13,3	20,2	24,6
2	18,1	16,1	25,6
3	17,1	22,4	19,9
4	18,7	17,2	16
5	18,4	12	8,4
6	8,3	6,3	1,9
7	3,2	3	1,4
8	1,3	1,6	0,2
9	1,3	0,8	1,2
10	–	–	0,2
11	–	0,3	0,2
12	–	–	–
13	0,3	–	0,2

По этим данным видно, что средний размер семьи у кетов постепенно уменьшается, приближаясь по этому показателю к русским. Отход от традиционных занятий в глубине тайги, проживание среди русского большинства, освоение нетрадиционных занятий, изменение всего образа жизни и приближение его к образу жизни пришлого населения привели к тому, что и в вопросе планирования семьи кеты восприняли демографический пример окружающего, в основном русского, населения. Число одиночек среди кетов растет и уже перевалило за сотню – 103. Больших семей все меньше, свыше 5 человек в 1991 г. было 14,4%, а сейчас только 5,3%.

Как уже говорилось, кеты не составляют большинства на своей этнической территории. Из 21 населенного пункта (НП), в которых они прожива-

ют, лишь в 3 их доля превышает половину населения, в остальных поселках их доля невелика или мизерна. В 9 из 21 поселков кетов вообще менее 10% (табл. 3–4).

В 13 поселках доля кетов несколько возросла, в 8 уменьшилась, но главное различие за 23 года – в крупных, русских по составу поселках кетов стало намного больше, хотя они по-прежнему составляют в них небольшой процент.

Самые крупные поселки в регионе, преимущественно с пришлым населением, – Туруханск, Бор и Светлогорск. В них в 1991 г. проживали 54 кета (6,4% от общего числа народа), в 2001 г. – уже 211 (23,8%), в 2014 г. – 316 (33%).

Главное отличие в характере расселения кетов за 23 года – концентрация в районном центре и уменьшение их в кетских по составу поселках. Следовательно,

взаимодействие с окружающим населением объективно должно активизироваться.

Как это сказалось на развитии этноязыковых процессов? Обратимся к показателям по родному языку (табл. 5).

Быстрое и постоянное падение языкового показателя указывает на то, что этот процесс носит необратимый характер. Но даже те, кто еще помнит кетский язык, используют его редко или не используют его вообще. Показатели по основному языку общения явно ниже, чем по родному (табл. 6).

Всего 4,3% еще используют кетский язык в общении, да и то в основном наряду с русским (3,8%). Остальные 95,7% используют в общении только русский язык. 23 года назад использующих кетский язык было больше – 13,8%, хотя это очень низкий показатель.

Степень владения кетским и русским показана в табл. 7–8.

О динамике этого показателя можно судить не только сравнивая разные исследования, но и ситуацию в разных возрастных группах (табл. 9).

Падение показателя до нуля в самой младшей возрастной группе явно указывает на ближайшую перспективу.

Насколько активно используются основные языки региона в разных ситуациях? Об этом говорит табл. 10.

Во всех сферах общения использование кетского языка стремительно падает, использует его незначительное меньшинство.

Разница в степени владения кетским языком в разных поселках еще ощущается, лучше им владеют в центре этнической территории кетов, слабее – на окраинах (табл. 11).

Как и раньше [1. С. 42], наихудшие показатели по кетскому языку на окраинах этнической территории – к северу от Туруханска и на юге (южнее Бахты). Рекордсмены в степени владения кетским языком были поселки Келлог, Сургутиха, Верхне-Имбатск, Бакланиха, Верещагино. Но падение этого показателя проявилось во всех поселках, и хотя Келлог сохранил первенство, там доля свободно владеющих им упала до 15,8%.

В 12 поселках из 21 не осталось ни одного человека, свободно владеющего кетским языком (13 лет назад таких поселков было 9).

Если в языковых процессах изменения радикальные, то количество национально-смешанных браков стабилизировалось (табл. 12). И это несмотря на то, что в связи с переездом значительной части кетов из маленьких поселков в районный центр теоретическая вероятность таких браков возросла.

В 1991 г. доля смешанных семей была 58,8%, через десять лет увеличилась до 63,9%, затем несколько снизилась до 59,9%. То есть ситуация стабилизировалась, но на весьма высоком уровне, позволяющем говорить о прорыве эндогамии.

Национальный состав супружеских пар кетов и его динамика показаны в табл. 13–15.

У мужчин-кетов доля состоящих в смешанных браках растет, у женщин стабилизировалась, хотя осталась существенно выше, чем у мужчин (табл. 16).

Браки заключаются как с пришлым населением, так и с сибирскими народами, чаще всего с непосредственными соседями – эвенками и селькупками. Особенно влияют на этнический и антропологический облик кетов браки с русскими и другими европейскими народами [1. С. 60, 68–69], в такие браки мужчины стали вступать все чаще, у женщин показатель намного выше – но не растет, ситуация стабилизировалась.

Доля национально-смешанных семей по разным поселкам кетов существенно различается. Наименьший показатель, разумеется, наблюдается в поселках с высокой абсолютной и относительной численностью кетов (табл. 17). Меньше всего доля смешанных семей была в прошлом в Сургутихе, Канготово, Келлоге. В настоящее время самые низкие показатели в Бахте, Суломае и в том же Келлоге.

Примерно в половине поселков доля национально-смешанных семей увеличилась, в другой половине – уменьшилась.

Разумеется, чем ниже доля кетов в поселке, тем выше теоретическая вероятность смешанных браков. Это подтверждается и нашими данными (табл. 18).

Если ситуация со смешанными браками стабилизировалась, то изменения в расовом облике продолжались, доля метисов среди кетов растет все быстрее, их уже значительно больше, чем чистокровных. Этот процесс еще больше ускорился в связи с тем, что доля метисов, выбирающих кетскую национальность, возрастает. В полных национально-смешанных семьях, имеющих детей, относили детей к кетам в 1991 г. 71% опрошенных, в 2001 г. – 61,4%, сейчас показатель значительно вырос – 91,5%.

Повлияло на этот показатель укрепление этнического самосознания кетов, наблюдаемое у многих малочисленных народов России в конце XX в. В этот период повысилось внимание к национальному вопросу в постсоветском пространстве. Кроме того, усилились надежды малочисленных народов на увеличение поддержки их со стороны государства, оказание им помощи, прежде всего материальной. Это было особенно важно для них в условиях усиления негативных тенденций в их жизни в сложный период резкого изменения общественных отношений, сопровождающийся массовой безработицей и падением уровня жизни.

Действительно, на территории расселения кетов были приняты и осуществлены программы материальной поддержки, производилась выплата денежных пособий, поставка лодочных моторов для промысловиков, предприняты некоторые шаги в решении жилищной проблемы и т.д. Это стимулировало укрепление этнического самосознания смешанного, метисированного населения, а родители в смешанных семьях все чаще предпочитают считать и записывать детей кетами в надежде на получение ими в будущем государственной поддержки.

Разделим смешанное население на основные типы в зависимости от сочетания национальностей в родословной. Это метисы, среди предков которых есть представители соседних сибирских народов, в антропологическом смысле они мало отличаются от чистокровных кетов. Далее идут метисы, в родословной которых, кроме кетов, есть представители как сибирских, так и европейских народов, и, наконец, метисы, среди ближайших предков которых есть русские и представители других европейских народов. Как распределяются кеты между этими основными типами? (табл. 19).

Чистокровных кетов осталось только 166 человек! Их число непрерывно сокращается, так как в основном это пожилые люди (табл. 20). Среди детей почти все – этнически смешанного происхождения.

В прошлом основными брачными партнерами из числа сибирских народов были восточные соседи –

эвенки, и западные – селькупы [5. С. 77]. Но сейчас смешение с пришлым населением стало намного интенсивнее. Число кетов с высокой долей компонентов европейских народов возрастает, причем весьма быстро (табл. 21, 22).

Из всех 113 детей кетов до пяти лет 108 имеют ту или иную долю европеоидного компонента, еще 4 – смешанные с другими сибирскими народами, и лишь 1 ребенок оказался чистокровным. Это младшая дочь в многодетной семье Сергея и Виктории Тыгановых из поселка Суломой. В 1991 г. таких детей было 15, в 2001 г. – 2.

Метисы имеют несколько иные этнические характеристики, чем чистокровные кеты, их национальные особенности ослаблены. В частности, они заметно хуже владеют кетским языком. Это было выявлено и в прошлых исследованиях [1. С. 68], новые данные в 2014 г. это подтвердили (табл. 23).

Т а б л и ц а 3

Расселение кетов по НП

НП	1991 г.			2014 г.		
	Общая численность	Кол-во кетов	Процент кетов в НП	Общая численность	Кол-во кетов	Процент кетов в НП
Светлогорск	2 тыс.	16	0,8	1157	40	3,5
Мадуйка	86	53	61,6	34	30	88,2
Горошиха	212	58	27,4	112	49	43,8
Курейка	600	8	1,3	73	4	5,5
Селиваниха	230	4	1,7	–	–	–
Ст. Туруханск	330	3	0,9	96	13	13,5
Туруханск	8,4 тыс.	23	0,3	5650	222	3,9
Костино	85	10	11,8	–	–	–
Бакланиха	84	23	27,4	42	18	41,9
Верещагино	216	25	11,6	165	17	10,3
Сургутиха	299	91	30,4	151	42	27,8
Канготово	58	21	36,2	27	3	11,1
Верхнеимбатск	820	25	3	615	27	4,4
Келлог	408	250	61,3	303	196	64,7
Бахта	283	44	15,5	232	43	18,5
Сумароково	93	16	17,2	60	10	14,6
Бор	4,5 тыс.	15	0,3	2540	54	2,1
Суломой	243	154	63,4	210	154	73,3
Ворогово	1,3 тыс.	17	1,3	1 тыс.	3	0,3
Индыгино	209	1	0,5	200	1	0,5
Сандакчес	202	1	0,5	200	17	8,5
Зотино	0,8 тыс.	5	0,6	700	5	0,7
Сым	135	10	7,4	90	10	11,1

Т а б л и ц а 4

Расселение кетов по селам разного национального состава, %

% кетов в НП	1991 г.	2001 г.	2014 г.
50 и выше	52,2	43,7	39,7
От 25 до 50	22,2	8,4	11,4
От 10 до 25	10,9	15,2	10
Менее 10	14,7	32,7	38,9
Итого	100	100	100

Т а б л и ц а 5

Родной язык в разных возрастных группах кетов (по данным опроса), %

Возраст	1991 г.			2001 г.			2014 г.		
	Язык								
	Кетский	Кетский и русский	Русский	Кетский	Кетский и русский	Русский	Кетский	Кетский и русский	Русский
70 лет и старше	100	–	–	94,1	–	5,9	50	16,7	33,3
60–69	100	–	–	71	3,2	25,8	58,8	5,9	35,3
50–59	74,6	1,8	23,6	56,4	2,6	41	41,8	2,7	55,5
40–49	68,1	4,2	27,7	49,2	4	46,8	24,3	7,2	68,5
30–39	50,8	3	46,2	23,5	10,5	66	5,4	2,3	92,3
20–29	31,8	6,7	61,6	5,2	3	91,8	0,5	3,2	96,3
10–19	8	1,3	90,7	0,9	0,8	98,3	–	1,2	98,8
До 10	2,6	2,2	95,2	–	–	100	–	–	100
Итого	32	3	65	19,1	3,4	77,5	11,2	2,7	86,1

Т а б л и ц а 6

Основной разговорный язык кетов (по данным опроса), %

Возраст	1991 г.			2001 г.			2014 г.		
	Язык								
	Кетский	Кетский и русский	Русский	Кетский	Кетский и русский	Русский	Кетский	Кетский и русский	Русский
70 лет и старше	50	21,4	28,6	31,5	24,3	44,2	–	16,7	83,3
60–69	45,2	16,7	38,1	–	25,8	74,2	–	20,6	79,4
50–59	5,5	23,6	70,9	5,1	15,4	79,5	3,6	10	86,4
40–49	6,4	14,9	78,7	4	9,5	86,5	0,9	9,9	89,2
30–39	2,3	14,4	83,3	0,6	10,5	88,9	–	3,1	96,9
20–29	1,1	12,3	86,6	–	0,7	99,3	–	0,5	99,5
10–19	–	2,7	97,3	–	0,4	99,6	–	–	100
До 10	–	2,2	97,8	–	–	100	–	–	100
Итого	4.4	9.4	86.2	1.5	5.5	93.9	0.5	3.8	95.7

Т а б л и ц а 7

Степень владения кетами кетским языком (по данным опроса), %

Год	Владеют свободно	С некоторым затруднением	Со значительным затруднением	Понимают, но не говорят	Не владеют
1991 г.	21,9	7,6	12,5	23,1	34,9
2001 г.	12,8	4,2	11,7	20,6	50,7
2014 г.	5,5	3,9	6,5	13,1	71

Т а б л и ц а 8

Степень владения кетами русским языком (по данным опроса), %

Год	Степень владения русским языком				
	Владеют свободно	С некоторым затруднением	Со значительным затруднением	Понимают, но не говорят	Не владеют
1991	95,8	2,8	1,2	0,1	0,1
2001	98,3	1,5	0,2	–	–
2014	99,8	0,2	–	–	–

Т а б л и ц а 9

Степень владения кетским языком в разных возрастных группах (по данным опроса 2014 г.), %

Возраст	Степень владения кетским языком				
	Владеют свободно	С некоторым затруднением	Со значительным затруднением	Понимают, но не говорят	Не владеют
70 и ст	50	–	16,7	8,3	25
60–69	38,2	3	14,7	23,5	20,6
50–59	20	18,2	14,5	25,5	21,8
40–49	9,9	9	12,7	31,5	36,9
30–39	0,8	4,6	14	21,7	58,9
20–29	–	–	3,7	12,2	84,1
10–19	–	–	–	1,8	98,2
До 10	–	–	–	–	100
Итого	5,5	3,9	6,5	13,1	71

Т а б л и ц а 10

Использование кетами основных языков региона (по данным опроса), %

Основной язык в общении	1991 г.			2001 г.			2014 г.		
	Язык								
	Кетский	Кетский и русский	Русский	Кетский	Кетский и русский	Русский	Кетский	Кетский и русский	Русский
С родителями	20,3	23,1	56,6	12,7	20,2	67	5,9	11,5	82,6
С супругами	14,8	14,5	70,7	5,6	12	82,4	1,9	5,9	92,2
С братьями и сестрами	10,4	12,5	77,1	5,7	9,9	84,4	1,7	5	93,3
С детьми	9	16,5	74,5	1,2	11	87,8	—	7,2	92,8
На работе	3,2	19,9	76,9	1,2	14	84,8	—	7,7	92,3

Т а б л и ц а 11

Степень владения кетами кетским языком в разных НП (по данным опроса 2014 г.), %

НП	Свободно	Частично	Не владеют
Светлогорск	–	7,5	92,5
Мадуйка	6,7	20	73,3
Горошиха	–	8,2	91,8
Курейка	–	–	100
Ст. Туруханск	–	7,1	92,9
Туруханск	2,7	14,9	82,4
Бакланиха	–	44,4	55,6
Верещагино	5,9	35,3	58,8
Сургутиха	7,2	33,3	59,5
Канготово	–	66,7	33,3
Верхнеимбатск	11,1	18,5	70,4
Келлог	15,8	35,7	48,5
Бахта	–	16,3	83,7
Сумароково	10	–	90
Бор	1,9	25,9	72,2
Суломай	3,3	31,8	64,9
Ворогово	–	–	100
Индыгино	–	–	100
Сандакчес	–	17,6	82,4
Зотино	–	–	100
Сым	–	–	100

Т а б л и ц а 12

Национальный состав кетских семей

Семьи	Количество семей		
	1991 г.	2001 г.	2014 г.
Кетские однопациональные	114	105	126
Национально-смешанные	163	186	188
В том числе			
Кетско-селькупские	9	9	8
Кетско-эвенкийские	9	11	12
Кетско-долганские	1	4	3
Кетско-якутские	3	2	3
Кетско-хакасские	1	1	1
Кетско-ненецкие	–	–	1
Кетско-сибирскотатарские	1	–	–
Кетско-башкирские	–	–	2
Кетско-русские	116	140	140
Кетско-украинские	12	8	8
Кетско-белорусские	1	2	1
Кетско-немецкие	4	4	5
Кетско-молдавские	–	1	–
Кетско-французские	–	1	–
Кетско-мордовские	1	1	1
Кетско-марийские	–	–	1
Кетско-татарские	3	1	1
Кетско-чувашские	1	1	–
Кетско-финские	1	–	–
Кетско-чешские	–	–	1

Т а б л и ц а 13

Национальный состав супружеских пар кетов (1991 г.)

Национальность	Мужчины	Женщины
Кеты	52	52
Селькупы	3	1
Эвенки	7	1
Якуты	2	–
Долганы	–	1
Сибирские татары	1	–
Хакасы	1	–
Русские	19	91
Украинцы	2	8
Белорусы	–	1
Мордва	–	1
Немцы	1	2
Чуваши	–	1
Татары	–	3
Финны	1	–

Т а б л и ц а 14

Национальный состав супружеских пар кетов (2001 г.)

Национальность	Мужчины	Женщины
Кеты	44	44
Селькупы	2	–
Эвенки	8	2
Якуты	2	–
Долганы	2	2
Хакасы	1	–
Русские	20	107
Украинцы	2	5
Белорусы	–	1
Мордва	–	1
Молдаване	–	1
Немцы	–	3
Чуваши	–	1
Французы	–	1

Т а б л и ц а 15

Национальный состав супружеских пар кетов (2014 г.)

	Мужчины	Женщины
Кеты	53	53
Селькупы	3	3
Эвенки	6	5
Якуты	3	–
Долганы	2	1
Хакасы	1	–
Ненцы	1	–
Русские	35	89
Украинцы	2	6
Белорусы	–	1
Мордва	–	1
Немцы	–	5
Мари	1	–
Татары	–	1
Чехи	–	1
Башкиры	–	2

Т а б л и ц а 16

Доля кетов, мужчин и женщин, состоящих в смешанных браках, %

Пол	1991 г.	2001 г.	2014 г.
Мужчины	41,6	45,6	50,5
Женщины	67,9	73,8	68,5

Т а б л и ц а 17

Количество национально-смешанных семей кетов в разных НП

НП	1991 г.			2014 г.		
	Однонац. семьи	Смешанные семьи	Процент смешанных семей	Однонац. семьи	Смешанные семьи	Процент смешанных семей
Светлогорск	–	9	100	3	15	83,3
Мадуйка	6	9	60	3	5	62,5
Горошиха	2	11	84,6	3	8	72,7
Курейка	1	4	80	1	–	0
Селиваниха	–	3	100	–	–	–
Ст. Туруханск	–	3	100	–	6	100
Туруханск	1	12	92,3	25	61	70,9
Костино	1	2	66,7	–	–	–
Бакланиха	4	6	60	–	5	100
Верещагино	4	6	60	1	4	80
Сургутиха	16	7	30,4	5	8	61,5
Канготово	4	2	33,3	–	–	–
Верхнембатск	3	7	70	1	9	90
Келлог	37	34	47,9	36	25	41
Бахта	8	5	38,3	8	4	33,3
Сумароково	3	5	62,5	–	2	100
Бор	1	5	83,3	9	10	52,6
Суломой	21	24	53,3	30	16	34,8
Ворогово	2	2	50	–	1	100
Индыгино	–	–	–	–	1	100
Сандакчес	–	1	100	–	4	100
Зотино	–	1	100	–	2	100
Сым	–	5	100	1	2	66,7

Т а б л и ц а 18

Доля национально-смешанных семей кетов в НП разного национального состава, %

Доля кетов в НП, %	1991 г.	2014 г.
Более 50	47,3	40
10–50	57,8	68,4
Менее 10	84,7	72,5

Т а б л и ц а 19

Этнический состав кетов по данным генеалогий, %

Год	Национальность предков			
	Кеты	Кеты и монголоидные народы	Кеты, европеоидные и монголоидные народы	Кеты и европеоидные народы
1991	38,8	20,7	13,1	27,4
2001	25,8	18,5	19,8	33,9
2014	17,3	13,1	24,6	45

Т а б л и ц а 20

Доля метисов в разных возрастных группах кетов в 2014 г., %

Возраст	Национальность предков			
	Кеты	Кеты и монголоидные народы	Кеты, европеоидные и монголоидные народы	Кеты и европеоидные народы
70 лет и старше	63,6	–	9,1	27,3
60–69	50	17,7	2,9	29,4
50–59	40	24,5	8,2	27,3
40–49	48,6	14,4	7,3	29,7
30–39	11,6	14,7	21,8	51,9
20–29	9,5	14,3	24,4	51,8
10–19	4,1	8,9	33,7	53,3
До 10	2	7,3	42,2	48,5
Итого	17,3	13,1	24,6	45

Т а б л и ц а 21

Европеоидный компонент в составе кетов, %

Доля европеоидного компонента в генеалогии	1991 г.	2001 г.	2014 г.
Нет	58,6	44,3	30,8
Менее ½	8,4	15,9	12,4
½	23,5	25,8	30,3
Более ½	9,5	14	26,5

Т а б л и ц а 22

Распределение европеоидных метисов по возрастным группам (2014 г.), %

Возраст	Доля европеоидного компонента			
	Нет	До ½	1/2	Св ½
70 и старше	58,3	33,3	9,4	–
60–69	67,7	5,9	23,5	2,9
50–59	64,5	6,4	22,7	6,4
40–49	64	3,6	24,3	8,1
30–39	27,1	5,4	48,1	19,4
20–29	24,4	13,9	39,1	22,8
10–19	13	16	29,6	41,4
До 10	9,8	20,6	21,1	48,5
Итого	30,8	12,4	30,3	26,5

Т а б л и ц а 23

Степень владения кетским языком в разных группах кетов (2014 г.), %

Группа	Владеют свободно	С некоторым затруднением	Со значительным затруднением	Только понимают	Не владеют
Чистокровные кеты	15,7	11,4	13,3	27,7	31,9
Метисы	3,4	2,3	5	10,1	79,2

Более активно метисы контактируют и с инонациональным населением в сфере брака, в частности метисы чаще вступают в национально-смешанные браки. Среди «чистокровных» кетов-мужчин имеют жен иной национальности 16%, среди метисов – 61%, среди женщин – 44,4 и 74% соответственно.

Подводя итоги интервальных исследований, можно сделать определенные выводы. Усиливается концентрация кетов в крупных поселках с пришлым населением, в то время как их число и доля в национальных поселках уменьшаются. Быстрыми темпами идет языковая ассимиляция, число владеющих и использующих кетский язык стремительно приближается к нулю. Попытки сохранения языка путем преподавания его в начальных школах в ряде поселков не привели к заметным успехам. Еще четверть века назад произошел прорыв эндогамии, число смешанных браков превысило число однонациональных, что привело к значительно-

му изменению генофонда народа. И хотя дальнейшего роста доли этих семей не наблюдается, ситуация стабилизировалась, это не остановило дальнейшую метисацию, так как в однонациональные браки вступают в основном метисы.

Между тем, благодаря государственной национальной политике поддержки малочисленных народов, национальное самосознание кетов укрепилось, почти все дети в смешанных семьях относятся родителями к кетской национальности. Это способствовало росту численности кетов и улучшению демографических показателей, что оставляет надежду на дальнейшее сохранение этой численности. Кеты быстро превращаются в группу русскоязычных метисов, но с сохранением прежнего этнического самосознания. Этот прогноз был сделан нами еще четверть века назад [1. С. 84], и новые интервальные исследования подтвердили правильность нашего вывода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривоногов В.П. Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск, 1998.
2. Кривоногов В.П. Кеты: Десять лет спустя (1991–2001). Красноярск, 2003.
3. Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у сургутинских и пакулихинских кетов // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995.
4. Кривоногов В.П. Этнические процессы у кетов // Россия: Исследования по социально-политической истории, историографии и демографии. Красноярск, 1999.
5. Алексеев Е.А. Этнические процессы на Туруханском Севере // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970.

Krivosnogov Viktor P. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: victor950@yandex.ru

ETHNIC PROCESSES AMONG OF KETY AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY (INTERVAL RESEARCH EXPERIENCE).

Keywords: Kety; ethnic processes; linguistic processes; national-mixed marriages; cross-breeding.

The article presents the results of three ethnographic studies among the Kets including a massive survey with 100% coverage, carried out in 1991, 2001 and 2014. Variety of statistical information used as well as the methods of observation, interviews with informants and experts. The survey enabled with a high accuracy in a digital format to reflect the highlights of ethnic processes taking place. In addition to adults, the questionnaires prepared also for all children based on parents' answers. The changes in population, in language processes in national mixed marriage, in cross-breeding were shown. Population is increasing slowly aided by the fact that the majority of children of mixed families refer to the parents with Ket nationality. On the main ethnic territory Ket population approaching to 1000 of people. Contribution of assimilation processes is a mixed settlement of Kets, the vast majority is living in mixed settlements. Only in 3 of 21 villages share of Kets is more than half of the population. Migration leads to the Ket concentration in large Russian by nationality settlements, especially in the regional center – Turukhansk, Svetlogorsk and the village Bor. The number of Russians in this region is several times higher than the number of Kets. Linguistic assimilation is rapid, and is happening as long as the generations are changing. Ket language is quickly becoming out of use, only the elderly still in some way know it. Among children, no one uses the Ket language, despite the fact that in some primary schools it is still taught. Even among the elderly only half knows this language. Most of those who still remember language almost do not use it in communication. The number of ethnically mixed families reached 59.9%. Half of married men and more than two-thirds of married women have a spouse of other nationality. Most couples of mixed marriages are Russian but there are representatives of more than 10 nationalities (Ukrainians, Germans, Belarussians, Tartars and others.). Among Siberian ethnic groups Kets are often in contact with neighboring Evenksi and Selkups. Number of mestizos as a part of Kets has exceeded 80% and among children – nearly 100%. For many Kets, especially for children, Caucasoid features predominate; they have Kets grandmother, grandfather or more distant ancestors. However, mestizos prefer to refer themselves to Ket nationality, in what appears the effect of State aid for the numerically small indigenous peoples. As a result of ongoing transformation processes, Kets quickly turn into a group of Russian-speaking mestizos, but with a stable ethnic self-consciousness and preservation of population.

REFERENCES

1. Krivosnogov, V.P. (1998) *Kety na poroge III tysyacheletiya* [The Kets on the threshold of the 3rd millennium]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
2. Krivosnogov, V.P. (2003) *Kety: Desyat' let spustya (1991–2001)* [The Kets: Ten years later (1991–2001)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
3. Krivosnogov, V.P. (1995) *Sovremennye etnicheskie protsessy u surgutikhinskikh i pakulikhinskikh ketov* [Modern ethnic processes of the Surgutikha and Pakulikha Kets]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Narody Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Peoples of Siberia and neighboring regions]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Krivosnogov, V.P. (1999) *Etnicheskie protsessy u ketov* [Ethnic processes of the Kets]. In: *Rossiia: Issledovaniya po sotsial'no-politicheskoy istorii, istoriografii i demografii* [Russia: Studies in the social and political history, historiography and demographics]. Krasnoyarsk: [s.n.].
5. Alekseenko, E.A. (1970) *Etnicheskie protsessy na Turukhanskom Severe* [Ethnic processes in the Turukhansk North]. In: Gurvich, I.S. & Dolgikh, B.O. (eds) *Preobrazovaniya v khozyaystve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* [Transformations in the economy and culture, and ethnic processes in the North]. Moscow: Nauka.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(571)

DOI 10.17223/19988613/44/22

Е.А. Крестьянников

РЕЦЕНЗИЯ : КОНОНЕНКО А.А. ТЮМЕНЬ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ В 1900–1917 гг. ТЮМЕНЬ : ИД «ТИТУЛ», 2014. 132 с.: 4 ил.

Книга тюменского историка А.А. Кононенко, не новичка в занятии городоведческой тематикой, посвящена бурно развивающемуся и выходящему в начале XX в. по некоторым показателям на передовые позиции в Тобольской губернии и Сибири городу. Автор, замечая, что «Россия вообще страна парадоксов, уездный провинциальный город Тюмень – тем более» (С. 12), выбрал предметом рассмотрения вопросы, которые, на его взгляд, наиболее отражают противоречия городской жизни в эпоху чрезвычайно мощных толчков модернизации и развертывания революционного процесса.

Без претензий на академическую изысканность монография доступным языком рассказывает о том, что происходило в городе ежедневно: от щелканья семечек в тюменских подворотнях и способах забоя скота в пригородах до участия горожан в самоуправлении, позже – в разворачивавшейся борьбе за власть и их политической ориентации. Написанную в духе скорее знаменитого сибиряка П.М. Головачева, до революции вскрывавшего общественные недуги Тюмени [1. С. 64–73], книгу отличает «многожанровость». Здесь читатель встретит персоналии городских голов, свободные рассуждения историка о важных теоретических и понятийных проблемах (например, кто такие «гражданин» и «верноподданный»), исторические параллели с современностью.

Первая глава – «Бойкий торгово-промышленный центр Тобольской губернии» – освещает регулярные занятия горожан, их духовность, нравственность и гражданственность, развитие которых, безусловно, во многом определялось экономическим ростом. На 1904 г. по стоимости продукции, производимой городскими фабриками и заводами, Тюмень со значительным отрывом от других городов лидировала в Сибири (5 500 тыс. руб. ежегодно против идущего на втором месте Томска – 3 162 тыс. руб.) [2. С. 0421], что может объясняться, как у А.А. Кононенко, особенной ментальностью тюменцев, духом стяжательства, свойственным «культурному коду города» (С. 57).

Этические свойства и гражданская позиция тюменцев на фоне материального благополучия некоторых из них нашли единое воплощение в развитии благотворительности, распространении занимающихся «вспомоществованием» обществ. Рассуждая о тюмен-

ских меценатах и их пожертвованиях начала XX в., автор пытается ответить на несправедливый вопрос об источниках российской филантропии. Наряду с религиозностью купцов, понимавших, что «на том свете карманов нет, и все с собой не унесешь», углублявшейся социальной дифференциацией в городе, связанной с притоком деревенского населения и пауперизации части горожан, она была вызвана спецификой цивилизационного процесса в городском социуме, формирующейся в модернизационном потоке особенной ментальности: «Укрепление авторитета городской думы стимулировало возникновение в психологии горожан такого компонента гражданственности, как желание решать проблемы беднейшего слоя городского населения» (С. 71–72).

Вторая глава посвящена общественным и политическим проблемам, обострившимся «на излете Российской империи» (такое название имеет эта глава), в частности криминальной обстановке, взору из провинции на переживаемые страной потрясения. На уровне иногда тюменских пересудов, происшествий бытового характера автор показывает порой кажущееся чересчур размеренным течение городской жизни на фоне социальных взрывов и определяющих будущее страны катаклизмов. В Тюмени заговорили о терроре в связи с убийством в 1901 г. министра просвещения Н.П. Боголепова (С. 75), когда началась мировая война, горожан больше озадачивали последствия весеннего наводнения 1914 г. (С. 96), когда в столице Николай II отказывался от престола, словно тоже ничего не нарушало спокойствия тюменцев (С. 107).

Между тем книга А.А. Кононенко не ограничена канонами традиционного исторического исследования. Превосходно знающий литературу и источники по теме, историк примеряет взгляд на науку как занятие отнюдь не одиноких ученых пилигримов, нередко совершенно оторванное от жизни и развивающееся самостоятельно. Являясь, безусловно, существенным вкладом в современную историографию, работа пронизана авторскими пристрастиями и стремлением сделать академические достижения интересными читающей публике. «Для широкого круга читателей» – то, что зачастую формально анонсируется по заведенному обычаю, в полной мере и по делу относится к рассмотренному труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головачёв П.М. Тюмень как гнездо народного невежества // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус. Антология Тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004.
2. Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 0421.

Krestyannikov Evgeniy A. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

REVIEW: KONONENKO A.A. TYUMEN TURN OF THE CENTURY: THE CITY AND ITS INHABITANTS IN 1900–1917. TYUMEN: PUBLISHING HOUSE «TITLE», 2014. 132 p.: 4 ill.

REFERENCES

1. Golovachev, P.M. (2004) Tyumen' kak gnezdo narodnogo nevezhestva [Tyumen as a nest of national ignorance]. In: Mandryka, Yu. (ed.) *Tobol'skie gubernskie vedomosti. Redaktorskiy korpus. Antologiya Tobol'skoy zhurnalistiki kontsa XIX – nachala XX v. Tyumen'* [Tobolsk Provincial Gazette. Editorial. An Anthology of Tobolsk journalism in the late 19th – early 20th century]. Tyumen: Mandr i Ka.
2. Ministry of Internal Affairs. (1906) *Goroda Rossii v 1904 g.* [Russian cities in 1904]. St. Petersburg: Nyrkin.

УДК 94(571)
DOI 10.17223/19988613/44/23

М.К. Чуркин

**РЕЦЕНЗИЯ : ЗАПОРОЖЧЕНКО Г.М. ГОРОДСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ
В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.: ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ И ОПЫТ ГРАЖДАНСКОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ / ОТВ. РЕД. А.А. НИКОЛАЕВ ; ИН-Т ИСТОРИИ СИБ. ОТД-НИЯ
РОС. АКАД. НАУК. НОВОСИБИРСК : СИБПРИНТ, 2015. 540 с.**

Обращение Г.М. Запорожченко к теме кооперативного движения и, в частности, организации и моделям функционирования городской потребительской кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода достаточно рельефно характеризует состояние современной историографической ситуации. Очевидно, что в настоящий момент историческая наука пребывает в фазе переопределения предмета и методологических подходов к исследованию прошлого, что сопровождается расширением и усложнением тематического спектра и проблемного поля исследовательской деятельности историка, привлечением новых научно-исследовательских практик.

В данном отношении рецензируемая монография Г.М. Запорожченко в полной мере вписывается в контекст новой историографической ситуации, что определяет актуальность избранной научной проблематики.

Во-первых, форсированная модернизация в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., сопровождавшаяся высокой степенью концентрации капитала и производства, актуализировала активное вмешательство государственных структур в сферу экономических и, как следствие, общественных отношений. Таким образом, через обращение к проблеме институционализации городской потребительской кооперации у историка появляется возможность смещения акцентов в исследовании вопроса от сугубо экономических оценок процесса к социокультурной рефлексии взаимоотношений государства и общества. По определению Г.М. Запорожченко, в условиях монархической государственности потребительские кооперативы руководствовались принципами демократизма и общедоступности, тем самым выполняя функцию гражданского союза, занимавшего промежуточное положение между обществом, с одной стороны, и государством – с другой. В результате такой диспозиции в фокусе внимания исследователя оказываются коммуникативные связи, в том числе и те субъективные факторы, которые создают социальную атмосферу в отношениях между людьми и, в конечном итоге, формируют пространство культурного измерения исторического процесса.

Во-вторых, концессионная форма организации потребительской кооперации в России и регионах наглядно демонстрирует включенность имперских структур в социально-политические и экономические

процессы. В данной связи проблема, избранная автором, вписывается в концептуальные рамки проекта «новой истории империи» (Герасимов, Могильнер, Ремнёв и др.) не только потому, что кооперация в условиях освоения восточных окраин являлась важным инструментом имперской политики, но и вследствие наличия региональной специфики. Кооперативное движение в Сибири рефлексировалось в имперском дискурсе как одно из проявлений сибирской региональной идентичности. Всё это, в конечном счёте, способствовало ускоренному формированию гражданского общества на окраинах страны, существенной коррекции представлений имперских властей о цели и задачах колонизации, видоизменению практик имперской инкорпорации Сибири в общегосударственный конструкт.

Г.М. Запорожченко удалось чётко обозначить интеллектуальный ландшафт проекта, зафиксировав историографический опыт рефлексии научной проблемы. Это позволило автору выявить лакуны в изучении вопроса, наметив собственный оригинальный вектор исследования: становление городской потребительской кооперации Сибири в контекстных обстоятельствах модернизации и формирования гражданского общества. Автор монографии достоверность полученных результатов подтверждает широким кругом разноплановых источников, аккомодированных в исследовательский контекст. Привлечение к работе текстов нормативно-правового, справочно-статистического характера, в сочетании с документами официального делопроизводства, материалами периодической печати и фрагментарно эго-источниками, предоставило автору благоприятную возможность сфокусировать внимание на экономических аспектах существования потребительской кооперации Сибири и реконструировать модели функционирования института городской кооперации в социокультурных параметрах региона.

Следует отметить высокий уровень научной новизны исследования. Г.М. Запорожченко осуществлено самостоятельное оригинальное научное исследование, в котором представлены всесторонние оценки процесса генезиса, институционализации и развития городской потребительской кооперации Сибири на рубеже XIX – начала XX в. Элементы научной новизны монографии в значительной степени усилены функциональным ме-

тодологическим инструментарием, посредством обращения к принципам и подходам, разработанным в предметном пространстве формационной, цивилизационной и модернизационной научно-исследовательских парадигм. Авторским новаторством, безусловно, можно считать разработку модели функционирования потребительской кооперации в городском континууме Сибири. Необходимо добавить, что широкоформатное осмысление деятельности потребительских кооперативов Сибири в условиях модернизации и бурного развития государственного капитализма открывает известные перспективы для корректировки традиционного взгляда на регион как исключительно экономическую колонию Российской империи, в силу исторических обстоятельств обделённую атрибутами начал гражданственности.

В теоретическом плане монография Г.М. Запороженко вносит значительный вклад в осмысление имманентных характеристик кооперативного движения вообще и городской потребительской кооперации в частности. Автору удалось реконструировать модель функционирования потребительской кооперации с учётом присущих ей самоорганизующих характеристик. Тем самым были наглядно продемонстрированы культурсоставляющие элементы и культуртрегерские возможности кооперации в плане организации социокультурного пространства города и региона, установления каналов социальной коммуникации и собственно коммуникативных контактов. Важным теоретическим выводом следует признать авторский тезис о применимости к изучению конкретно-исторических задач концепта «гражданское общество», что реализовалось не только в подтверждении теории Манфреда Хильдмайера о широком распространении в дореволюционной России идеалов гражданского общества, но и реальных признаках такового в кооперативной среде Сибири.

Наряду с отмеченными достоинствами работы имеет смысл остановиться на некоторых недоработках и полемических моментах исследования, отметив при этом, что сочинение Г.М. Запороженко располагает к дискуссии.

Стоит обратить внимание на важное обстоятельство, сообразно с которым научная монография является цельным произведением, связанным единым интеллектуальным ландшафтом с присущим ему методологическим разнообразием. В данной связи конструирование исследовательского пространства работы вокруг исключительно формационного, цивилизационного и модернизационного подходов представляется серьёзно сужающим предметное поле исследования. Совершенно очевидно, что в основной части монографии автор, размышляя о процессах становления и развития городской потребительской кооперации в Сибири, неизбежно выходит на проблемы имперского участия в организации кооперативного дела, включения широкого круга акторов в обсуждение данной проблемы, выработки

практических решений в вопросе кооперативного строительства, определения роли и места городских кооперативов в имперском проекте колонизации.

Апелляции к наработкам и исследовательским практикам «новой истории империи», на наш взгляд, могли удачно соотнестись с подходами, апробированными адептами «новой локальной истории». Тем более что в монографии отчётливо вырисовываются контуры кооперации как локального сообщества с явными признаками социальной и гражданской идентичности. Это важно, потому что концепт «локальное сообщество» выносит в центр внимания сферу общественной самоорганизации и ставит вопрос, в какой степени и благодаря каким практикам и механизмам конституировался вне привычных стратификационных категорий сословий и класса самоорганизующийся общественный ансамбль.

В данном отношении существенным является и то, что гражданская идентичность, которая в кооперативной среде в силу её демократического формата формировалась наиболее интенсивно, обладает отличительным признаком «проявляться» в языке. Увы, но работа Г.М. Запороженко в большей мере оказалась сориентирована в направлении вскрытия деятельностного аспекта функционирования городской потребительской кооперации. Примечательно, что в преамбуле к разделу «Обзор источников» эго-материалы вообще не упомянуты как вид (С. 53). Между тем в заключительной части данного фрагмента неожиданным образом появляются записки деятелей кооперации Н.А. Рожкова, А.А. Байкалова и др. (С. 56), не удостоенные тщательного разбора и анализа. Фактическое привлечение источников мемуарного характера позволило бы автору вести речь не только и не столько об экономическом эффекте кооперации, но и о формировании коммуникативного пространства кооперативного движения и, как следствие, кооперативной идентичности как части идентичности гражданской, ответить на вопрос, насколько «молчаливой» или, напротив, «говорящей» являлась категория кооператоров.

По мнению рецензента, в монографии остался нерешённым целый ряд вопросов, что вряд ли можно поставить в вину автору (нельзя объять необъятное). Более того, наличие таковых свидетельствует о достаточно мощном научном потенциале работы и её дальнейших перспективах. Выделим наиболее существенные:

1. Вне поля зрения Г.М. Запороженко оказались этнические и конфессиональные аспекты функционирования городских потребительских кооперативов. Каким образом национальные и конфессиональные группы, включённые в канву кооперативного дела в городах, определяли характер деятельности данного института вообще, а также в относительно спокойные периоды и годы социальных потрясений? Насколько комфортно ощущали себя представители этих групп в условиях концессионных принципов организации кооперативного движения и т.д.?

2. За кадром осталась проблема специфики сибирского города. Автор представила детальную характеристику облика городов, при этом достаточно слабо обоснованным остаётся вопрос о новом качестве городов региона в связи с колонизационной программой имперских властей. Именно крупные сибирские города оказывались в эпицентре политики колонизации, здесь сосредотачивались профессиональные научные и образовательные кадры, проводились работы по подготовке и проведению экспертиз территорий освоения (см. деятельность Западносибирского отдела Императорского Русского географического общества в г. Омске), тем самым оформлялась особая социокультурная среда, являвшаяся вполне благоприятной для становления

городской потребительской кооперации родчельского типа.

Подводя итоги, отметим, что высказанные замечания носят принципиальный и рекомендательный характер, не отменяют высокого качества, своевременности и научной актуальности монографии, поскольку в ней представлены способы решения важных задач, направленных на выявление факторов и условий институционализации и функционирования городской потребительской кооперации в Сибири в контексте модернизационных процессов конца XIX – начала XX в., что крайне существенно для приращения новых научных знаний в сфере экономической и социокультурной истории.

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

REVIEW : ZAPOROZHCHENKO G.M. OF URBAN CONSUMER COOPERATION IN SIBERIA IN THE EARLY XXTH CENTURY: THE SEARCH FOR IDENTITI AND THE EXPERIENCE OF CIVIL SELF-GOVERNMENT / ED. BY. A.A. NIKOLAEV ; INSTITUTE OF HISTORY OF SIBIRIAN BRANCH OF RAS. NOVOSIBIRSK : SIBPRINT, 2015. 540 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КОЛЕСОВА Ольга Владимировна, руководитель лаборатории сравнительных исследований в исторической урбанистике Томского государственного университета. E-mail: kolesova@list.ru

БАКШТ Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Научно-исследовательского отдела Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, магистрант юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: baksht@mail.ru

БЕЗРОДНЫЙ Константин Эдуардович, заместитель руководителя филиала Военно-исторического общества в г. Омске. E-mail: rzev42@mail.ru

БЕЛОВ Владислав Борисович, кандидат экономических наук, заместитель генерального директора Центра германских исследований Института Европы РАН (г. Москва). E-mail: vladisbelov@yandex.ru

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: venariy@ngs.ru

ВАКУЛЕВ Сергей Александрович, магистрант второго курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: vakulevs@gmail.ru

ДАШИНАМЖИЛОВ Одон Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: odon@bk.ru

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН (г. Москва), доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: ns_inafr@mail.ru

ИВАНОВ Александр Геннадьевич, заместитель руководителя филиала Военно-исторического общества в г. Омске. E-mail: cba1010@mail.ru

КОРЕНИЮК Валентина Михайловна, учитель истории средней общеобразовательной школы № 9 г. Перми. E-mail: loskina_tina@mail.ru

КОРНОУХОВА Гадила Гизатуллаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: kornouh@mail.ru

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КРИВОНОГОВ Виктор Павлович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: victor950@yandex.ru

ЛЫГДЕНОВА Виктория Васильевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

МАКУТЧЕВ Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. E-mail: mackutcheve@mail.ru

МИТЬКО Олег Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии, заведующий сектором археологии Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: omitis@gf.nsu.ru

МИТЮРЁВА Дарья Сергеевна, ассистент кафедры Новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета. E-mail: dmiturova@yandex.ru

МОРОЗОВ Станислав Вацлавович, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и философии Новокузнецкого института-филиала Кемеровского государственного университета. E-mail: stan.morozov@nbikemsu.ru

НИКОЛАЕВА Татьяна Александровна, инженер-исследователь Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: golubceva@bk.ru

ОПЛАКАНСКАЯ Рената Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Новосибирского государственного университета. E-mail: oplakanska@mail.ru

ПОМОРИНА Инна Вячеславовна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики университета Бат Спа (Бат, Великобритания). E-mail: i.pomorina@bathspa.ac.uk

ПРОЦЕНКО Антон Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа). E-mail: anton.procenko@mail.ru

РОЩУПКИН Алексей Юрьевич, аспирант кафедры российской истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. E-mail: alex.roschupkin@rambler.ru

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

САТАЕВ Роберт Мидхатович, кандидат биологических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая (г. Москва), научный сотрудник Лаборатории биоархеологии, палеоантропологии и исторической

экологии человека Института исторического и правового образования Башкирского государственного университета им. М. Акмуллы (г. Уфа). E-mail: rob-sataev@mail.ru

СТОЛЕТОВА Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

СУСЛОВ Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: absuslov@gmail.com

ТЕКЕЕВА Лариса Кичиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (г. Карачаевск). E-mail: lar-tek@yandex.ru

ЦЫДЕНОВА Дарима Цыденовна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: ruta22@rambler.ru

ЧЕХА Андрей Михайлович, младший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

ЧЕХА Анна Николаевна, аспирантка отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: Cheha.anna@yandex.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШЕРЕМЕТЬЕВА Дарья Леонидовна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: dalas83@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2016 № 6 (44)

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 19.12.2016 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 250 экз. Заказ № 2295. Цена свободная.

Дата выхода в свет 30.12.2016 г.

Редактор – К.В. Полькина

Корректор – Ю.П. Готфрид

Оригинал-макет К.В. Полькиной

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Скок

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет»,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru